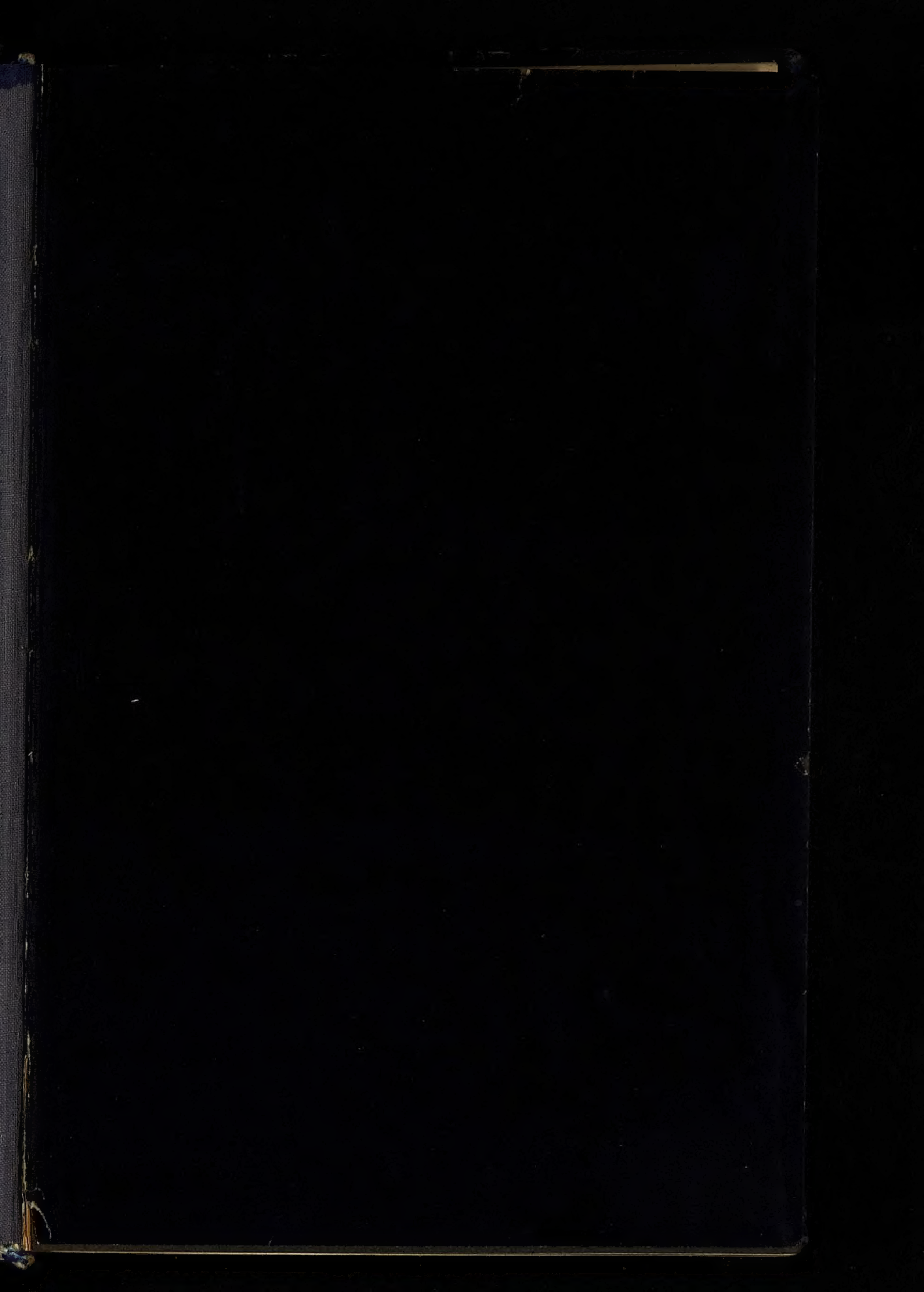

Г. ЗИНОВЬЕВ

СОЧИНЕНИЯ

ИЗ ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИЗМА

ТОМ I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТ-ВО
МОСКВА-ПЕТРОГРАД-1923

Г. ЗИНОВЬЕВ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ I

ИЗ ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИЗМА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . 1923 . . ПЕТРОГРАД

Г з № 4473. Петрооблит. № 9532. Отп. 10.000 экз.

*Первый том собрания моих сочинений
с любовью посвящаю*

***ПЕТРОГРАДСКОМУ КОМИТЕТУ
НАШЕЙ ПАРТИИ,***

— той организации, которую в течение десятилетий выковал себе изумительный петроградский пролетариат;

— той организации, под руководством которой политически сформировались десятки и десятки тысяч лучших рабочих, из которых одни пали в первых рядах в битвах за пролетарскую диктатуру, а другие и сейчас являются лучшими вождями рабоче-крестьянской страны, разбросанные по всем углам нашего Союза Социалистических Советских Республик;

— той организации, в рядах которой выпало на долю великое счастье работать многие годы и автору этих строк, так много обязанному геройским рабочим Петрограда.

Г. Зиновьев.

*Петроград,
23 октября 1923 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Первый том издаваемых, по постановлению редакционной коллегии Госиздата, наших сочинений мы озаглавливаем — «*Из истории большевизма*».

Если не считать пред-истории большевизма — наиболее ранние сочинения В. И. Ленина («Задачи русской с.-д.»), некоторые работы Г. В. Плеханова, старая «Искра» и, в частности, ее борьба с экономизмом — то можно сказать, что большевизм, как широкое политическое направление, родился почти накануне революции 1905 года. Второй съезд партии, происходивший летом 1903 года, заканчивался под могучий гул революционного стачечного движения, разливавшегося все более бурно по всей России. Первое боевое крещение большевизм получил в ходе первой русской революции 1905 года.

Но затем наступило испытание еще более решающее. Революция 1905 года была раздавлена, рабочий класс отброшен назад. Темп политической жизни замедлился. Воцарилось спокойствие кладбища. Маловерие и ренегатство стали бытовым явлением. Ржавчина буржуазной идеологии коснулась и рабочих рядов.

Выдержит ли большевизм *это* испытание, устоит ли он под огнем *контр*-революции — этот вопрос решался примерно в течение пятилетия 1906/7 — 1911/12 г.г. Собранные в настоящем томе работы написаны большею частью именно в этот период. Они

в некоторой степени помогут, мы надеемся, читателю разобраться в том, *как* большевики боролись за партию и за революцию в самые трудные переломные годы русской истории после 1905 года.

— Что нового сказал большевизм в области политической идеологии? Какие новые пути открыл большевизм для международного социализма? В чем заключается открытие, сделанное В. И. Лениным?

Если бы мы должны были ответить на этот вопрос в нескольких словах, мы сказали бы:

1. Большевизм первый в истории мировой классовой борьбы принял всерьез идею гегемонии пролетариата, поставив на практические рельсы то, что Маркс и Энгельс провидели лишь теоретически.

2. Именно потому, что большевизм поставил вопрос о диктатуре пролетариата как *практический* вопрос дня, он первый в истории международного социализма стал серьезно *искать союзника* для пролетариата.

3. — И здесь главная заслуга большевизма — он *нашел* этого союзника в лице *крестьянства.*

4. В этом смысле можно сказать, что большевизм «открыл» роль крестьянства, как той силы, при завоевании которой на свою сторону только и становится возможным для пролетариата сыграть свою великую освободительную роль в мировой революции.

Проследите важнейшие моменты в истории большевизма, начиная от первой наиболее важной актуально-политической платформы большевизма 1904—5 г.г. (брошюра В. И. Ленина «Две тактики», поставившая ребром вопрос о «революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства») и до идеи «смычки» рабочих и крестьян, играющей такую громадную роль в наши дни через двадцать лет после того, как сло-

жился большевизм, — и вы убедитесь, что решающее слово большевизма сказано именно в вышеуказанной области.

В вопросе о взаимоотношениях между пролетариатом и крестьянством Маркс и Энгельс дали и могли дать лишь самое общее. Облечь плотью и кровью эти общие формулы Маркса и Энгельса выпало на долю большевизма. Построить политическую тактику пролетариата так, чтобы при максимуме формального «равноправия» пролетариата и крестьянства суметь на деле повести крестьянство *за* пролетариатом и как бы «заставить» крестьянство сыграть роль «сырого материала» для пролетариата, выполняющего свою великую историческую миссию — такова теорема, которую удалось разрешить большевизму. И в сущности, сейчас уже совершенно ясно, что важнейшие проблемы пролетарской революции и в международном масштабе ныне сводятся — в различных вариантах — к тому же, к чему свелась эта задача в России, во время последних двух решающих десятилетий. Тактика большевизма будет интернационализироваться и универсализироваться больше всего именно в области взаимоотношений пролетариата и крестьянства.

Отношение пролетариата к крестьянству — вот основной нерв большевизма. Кто хочет понять большевизм, кто искренно хочет стать большевиком, тот прежде всего должен изучить большевизм в этой области, тот должен понять, что именно этим определяется сущность большевизма.

Мы не хотим этим сказать, что большевизм *сразу* дал готовую и законченную тактическую формулу взаимоотношений пролетариата и крестьянства. От лозунга «диктатура пролетариата и крестьянства», впервые формулированного В. И. Лениным в 1904—5 г.г.,

до лозунга «рабоче-крестьянское правительство», осуществленного в России и провозглашенного ныне международным коммунизмом для всего Коминтерна, прошло два десятилетия, полных глубочайшего политического содержания. Но что безусловно дал большевизм уже в самом начале своего политического существования, это — правильный *подход* к разрешению этой, господствующей над всеми остальными, политической проблемы. В этом заключался, если можно так выразиться, первый крик большевизма.

В вопросе об оценке роли крестьянства большевизм развивался в высокой степени ограниченно. В 1905 году большевизм смотрел на крестьянство лишь как на возможного «временного союзника» пролетариата в буржуазно-демократической революции. Крестьянство должно было помочь пролетариату в корне покончить с царским самодержавием, «по-плебейски» разрешить аграрный вопрос, порвать путы, сковывавшие развитие производительных сил России, и вывести ее на путь свободной классовой борьбы в рамках демократической республики, которая, в свою очередь, должна была стать ареной борьбы пролетариата за социализм. В 1917 году большевизм отводит крестьянству уже гораздо большую роль, в соответствии с тем, что и все общественное развитие поднялось на гораздо более высокую ступень, и основной класс — пролетариат — подошел уже непосредственно к социалистическому перевороту.

— Но если так, — заметит нам иной читатель, — то не были ли правы в 1905 году сторонники теории «перманентной революции» против большевиков?

Нисколько!

Теория «перманентной революции» (ее творцами были, как известно, Парвус и тов. Троцкий, стоявшие

в то время на левом крыле меньшевизма) *перепрыгивала* через крестьянство. Она не видела громадной, во многих отношениях решающей роли крестьянства в такой стране, как Россия — да и не только Россия. Ничего не могло бы быть вредней для судеб большевизма и на нынешней стадии его развития, как повторение ошибочных сторон этой теории. Кто вздумал бы и сейчас в какой бы то ни было степени «перепрыгивать», хотя бы в нынешней новой обстановке, через крестьянство, тот неизбежно сломал бы себе ногу, а то и голову.

Да, в 1905 году большевизм исходил из того, что предстоящая революция будет только буржуазно-демократической революцией. Даже еще в 1916 году (см. известные тезисы Ц. О. нашей партии, перепечатанные в сборнике «Против течения») большевизм продолжал еще в значительной мере исходить из той же перспективы. А в 1917 году, после февральской революции, большевизмом совершон был крутой переход к идее непосредственного *социалистического* переворота. Трудности перехода были велики. С этими трудностями были связаны и большие ошибки, в частности, и ошибки, сделанные пишущим эти строки осенью 1917 года. Но лишь фразеры и верхогляды могли бы предположить, что этот переход совершон был «вдруг» и что этот переход является доказательством того, что большевизм был не прав в 1905 году. Кто стал бы судить таким образом, тот забыл бы малое: что между 1905 и 1917 годами лежит переломное десятилетие, имеющее решающее значение для всей политики международного пролетариата. Тот забыл бы, что в течение этих 12 лет произошли два следующих «маленьких» события: первое — мировая империалистская война, тянувшаяся четыре года, вско-

лыхнувшая до дна не только всю Россию, но и всю Европу, стоившая десятков миллионов человеческих жертв и приблизившая мировую буржуазию к исторической гибели со скоростью первоклассного курьерского локомотива; и второе — в феврале 1917 года пал царизм, в течение десятилетий и десятилетий стоявший главным препятствием на пути какого бы то ни было освободительного движения не только в России, но и во всем мире. Царизм пал — уже февральская революция, стоявшая в тесной связи с мировой войной, подняла такие глубокие народные пласты (и больше всего крестьянство, ибо армия была крестьянской), что городской пролетариат смог сразу поставить себе гораздо более далеко идущие задачи.

Большевизм и в 1905 и в 1917 годах брал русское крестьянство таким, как оно было. Большевизм не перепрыгивал через крестьянство ни в 1905, ни в 1917 г.г. И в этом была его великая «земляная» сила, давшая ему неисчерпаемую мощь. Кто вздумал бы в 1905 году ставить русскому крестьянству те задачи, которые можно было ему поставить только в 1917 году, *после* мировой империалистской войны и *после* февральской революции, тот был бы Дон-Кихотом.

Разве можно сравнить, например, даже французского крестьянина эпохи *до* мировой войны и эпохи *после* нее? Даже французский крестьянин после войны 1914 — 1918 г.г. — это во многих отношениях совершенно новый человек. Выдвигать лозунг «рабоче-крестьянское правительство» во Франции, скажем, в 1910 году было бы пустышкой. А в 1923 году это является серьезнейшим революционным делом. А ведь французский крестьянин не пережил и в сотой части такого перелома, который пережил русский крестьянин между 1905 и 1917 годами — по той про-

стой причине, что буржуазная аграрная революция во Франции произошла уже в незапамятные времена, и что земельный вопрос во Франции не мог в 1914 — 1918 г.г. сыграть такую роль, как в России.

Вот почему большевизм был прав *и* в 1905 *и* в 1917 годах. Вот почему его органическое развитие в коренном вопросе о взаимоотношении пролетариата и крестьянства привело его к правильной тактике «смычки», которая в 1923 г. проводится в обусловленной конкретными обстоятельствами обстановке, но которая будет правильной и в 1933 году, — разумеется, с соответствующими изменениями, которые вытекут из хода развития.

Основой всех коренных разногласий между большевизмом и враждебными ему течениями и был вопрос о крестьянстве. На этом фоне и развивались главные разногласия. Меньшевизм держал курс на так называемую «общенациональную оппозицию». Крестьянство, в виду низкой ступени его культурности, считалось меньшевизмом неспособным на историческое действие вообще. Меньшевистская оценка крестьянства была в основе своей глубоко контр-революционной и *барской.*

— Пролетариат разбит в боях 1905 года надолго. Крестьянство спит беспробудным сном. Из этой оценки меньшевизм делал глубоко пессимистический вывод относительно возможности новой революции вообще и, ставя крест на революционных перспективах, видел главную задачу в том, чтобы устраиваться в рамках Столыпинской легальности и создавать настоящую «европейскую» социал-демократическую партию. «От нее все качества». От контр-революционной оценки роли крестьянства проистекало все остальное.

Если бы пролетариат в 1905 году победил, меньшевики могли бы на время остаться с ним. Победителя не

судят. Но — пролетариат был побежден. А с побежденным не охотно связывают свою судьбу. Так мыслили и чувствовали многие меньшевистско - социал - демократические надпартийные и беспартийные группы интеллигенции. В 1905 году, в момент, когда успехи революционного пролетариата достигали кульминационного пункта, вся эта интеллигенция, вплоть до Н. Минского и Тэффи, вплоть до Кусковой и богатых инженеров из Союза Союзов, льнула к пролетариату. Но когда пролетариат был разбит в первых боях, эти господа сразу же решили, что звезда рабочего класса закатилась навсегда. Наперегонки отрекались все эти интеллигентские, с позволения сказать, революционеры от освободительного движения пролетариата. Народ — «фефела» проиграл революцию, — распни же его! И вместе с тем — не забудь подыскать хозяина поласковее в лагере буржуазии!

Начинается массовый уход интеллигенции из партии и из революционного движения вообще. Превозносить беспартийность и лягать партию становится признаком хорошего тона. Идея беспартийного «рабочего» съезда, выдвинутая против нелегальной революционной партии, объективно имела контр-революционный характер.

Внутри партии, сначала под видом споров по организационным вопросам (эти организационные вопросы в настоящем томе занимают видное, место), в действительности начинается спор об основах программы и тактики. Первые расхождения между большевизмом и меньшевизмом в 1903 году вначале по внешности были только организационными спорами.

В 1908 году уже вполне определенно складывается ликвидаторское течение. Приехав в конце 1908 г. из Петрограда на всероссийскую партийную конференцию

в Париж для доклада от имени Ц. К., пишущий эти строки привез с собой новое словечко — «ликвидаторство». В Петрограде начало складываться это течение еще в начале 1908 года, если не в конце 1907 г. Но самый термин «ликвидаторство», мы живо вспоминаем это, впервые возник в средине 1908 года.

Внутри самой большевистской фракции начинается серьезнейшая борьба. Эпоха контр-революции породила «отзовизм» и даже такие махровые цветки, как пресловутое «богостроительство». Вначале и часть революционных рабочих-большевиков, из ненависти к оппортунистической тактике меньшевистского большинства думской фракции, поддерживала отзовизм. Отсюда и то, что первые наши статьи против отзовизма носили очень осторожный педагогический характер. И лишь впоследствии, когда А. Богданов и компания попытались, эксплоатируя настроение рабочих-большевиков, создать свою отзовистскую фракцию, мы переменили тон на более резкий. Победа отзовизма означала бы на деле гибель большевизма. То, чего так жаждали меньшевики — чтобы большевизм выродился в секту, чтобы мы перестали быть партией масс — это лучше всего достигалось отзовистской «тактикой». Лишь после того, как большевизм провел кампанию не только против ликвидаторства справа, но и против ликвидаторства «слева», т.-е. против отзовизма, который справедливо был охарактеризован нами, как «меньшевизм наизнанку», — большевизм окончательно закалился и доказал свое право на существование...

— Почему так много внимания уделяли мы тогда борьбе против примиренцев? Почему так усиленно били мы по «центру»? Ведь, в сущности говоря, все это были количественно очень небольшие группы, лишенные серьезного влияния в рабочем движении.

Разногласия с «центром», разумеется, были разногласиями производного характера. Коренные разногласия отделяли нас от *меньшевистского* лагеря. Но поскольку центровые группы примиренцев *поддерживали* ликвидаторский меньшевизм, повторяя его аргументы, и вместе с тем прихорашивали его, придавая ему внешним образом «оттенок» партийности, постольку примиренцы одно время были опаснее ликвидаторов. Помнится, покойная Роза Люксембург на вопрос о том, почему так много внимания уделяется ею и ее друзьями германскому с.-д. «центру», вместо того, чтобы бить прямо ревизионистов, отвечала, что если ревизионистов вообще еще стоит бить, то только бия центристов. Вот так сложилось дело и у нас. Откровенные идеи ликвидаторства слишком определенно пахли предательством и сразу отталкивали от себя революционных рабочих. Зато предательские идеи ликвидаторства, сдобренные идеей «единства» и принаряженные под «партийность», могли сбить и сбивали рабочих с толку гораздо больше.

В 1909 — 11 г.г. основное большевистское ядро пошло на сближение с Г. В. Плехановым. В Г. В. Плеханове в эти годы проснулся старый революционер. Он не мог примириться с ликвидаторством.

— «Мартов предлагает нам отказаться даже от заголовка партии, — писал нам как то Г. В. Плеханов, — за это Мартова следовало бы повесить»!

Ортодоксальных большевиков сблизила с Г. В. Плехановым еще и борьба против философского ревизионизма Богданова и К°. В первых наших попытках поставить легальную марксистскую печать в России (журнал «Мысль» в Москве, газета «Звезда» в Питере и т. д.) Г. В. Плеханов оказывал нам серьезную поддержку. К сожалению, когда началось новое

оживление в рабочем движении и заново встали крупнейшие проблемы революции, Плеханов вновь повернул на меньшевистские рельсы. А когда подошла война 1914 года, Плеханов перешел в лагерь социалшовинизма...

Основное большевистское ядро, возглавляемое тов. В. И. Лениным, собрало вокруг себя весь цвет русских рабочих и провело партию через все теснины и ущелья.

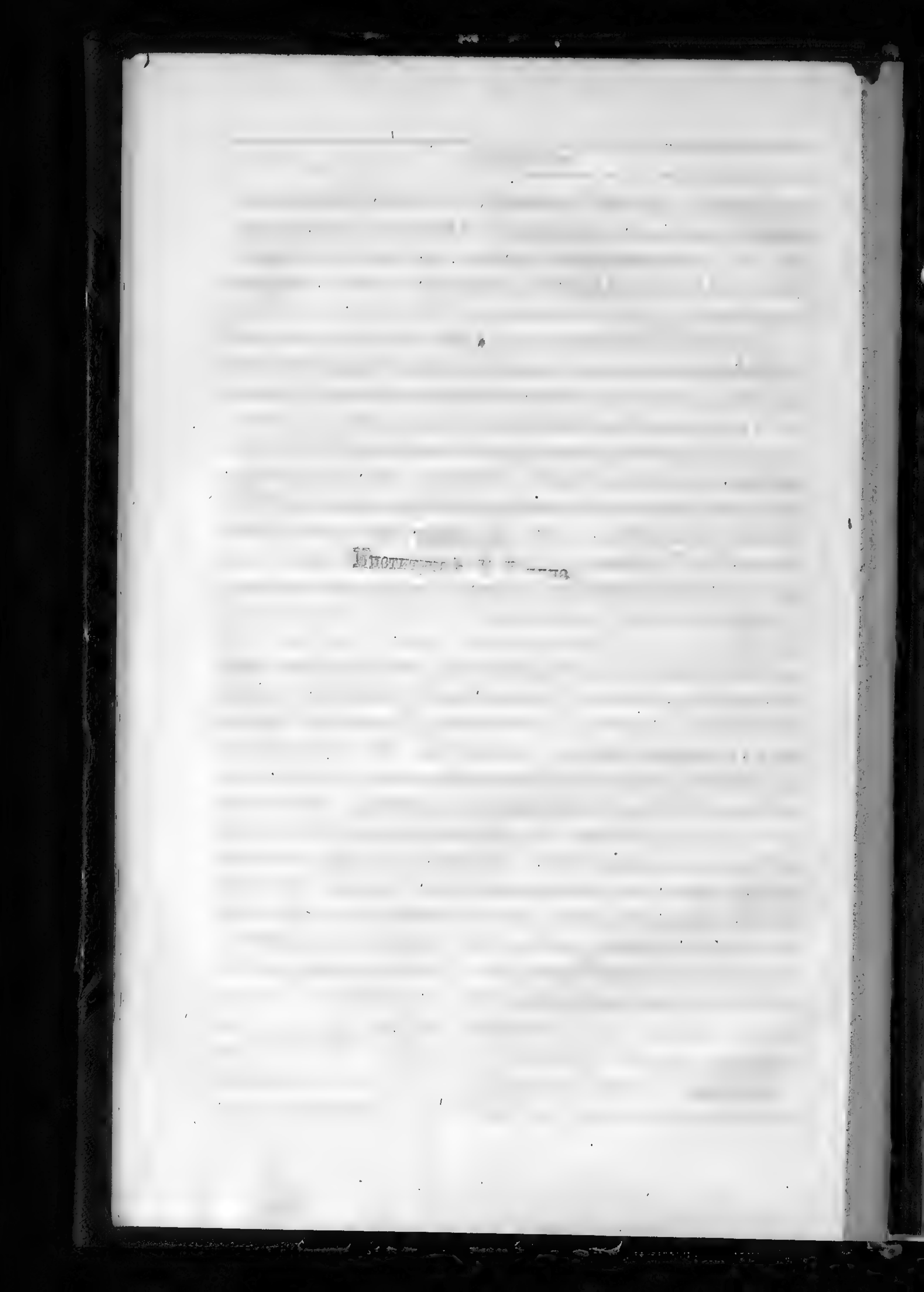
Громадное большинство, — если не все, — статей, очерков и брошюр, вошедших в настоящий том, подверглись редакции В. И. Ленина. Все эти работы были напечатаны в изданиях, редактировавшихся В. И. Нечего и говорить о том, как много автор этих работ обязан В. И. Ленину — в особенности, поскольку дело идет об этом решающем периоде борьбы за партию.

* * *

Мы выражаем здесь горячую товарищескую признательность членам Комиссии по изданию наших сочинений, созданной Госиздатом. Комиссией проделана громадная работа. Оказалось, что статьи были разбросаны почти в 150 периодических и непериодических, легальных и нелегальных изданиях. Громадная масса статей были не подписаны вовсе или подписаны случайными инициалами. Собрать все эти работы, разбросанные на протяжении более 15 лет, — труд не малый. Основной план всего издания, который читатель найдет в конце этого тома, разработан, главным образом, указанной Комиссией. Особенно горячую благодарность выражаем мы здесь тов. Белову, В. Ю.

Г. Зиновьев.

7 октября 1923.
Петроград.

ИЗ ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИЗМА.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1905 г.) [1].

I. Булыгинская Дума.

Булыгинская конституция была первым наиболее крупным политическим завоеванием рабочего класса в течение начавшегося революционного периода. Булыгинская Дума, как известно, должна была носить характер не законодательного собрания, а только совещательного. Выборы в нее имели произойти на основании самого недемократического избирательного закона. Рабочие, согласно этому закону, были лишены возможности иметь в ней свое сколько-нибудь соответствующее силе нашего рабочего класса представительство. В эту Думу мог, конечно, попасть тот или другой социал-демократ, рабочий класс в целом же был предумышленно и совершенно сознательно отрезан от думского представительства, вопреки тому, — а, может быть, *именно* потому, — что он явился главным борцом, заставившим самодержавное правительство пойти на эту уступку.

Рабочий класс боролся, он проливал свою кровь, принес на алтарь борьбы уже на этой стадии битвы неисчислимое количество жертв, воспользоваться же результатами этой борьбы, пожать лавры должна была крупная торгово-промышленная и либеральная земско-дворянская буржуазия... и эти слои буржуазии действительно собирались воспользоваться плодами рабочей борьбы. Все политические идеалы даже лучшей части нашей либеральной буржуазии не заходили дальше земского собора, в котором правящая роль должна принадлежать «культурным классам». Земско-либеральная оппозиция в своих органах (например, в ее руководящем заграничном органе «Освобождение», во главе которого стоял г. Петр Струве) совершенно открыто указывала на то, что только они, «сливки» русского общества, прошедшие школу земской работы, к счастью для России нако-

*

пили известный хозяйственно-политический опыт и что только им самим провидением предопределена роль хозяев нового строя русской жизни. И вполне естественно, что эти представители «культуры и прогресса» ухватились обеими рукама за Булыгинскую «конституцию», сулившую некоторые блага только для этих господ и старые цепи для миллионов русского пролетариата и крестьянства. Кликам ликования по поводу нового правового строя со стороны этих образованных слоев общества не было конца. Им даже в голову не приходил серьезный вопрос о том, воспользоваться ли брошенной самодержавием обглоданной «конституционной» костью, или, быть может, с негодованием швырнуть ее обратно в лицо самодержавным крепостникам и отказаться от участия в этой гнусной комедии карикатурного парламентаризма. Наши либеральные адвокаты и профессора ни на минуту не сомневались в том, что следует принять участие в выборах. Наиболее откровенные из них прямо говорили: самым желательным для нас является германский тип «ликвидации» абсолютизма, а отнюдь не французский. Мы не хотим кровавого восстания всего народа, которое могло бы кончиться разрушением культуры, мы хотим соглашения с «исторической властью», мы хотим «мирной революции». Другими словами: мы хотим полусвободы для народа и полной свободы капиталистической наживы, мы хотим сделки с историческими хранителями самодержавной «культуры», мы боимся, что без нашего союза с абсолютизмом рабочий да крестьянин добьются демократической республики, при которой рабочий класс подымет слишком высоко голову и сможет свободно сорганизоваться для решительной борьбы против нас, против самой системы наемного рабства... И либеральная буржуазия, трусливая и половинчатая по самой сущности своей, готова была осуществить «соглашение» с самодержавием на очень невыгодных, даже для самих буржуазных интересов, «Булыгинских» условиях.

II. Бойкот и срыв Булыгинской Думы.

Но полная готовность этих слоев буржуазии заключить с абсолютизмом мирный трактат и дележ власти разбилась о сопротивление рабочего класса, уже к тому моменту являвшегося главной организованной руководящей революционной силой. Между двух врагов народной свободы, открывших друг другу

объятия, чтобы общими силами задавить ее, бросился передовой отряд революционной армии — рабочий класс — и сорвал готовую уже совершиться сделку.

Идейным вождем рабочего класса в этот момент революционной эпопеи являлось революционное крыло нашей социал-демократической партии. Внутри нашей партии обнаружились значительные разногласия по этому поводу. Наше правое крыло склонялось к тому, что в выборах в бесправную Булыгинскую Думу следует принять участие, при чем лишенные избирательных прав рабочие должны передоверить защиту своих интересов тем буржуазным демократам, которые дадут рабочим торжественное обещание продолжать дальнейшую борьбу за полную свободу. С участием в выборах в Булыгинскую Думу эти наши товарищи связывали, конечно, совершенно иные надежды, нежели либералы, но ошибочная их позиция тем не менее угрожала очень вредными последствиями. Левое же крыло партии настаивало на том, что рабочий класс должен провозгласить бойкот этого мнимого парламента, продолжить свою непосредственно революционную борьбу против старого строя, призвать к этой борьбе все демократические элементы страны и не только не передоверять защиты народной свободы буржуазно-либеральной демократии, но вести против ее политики предательства самую решительную борьбу.

К счастью, победило это второе течение, и социал-демократия в общем отстаивала бойкот Булыгинской Думы. Рабочий класс продолжал свою борьбу. Еще с большей силой стала раскатываться мощная волна экономически-политических стачек, еще бурнее и грандиознее становились рабочие революционные манифестации, по всей стране собирались огромные рабочие митинги, которые ясно и решительно настаивали на необходимости бойкота Булыгинской Думы, по всей стране рабочие готовились в бой, ковали свои социал-демократические организации, заводили боевые дружины для непосредственно боевых целей, искали форм организации, могущих охватить весь рабочий класс, без различия партийных взглядов. Рабочая борьба кипела по всей России, во всех крупных промышленных центрах, во всех провинциальных городах, во всех многочисленных медвежьих углах нашей обширной страны. Рабочее море бурлило и каждый день, казалось, готово было выйти из берегов, чтобы затопить врагов свободы и всех половинчатых друзей ее. И на знамени

этой могучей и сплоченной одним желанием рабочей армии было начертано: «Долой бесправную Булыгинскую Думу, да здравствует Всенародное Учредительное Собрание!»

Изумительная героическая борьба рабочих привлекла на их сторону значительную часть городской мелко-буржуазной демократии — в платоническом сочувствии ее к рабочей борьбе в это время не могло быть сомнений. Крестьянская беднота в лице своей передовой части стала все ярче и сознательнее выражать свои симпатии рабочему авангарду революции. Сами массы крестьянские в лучшем для правительства случае сохраняли нейтралитет, в большей же своей части, движимые социальным инстинктом, тоже тянулись к рабочему правительству, и по крайней мере, для более дальновидной части правительственных кругов становилось ясно, что рабочего класса в данный момент и при данных обстоятельствах не усмирить при помощи Булыгинской конституции и тем более не замирить при посредстве ее. Предлагавшая на известных условиях свои услуги либеральная буржуазия в виду этого потеряла в глазах правительства значительную часть своей ценности. Сделка в этот момент была сочтена более дальновидной частью правительства бесполезной. Несколько охладевшее отношение со стороны правительства заставило буржуазию переметнуться влево и опять заговорить о «решительной» борьбе, о полновластном народном представительстве и т. д.

Правительство вновь оказывалось в значительной степени одиноким, и, под напором героической борьбы рабочих, пришлось вместо сделки подумать об уступке.

Булыгинская конституция бойкотировала рабочий класс, — она хотела лишить его избирательных прав в эту Думу. Рабочий класс сбойкотировал Булыгинскую Думу, увлекши за собой огромное большинство буржуазной демократии.

III. 1905 год. — Советы Рабочих Депутатов. — Вооруженное восстание в Москве. — Законодательная Дума.

Второй — еще более крупной — уступкой революционному народу с рабочим классом во главе был пресловутый манифест 17 (30) октября.

Рабочий класс развернул еще более решительную, еще более яркую, еще более массовую борьбу. В крупнейших промышлен-

ных городах возникли Советы Рабочих Депутатов. Социал-демократия, только что выглянувшая из подполья, не смогла еще включить в рамки своей организации всех вставших на борьбу рабочих. Организации социал-демократической партии до революции носили по необходимости узкий, конспиративный характер. Правда, уже с середины 1905 года, как только появилась малейшая объективная возможность, наша партия немедленно стала перестраивать организацию на началах широкого демократического централизма. Но за столь короткое время эту огромную работу завершить было нельзя. И этим объясняется то обстоятельство, что, при безраздельном, неоспоримом идейном влиянии социал-демократии в самых широких слоях рабочего класса, организационное ее влияние оказалось не столь велико, и понадобилась организация Советов Рабочих Депутатов, которые формально были беспартийны, но на деле состояли в огромном, подавляющем большинстве из рабочих социал-демократов и вели совершенно последовательно социал-демократическую политику *).

Стачечное движение рабочих, имевшее преимущественно политический характер, ширилось и росло не по дням, а по часам и закончилось великой октябрьской всеобщей забастовкой. Политическая и профессиональная организация рабочих в городах росла с баснословной быстротой. Черносотенно-правительственная реакция начинала мобилизовать контр-революционные силы, но в крупнейших промышленных центрах с большим рабочим населением она не осмеливалась делать наступательных шагов. Городская беднота стихийно тянулась к рабочему классу, как к самой крупной организованной политической силе. Рабочий стал героем дня. К нему льнула буржуазная демократия, его воспевали буржуазно-демократические поэты, на его борьбу против царизма втайне возлагала свои надежды либеральная буржуазия, его больше всего ненавидело и перед ним больше всего трепетало правительство. Социал-демократия и проводившие ее политику Советы

---

*) Достаточно указать, что в главном Совете Рабочих Депутатов г. С.-Петербурга из общего числа членов Совета около 300 человек рабочих не меньше 90% являлись социал-демократами. Президиум и все другие органы Совета состояли из с.-д. Еще более благоприятно было положение с.-д. в Московском Совете Рабочих Депутатов. Там с.-д. составляли чуть не 99% общего числа депутатов. Также безраздельно господствовала с.-д в Советах Рабочих Депутатов Одессы, Ростова, Харькова, Екатеринослава и других городов.

Рабочих Депутатов стали настоящими руководителями всего рабочего класса, а рабочий класс — настоящим вождем всей борющейся части нации. Социал-демократия и Советы Рабочих Депутатов выступали совершенно открыто. Борьба развертывалась по всему лицу России. У рабочих организаций искали защиты люди самых различных общественных положений. Мнение Советов Рабочих Депутатов оказывалось часто решающим по самым различным вопросам общественной жизни. Советы Рабочих Депутатов становились своего рода вторым правительством.

Формам борьбы и формам организации рабочих стали все больше подражать другие слои населения. Среди крестьян все больше рос и укреплялся Крестьянский Союз — организация, сравнительно свободная, не оформленная, но тем не менее имевшая очень большое значение. В армии брожение все увеличивалось. В нескольких местах России и, особенно на окраинах, образовывались Советы Солдатских Депутатов, Советы Матросских Депутатов и т. д. В огне борьбы сильно подвинулось вперед дело организационного строительства среди мелких служащих, почтово-телеграфных чиновников, торгово-промышленного наемного люда и т. д. И все это льнуло к Советам Рабочих Депутатов, все это отдавало себя под защиту этих Советов.

Советы Рабочих Депутатов бросали в массы политические лозунги социал-демократии. Они пропагандировали и те средства борьбы, которые российская с.-д. считала целесообразными и единственно могущими привести к цели при создавшихся условиях. Наша партия еще в самом начале революции выдвинула необходимость готовить политически и технически рабочий класс и все другие способные на решительную борьбу слои народа к вооруженному восстанию, как к единственной предпосылке полной победы над самодержавным режимом. Большинство нашей партии еще сравнительно задолго до октябрьских дней предвидело, что главным орудием рабочего класса в нашей революции будет синтез вооруженного восстания и всеобщей забастовки. К этим высшим формам борьбы русская с.-д. готовила рабочий класс долгой, неустанной, выдержанной работой. В рядах нашей партии не было сомнений насчет того, что наша революция не может быть социалистической, что она будет буржуазно-демократической. Но большинство нашей партии видело, что политическим вождем этой революции тем не менее может стать только рабочий класс. Наша

буржуазия, не взирая на буржуазный характер русской революции, не могла стать во главе революции. Ее самый страшный классовый враг — пролетариат — получил слишком большое значение в России, был слишком силен организованностью, сознательностью и классовой обособленностью, чтобы буржуазия могла хоть на минуту забыть о том, что сколько-нибудь широкая политическая свобода будет использована прежде всего рабочими для удесятерения своей классовой мощи, для борьбы за социализм. Видя на каждом шагу силу рабочего класса в России и учитывая, в свою очередь, опыт своих западно-европейских братьев, буржуазия должна была и в моменты самого высокого подъема помнить, что, только поделивши власть с абсолютизмом и дружественными ему слоями общества, она может обеспечить себе устойчивое положение, получить в руки огромную, вышколенную армию, всегда готовую потопить в крови социалистическое движение рабочих. Две враждебных друг другу души боролись в груди нашей буржуазии, и в лучшем для революции случае обе эти души друг друга нейтрализовали. В большинстве же случаев брало верх чувство беспокойства за прочность капиталистического рая и долговечность буржуазного господства.

В полном свержении абсолютизма, в искоренении всех остатков крепостничества, в осуществлении революционно-демократического аграрного переворота и связанной с ним широкой политической свободы не для верхушек нации, не для «избранных 10 тысяч», а для всей многомиллионной массы, — объективно было заинтересовано, кроме пролетариата, еще только крестьянство.

Полная победа революции была возможна только в результате совместной борьбы пролетариата и крестьянства против самодержавия и буржуазии, а не в союзе с буржуазией против самодержавия. И этот прогноз большинства нашей партии блестяще подтвердился на протяжении всей российской революции десятками крупнейших исторических фактов.

На манифест 17 октября разные классы и партии реагировали разно. Явно контр-революционные слои дворянства, высшего чиновничества и финансовой плутократии, возроптав на растерявшихся заправил самодержавия, очертя голову бросились в устройство погромов и подготовки активной контр-революционной армии, ряды которой комплектовались из люмпен-пролетариата и т. п. переметных элементов. Умеренно-либеральная буржуазия, «образованное» общество, земцы, интеллигенция, либе-

ральные помещики — эти торжествовали победу конституционных начал и готовились к хозяйничанью при новом «правовом» строе. Крестьянство в массе своей занимало нейтральную позицию, а в лучшей, передовой своей части сознавало, что бой еще впереди, что складывать оружие рано. Один только пролетариат под руководством своей социал-демократической партии сразу и тут занял наступательную позицию. Он не только сложил оружие, он стал практически готовиться к высшей форме революционной борьбы — к вооруженному восстанию. В ответ на выкинутый г.г. Витте и К° белый флаг пролетариат России еще выше поднял свое красное знамя, еще громче призвал всю страну на решительную борьбу за окончательное свержение самодержавия и созыв революционным путем всенародного Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

Рабочие, с социал-демократией во главе, в 1905 г. повели наступательную борьбу всюду, где к тому представлялась объективная возможность. Три грандиозных политических забастовки в Петербурге, всеобщая всероссийская забастовка были *заключительным* аккордом «мирных стачек». На смену им подходили забастовки, связанные с прямым восстанием. Еще раз восставал Прибалтийский край, пылал Кавказ, бурлило в Польше. В деревнях беспорядки и бунты множились с каждым днем. В армии и флоте такие вспышки, как славное восстание черноморского флота с «Потемкиным» во главе и кронштадтское восстание, не остались без следа. Казалось, рушится последний оплот царизма.

Высшей точкой этого движения было вооруженное восстание в Москве. И здесь во главе восстания стоял рабочий класс, а во главе рабочего класса — наша с.-д. партия. И в здешнем Совете Рабочих Депутатов, и в стачечном комитете, и в боевом комитете, и, наконец, среди вооружившихся кое-каким оружием рабочих на заводах господствовала напряженная, боевая атмосфера, в которой чувствовалось, что взрыва не миновать. Рабочие рвались в бой. Провокационные действия правительства после манифеста 17-го октября подливали масла в огонь. И рабочие ринулись в бой. На карту ставилось очень многое: от успеха или поражения московского восстания зависело развитие российской революции на ближайшие годы. И московские пролетарии вложили в это дело всю свою революционную душу, они показали миру чудеса храбрости и безраздельной преданности

революционной идее, они изумительной отвагой своей напомнили буржуазному миру красный призрак Парижской Коммуны, они сражались, как лучшие отряды коммунаров, своей мужественной баррикадной борьбой они вновь пробудили в международной соц.-демократии веру в возможность победоносной для народа вооруженной борьбы с силами правительств, даже в том случае, если правительственные войска не переходят на сторону народа. Тяжесть всей борьбы легла на плечи рабочих.

Лишь некоторая часть городской бедноты, увлеченная высоким подъемом, помогала рабочим строить баррикады и вообще кое-чем облегчала им борьбу. Либеральная буржуазия уже давно отреклась даже от внешнего сочувствия рабочей борьбе и в это время, устрашенная грозными для нее перспективами, уже ползала на брюхе перед самодержавием и вопила о «безумии революционной стихии» и т. д. Царизм стянул против восставшей рабочей Москвы всю имевшуюся в его распоряжении военную силу. Адмирал Дубасов, стоявший во главе царских войск, выказал больше кровожадности, чем французский Галлифэ. Против московских повстанцев были двинуты войска, не затронутые пропагандой и достаточно верные царской шайке; в ход были пущены все рода оружия, вплоть до самых истребительных и смертоносных, вроде пулеметов. Никому не давалось пощады: ни женщинам, ни детям, ни пленным, ни раненым. Петербургские рабочие, которые должны были прийти на помощь московскому восстанию и на которых в первую голову рассчитывали московские рабочие, — оказались не в силах подняться с оружием в руках. Объявленная Петербургским Советом Рабочих Депутатов третья всеобщая забастовка скоро пошла на убыль. Рабочие были обессилены своей неслыханной тяжелой борьбой. Перед Петербургским Советом Рабочих Депутатов стояла дилемма: либо пойти дальше и найти в себе силы стать временным революционным правительством, либо погибнуть. Он, проведший столь славную кампанию, он, проведший историческую всеобщую забастовку против введения военного положения в Польше и против казни кронштадтских матросов, он, ставший центральным революционным очагом для всей России, не нашел, однако, в себе сил стать временным правительством и смог только погибнуть славной смертью. Из Петербурга московское восстание поддержки не получило. Не дала этой поддержки в достаточной мере и провинция. И московское восстание, с громад-

ными усилиями продержавшееся несколько дней, было раздавлено численно во много раз превосходной вооруженной силой правительства.

Наша партия, стоявшая у колыбели массового рабочего движения в России, наша партия, руководившая первыми вспышками мирной, чисто экономической и профессиональной борьбы рабочих — наша партия сумела выполнить свой революционный долг до конца. Она была с рабочими также на московских баррикадах, она кровью спаяла свою судьбу с судьбой русского рабочего класса. Она сумела быть во главе военных восстаний, например, на «Потемкине», она сумела стать во главе широчайшего повстанческого движения, например, в Прибалтийском крае, где под руководством социал-демократии правительственные власти были изгнаны, а фактическая власть переходила в руки рабочих и крестьян, она сумела руководить движением и на Кавказе, и в Сибири, и на Юге, она была во главе восстания и в Москве.

Поражение московского восстания сыграло колоссальную роль. Контр-революционные силы смогли отпраздновать первую после долгого времени победу над революцией. Контр-революция оправилась несколько от растерянности и начала карательными экспедициями, скорострельными судами и виселицами мстить и устрашать революционеров и сочувствовавших им. Явная реакция подняла голову. Оживилась и тайная реакция в лице либеральной буржуазии, которая почувствовала, что теперь на *ее улице* будет праздник, что теперь ей опять будет можно разыграть вакханалию примирения и соглашения «зрелой» части общества с абсолютизмом.

С другой стороны, в стане революции из среды наиболее слабых духом и наименее закаленных раздался симптоматический ропот насчет того, что-де не следовало браться за оружие. Налицо имелся временный упадок революционного движения.

Кроме обещания различных свобод, правительство под давлением рабочих масс «даровало» будущей Государственной Думе, вместо законосовещательного, законодательный характер и расширило избирательное право, дав его в очень ограниченных размерах также рабочим. Перед рабочим классом и нашей партией стал вопрос о том, как отнестись к новой «Виттевской» Государственной Думе, — принять ли в ней участие или бойкотировать и ее.

IV. Выборы в первую Государственную Думу.

В нашей партии обнаружились тогда два воззрения на этот вопрос. Большинство ее стояло за активный бойкот Виттевской Думы. Оно исходило из следующих соображений: в момент невиданного революционного подъема самых широких народных масс, в момент острого революционного кризиса, когда правительство, чтобы спасти монархию, замирить восставшие массы, или хотя бы выиграть время для мобилизации своих сил и приведения их в боевой порядок, в момент, когда тяжба шла о том, кто созовет первое представительное собрание,—восставший народ или барахтающееся самодержавие, — в такой момент социал-демократии незачем принимать бой на парламентской почве, в такой момент социал-демократия должна сосредоточить все свои усилия на агитации за непосредственные боевые выступления. Когда, как это было накануне первой Думы, либеральная буржуазия при попустительстве и поддержке самодержавного правительства сеет по всей стране конституционные иллюзии, т.-е. навязывает массам представление, будто политическая свобода уже завоевана и будто при помощи одной только Государственной Думы удастся увенчать это здание политической свободы, в момент, когда угар этих конституционных иллюзий действительно грозит затуманить головы известной части населения и когда вместе с тем объективные данные говорят за возможность близкого еще более широкого подъема, в такое время — говорило большинство,—было бы преступно не призвать массы к бойкоту псевдо-конституционной Думы, т.-е. уже не просто к устранению от выборов, а к продолжению и расширению вооруженной борьбы масс, к расширению рядов революционной армии, к подготовке внепарламентским путем решительного боя. Меньшинство партии, рассчитывавшее на объединенные действия всей оппозиции («общенациональной оппозиции»), включая сюда и либеральную буржуазию, было наполовину против бойкота. Мы говорим — наполовину, ибо и эта часть партии стояла за бойкот самой Думы, т.-е. за неучастие в ней, и только настаивала на участии в первых стадиях избирательной кампании. Только единичные голоса раздались в пользу участия в самой этой Думе. Революционный подъем был настолько велик, что даже те самые товарищи, которые стояли за участие в Булыгинской — гораздо

более бесправной Думе — теперь платили дань идее революционного в то время бойкота царских дум. В огромном большинстве пунктов России партия выборы бойкотировала и противопоставила им агитацию за непосредственные выступления во всех доступных тогда формах массовой борьбы; она развернула необычайно интенсивную агитацию, и рабочий класс России в общем и целом оказался в единении со своей с.-д. партией: он выборы в Виттевскую Государственную Думу бойкотировал *).

Увлечь крестьянство на путь бойкота Виттевской Думы нашей партии не удалось. Действовавшие в крестьянстве другие партии относились к бойкоту сочувственно, но их влияние не было достаточно сильно, чтобы увлечь крестьянскую массу на этот наиболее революционный тогда путь. За исключением отдельных местностей крестьянство в общем участвовало в выборах в первую Думу. Приняла участие в выборах также значительная часть городской мелкой буржуазии, а также, разумеется, и высшие слои. Результаты выборов, вопреки урезанному избирательному закону и целой системе стеснений в избирательной кампании, получились следующие.

Крестьянство не оправдало надежд, возложенных на него сторонниками абсолютной монархии, и это было самым крупным политическим итогом выборов в первую Думу: в надежде на то, что русский крестьянин останется верен царю, что крестьянин — прирожденный монархист и крепкая опора исконных истинно-русских устоев, в надежде на то, что-де мужик не выдаст, — самодержавие наделило крестьянство довольно широким избирательным правом. Но крестьяне послали в Думу свыше ста трудовиков, людей без выдержанной программы и тактики, людей, способных часто колебаться по тем или другим вопросам, людей, с очень туманными и якобы социалистическими идеалами, но в общем выступавших безусловно за революционно-демократический аграрный переворот и стремившихся в общем, не взирая на все остатки монархических иллюзий в их среде, к революционному разрешению кризиса. В этом отношении выборы в первую Думу

*) Лишь на Кавказе наша организация, с разрешения партийного съезда, состоявшегося уже после поражения московского восстания и после окончания выборов почти во всей России, приняла участие в выборах и провела нескольких с.-д. в первую Думу.

были победой революционной армии и огромным поражением сторонников старого самодержавия. Получившая избирательное право и воспользовавшаяся им часть зажиточного городского населения послала в Государственную Думу, главным образом, сторонников конституционно-демократической партии, или так называемых кадетов. И это указывало на то, сколь сильны были еще в то время конституционные иллюзии среди этих слоев населения. Правда, известный процент этих избирателей отдавал свои голоса кадетам только потому, что на избирательной арене не было других, более левых партий. Но в общем все же несомненно, что среди значительной части этих слоев кадетские мечтания о мирной развязке во что бы то ни стало, о сохранении монархии, хотя и конституционной, о соглашении между самодержавием и «сливками общества» — находили известный отклик. Высоко поднявшаяся могучая волна революционного рабочего движения, готового уничтожить все, что стало бы на пути к его победе, успела уже создать элементы для контрреволюционного настроения, которое впоследствии вылилось уже в совершенно определенное контр-революционное движение с просвещенными кадетами во главе. Была в Думе также группа явных черносотенцев и группа так называемых «мирнообновленцев». Но сколько-нибудь крупного значения в деятельности первой Думы они не имели. Работой ее руководила партия к.-д., которая имела огромное большинство в первой Думе и подавляла своими голосами представителей крестьян и рабочих. Вопреки воле нашей партии, в некоторых местах, как на юге и в отдельных местностях центральной России, в Думу прошли одиночки социал-демократы, выдвинутые некоторыми слоями рабочих и крестьян. Бывали случаи, когда членов нашей партии, агитировавших в данном округе за бойкот первой Думы, крестьяне и часть рабочих заставляли итти в Думу, выбирая их своими делегатами. Далее, когда выяснилась вся картина выборов и под влиянием поражения московского восстания, партия на Стокгольмском съезде решила участвовать в выборах на Кавказе, происходивших позже, чем по всей России, и оттуда прошло несколько с.-д. В первой Думе образовалась таким образом сперва просто рабочая группа, а затем фракция, принявшая название социал-демократической группы и насчитывавшая около 16—17 депутатов.

V. Тактика большинства и меньшинства первой Думы.

Таков был состав первой Государственной Думы. В деятельности ее следует различать две стороны: деятельность Думы, как целого, как учреждения, в котором большинство имела либеральная предательская буржуазия, и деятельность отдельных фракций ее. В первом отношении первая Дума безусловно развращала сознание народа: кадеты проводили от имени Думы политику заигрывания со старым правительством, они пользовались революционной позицией социал-демократов и трудовиков, чтобы, пугая старую власть, выторговывать у нее более или менее мелкие уступки. Максимум их требований сводился к назначению старой властью кадетского министерства (хотя бы и смешанного, т.-е. состоявшего из кадетов и безусловных приверженцев старины) и к отчуждению части помещичьих земель за выкуп на «справедливых» для помещиков (а кадеты уверяли, что и для крестьян) условиях. Намереваясь убить произвол картонным мечем «законности», кадеты, вместо призыва к борьбе, все время от имени Думы призывали народ к спокойному ожиданию того благословенного момента, когда к.-д. завоюют исключительно парламентским путем, тихо и мирно, без всяких кровопролитий и забастовок, права народу. Благодаря такой тактике думского большинства, конституционные иллюзии, сильные среди аморфных масс, не только не рассеивались, но еще больше укреплялись и росли. На все свои просьбы, наказы, личные депутации и т. д. политически неразвитые крестьяне и другие слои населения, возложившие все свои надежды на Думу, получали от думского большинства один ответ: ждите спокойно, ведите себя мирно, чтобы не озлобить правительство, чтобы излишней требовательностью не помешать сговору с ним; ждите спокойно, Дума сама вам даст и свободу и землю. Так, лавируя между запугиванием правительства революционностью масс и увещеванием народа сохранять спокойствие, дабы не показаться слишком революционным, — думское большинство фактически ослабляло силы революции, фактически играло на руку представителям старого строя. Больше того: именно благодаря этой своей тактике, кадеты не смогли добиться осуществления столь вожделенной сделки со старым самодержавием. Правящие круги,

видя оторванность думского большинства от широких масс, видя его трусость и готовность каждый день урезывать и без того урезанные свои политические требования, сочли сделку на предложенных кадетами условиях недостаточно выгодной для себя и стали подготовлять ситуацию, при которой они могли бы отделаться еще более жалкими крохами.

Зато очень некстати для правительства была тактика думского меньшинства. Немногочисленная социал-демократическая группа причиняла ему немало неприятностей. Наши немногие депутаты говорили с думской трибуны довольно полным голосом. Они указывали народу, что только сам он, собственными силами, может добиться свободы, они разоблачали анти-народную сущность правительственной политики, они указывали на бесправие Государственной Думы, на бессилие ее разрешить сколько-нибудь удовлетворительно для широких масс народа назревшие его нужды, на единственную возможность разрешить их только революционным путем.

VI. Трудовики и социал-демократы.

Рабочие депутаты не ограничивались только выступлениями с думской трибуны, они несколько раз выступали с непосредственными обращениями к рабочим и крестьянам и в них раскрывали глаза широким массам на существующее положение вещей. Они старались сблизиться с петербургскими рабочими, посещая их собрания, устраивая митинги на заводах, организовывая совещания с их заводскими представителями; они входили в сношения с крестьянами и солдатами, с городской беднотой, они ездили для агитации в разные города России и пр. Деятельность рабочей с.-д. группы в Думе все расширялась, и это не могло не внушать опасений правительству.

С другой стороны и крестьянская партия в первой Думе—трудовая группа — в общем вела революционную линию. Не взирая на все свои ошибки и колебания, она с трибуны выставляла требования революционного решения аграрного вопроса, передачи всей земли трудящемуся народу. В области политической требования трудовиков шли также довольно далеко. Они не довольствовались кадетской умеренной программой и выставляли требования широкой политической свободы. Они бойкотировали, на всевозможных приемах, царя, его министров, и они встречали

криками негодования и даже просто гнали из думы наиболее скомпрометированных и наиболее реакционных из представителей старой власти, они требовали полной амнистии для революционных борцов, заточенных в тюрьмах и на каторге. Они поддерживали далее довольно оживленные сношения с деревней, которую звали на революционную борьбу, они вносили элементы организации в среду разрозненного крестьянства, получали от него массу наказов, адресов, пожеланий, к ним являлось очень много ходоков от целых сел, они издавали доступную для крестьян газету. Словом, они, оступаясь и колеблясь, путаясь между программами и выдвигая реакционные, якобы социалистические утопии, не будучи социалистами, честно представляли борющееся малоземельное и безземельное крестьянство, которому прежде всего нужна земля, а для получения ее необходимо добиться демократической республики; они были весьма порядочными буржуазно-революционными демократами, звавшими крестьянские массы на борьбу с оружием в руках для низвержения старого порядка и смены его широко демократическим строем. Такая работа социал-демократов и трудовиков, конечно, не оставалась бесследной и поэтому, конечно, не могла быть по душе старым властям. Самодержавие уже с самого начала деятельности Думы, как только выяснилась роль в ней социал-демократов и трудовиков, стало думать об ее разгоне. За все время существования Думы шла подготовка: обе стороны сосредоточенно и напряженно стягивали силы, подготовляли в сознании имеющих столкнуться сторон идею о неизбежности решающей схватки. Правительство готовило прежде всего войска. Оно возвышало и награждало руководящие элементы армии — офицерство и пр., оно подкупало рядовых солдат системой прикармливания, системой мелких улучшений солдатского пайка и вообще его существования. Вместе с тем оно запугивало и тех и других: первых — лишением привилегий, красным призраком, вторых — неслыханными репрессиями за «измену», вплоть до расстрелов, каторги и т. п. Вместе с тем под крылышком правительства оживали и начали сплачиваться активные контр-революционные общественные силы. Так, образовался «союз объединенного дворянства» — политическая организация самых заядлых, но вместе с тем самых дальновидных, хозяйственно-сильных и активных реакционных представителей контр-революционного дворянства и помещиков; развернул свою деятельность «союз русского народа»,

СБОР РАБОЧИХ 9 ЯНВАРЯ 1905 г. У ПУТИЛОВСКОГО ЗАВОДА

организация оголтелых контр-революционеров, на откупу и на службе у черносотенного дворянства; сформировалась торгово-промышленная партия и «союз 17 октября» — организации, иногда бормотавшие что-то про оппозицию правительству, но фактически поддерживавшие все его контр-революционные начинания. Налицо был общий враг — пролетариат, показавший когти не только самодержавному строю, но и капитализму, и крестьянство, показавшее своими бунтами и своим представительством в первой Думе, что без земли оно не сложит оружия. Перед лицом этого общего врага сплачивались все угрожаемые им силы в интересах самозащиты, в интересах большей силы удара. С другой стороны, готовилась и революционная армия. Упадок после поражения московского восстания (1) вновь стал сменяться известным оживлением, при чем во главе всего революционного движения по-прежнему шла Р. С.-Д. Р. П. Она развила максимальную доступную ей по силам внедумскую работу. Агитация и организация шли прежде всего среди рабочего класса. Но довольно широкая работа велась нашей партией также среди солдат и матросов, среди крестьян и мелкого городского люда. В общем наша агитация била в одну точку: она политически готовила массы — и прежде всего рабочий класс — ко всенародному вооруженному восстанию. Поскольку силы позволяли, она облегчала массам также техническую подготовку.

Были в партии и уклонения от этой последовательной и выдержанной революционной линии: наше меньшинство звало к координации действий с кадетами, предлагало пролетариату поддержать требование о назначении кадетского министерства, возлагало некоторые надежды на чисто парламентский путь, т.-е. преимущественно на думскую работу. Но эти уклонения были исправлены самим революционным пролетариатом, и в общем и целом наша партия держала правильный курс, готовясь к решительному выступлению, подготовляя к этому рабочий класс и стараясь увлечь на этот путь революционное крестьянство. Трудовая группа сделала довольно много в области агитации и первоначального политического просвещения деревни. Но она очень мало сделала — главным образом, в силу объективных трудностей — в области организации, сплочения для непосредственного практического натиска. О других, называвших себя «социалистическими» и «революционными», партиях, имевших более или менее исключительно интеллигентский

характер, нечего и говорить. Крупного значения в массовой борьбе, в столкновениях, ставших историческими, они не имели и иметь не могли.

Усилия революционных партий оказались недостаточными. Либеральная буржуазия, столько кричавшая о своем сочувствии «освободительному» движению, давно уже повернулась к нему спиной и сейчас, несмотря на словесную оппозиционность, одной ногой стояла уже в стане явных сторонников старого строя. Крестьянство — главный союзник пролетариата — оказалось недостаточно подготовленным для активных действий.

Отсутствие сплоченности, рыхлость, политическая аморфность господствовали тогда повсюду в русской деревне. Годы встряски оказались еще недостаточными. Вера в царя, монархические иллюзии с каждым днем таяли среди крестьянской бедноты. Но достаточной организованности налицо не оказалось. Огромная потенциальная революционная сила так и осталась в значительной степени только потенциальной. Крестьянин, в массе своей, понял, что ему дальше невозможно жить без земли. Но он недостаточно еще уяснил себе тесную связь между удовлетворительным для него решением аграрного вопроса и радикальной политической революцией, он недостаточно еще уяснил себе, что для проведения победоносной политической революции необходим союз с рабочим классом; необходимо концентрированное выступление всех действительно революционных сил. В армии, рекрутировавшейся, главным образом, из крестьян, тоже оказалось еще достаточно косности, темноты, чтобы правительственная шайка могла спокойно опереться на значительную часть войск в своей борьбе против революции.

VII. Разгон первой Государственной Думы.— Междудумье.

Правительство, мобилизовав свои силы и набравшись решимости, разогнало первую Думу, как раз после того, как кадетское большинство ее, в ответ на одну выходку слуг самодержавия, призвало народ «к спокойному ожиданию», т.-е. к ничегонеделанию вместо борьбы. После разгона Думы вспыхнули два военных восстания — в Кронштадте и в финляндской крепости — Свеаборге. В этот же момент наша партия вместе с другими революционными партиями призвала рабочих ко всеобщей заба-

стовке. Рабочая масса откликнулась на этот призыв слабо. Забастовка вышла частичной даже в Петербурге, в большинстве мест забастовки совсем не вышли. Рабочий класс остался один на поле брани, лицом к лицу с вооруженным от головы до ног врагом, но ставившим последнюю отчаянную ставку и не знавшим пощады к вождю революции — пролетариату — нанесшему ему столь много жесточайших ударов. И у рабочего класса, измученного и утомленного, в этот момент не оказалось достаточно подъема и энергии, чтобы откликнуться на призыв тех партий, которые были его вождями во всех перипетиях революционной эпопеи. Это не значило, что революционные массы— и прежде всего пролетариат — потеряли свою веру в революцию или потеряли доверие к своим революционным партиям, с социал-демократией во главе. Нет, по крайней мере, относительно рабочего класса было ясно — и это подтвердилось дальнейшим ходом событий — что это только временная усталость, временный упадок после жаркой схватки. Однако, самый факт безучастного отношения к агрессивному шагу правительства, выразившемуся в разгоне Думы, был достаточно печален и должен был быть учтен, как серьезное предостережение в дальнейшей тактике. Большинство бывших депутатов, как известно, выпустило так называемое «Выборгское воззвание», призывавшее к пассивному сопротивлению правительству, к отказу ему в солдатах и податях. Под этим воззванием подписались и социал-демократические депутаты, но они с самого начала заявили, что считают его недостаточным и подписываются под ним лишь для того, чтобы не дать возможности увильнуть господам кадетам.

Кроме этого, наши депутаты выпустили вместе с депутатами-трудовиками воззвания к армии и флоту и ко всему народу, в которых они выясняли создавшееся положение и указывали, что победа возможна только в результате вооруженной борьбы рабочих и крестьянских масс. Эти воззвания имели большое агитационное значение, но практического значения не получили— сколько-нибудь значительных выступлений, кроме Кронштадтского и Свеаборгского восстаний, не последовало. Оба же этих восстания были потоплены в крови восставших, благодаря отсутствию поддержки со стороны населения и благодаря тому, что у правительства нашлось под рукой достаточное количество «верных» ему войск. Правительство, таким образом, казалось, одержало крупную победу.

Наступил период междудумья. Правительство использовало его для отчаянной, разбойничьей мести борцам революции, для простого физического истребления своих противников. Была введена по всей стране система военно-полевых судов, предназначенная специально для более простого, не осложненного никакими формальностями, уничтожения врагов самодержавия. Вся Россия вновь объявлена была на положении усиленной и всяких других охран. В наиболее опасные для правительства места и в те области, где движение вылилось в самые яркие формы, — были посланы для усмирения разбойничьи банды, называвшиеся карательными экспедициями. Больше всего правительство обрушилось на рабочих. Почти все их легальные организации, как профессиональные союзы и пр., были безжалостно разгромлены, легальная рабочая печать — уничтожена, лучшая часть революционных рабочих предана казни, заточена в тюрьмы, отправлена в ссылку и пр. Достаточно указать, например, что в ответ на железнодорожную забастовку правительство, кроме массовых расчетов и лишения рабочих последнего куска хлеба и возможности поступить на другую службу, послало на московскую дорогу карательную экспедицию, которая беспощадно расстреливала правых и виноватых, рядовых участников забастовки и даже только заподозренных в содействии ей.

В частности, на нашу партию правительство обрушило невиданные даже в пред- революционные времена репрессии. Из строя было выбито много наших партийных работников. Пользуясь тем, что в период свобод многие из наших товарищей выступали в своей деятельности совершенно открыто, правительственные агенты тем легче смогли выловить многих деятелей нашей партии и упрятать их в каменные клетки, в далекую Сибирь и т. д.

Общественная жизнь в городах придавлена была тяжелой лапой контр-революционных палачей. Пошли гонения не только на социалистическую печать, но и просто на радикальные оппозиционные органы. Тем не менее, несмотря на все это, глубоко в рабочих массах созревала постепенно решимость на дальнейшую борьбу. Так обстояло дело в городах. В деревне неистовства правительства приняли не меньшие размеры. Кровь лилась там еще более широким потоком. Самодержавные владыки России огнем и мечом вколачивали русскому крестьянину идею о непримиримости его интересов с дальнейшим хозяйничанием

царя и царской шайки, сознание того, что не получить крестьянину земли без воли, т.-е. без победоносной политической революции. Посеянная в ту пору правительством пропаганда действием еще даст в свое время плоды. Правительство тяжелой грудой убийств и репрессий временно придушило огонь. Но не надолго. Тяга станет сильнее, и маленькие огненные язычки, вырывающиеся там и сям из-под тяжелой груды, сольются в одно огромное пламя и вновь зажгут революционный пожар по всей стране, который истребит без остатка старый строй и на пепелище воздвигнет широкую политическую свободу, — будущую свободную базу для борьбы рабочих за социализм. Казалось, что правительство одержало «блестящую» победу, что оно надолго парализовало всякое революционное движение в стране.

VIII. Созыв второй Государственной Думы, ее работа и разгон ее.

Однако, победа правительства была не настолько велика, чтобы оно могло избавить себя от необходимости созывать завоеванное рабочим классом представительство в форме Государственной Думы, в которую доступ имела значительная часть населения. Народное движение не настолько еще улеглось, чтобы нельзя было ожидать новых вспышек. К тому же и финансовое положение правительства было крайне затруднительно. Без внешних займов свести концы с концами не было никакой возможности. А между тем европейская буржуазия, так щедро помогавшая русскому правительству в его контрреволюционной деятельности, стала обусловливать дальнейшие займы существованием в России мнимого, якобы «народного» представительства и соблюдением известных «европейских» приличий. И самодержцам пришлось волей-неволей вновь, скрепя сердце, осуществлять «дарованную» конституцию, созывать вторую Государственную Думу. Радикально изменить систему выборов, совершенно лишив избирательного права рабочих, оно тоже еще не могло решиться. И правительство принялось за частичные изменения избирательного закона. Путем так называемых «разъяснений» — через сенат и пр. — правительство значительно урезало и без того ничтожные избирательные права и в первую голову рабочих и железнодорожных служащих, а также бедней-

шей части крестьян. Правительство надеялось, что крестьянство, рабочие и вообще неимущее население настолько напуганы вакханалией диких репрессий, что уже одних подчисток и исправлений прежнего избирательного закона будет достаточно для получения покорной Думы.

Насчет необходимости для революционных партий участвовать в выборах и в самой второй Думе не было сомнений. Решительных массовых выступлений в ближайшем будущем ждать не приходилось. Конституционным иллюзиям уроком первой Думы нанесен был жестокий удар. Теперь в массах в значительной степени подорвана была вера во всесилие самой Думы и всеспасительность парламентского пути. С другой стороны, было ясно, что при энергичном участии в выборах широких масс, вопреки всем наглым ухищрениям, бесстыдному, ни перед чем не останавливающемуся, давлению правительства на выборы, — удастся провести в Думу немалое количество действительных защитников интересов рабочего класса и крестьянства и использовать думскую трибуну для содействия делу агитации и организации среди масс.

При таких условиях и наша партия сочла нужным принять участие в выборах и в самой Думе. На этот счет в рядах нашей партии не было колебаний, и ни одного голоса в пользу бойкота второй Думы внутри партии не раздалось. И нашей партии не пришлось раскаиваться в своем решении принять участие во второй Думе. Она развила интенсивную и плодотворную избирательную агитацию, провела в Думу около 70 своих партийных кандидатов, и наша фракция сыграла внутри Думы крупнейшую роль, занявши в ней позицию крайней левой, руководительницы социалистических рабочих и революционной демократии вообще. Наша фракция в Думе повела резкую, революционную агитацию и за это была отправлена правительством на каторгу.

Надежды правительства получить покорную Думу оказались неосновательными. Вторая Дума имела в своем составе гораздо большее число депутатов-революционеров, чем первая Дума. Все классы получили в ней очень яркое представительство. Необычайно богато была представлена в ней контр-революция. Все оттенки черносотенного дворянства, магнатов капитала, все нюансы черносотенства имели в ней ярких выразителей, и это была одна из хороших сторон второй Думы, ибо материал для агитации получался превосходный. Довольно полно предста-

влены были также революционный пролетариат, крестьянство и либеральная буржуазия.

Партия либеральной буржуазии — кадеты — по сравнению с первой Думой потеряла значительное число мест — около половины. В первой Думе эта партия имела больше 150 мест, а во второй лишь до 90. Значительная часть буржуазных избирателей, подававшая свои голоса за кадетов при выборах в первую Думу, теперь повернулась к ним спиной: тактика кадетов в первой Думе и их поведение после разгона Думы кое-чему научили эти слои избирателей, и они на вторых выборах отдали свои голоса частью трудовикам, частью социал-демократам.

Социал-демократическая фракция могла рассчитывать на то, что при всех колебаниях народников они вместе с их крайним левым крылом — «социалистами-революционерами» — в общем и целом будут во многих важных вопросах поддерживать линию социал-демократии.

Кадеты могли безусловно рассчитывать на поддержку мусульманской группы, польского коло, группы казаков, отчасти на сибирскую группу и на мирно-обновленцев.

Но ни у первой группы (объединенных левых), ни у второй (умеренно-либеральной) не получалось, благодаря цифровым соотношениям, прочного и устойчивого большинства. Такое большинство могло составиться лишь при присоединении кадетов (или части их) к левым или посредством кадетского блока с правыми. Руководить Думой, таким образом, мог либо лево-кадетский, либо кадетско-черносотенный блок. На деле осуществился последний. В огромном большинстве случаев кадеты соединялись с «умеренно»-правыми и нередко с явными черносотенцами против левых, и этот кадетско-черносотенный блок проводил свои решения от имени Думы. Социал-демократы и все те депутаты, которые хотели остаться на почве революции, и в этой Думе должны были заняться не так называемым положительным законодательством, а исключительно революционной и социалистической агитацией с думской трибуны, просвещением масс насчет бессилия самой Думы без непосредственного натиска самого революционного народа, выяснением возможно более широким массам действительного положения вещей вообще, роли и планов самодержавной клики, контр-революционных слоев, поддерживающих его явно, и межеумочных слоев, поддерживающих его косвенно.

Поэтому и социал-демократическая фракция во второй Думе вела борьбу не только против правительства и поддерживавших его правых партий, но и против партии либеральной буржуазии, объективно становившейся обеими ногами на почву контр-революции.

Социал-демократы во второй Думе через головы думских депутатов старались говорить к широким массам народа. Они выдвигали прежде всего те вопросы, которые волновали массы пролетариата и крестьянской бедноты: вопрос о государственной помощи голодающей деревне, о мерах для облегчения ужасов безработицы в городах (при чем и для того и для другого с.-д. предлагали послать депутатов на места, привлечь к решению этих вопросов местное население и т. д.), о необходимости революционного решения аграрного вопроса — вопроса жизни для нескольких десятков миллионов крестьян, — о положении армии и т. д. и т. п. Кое-какую работу нашим депутатам удалось развить и вне стен Думы: они — насколько было объективно возможно — поддерживали тесные отношения с петербургскими рабочими, устраивали собрания, на которых рабочие давали им наказы, завязали некоторые сношения с лучшей частью армии. И наша фракция стала бельмом на глазу у правительства. В союзе и под давлением объединенного реакционного дворянства правительство готовило новый государственный переворот, для которого втихомолку накопляло силы. При создавшемся реальном соотношении сил вне Думы, в самой стране, при наличности некоторого упадка среди рабочего класса и недостаточной зрелости крестьянской борьбы, контр-революция не могла потерпеть такого представительного собрания, каким была вторая Дума, и прежде всего не могла потерпеть, чтобы с трибуны его разносился по всей стране могучий голос революционной социал-демократии, неустанный призыв к борьбе, проникавший в самые глухие углы необъятной страны.

И, несмотря на то, что кадетско-правый блок во второй Думе всячески старался угождать правительству (утвердил ему бюджет, санкционировал призыв около полумиллиона новобранцев и т. д. и т. п.) — для реакции все же невозможно было ужиться даже с таким народным представительством. И вот, после 102 дней существования, вторая Дума была разогнана. Контр-революция оказала честь нашей фракции, избравши ее предметом особых нападений и сделавши ее «преступные деяния» поводом для раз-

гона второй Думы. Нечего и говорить о том, что обвинение нашей фракции в каком-то нелепом заговоре против царя основано на наглой лжи. Наша фракция, будучи отрядом международной социал-демократии, стояла на точке зрения массовой борьбы и принципиально отвергала заговорщический способ борьбы. Правительственные обвинители лучше, чем кто бы ни было, знали, насколько лживо их обвинение против нашей фракции в заговоре. Они посылали ее на каторгу именно за то, что она стояла на точке зрения массового революционного действия, прямо противоположной заговору.

Правительство предъявило Думе требование выдать ему социал-демократическую фракцию для расправы с ней якобы за заговор против царя. Это требование было настолько нагло, настолько провокационно, что большинство даже этой Думы ответило решительным отказом. Правительство,—как выразился социал-демократический оратор, цитируя Маркса, — поставило штык в порядок дня.

IX. Государственный переворот 3 июня 1907 г. и третья Дума.

Государственная Дума была разогнана. Наши депутаты за открытую деятельность в парламенте были посланы на каторгу — факт невиданный в истории. 3 июня 1907 г. произведен был государственный переворот. Вопреки «основным» законам, подписанным самим правительством под давлением народного движения, правительство радикально изменило избирательный закон, перекроив его на совершенно новый образец. Правительство и союзные ему контр-революционные силы окончательно убедились, что при существовании сколько-нибудь широкого избирательного права для крестьян, рабочих и городской бедноты им не добиться совершенно ручной Думы, а главное Думы, в которой революционная социал-демократия не имела бы крупного, яркого и наиболее опасного для самодержавия представительства. Самым наглым образом правительство с цифрами в руках совершенно механически перекроило избирательный закон с тем, чтобы обеспечить в будущей Думе большинство представителям дворянского землевладения и крупного капитала. Рассчитывая на контр-революционность либеральной буржуазии и зная рабскую «лойяльность» ее партии (к.-д.), правительство, чтобы обес-

печить себе возможность, в случае надобности, опереться иногда на несколько иное большинство (кадетско-октябристское, а не октябристско-черносотенное), перекроило новый избирательный закон так, чтобы партия к.-д. тоже получила представительство в размере нескольких десятков депутатских мест.

Совершенно отказаться от созыва Думы правительство не могло. Самодержавие явным образом стало приспособляться к несколько новому пути. Наиболее дальновидные из слуг его поняли, что для продления жизни царизма мало одного штыка, что необходима сделка с известными слоями буржуазного общества, что необходимо приспособиться к буржуазному развитию России, которое стало уже настолько очевидным фактом, что его не могли не констатировать даже тупые царедворцы. Перед наиболее дальновидными сторонниками самодержавия стала альтернатива: либо самодержавие приспособится к буржуазному развитию России, направив его по такому пути, который оставляет за царем и бюрократией власть, а за дворянством и крупной буржуазией—их доходы, либо буржуазное развитие пойдет помимо старой власти и тогда примет революционно-демократический характер. В среде правящей камарильи одержало верх то течение, которое к штыку прибавляло еще систему известного приспособления. Первым крупным шагом в этом новом направлении было издание 9 ноября 1906 г. (т.-е. в период между первой и второй Думой) аграрного закона о выходе из общины, сводящегося к тому, чтобы в деревне создать устойчивого земельного собственника, «хозяйственного мужика», который, ограбив при помощи правительства деревенскую голытьбу, стал бы известной опорой контр-революционному правительству в его борьбе против наметившегося революционного решения аграрного вопроса многомиллионным крестьянством в союзе с пролетариатом. Следующим шагом в том же направлении был созыв третьей Думы на основе нового избирательного закона, специально приспособленного для заключения сделки с крупным землевладением и крупным капиталом, между которыми самодержавие может лавировать и тем сохранять свое существование.

После разгона второй Думы призыва к непосредственным выступлениям не дала ни одна революционная партия, в том числе и Р.С.Д.Р.П. Положение дел в стране было таково, что на успешное восстание в данный момент рассчитывать было трудно.

Промежуток времени между второй и третьей Думами правительство использовало для того, чтобы смести последние остатки легальных рабочих организаций и легальной рабочей печати, чтобы истребить огнем и мечом возможно большее число активных врагов старого строя и чтобы своим неусыпным контролем и наглым давлением обеспечить себе, уж по крайней мере при новом избирательном законе, после государственного переворота контр-революционный состав Государственной Думы.

Перед нашей партией, как представительницей рабочего класса, стал вопрос участия или неучастия в выборах и в самой третьей Думе, Думе контр-революции. Партия решила этот вопрос утвердительно. Для нее было ясно, что, несмотря на то, что правительство создавало третью Думу для прикрытия самодержавия, на деле эта Дума будет раскрывать перед народом истинную, контр-революционную его сущность, — что и случилось на самом деле. Партия далее принимала во внимание, что третья Дума, созываемая при таких обстоятельствах и после таких уроков, не сможет питать в среде пролетариата и крестьянства никаких иллюзий насчет того, что такая Дума сама, без народа, завоюет для народа землю и полную политическую свободу. А главное, — партия считалась с теми соображениями, что раз нет налицо объективных данных для противопоставления сейчас же выборам в Думу непосредственного широкого выступления масс пролетариата, — то, несомненно, даже при таких обстоятельствах партия пролетариата обязана принимать участие в выборах хотя бы в черносотенную, контр-революционную Думу, раз она может рассчитывать в ходе выборов развернуть некоторую массовую агитацию и может надеяться в самой Думе использовать трибуну для с.-д. агитации среди масс.

X. Наша тактика и будущее русской революции.

События показали, что наша партия в данном случае не ошиблась. Те слои населения вообще и прежде всего рабочего класса, которые уже пробудились к сколько-нибудь сознательной политической жизни, смотрят на третью Думу, как на открытый орган контр-революции, как на учреждение, выражающее сделку правительства с ничтожным численно меньшинством правящих классов. Отсталым же слоям населения сама Дума с каждым днем и каждым своим шагом все больше и больше раскрывает

свою сущность, невозможность без революционной борьбы, без вооруженного восстания свергнуть гнет самодержавия. Она разъясняет даже устами черносотенных депутатов, какую роль сыграло и играет самодержавное правительство в жизни страны, одним словом раскрывает самодержавие перед всеми теми, кто хоть немного интересуется политической жизнью России. Нашей партии, несмотря на то, что избирательный закон ставил себе специальной целью отнять у социал-демократов возможность проникнуть в третью Думу, несмотря на то, что правительство не дало нам развернуть широкой избирательной агитации, что мы действовали в подполье при неслыханных даже в России гонениях, — удалось провести в третью Думу, эту цитадель контрреволюции, группу социал-демократов в восемнадцать человек, которая, вопреки всем неблагоприятным обстоятельствам, все же помогает нашей нелегальной партии в ее трудной борьбе, ведя социал-демократическую агитацию с думской трибуны, соединять с огромной нелегальной работой легальную возможность говорить с широкими массами от имени партии думской фракции.

Наша партия полагает, что так как объективные задачи нашей буржуазно-демократической революции в общем не решены, то и самоё революцию приходится в данный момент считать не оконченной. В более или менее отдаленном будущем предстоит новый подъем, который будет еще более массовым, более могучим, отмеченным печатью большей политической сознательности и подготовленности. Предстоят новые великие битвы, к которым партия медленной, кропотливой, устойчивой и трудной работой старается подготовить прежде всего рабочий класс России.

Политика приспособления к буржуазному развитию, с одной стороны, и варварская дикая система потопления в крови народа революционного движения, с другой стороны, не спасает самодержавия. Революция будет продолжать свое развитие, и неизбежно настанет такой момент, когда крестьянская масса станет политически сознательнее и активнее, когда она созреет настолько, чтобы понять необходимость и неизбежность революционной борьбы и боевого союза с пролетариатом. Русская революция может одержать полную победу и расчистить дорогу для свободной борьбы за социализм только в результате соединенных революционных усилий временных союзников — пролетариата и крестьянства.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия продолжает оставаться на посту, во главе рабочего класса, твердо сознавая, что своей трудной, при современных условиях трудной необычайно, работой просвещения и организации пролетариата она неуклонно приближает момент краха старого строя и завоевания через демократический строй — социализма!

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) В 1907 году автор, по поручению Ц. К. Партии, начал писать отчет Партии международному Социалистическому Конгрессу в Штутгарте. Рукопись, из-за условий нелегальной работы, пропала и нашлась лишь теперь. Однако, она успела подвергнуться «грызущей критике» мышей и частью стала неразборчива. Отсюда — пропуски отдельных слов в рукописи, которые пришлось восстановить путем догадок. Работа эта появляется в печати впервые.

ПРОЛЕТАРІЙ

Цѣна 5 коп. Москва. № 1.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Понедѣльникъ, 21-го августа 1906 г.

ОРГАНЪ МОСКОВСКАГО И С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО КОМИТЕТОВЪ Р. С.-Д. Р. П.

РЕКРУТСКИЙ НАБОР И НАШИ ЗАДАЧИ (1).

Приближается призыв нынешнего года, и наша партия обязана, взвесивши все за и против, наметить твердую и неуклонную линию нашего поведения в связи с рекрутским набором.

Вопрос стоит так: Государственная Дума, состоявшая в своем большинстве из представителей имущих классов, только и мечтающих о мирной ликвидации тяжбы народа с царем, эта Государственная Дума после «разгона» призвала народ в своем «Выборгском воззвании» (2) не платить ни копейки налогов и не давать ни одного рекрута царскому правительству. Крестьянство, — самая важная и самая обширная сфера влияния Государственной Думы, — судя по всему, к этим лозунгам отнеслось очень сочувственно. Прямые налоги, — правда, не составляющие для царской казны сколько-нибудь внушительной статьи дохода, — во многих местах, именно благодаря «Выборгскому воззванию», перестали поступать. В некоторых местах крестьяне, не разбираясь в различных тонкостях, отказываются платить даже всякие земские повинности.

Совершенно несомненно, что и второй лозунг «Выборгского воззвания» найдет отклик среди широких слоев крестьянства. Совершенно несомненно, что идея бойкота рекрутчины имеет много шансов на успех среди более или менее активных слоев населения.

Каковы же должны быть задачи нашей партии при таком положении вещей? Наша партия может и должна принять в рекрутской кампании (3) самое живое и деятельное участие. Наша партия должна немедленно развернуть широкую агитацию и пустить в ход весь организационный аппарат, дабы внести максимум организованности и планомерности в эту кампанию. Рекруты — городские рабочие — должны под руководством нашей партии принять и усвоить лозунг бойкота рекрутчины, должны пригото-

виться к своей роли сознательного и инициативного авангарда на местах призыва, должны хоть немного выяснить себе конкретные формы предстоящей кампании.

Мы должны прежде всего разъяснить рабочим и, по возможности, всему населению характер рекрутской кампании. Прежде всего должно стать ясно всем, что эта кампания мыслима только при деятельнейшей поддержке со стороны самого населения, что она может рассчитывать на успех только в том случае, если она примет массовый характер, если борьбу с царскими чиновниками станет вести не одна горсточка рекрутов, хотя бы их и было 500.000 человек, а вся революционная Россия, если, коротко говоря, дело рекрутов станет делом всего народа.

Далее мы должны усвоить ту непреложную истину, что бойкот рекрутчины у нас, в России, при нынешних условиях, ни в коем случае не может и не должен носить мирного характера, какой он носил в свое время, например, в Финляндии. Царская шайка, конечно, не остановится буквально ни перед чем, чтобы получить рекрутов. Она, конечно, станет немилосердно проливать народную кровь, прибегнет к карательным экспедициям и пр. Народ должен быть готов не к мирному, а к вооруженному бойкоту, к решительной схватке с врагом.

Схватка эта произойдет при наиболее благоприятных для революции условиях. Если сейчас очередной задачей российской революции является установить тесную связь между городом и деревней, если отсутствие этой тесной связи стоит как раз поперек пути нашей революции, то рекрутская кампания имеет все данные для того, чтобы это препятствие устранить с нашего пути, чтобы хотя на время уничтожить разобщенность города с деревней. Крестьянское движение стало фактом, оно идет и ширится с каждым днем. Оно поневоле, в силу разбросанности крестьянского населения и других причин, носит еще раздробленный характер. Спаять его воедино, связать революционное крестьянство с революционным населением города и в первую голову с революционным пролетариатом — мы можем именно только на таком живом, вполне определенном деле, как бойкот рекрутчины. Благодаря тому, что революционный лозунг—«ни одного рекрута»—имеет доступ в самые широкие слои народа, волнует душу огромных слоев населения, мы можем надеяться, что на этом деле удастся создать всеобщее движение и тесными узами связать и в пространстве и во времени крестьянскую и рабочую Русь.

В этой борьбе мы можем надеяться на более или менее деятельное сочувствие хотя бы только оппозиционных слоев населения. Эта борьба имеет крупные шансы стать всенародной, особенно — принимая в расчет нынешнюю разбойничью политику правительства.

Что касается армии, то и тут мы вправе ожидать нерешительности и колебаний с ее стороны. Правительственной шайке придется разбросать военные отряды по всем градам и весям России, во все медвежьи углы, во все глухие деревни. Солдаты еще раз убедятся, что «внутренним врагом» стала вся Россия. Рекруты в деревнях будут защищать и отстаивать все или почти все крестьянство, а в городах — весьма солидные слои рабочего населения. В души многих и многих солдат закрадутся сомнения и колебания.

Наша партия обязана немедленно приняться за дело. Столковавшись с другими революционными партиями, мы должны немедленно, прямо и смело, начать подготовку кампании по всей России. Если кампания эта примет действительно массовый характер, приближающийся ко всеобщему, — мы пойдем, конечно, дальше. Мы перейдем в наступление, народ подымет вооруженное восстание, станет изгонять царских чиновников и войска, захватывать правительственные учреждения и т. д. Необходима только мужественная, энергичная тактика, необходима неустанная работа в этом направлении, необходимо, чтобы вся партия, все комитеты, все и всяческие группы немедленно приступили на местах к работе.

В связи с рекрутской кампанией мы должны усилить нашу агитацию в крестьянстве, войсках и пр., а главное, что мы можем и должны сделать, это — подготовить рабочих к роли инициативных групп, вырабатывать определенные планы действий на местах, входить с кем следует в соглашения, вносить организованность и планомерность всюду. Пусть же партия немедленно приступит к этой насущной работе! Время не ждет!

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) «Рекрутский набор» — статья из № 4 «Пролетария», 19 сент. 1906 г., тогдашнего Ц. О. большевиков, издававшегося нелегально в Финляндии под редакцией Ленина.

[2]) Первая Государственная Дума после своего разгона издала манифест, написанный в Выборге, в котором предлагала не платить налогов и не давать солдат. Лозунг «бойкот рекрутчины» мог быть выдвинут лишь

в исключительной обстановке 1906 г., когда можно было надеяться на непосредственную вспышку нового восстания против царизма и когда даже кадеты шли на такие шаги, как «Выборгское воззвание». Вообще же говоря, большевики стояли и стоят за участие революционеров в армии для революционизирования ее изнутри. Совершенно так же большевики, стоя в принципе за революционное использование всякого парламента, в виде исключения, в силу сложившейся особой обстановки—отстаивали бойкот Булыгинской и 1-й Гос. Дум.

[3]) Статья была написана еще в то время, когда можно было надеяться на непосредственный новый подъем революции, но революция пошла по нисходящей линии, и лозунги «рекрутской кампании» воплотились в жизнь лишь в очень малой мере.

Цѣна 3 коп. Москва, 1906 годъ. № 4.

ВПЕРЕДЪ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧ. РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.
Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Четвергъ, 16-го ноября.

Органъ Моск., С.-Петерб., Моск. Окружн., Курск. и Пермск. комитетовъ Р. С.-Д. Р. П.

РЕКРУТСКИЙ НАБОР И РЕВОЛЮЦИЯ (1).

Скоро призыв. Бьет урочный час, и кровожадный Молох самодержавного правительства вновь требует себе ежегодную дань. «Ему нужны для войска солдаты — подавайте ему сыновей...» Подавай ему своих сыновей, с которых он снимает крестьянскую сермягу, рабочую блузу, с тем, чтобы напялить на них казенные мундиры, отгородить от народа непроницаемыми казарменными стенами да лесом штыков, превратить их в свое слепое, послушное орудие, бесчеловечной казарменной дисциплиной вытравить из них все живое и обратить этих сынов народа против своих же отцов, своих же матерей, сестер и братьев. Каждый год отрывают от семей и мирного труда сотни тысяч молодежи, часто кормильцев и поильцев целых семей, с тем, чтобы в течение трех-четырех лет вбивать им в голову царскую премудрость о «внутренних врагах», чтобы гнать их на убой в качестве пушечного мяса во всяких войнах, вроде позорной памяти русско-японской войны, чтобы «усмирять», убивать и расстреливать «бунтовщиков и крамольников», сиречь — всю Россию.

Постоянная армия приносит массу зла народу не только у нас в России, но и в сравнительно свободных странах. Миллионы и миллиарды рублей народных денег ухлопываются на военное дело (милитаризм), меж тем, как сам народ нищенствует, меж тем, как он темен, меж тем, как не удовлетворяются самые насущные его нужды. Между правительствами всех стран идет бешеная гонка: все стараются по возможности увеличить свою армию, усилить свой флот, усовершенствовать орудия истребления человека человеком. И всей своей тяжестью все это ложится на рабочий класс и на трудящийся народ вообще.

На бумаге во многих странах—и в том числе и у нас, в России—воинская повинность—якобы всеобщая. На деле же эту тяжелую повинность—как и во многих других случаях—несет, главным образом, рабочий да крестьянин. Помещичьи да дворянские сынки, сыновья богатых капиталистов, если захотят, всегда смогут уклониться от военной службы. А если и пойдут на службу, то лишь в качестве «начальников», в качестве офицеров и т. д. «Всеобщая» воинская повинность почти всецело падает только на рабочий класс и крестьянство. Когда дело идет о каких-нибудь правах, о всеобщем избирательном праве, например,—тогда все деспоты соединяются с имущими классами, капиталистами да помещиками, чтобы как-нибудь урезать, лишить этих прав рабочий класс и революционную часть крестьянства. Зато когда дело идет о налогах, податях, повинностях, как, например, воинская повинность, те же деспоты соединяются с имущими классами, чтобы общими силами взвалить всю тяжелую ношу на спину бедных, неимущих слоев населения. И, что всего хуже, при помощи этих самих постоянных армий, которые в большей своей части состоят из тех же сермяжных крестьян, тех же городских рабочих, угнетатели народные держат в страхе и покорстве тот же трудящийся народ, на спине которого сидит вся эта раззолоченная сволочь.

Сознательные рабочие всех стран давно уже сделали своим боевым кличем: «Долой постоянную армию». Они требуют, чтобы постоянная армия, которая постоянно служит к угнетению народа, была уничтожена; они требуют, чтобы вместо нее была введена народная милиция, т.-е. действительно всеобщее вооружение народа, когда бы каждый умел владеть оружием, когда бы каждый имел оружие и когда бы сыны народа не отрывались от самого народа.

Но мы, русские рабочие, находимся еще в особых условиях. У нас, в России, нет даже той некоторой свободы, которую завоевал себе народ в других странах. После целых двух лет обостреннейшей, кровопролитнейшей войны, мы вновь стоим перед старым разбитым корытом. Старое варварское самодержавие восстановлено во всей своей красе. Манифест 17 октября оказался пустой бумажкой. Государственная Дума разогнана, вся страна отдана во власть военно-полевых судов, т.-е. во власть черносотенного офицерства да полиции, каждый день приносит нам десятки смертных приговоров, тюрьмы и места

ссылки вновь переполнились, рабочая печать, рабочие собрания, рабочие союзы вновь воспрещены, крестьяне земли не получили, в 40 губерниях России идет страшная голодовка, в городах кризис и безработица усиливаются. Но с каждым днем число врагов царского самодержавия все растет и растет. С каждым днем все более глубокие слои народа неизбежно приходят к той мысли, что насилию нужно противопоставить силу, что только вооруженной рукой, только вооруженным восстанием можно освободить родину нашу от когтей самодержавия. Мечты о мирной борьбе—изжиты. Разгон Государственной Думы да введение военно-полевых судов по всей России открыли глаза самым темным, самым забитым слоям населения. В глубинах народных идет невидимая, но энергичная подготовка. Зреет революционная решимость с каждым часом, и недалек тот день, когда будущие волны революционного гнева прорвут плотину народного терпения и с неудержимой силой зальют всю страну.

Отказ от дачи рекрутов в нынешнем году может и должен сыграть огромную роль в нашей борьбе. Государственная Дума, в своем выборгском манифесте *), призвала народ не давать ни одного рекрута разбойничьей правительственной шайке. На призыв этот откликается крестьянская Русь. Изголодавшийся, измученный крестьянин, потерявший веру в царя, во многих местах России пойдет на все, чтобы не дать царю новых солдат для расстрела народа. Призыв происходит повсеместно и почти одновременно, т.-е. в течение одного месяца. Город сможет на этом живом деле тесными узами связаться повсеместно и одновременно с деревней. Революционный пожар вспыхнет с различных сторон, у многих из солдат, когда они опять убедятся, что «внутренним врагом» стала вся Россия,—дрогнет сердце, и многие из них поколеблются.

Но для этого необходимо, чтобы в борьбе принял деятельное участие весь народ. В нынешнем году призывают около 800 тысяч человек, из которых на службу желают взять 500 тысяч. Одни 800 тысяч рекрутов с царским правительством справиться не смогут. Нужно, чтобы дело рекрутов стало делом всего народа. Нужно, чтобы вместе с рекрутами в борьбе приняли деятельнейшее участие рабочие, крестьяне и все вообще,

*) См. примечание 2-ое, стр. 52.

способные на решительную борьбу элементы нации. Иначе будут только бесполезные жертвы. Правительство пойдет на все, чтобы только получить рекрутов. Огнем и мечом оно захочет карать всех тех, кто станет ему на пути. Необходимо поэтому готовиться заранее. Необходимо немедленно начать сплачиваться, чтобы дать отпор царским башибузукам, необходимо напрячь все усилия, чтобы движение на почве отказа от поставки рекрутов стало повсеместным, всенародным. Нужно сейчас же вооружиться, кто чем может, сейчас же приступить к решению, как, по возможности, планомернее все это провести в жизнь. Нужно привлечь к рекрутскому набору внимание всего народа, нужно готовиться, в случае успеха кампании, перейти в наступательное восстание. Если будут все признаки, что движение принимает действительно почти повсеместный характер, следует призвать крестьян двинуться вместе с рекрутами в города, разрушить железные дороги, чтобы лишить правительство возможности подвозить войска, вместе с городским населением приступить к захвату всевозможного оружия, к изгнанию правительственных властей, к захвату городских учреждений, к объявлению всенародной забастовки, к всенародному восстанию под лозунгом созыва Всенародного Учредительного Собрания *).

А вы, товарищи рабочие, вы, первые поднявшие меч против самодержавной шайки, вы, конечно, и в этой борьбе должны быть в первых рядах. Рекрутам из рабочих необходимо немедленно начать сплачиваться и уяснять себе свою задачу. Сознательные рабочие — рекруты должны будут взять на себя роль авангарда. Явившись на места, всякий из них должен будет действовать решительно и непоколебимо **). И вы, конечно, исполните свой долг перед родиной, товарищи.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья из № 2 газеты «Вперед», 23 сентября 1906 г.

---

*) Октябрь-ноябрь — наиболее благоприятное для борьбы крестьян время. Урожай собран, батраки уже дома, царские чиновники приступают к выколачиванию податей и т. д.

**) Стихийное движение на почве отказа от дачи рекрутов будет неизбежно. Наше дело — внести в него наибольшую сознательность и планомерность.

ВЫБОРЫ ПО РАБОЧЕЙ КУРИИ В ПЕТЕРБУРГЕ (1).

Обращаем внимание читателей на прекрасный материал по вопросу о выборах в рабочей курии в Петербурге (2), сообщаемый в печатаемом ниже «Отчете» (3) организатора Семянниковского подрайона.

Необходимо всем местным районным и подрайонным работникам с.-д. собрать подобные же данные по всем заводам, чтобы проверить правильность выводов, которые получаются по Невскому району. Надо знать по каждому заводу, какие кандидаты боролись (большевики, меньшевики и с.-р.), сколько голосов получил каждый кандидат, сколько всех рабочих.

Знать это необходимо для проверки всей нашей с.-д. политики в рабочей массе с точки зрения укрепления нашей партии.

Данные по Невскому району вполне подтверждают тот вывод, о котором говорит теперь «весь социал-демократический Петербург». С.-р. усилились особенно на крупных заводах. С.-р. побеждали меньшевиков. Большевики побеждали с.-р.

Из 23 заводов Невского района на 12-ти заводах были выставлены большевистские кандидаты. Они получили 11 мест, а с.-р. — только 2. На остальных 11 заводах были выставлены меньшевистские кандидаты. Они получили 6 мест, а с.-р. — 12.

Рассмотрим политическое значение этой победы эс-эров над меньшевиками.

Прежде всего необходимо отметить, что преобладание с.-д. по числу уполномоченных определенно указывает на преобладание числа заведений, в которых с.-д. имеют организационные ячейки. Более подробные данные, несомненно, подтвердят то наблюдение, которое было уже сделано социал-демократами в октябрьские дни свобод, именно, что с.-р. не ведут никакой прочной и длительной, серьезной организационной работы в пролетариате, а действуют, если можно так выразиться, налетом, «срывая» резолюции на митингах во время подъема настроения, пользуясь всяким оживлением, чтобы «сорвать» и мандаты посредством трескучих и эффектных «революционных» фраз и речей.

Этот элемент эс-эровской победы, по всей вероятности, будет констатирован всяким добросовестным исследователем

и в недавно закончившихся выборах по рабочей курии в Петербурге. В конечном итоге дело сводится к тому, что «революционная» мелкобуржуазная партия к солидной и упорной пролетарской работе не способна, и при малейшей перемене настроения она исчезает с горизонта рабочих предместий. Только в отдельные моменты ей удается эксплоатировать недостаточную политическую подготовку масс, «пленяя» якобы широкой (на деле—расплывчатой и интеллигентски-мишурной) постановкой вопроса, играя на неразвитости классового сознания, демагогически используя традиционную «тягу к земле» в тех случаях, когда есть еще связи с деревней и т. д...

Буржуазный характер революции, естественно, приводит к тому, что на рабочие кварталы «налетают» от времени до времени тучи радикальной и шумно-революционной буржуазной молодежи, которая не имеет под собой никакой классовой опоры и инстинктивно идет к пролетариату, как к единственной серьезной *борющейся* за свободу силе, когда в воздухе носится новый подъем, новый натиск революции. Эс-эровские ораторы на рабочих митингах, это — своего рода буревестники, показывающие, что у пролетариата является настроение, что он несколько уже отдохнул, собирает силы после былых поражений, в нем широко и глубоко начинает опять бродить нечто, ведущее к новой схватке с самодержавием.

Сопоставление октябрьского и «думского» периодов с современными выборами и простая сводка данных о прочных организационных ячейках с.-р., несомненно, подтвердит это объяснение.

Было бы, конечно, величайшим легкомыслием *ограничиваться* этим объяснением и закрывать глаза на то, что именно на крупнейших, наиболее революционных и испытанных в борьбе заводах с.-р. *победили* социал-демократов. К счастью, однако, мы знаем уже теперь, что на деле крайняя левая буржуазной демократии побеждала вовсе не социал-демократию, а *оппортунистическое опошление* социал-демократии.

Революционная буржуазная демократия пассовала перед революционной социал-демократией, побеждая на деле только тех, кто плетется в хвосте нереволюционных буржуа, *кто стоит за блоки* с к.-д. Об этом совершенно недвусмысленно свидетельствуют и показания с.-д. работников о характере эс-эровских выступлений и данные об эс-эровской «победе» над меньшевиками.

Выборы были в Петербурге 7-го и 14-го января. Рабочий Петербург узнал, что 31 меньшевик откололись ([4]) от с.-д. конференции для торгашества с кадетами о местечках в Думу. Всю неделю затем ликовала и шумела вся буржуазная печать, хваля меньшевиков, усаживая их рядком с кадетами, поощряя их отречение от революции и переход в «оппозиционный блок», в «умеренно-социалистические партии» и т. д.

Разгром меньшевиков на крупных заводах есть первое предостережение, которое пролетарские массы дали шатающимся интеллигентским выразителям оппортунизма!

Меньшевики повернули к кадетам,—пролетариат Петербурга отвернулся от меньшевиков.

С.-р. использовали момент раскола в социал-демократии, негодование рабочих против кадетоподобных меньшевиков, использовали бойко и бесцеремонно. В предместьях они громили с.-д. за блок с кадетами (умалчивая о большевиках и о П. К. Р. С.-Д. Р. П.) ([5]) а в городе они сами торговались с кадетами! Теперь понятно, почему они так усердно скрывали и скрывают от публики и свои взгляды, и свои постановления о блоках с кадетами, и свои блоки с н.-с., и прочее, и прочее, и прочее... Все грехи меньшевизма они повторяют тайком, а перед рабочими срывают хлопки, срывают мандаты своим разносом меньшевизма!

Упомянутый выше организатор Семянниковского Подрайонного Союза Р. С.-Д. Р. П. пишет в своем отчете о выборах на громадном Семянниковском заводе: вопреки протестам большевиков, меньшевики выставили кандидатуру тов. Х. «На предвыборном собрании в заводе выступавший интеллигент с.-р. подверг беспощадной критике меньшевистские доводы товарища Х. за соглашения с кадетами, и тов. Х., как говорили рабочие, сел в лужу». Поражение меньшевиков перед массой было полное. «Когда масса узнала,—читаем в том же отчете,—что с.-д. кандидаты стоят за соглашения с кадетами, что эти кандидаты—меньшевики, то прямо говорили здесь же (на заводе), что за меньшевиков голосовать не будут».

Вполне понятным становится отсюда, почему меньшевики на с.-д. конференции были против голосования при выборах по платформам, т.-е. против прямого голосования самих масс по вопросу о блоках с к.-д!

... «В фабричном подрайоне у меньшевиков на Невском стеариновом заводе рабочий Н. М., которого наметили в упол-

Совѣты Рабочихъ Депутатовъ бросали въ массы политическiе лозунги соцiалъ-демократiи. Они пропагандировали и тѣ средства борьбы, которыя россiйская соцiалъ-демократiя считала цѣлесообразными и единственно могущими достигнуть цѣли при создавшихся условiяхъ. Наша партiя еще въ самомъ началѣ революцiи выдвинула необходимость ~~подгот~~ готовить политически и технически рабочiй классъ и всѣ другiе ~~сло~~ способные на рѣшительную борьбу слои народа къ вооруженному возстанiю, какъ къ единственной предпосылкѣ ~~вооруженнаго во-~~ ~~ст~~ полной побѣды надъ самодержавнымъ режимомъ. Большинство нашей партiи еще (сравнительно) задолго до октябрьскихъ дней ~~[illegible]~~ предвидѣло, что главнымъ оружiемъ рабочаго класса въ нашей революцiи будетъ синтезъ вооруженнаго возстанiя и всеобщей забастовки. И къ этимъ высшимъ формамъ борьбы ~~[illegible]~~ русская соцiалъ-демократiя готовила рабочiй классъ долгой, неустанной, выдержанной ра-

Факсимилэ рукописи Г. Зиновьева — «Краткий очерк истории первой русской революции».

Совѣты Рабочихъ Депутатовъ бросали въ массы политическіе лозунги соціаль-демократіи. Они пропагандировали и тѣ средства борьбы, которыя россійская соціаль-демократія считала цѣлесообразными и единственно могущими достигнуть цѣли при создавшихся условіяхъ. Наша партія еще въ самомъ началѣ революціи выдвинула необходимость готовить политически и технически рабочій классъ и всѣ другіе способные на рѣшительную борьбу слои народа къ вооруженному возстанію, какъ къ единственной предпосылкѣ полной побѣды надъ самодержавнымъ режимомъ. Большинство нашей партіи еще сравнительно задолго до октябрьскихъ дней предвидѣло, что главнымъ орудіемъ рабочаго класса въ нашей революціи будетъ синтезъ вооруженнаго возстанія и всеобщей забастовки. Къ этимъ высшимъ формамъ борьбы русская соціаль-демократія готовила рабочій классъ долгой, неустанной, выдержанной ра-

(Стр. 24).

номоченные, прямо заявил: «после того как я узнал, что с.-д. за соглашения с к.-д., перехожу к с.-р.» Он действительно перешел и был выбран в уполномоченные!!»

Вот до какого позора довели социал-демократию эти жалкие оппортунисты, способные накануне выборов отказываться от рабочей партии ради того, чтобы торговаться о местечках с кадетами!

Для всякого соц.-демократа, который дорожит честью и добрым именем пролетарской партии, может быть только один выход: беспощадная война с меньшевизмом в Петербурге. Мы должны изгнать из рабочих предместий людей, которые своей кадетской политикой отталкивают рабочих от социализма к революционной или ранее оппозиционной буржуазии.

С.-р. отняли у меньшевиков крупнейшие заводы. Мы снова отнимем их у с.-р. Мы будем преступниками, если станем считаться перед лицом насущных политических задач с формальными рамками и заскорузлыми иерархическими соображениями ([6]). Мы должны направить новые агитаторские силы, новую революционную с.-д. литературу именно на крупнейшие заводы, чтобы разъяснить им, как они попали из рук кадетолюбивых меньшевиков в руки кадетолюбивых с-р.!

Весь ход выборной кампании в Петербурге, все данные о бесконечных шатаниях меньшевиков, об их вступлении (после откола от рабочей партии) в мелкобуржуазный блок, о том, как они вместе с с.-р. торговались из-за местечек с кадетами, — все это дает нам богатейший материал для борьбы с меньшевиками и с.-р. на крупных заводах в Петербурге.

Крупные заводы должны стать и станут прочной и недосягаемой ни для оппортунистов, ни для революционных мелких буржуа опорой революционной социал-демократии.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) «Выборы по рабочей курии 25 янв. 1907 г. в Петербурге»,—статья из № 12 «Пролетария» 1907 г.

[2]) Выборы во вторую Гос. Думу по рабочей курии 7 - 14 января 1907 г.

[3]) «Отчет» делегации в том же № 12.

[4]) На общегородской партийной конференции, где решался вопрос об избирательной тактике, большевики оказались в большинстве. Петербургская организация высказалась против блока с кадетами. Тогда группа делегатов-меньшевиков (31 чел.) ушла с конференции, не остановившись перед расколом. 31 меньшевик сделали этот шаг под влиянием Централь-

ного Комитета, который находился тогда в руках меньшевиков. Непосредственными организаторами этого раскола выступили Дан, Мартов, Исуф и другие виднейшие меньшевики. Шаг этот вызвал громадное возмущение со стороны Петербургских рабочих. Тов. Ленин выступил с разоблачением меньшевиков и опубликовал брошюру под заглавием «Лицемерие 31 меньшевика». Меньшевистский Ц. К., которому брошюра эта попала не в бровь, а в глаз, привлек тов. Ленина к «партийному суду», который, впрочем, ни к каким результатам не привел. После этого поражения меньшевиков на общегородской Петербургской конференции, им больше уже не удалось оправиться в Питере. С этих пор влияние их (а в течение продолжительного времени меньшевики имели большинство в Петербурге) все больше и больше идет на убыль.

[5]) Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П. в то время был уже в своем большинстве большевистским и являлся главной опорой большевистской партии вообще. Фактически происходила непрестанная борьба между большевистским П. К., с одной стороны, и меньшевистским Ц. К. — с другой. Тогдашний главный штаб большевиков сосредоточивал свою работу именно в П. К.

[6]) Петербургский Комитет партии формально был подчинен меньшевистскому Ц. К. Но для того, чтобы спасти революционную линию, Петербургскому Комитету приходилось нарушать или обходить те или другие постановления меньшевистского Ц. К., направленные к блоку с буржуазией.

СУД НАД ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РАБОЧЕГО КЛАССА (1).

Разогнавши вторую Государственную Думу и взявши в плен социал-демократических рабочих депутатов, правительство теперь собирается разыграть комедию суда над ними. Правительство обвиняет социал-демократическую думскую фракцию, по одним сообщениям, в том, что она готовила военный заговор, по другим—просто за принадлежность «к тайному сообществу, присвоившему себе название Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и поставившему себе целью ниспровержение» и т. д.

Нечего, конечно, говорить о том, каков будет этот «суд». Наемным лакеем самодержавной юстиции приговор, разумеется, будет заранее предписан свыше, суд превратят в жалкую комедию, разыгрываемую в застенке, вдали от глаз России и всего мира, всякая гласность, вероятно, будет изгнана, так как правительство достаточно проучено опытом суда над Петербургским Советом Рабочих Депутатов, превратившимся на деле в суд над самодержавным правительством. Но как бы ни старалось правительство, суд над с.-д. думской фракцией несомненно получит крупное политическое значение, и планы правительства обратятся против него же.

Социал-демократия смотрит на арест ее депутатов и суд над ними как на одно из событий длительной борьбы рабочего класса за окончательное низвержение самодержавия царя и замену его полным и совершенным самодержавием народа. Чтобы осуществить контр-революцию, правительству, разумеется, необходимо прежде всего справиться с передовым бойцом революции, т.-е. с рабочим классом. Когда по всему фронту шла настоящая революционная, внепарламентская борьба, пролетариат был во главе ее. Это он устраивал великую октябрьскую забастовку, это он строил баррикады, это он выносил на своих плечах вооруженные восстания в Москве, Латышском крае и других местах. А во главе его на протяжении всей этой борьбы шла социал-демократия.

И правительство в своей борьбе против народа прежде всего обрушилось всей силой своих репрессий, всей громадой своих штыков именно на рабочий класс и на его социал-демократическую партию.

Когда впоследствии обстоятельства сложились так, что рабочий класс должен был принять борьбу и на думской почве,— он и тут оказался на высоте своей задачи. Вопреки гнусному избирательному закону, отсутствию всякой свободы агитации и т. д., рабочий класс, при поддержке городской и деревенской бедноты, послал во 2-ю Государственную Думу свыше 60 своих представителей социал-демократов. И там, в этой 2-й Думе, где, как и в 1-й Думе, большинство составляли господа кадеты и примыкавшие к ним группы, во 2-й Думе, которую все остальные партии решили «беречь», а потому позволяли Столыпину безнаказанно издеваться над ней,—и в этой 2-й Думе знамя революционной борьбы высоко держали только рабочие представители — социал-демократы.

Они единственные, при «гробовом», а в сущности просто трусливом, молчании всей остальной Думы, дали достойный ответ на наглую правительственную декларацию, прочитанную Столыпиным. Они решительнее и мужественнее всех добивались принятия таких мер, которые могли бы принести действительную помощь голодающим крестьянам и безработным пролетариям. Когда правительство требовало от Думы утверждения полумиллионного рекрутского призыва, они решительнее всех провозгласили лозунг—ни одного солдата правительству палачей! Когда правительство требовало утверждения бюджета, они громко заявили: ни одной копейки правительству Романовых! Они громко протестовали в Думе против гонений на профессиональные рабочие союзы и другие рабочие организации, они разоблачали разбои, чинившиеся в разных застенках царскими ставленниками, они ярко осветили в Думе нужды рабочих и крестьянской бедноты. Некоторые из них решительно звали крестьянина пойти рука об руку с рабочим не только против правительства и помещиков, но и против либерального барина. Эти же депутаты вели непримиримую борьбу с предателями народной свободы — кадетами. Они разоблачали их изменническую политику перед всей Россией, подымая тем революционное сознание масс на высшую ступень. Они боролись против шаткости и неустойчивости народников, трудовиков и других «левых» думских групп.

Социал-демократические депутаты во 2-й Думе стойко выполнили данное им рабочим классом поручение. Они широко развернули пролетарское знамя и воспользовались думской трибуной, чтобы просветить широкие народные массы насчет социалисти-

ческих и демократических требований пролетариата. Они, по мере сил, помогали и практической борьбе рабочих.

И за все это правительство, конечно, не могло не арестовать их, раз у него была еще сила, чтобы сделать это.

И всякий сознательный рабочий, всякий честный гражданин легко поймет, что социал-демократическую думскую фракцию судят не за заговор, а единственно за то, что члены ее и в Думе исполняли свой долг передовых борцов рабочего класса, что они и в Думе помогали рабочим в их борьбе за освобождение России от царского самодержавия и за освобождение рабочих от самодержавия капиталистов.

Всякий сознательный рабочий не только поймет все это, но и сделает надлежащие выводы. Он скажет себе: это я вместе с остальными рабочими посылал своих с.-д. депутатов во 2-ю Думу; это мои интересы защищали там эти борцы, это мое поручение исполняли они, это мою волю творили они там. Суд над ними означает суд надо мною, суд над всем рабочим классом, их дело — мое дело. А посему необходимо во что бы то ни стало организовать массовый протест рабочих против комедии суда, необходимо организовать массовое выражение солидарности рабочих своим депутатам. Необходимо приняться за это немедленно, ибо времени остается немного, необходимо всем сознательным рабочим работать над этим, не покладая рук. Нужно устраивать собрания, митинги протеста, выносить резолюции протеста и готовить однодневную демонстративную забастовку. Именно — готовить. Объявить же ее можно будет только тогда, когда влиятельные круги рабочих будут уверены в ее успехе, когда окончательно выскажется с.-д. партия, профессиональные союзы, заводские беспартийные комитеты и другие рабочие организации. Дружная одновременная забастовка была бы хорошим ответом на комедию суда и на неслыханную реакцию последних месяцев. Она была бы хорошей встречей 3-й Думы. Готовить эту форму протеста мы призываем всех рабочих, в особенности рабочих и работниц Петербурга. Ибо они идут во главе рабочих всей России, на их глазах происходила вся борьба в Думе с Думой, на их же глазах будет происходить комедия суда.

Слово за рабочим классом! Пусть же каждый сознательный пролетарий исполнит свой долг!

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья из № 17 газеты «Вперед», октябрь 1907 г.

КО ВСЕМ РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ, КО ВСЕМ СОЮЗАМ, БЕСПАРТИЙНЫМ ЗАВОДСКИМ КОМИТЕТАМ, КО ВСЕМ РАБОЧИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ И ГРУППАМ, КО ВСЕМ ПРИКАЗЧИКАМ И РЕМЕСЛЕННИКАМ ПЕТЕРБУРГА И ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ (1).

Товарищи! На последнем своем заседании наша Петербургская социал-демократическая конференция, выслушавши отчеты с фабрик и заводов и еще раз обсудивши вопрос о поведении рабочих в связи с предстоящим в середине ноября судом над социал-демократами — депутатами 2-ой Госуд. Думы, решила призвать пролетариат Петербурга и Петербургской губернии к однодневной демонстративной забастовке в день начала этого суда и пригласить все рабочие группы и организации помочь успешному проведению этой забастовки (2).

Товарищи! Мы знаем, что экономическое положение рабочих в настоящий момент очень незавидное, мы знаем, что непрекращающиеся расчеты, уменьшение заработной платы и всякие другие репрессии со стороны работодателей тяжело давят на Петербургского рабочего. Мы знаем, что снова водарившийся политический гнет и репрессии больнее всего ударяют по рабочему, и некоторые из рабочих склонны в бессилии опустить руки. Тем не менее, товарищи, мы зовем вас на борьбу, которая одна может вывести вас из настоящего положения. Мы зовем вас, товарищи, выразить свою солидарность вашим представителям, депутатам с.-д. из 2-ой Государственной Думы, в форме однодневной забастовки. Это—единственная форма протеста, достойная Петербургских рабочих при настоящих обстоятельствах. Удача этой забастовки оживит борьбу Петербургского пролетариата и послужит лучшим ответом темной реакции. Провести эту забастовку, не оставить без поддержки своих представителей—долг чести всех сознательных Петербургских рабочих и работниц без различия партий и направлений. Во имя нашей пролетарской солидарности, во имя нашей борьбы —

да здравствует дружная и единодушная забастовка в день начала суда над социал-демократической думской фракцией!

Петербургская конференция Р. С.-Д. Р. П.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Напечатано отдельным оттиском и в № 20 «Пролетария», 1907 г. 19 ноября.

[2]) В забастовке приняло участие около 100.000 рабочих. Меньшевики на деле саботировали эту забастовку—во всяком случае, относились к ней очень прохладно.

9 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА—9 ЯНВАРЯ 1908 ГОДА.

Третий раз пролетариат России встретил кровавую годовщину 9 января. Немного прожито, но очень много пережито.

9 января 1905 года рабочие Петербурга мирной толпой отправились к царскому дворцу просить «милости и свободы». Рабочие были встречены пулями и штыками, сотни убитых, множество раненых были им наградой, улицы Петербурга были залиты рабочей кровью.

9 января расстреляна была вера в царя даже среди отсталых слоев рабочих. 9 января стало историческим днем, оно стало началом русской революции, началом крупнейшей полосы в жизни нашей страны.

«Мирное» шествие рабочих ко дворцу по существу своему означало объявление решительной войны самодержавному строю. Независимо от желания руководителей движения, оно означало начало решительной битвы. Недаром верные псы старого режима своим чутьем быстро поняли значение «мирного» шествия с иконами и царскими портретами.

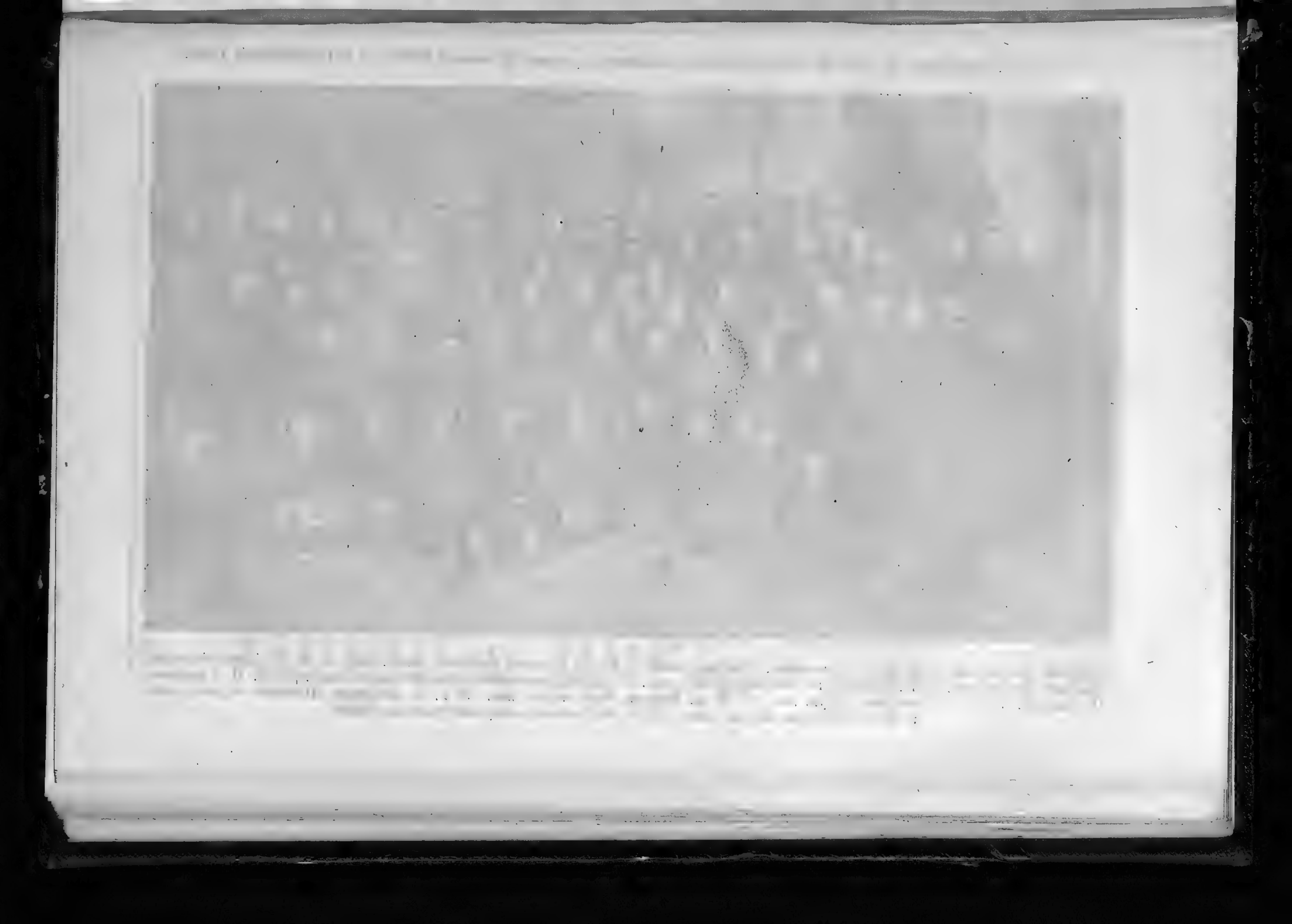
Варварский самодержавный гнет политического бесправия, неслыханная нищета и тягчайшая эксплоатация со стороны капитала заставили рабочих поставить ребром вопрос: смерть или свобода. «Либо ты улучшишь нашу жизнь, либо мы умрем здесь, на этой площади» — так писали рабочие накануне 9 января в своей петиции к царю.

Рабочий класс России уже задолго до 9 января 1905 года начал свою более или менее организованную экономическую борьбу против гнета капитала. Передовая часть рабочих уже давно вела также политическую борьбу. Серьезную массовую борьбу против самодержавного строя — первые начали рабочие под руководством с.-д. партии. Под влиянием их борьбы, их громкого протеста, стали пробуждаться и другие общественные слои. Режим царского самодержавия немилосердно угнетал также малоимущее крестьянство, городское бедное население. Стесняя свободное развитие капитализма в России, он был не по сердцу даже значительной части капиталистов и более просвещенных дворян-помещиков, он вызывал к себе ненависть со стороны всей буржуазной интеллигенции.

Выборы выборщиков от рабочих петербургского фабричного района, 25 января 1907 г., в зале городской думы.

Группа уполномоченных от рабочих. *Сидят (слева):* 1) Н. Павлов, Невский лесоп. зав. 2) И. И. Миргородский, Ижорск. адмир. зав. 3) И. И. Фигель, Невск. судостр. зав. 4) С. М. Бальбатов, Кроншт. порт. маст. 5) И. Н. Гомзяков, Путил. зав. 6) П. В. Конищев, Обух. зав. 7) И. А. Петров, Охт. порох. зав. 8) Г. Е. Любимов, Невский судостр. зав. 9) Н. Г. Сутягин, Путил. зав. 10) П. А. Тюшин, мануфактурн. зав. Паля.

Русско-японская война послужила последней каплей, переполнившей чашу. Зарево манчжурских пожаров ярко осветило весь ужас самодержавного строя, все безобразия и уродства политического рабства, всю необъятную нищету голодающего, безземельного крестьянства, весь ужас положения создающего все богатства рабочего класса, все бесстыдное и паразитическое хозяйничанье самодержавной клики. Так больше продолжаться не могло. Финансовое положение было подорвано разорительной и ненавистной народу войной, значительная часть армии — ею деморализована, в глубинах народных кипело неудовольствие.

И то, что случилось 9 января, оказалось весьма знаменательным. По внешнему виду самодержавие одержало 9 января большую победу. Рабочие — расстреляны, движение их потоплено в крови, армия — целиком на стороне правительства. Чего же еще? Но уже очень скоро и слугам реакции стало ясно, что их «победа» 9 января чревата роковыми последствиями.

Расстрел 9 января, в связи со всем положением страны, вызвал могучий взрыв протеста среди рабочих всей России. Разрасталось с небывалой, сказочной силой и быстротой великое движение. Стачечная волна с неудержимым натиском катилась по всей стране. Всего лишь несколько месяцев прошло от 9 января до Петербургского Совета Рабочих Депутатов. За несколько месяцев шагнул пролетариат Петербурга от Гапона до славного Совета, в котором огромное большинство состояло из социал-демократов. Начало пробуждаться крестьянство. За несколько месяцев вырос влиятельный Крестьянский Союз. Появились признаки пробуждения части армии. Восстал флот. Могучее, широкое движение происходило в Польше. Восставал Кавказ. Восставал Прибалтийский Край. Взволновалась Сибирь. Высоко поднимавшиеся волны достигли даже границ других государств. События 1905 года в России дали могучий толчок борьбе рабочих в Австрии, в Германии и т. д. Своей славной забастовкой, увлекшей всю страну, рабочий класс России, при некотором содействии части крестьян и при немом «сочувствии» либеральной буржуазии, вырвал у самодержавия манифест 17 октября, заставив его отказаться от созыва Думы на основании еще более жалкой Булыгинской конституции.

Благодаря самоотверженной борьбе рабочего класса, был сделан крупный шаг вперед. Главная тяжесть борьбы легла на плечи рабочего класса. Но и главное руководство борьбой

в эти памятные дни принадлежало ему, этому прирожденному революционеру. История толкнула его в первые ряды революционной армии. Все экономическое и политическое положение страны, уровень сознательности и организованности самого рабочего класса — все это требовало, чтобы пролетариат занял роль вождя революции.

Одержав в октябре первую крупную победу, пролетариат, однако, не почил на лаврах. Он понял, что разоружаться еще рано, что враг не добит, что как только этот старый враг опять очнется и принакопит сил, он бросится по прежнему душить страну и вырывать обратно сделанные завоевания. И все это рабочий класс и его с.-д. партия говорили громко на всю Россию.

Рабочие воспользовались днями свободы, чтобы сплотить свои ряды, чтобы укрепить свою с.-д. партию, чтобы построить широкие боевые профессиональные союзы, чтобы просветить еще темных, чтобы привлечь отсталых. И рабочие вместе с тем продолжали готовиться к дальнейшей борьбе, к решающему бою.

Каждый класс борется своими средствами. Буржуазия (либеральная часть ее) боролась петициями, резолюциями и адресами. Рабочий класс боролся стачкой и восстанием. И по мере того как борьба разгоралась, либеральная буржуазия все более переставала «сочувствовать» рабочему классу. С одной стороны она была подкуплена обещаниями, содержавшимися в манифесте 17 октября, с другой стороны она убоялась рабочего класса, ибо она воочию увидела, что пролетариат России кое-чему научился у своих западно-европейских братьев, что он хочет завоевать свободу не только для буржуазии, а намеревается, расправившись с самодержавием царей, расчистить себе путь для борьбы и с самодержавием капитала, для борьбы за социализм, что рабочий класс идет не за буржуазией, а создает свою собственную рабочую социал-демократическую партию.

И мало-по-малу немое «сочувствие» борьбе рабочих и красноречивые петиции и просьбы сменились криками о «безумной стихии», да шумными приготовлениями к «положительной» работе в парламенте в союзе со старым правительством,

Либеральная буржуазия предала. Крестьянство в массе своей оказалось недостаточно сплоченным и готовым к борьбе. И рабочий класс остался один-на-один с очнувшимся от удара самодержавием, в руках которого имелась большая темная армия солдат.

Первым движением очнувшегося и собравшегося с силами правительства было — схватить за горло самого опасного врага своего — рабочий класс. Почувствовавши опору, оно арестовало славный Петербургский Совет Рабочих Депутатов, объявило всю Россию на военном положении, стало душить рабочие организации, рабочую печать.

Рабочие, при поддержке части крестьянской и городской бедноты, ответили рядом восстаний, из которых самым решающим было вооруженное восстание в Москве.

Но правительству удалось потопить эти восстания в крови восставших. И тогда только началась дикая вакханалия самодержавия, превзошедшая все, что видела дотоле история. Повсеместные погромы, натравливание одной национальности на другую, карательные экспедиции, скорострельные суды, виселицы и каторга — вот чем отпраздновало свою победу самодержавие. И больше всего опять-таки потерпели рабочий класс и крестьянство. У революционной армии сил оказалось пока недостаточно, и октябрьская полу-победа превратилась вместо полной победы во временное поражение.

Но Думу все же пришлось собирать. К этому принуждали неулегшееся народное волнение и денежное затруднение. Большая часть рабочих бойкотировала первую Думу, приглашая народ продолжать прежнюю, непосредственную революционную борьбу. Но выборы состоялись, Дума собралась. И даже те умеренные требования, которые были выдвинуты ее кадетским большинством, самодержавие, в упоении своей победой, конечно, удовлетворить отказалось.

Первая Дума была разогнана. Через 8 месяцев разгула бешеной реакции собралась вторая Дума. Вопреки всем ухищрениям и надеждам правительства, в ней оказалось много истинных представителей рабочих и крестьян. И нечего говорить о том, что еще раньше, чем собралась вторая Дума, правительство думало о ее разгоне. Непосредственной опасности немедленного восстания не было, и правительство спокойно разогнало вторую Думу. Совершон был государственный переворот 3-го июня, и собралась третья Дума, в которой хозяйничает кучка крепостников-дворян и крупных капиталистов.

Большинство третьей Думы издевается над нуждами рабочих и крестьян. Бобринские и Гучковы, Пуришкевичи и Хомяковы взапуски шлют верноподданнические адреса, торжествуют победу

и готовы роздать миллионы рабочих денег «жертвам» революции, т.-е. тем же прислужникам реакции. Вкупе со Столыпиным и присными они справляют поминки по революции и готовы вновь и надолго спокойно усесться на своих тронах и золотых мешках.

Пусть торжествуют! Мы можем в данном случае смело сказать: Горе победителям! Недалек уже тот день, когда всем станет ясно, что нынешнее торжество самодержавия — явление временное, что рабочее движение не задавлено, как не задавили его и посредством кровавой бойни 9 января. Недалек день, когда гробовщики революции превратятся в погребаемых, когда опять выпрямится во весь свой гигантский рост пролетариат России, который, при помощи крестьянства, вырвет страну из цепей самодержавия.

Мы можем вместе с Штутгартским [1]) съездом рабочих социалистов сказать: да, великая российская революция только начинается. И раньше или позже она кончится полной победой. Быть может она продлится не один год — ведь продолжалась же Великая Французская революция больше десятилетия — но исход ее будет победоносным. Она даст нам полную демократию и облегчит рабочему классу дорогу к социализму.

И, оглядываясь на пройденный путь, рабочий класс России вспомнит о своих мертвецах, о своих погибших братьях, павших 9 января, павших па поле битвы в московском и других восстаниях. Рабочие России будут чтить память этих своих борцов, как французские рабочие чтут своих героев Коммуны, как немецкие рабочие чтут память павших 18 марта 1848 года.

Память о павших борцах будет жить в великом сердце рабочего класса, который до полной победы неустанно будет продолжать свое дело.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья из № 20 газеты «Вперед», 19 января 1908 года.

---

[1]) Международный соц. конгресс в 1907 г.

ПИСЬМО ИЗ ПЕТЕРБУРГА (1).

Положение дел в социал-демократической организации далеко не так печально, как оно казалось месяца два тому назад. Наша организация оказалась устойчивее всех других, действующих среди рабочих. По самым пессимистическим последним подсчетам, мы, вопреки всем невзгодам, насчитываем сейчас не меньше 3.000 членов, более или менее активно работающих в партии. Интеллигенции ушло масса, не меньше $^9/_{10}$ ее. В этом есть и хорошая сторона. Все дело взяли в руки сами рабочие. Вновь избранный П. К. состоит почти весь из рабочих. Главную тяжесть работы в районах несут на себе рабочие. Влияние на массы безусловно растет: это показала забастовка 22 ноября (2), проведенная исключительно силами П. К., вопреки с.-р., профессиональным союзам и части меньшевиков.

Сейчас организация переходит на новые рельсы: решено обратить особое внимание на экономическую борьбу и злобы дня фабрично-заводской жизни. Организация повела усиленную агитацию в пользу идеи профессионального объединения. Вместе с тем решено не ограничиваться только тем, что призывать записываться в профессиональный союз, а самим партийным ячейкам на деле вмешиваться в экономическую борьбу и от имени партии по возможности помогать ей. Профессиональные союзы здесь хотя и легализованы (их существует сейчас 34), но и наиболее сильные из них, по общему признанию, прозябают. Вести сколько-нибудь боевую тактику им невозможно, ибо это равносильно моментальному их закрытию. Они ограничиваются более или менее солидной постановкой дела взаимопомощи и крохотной просветительной работой. Боязнь закрытия парализует все их начинания, а топтание на одном месте грозит вызвать охлаждение к союзам в рабочих массах.

Капиталисты между тем наступают. Шаг за шагом отбираются все завоевания рабочих: уменьшается заработная плата, увеличивается рабочий день, вводятся сверхурочные работы, мужчин заменяют женщинами и детьми, запрещаются всякие денежные сборы на заводах и фабриках, рассчитывают наиболее видных рабочих и т. д. Если рабочие не подготовятся к оборонительной борьбе, если оборона не будет проведена сплоченным строем партии и союзов,—неизбежно огромное ухудшение условий труда.

Партийная организация решила напрячь все свои собственные силы для этой борьбы и сорганизовать с.-д. внутри союзов. До сих пор с.-д. в профессиональных союзах действовали неорганизованно, и это приводило к вреднейшим результатам. Стремление П. К. сплотить с.-д. в союзах натолкнулось на сопротивление нейтралистов (³), завопивших о том, что это приведет к расколу в союзах и т. д. Это противодействие удалось легко преодолеть. Слишком уже била в глаза неорганизованность и горькие ее плоды. На объединении особенно настаивают рабочие из союзов. Помогла тут и резолюция Ц. К. о профессиональных союзах (⁴).

Существовавшие на многих предприятиях беспартийные комитеты стали терпеть за последнее время фиаско и терять доверие рабочих. В атмосфере общего упадка, при отсутствии активности со стороны самих рабочих масс, эти беспартийные заводские комитеты, не связанные никакой программой, ни партийной дисциплиной, ни контролем и, с другой стороны, всячески соблазняемые агентами капитала, часто деморализуются сами и вносят деморализацию в среду рабочих. Так, например, недавно обанкротился и беспартийный Семянниковский комитет, избранный всеобщим, равным и т. д. голосованием. Он давно уже вызывал недовольство рабочих и был окончательно свергнут за то, что поднес холопский адрес директору завода Гиппиусу, вопреки воле огромного большинства рабочих. Этот же комитет, между прочим, высказался и против забастовки 22 ноября, тогда как рабочие завода забастовали, как один человек. Падение Семянниковского беспартийного комитета можно считать симптоматическим. Замечается тенденция от беспартийности к партийности.

П. К. в виду всего этого решил перенести центр тяжести на работу партийных заводских комитетов (⁵). Туда, как и встарь, начинают собираться хотя немногочисленные, но зато самые влиятельные рабочие. Если эти партийные заводские комитеты с достаточным вниманием отнесутся к экономической жизни рабочих, ко всем повседневным мелочам рабочей жизни, — они выполнят огромное дело и при первом подъеме опять окажутся во главе рабочих.

П. К. тоже предпринял агитацию на экономической почве. Собрана в высшей степени поучительная анкета по вопросу о сверхурочных работах и ведется энергичная письменная и устная агитация против них. Организация занялась работой и в коопе-

ративах, а также в просветительных обществах. Возобновилась работа в кружках. В некоторых районах, как, например, на Васильевском Острове, кружков — несколько десятков. Большой спрос на пропаганду так называемого высшего типа.

Организуются заново ремесленники. С тех пор, как распался ремесленный район (6), десятки тысяч петербургских ремесленников остались без регулярного с.-д. руководства. Результаты этого дали себя знать, и теперь происходит ряд совещаний ремесленников с П. К., на которых вырабатывается план постановки социал-демократической работы.

Очень характерно, что на фоне нынешнего безвременья, в момент, когда масса бывшей партийной интеллигенции отхлынула от партии, господа беззаглавцы (7), раньше державшиеся на почтительном расстоянии от рабочего движения, усиленно стараются примазаться к нему и легализовать ревизионизм. Естественным образом они ищут себе пристанища в парламенте и в культурно-просветительных учреждениях, где они много разглагольствуют о «неклассовой науке» и т. п.

Меньшевики из партии бежали в союзы, из союзов благополучно перебрались в кооперативы, а теперь очень многие перебираются гораздо дальше.

На-днях состоялось междурайонное собрание рабочих - большевиков. На нем было намечено и распределено 8 профессионалов - рабочих. Решено создать междурайонный высший кружок, «академию»(8), как его в шутку назвали, где будут получать подготовку рабочие, имеющие данные, чтобы стать руководителями. Создано также несколько кружков для подготовки практических деятелей профессионального движения из рабочих. Собрание, кроме того, наметило общий план на ближайшее время, изложенный выше. Оно оставило очень бодрое впечатление и вселило веру, что пока у нас находятся такие рабочие, до тех пор дело нашей фракции и нашей партии обеспечено: оно в верных руках.

Эс-эрская организация, как организация, сейчас почти не существует. О многочисленных других группах и говорить нечего.

Начала выходить опять Ушаковская (9) «Рабочая Газета». Первый номер полон гнуснейших выходок против с.-д. и вызвал омерзение в рабочих кругах.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) «Письмо из Петербурга» — статья в № 22 «Пролетария», 1908 г. 4 марта (19 февр.).

[2]) 22/XI забастовка сочувствия втородумцам с.-д. по призыву П. К.

[3]) Меньшевики отстаивали идею нейтральности профсоюзов, выступая против идеи большевиков о необходимости возможно более тесной связи между партией и профсоюзами. В этом вопросе, как и в ряде других, меньшевики просто-на-просто повторяли зады международного ревизионизма. На Международном Штутгартском съезде в 1907 г. II Интернационал, под давлением марксистского его крыла, высказался против нейтрализма. Русские меньшевики, как и меньшевики других стран, однако, продолжали проповедывать нейтрализм.

[4]) В начале 1908 г. главные вожди меньшевиков находились уже в эмиграции. Ц. К. партии, выбранный Лондонским съездом, продолжал действовать нелегально в самой России. В нем некоторое слабое большинство имели большевики. Под влиянием всей обстановки и в значительной степени под давлением Петербургских рабочих, меньшевистские члены Ц. К. (Жордания, Игорев и др.) голосовали за большевистский проект резолюции о профсоюзах, составленный большевистскими членами Ц. К., Зиновьевым и Рожковым. Резолюция была принята единогласно. Но когда о ней узнали вожди меньшевиков заграницей — Мартов, Дан и др. — они повели бешеную атаку против единогласной резолюции Ц. К.

[5]) В те времена на каждом большом заводе партия наша организовывала партийные заводские комитеты — то, что теперь называется у нас заводской ячейкой. Эти партийные заводские комитеты старались руководить всей жизнью завода, иногда непосредственно, а чаще—через беспартийные заводские организации.

[6]) В то время организационное начертание Петербургской организации было иное, чем сейчас. Существовал особый ремесленный район, в значительной степени совпадавший с нынешними городскими районами и объединявший всех ремесленников.

[7]) Прокопович, Кускова и К° издавали не только ежедневную газету «Товарищ», но и политический журнал, который назывался «Без заглавия». Этим подчеркивалась «средняя», межеумочная позиция журнала и всей группы. Отсюда название «беззаглавцы».

[8]) Этот кружок («Академия») руководился главным образом Н. А. Рожковым, который в те времена был большевиком и членом Ц. К. нашей партии.

[9]) Ушаков — создал казенно-рабочую газету по типу Зубатова.

К ОРГАНИЗАЦИОННЫМ ВОПРОСАМ ([1]).

Резко изменившиеся условия работы выдвигают перед партией ряд новых организационных вопросов. В настоящей статье мы намерены затронуть некоторые из них с тем, чтобы открыть дальнейшее их обсуждение.

Одним из самых больных вопросов в очень многих партийных организациях является вопрос о бегстве интеллигентов из партийных рядов. Интеллигенты дезертируют за последнее время массами. Одни делают это с ясным челом, точно совершая акт величайшего мужества. Другие, покидая партию в трудный момент, ссылаются на «печальную необходимость» и часто искренно вопрошают: какая же может быть работа, к чему приложить свои руки? Огромная часть той интеллигенции, которая хлынула к рабочим в 1905 году и которая, в сущности, воодушевлялась только идеей политической свободы, теперь взапуски бежит от пролетариата. Облетели первые цветы, и когда опять временно победила реакция, когда рабочий класс и его партия снова загнаны в подполье, — эта интеллигенция дезертирует. Для продолжения работы, для кропотливого, неустанного труда над созданием и расширением рабочей, социалистической, т.-е. Российской Социал-Демократической, партии осталась только часть той интеллигенции, которая действительно спаяла свою судьбу с судьбой пролетариата, действительно перешла на точку зрения рабочего класса.

Нет худа без добра. В целом ряде мест в результате бегства интеллигенции ответственная работа переходит в руки передовых рабочих. В таких организациях дело, по нашим сведениям, идет весьма недурно. В некоторых пунктах центральной России,—в Сормове, в Саратовской окружной организации, на Урале, в некоторых пунктах Крыма, в Петербурге и т. д.,—где работу взяли в свои руки сами рабочие, дело пошло сравнительно хорошо. Передовые слои рабочих должны получить точное представление о положении вещей, перестать охать и вздыхать по поводу «отсутствия людей», перестать плакаться о том, что «бежит интеллигенция», Ц. К. не присылает работников и т. д. Революция выдвинула достаточное количество ассимилированных нашей партией рабочих. На них, на местные рабочие силы,

должна опираться организация, в их среде нужно найти руководителей.

Нужно поставить себе задачу на каждой фабрике, на каждом заводе, в каждой мастерской создать и упрочить хотя бы небольшие, но чисто партийные с.-д. комитеты и группы. Пусть эти группы будут малочисленны, но пусть входят туда самые влиятельные рабочие. Они должны чутко прислушиваться также к экономической жизни рабочих, вмешиваться во все фабрично-заводские злобы дня, стараться в той или иной степени обслужить все многосторонние потребности рабочих и давать ответы на все повседневные мелкие и мельчайшие вопросы, интересующие рабочих. Тогда группы эти сохранят свое прочное влияние. Если нам удастся выйти из полосы нынешней реакции с чисто партийными коллективами на всех предприятиях, где скучены рабочие, — дело наше будет выиграно. При первом подъеме революционной волны эти наши партийные группы, которые будут высоко держать знамя революции и социализма, опять окажутся вождями миллионов рабочих, как это было в славные октябрьские дни.

Очередная организационная задача партии в целом заключается в сохранении и упрочении этих чисто партийных групп. Конечно, всюду, где есть хоть малейшая возможность создавать массовую организацию, организационно сплачивать широкие слои рабочих, — это надо непременно делать. Но не надо смущаться тем, что наши чисто партийные рабочие коллективы будут узкого состава. При настоящих условиях только они смогут выдержанно направлять рабочую борьбу. Сейчас дело идет от беспартийности к партийности. Беспартийные заводские и фабричные организации за последнее время начали хиреть и деморализоваться. Мы говорим тут, разумеется, не о профессиональных союзах, имеющих определенные функции, а о беспартийных заводских и фабричных комитетах и кассах, которые получили большое распространение в некоторых городах после 1905 г. Эти беспартийные организации, сыгравшие в свое время очень крупную роль, теперь начинают приносить большой вред и проваливаются в глазах рабочих. Несомненным знамением времени является недавний позорный провал беспартийного комитета Семянниковского завода в С.-П.Б. Комитет этот, избранный в свое время на основе всеобщего избирательного права, сделав ряд гнусностей, кончил тем, что, вопреки рабочим, поднес директору завода Гиппиусу благодарственный адрес за «благодеяния

рабочим». Провал Семянниковского комитета—не случайность. В такую пору, когда сами массы рабочих не проявляют достаточно активности, сами не следят, не контролируют своих выборных, в эпоху тяжелой политической и экономической реакции, беспартийные группы упомянутого типа, не связанные никакой программой, никакой партийной дисциплиной, никаким почти контролем, и соблазняемые агентами капитала, неизбежно должны деморализоваться.

Главной нашей организационной задачей должно быть создание, упрочение и сохранение всюду чисто партийных групп. Жизнь подтвердила основную мысль резолюции Лондонского съезда о беспартийных организациях. Теперь всякому должно стать ясно, что таковые возможны и целесообразны только в моменты революционного подъема и острой борьбы.

Партийным группам необходимо обратить особое внимание на экономическую жизнь рабочих. К этому нас тем более обязывает наступательная тактика капиталистов. Возникает вопрос, в какие же организационные отношения нам нужно стать к профессиональным союзам там, где таковые существуют.

Не следует, разумеется, вернуться целиком к старине и взвалить на плечи партийных организаций руководство всей экономической борьбой. С другой стороны, не следует также ограничиваться только призывами записываться в профессиональный союз, а самим умывать руки. Не возлагать все надежды на профсоюзы и не конкурировать с ними, а согласовать свою деятельность с ними и прежде всего сорганизовать всех с.-д. внутри союзов. В связи с проектом организации с.-д. внутри профсоюзов возникает вопрос о том, не грозит ли нам это возвратом к цеховой форме организации. Мы думаем, что нет, и полагаем, что опасения в данной области преувеличены. Наша территориальная форма организации, несомненно, должна быть и будет сохранена. Более или менее оформленная организация с.-д. в профессиональных союзах будет ее только дополнять. Опасность тем меньше, что и сами союзы у нас организуются, согласно лозунгу с.-д., не по цехам, а по предприятиям, т.-е. и союзы кладут в основу боевую единицу — целую фабрику, целый завод и т. д. От проведения плана организации с.-д. в союзах и сближения партии с союзами мы можем ожидать только благоприятных результатов.

Особенное внимание следовало бы обратить на усиление письменной агитации, приобретающей в настоящий момент осо-

бое значение. Во многих пунктах организации уже изжили кризис и осилили все трудности. Урал издает 8 газет, Крым — 2 газеты, Одесса — 1 газету, в Екатеринославе скоро выйдет газета, значительна издательская деятельность Петербурга, Кавказа и национальных организаций. На постановку этого дела нужно не пожалеть сил. Оно сейчас — одно из наиболее важных.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья из № 26 «Пролетария» от 1 апр. (19 марта) 1908 г. (первоначально напечатана в изданном нелегально в СПБ, № 1 Ц. О. «Социаль-демократ», выходившем под редакцией т.т. Зиновьева и Рожкова).

ЕЩЕ ОДНО ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ (1).

На местах продолжают подводить итоги работе нашей с.-д. (2) фракции за истекшую сессию Государственной Думы.

Итоги эти нельзя не признать в высшей степени печальными. Если не считать парадного славословия со стороны заграничного органа меньшевиков, «Голоса С.-Д.», у которого время от времени тоже срываются весьма минорные ноты, — вся партийная печать и все партийные организации сходятся в том, что работа фракции была крайне неудовлетворительна. Партийная мысль усиленно бьется над вопросом о том, как поднять деятельность фракции на должную высоту и добиться того, чтобы партия могла извлечь из своего думского легального представительства всю ту сумму пользы, которую она рассчитывала получить, решивши принять участие в выборах.

Критика работ фракции на местах в России меньше всего носит узко-фракционный характер. По крайней мере, передовые рабочие обоих течений в той или другой форме одинаково выражают свое недовольство этими работами.

За время своей деятельности фракция получила со стороны партийных рабочих не мало внушительных предостережений. В большинстве случаев фракция на эти предостережения отвечала молчанием, и не вносила существенных изменений в свою работу. Она сделала крайне мало для того, чтобы сблизиться, сродниться с широкими рабочими массами, она почти палец о палец не ударила для того, чтобы войти в контакт хотя бы только с передовыми слоями рабочих — социал-демократов. Она не поняла того, что бойкотистское настроение, овладевшее очень значительными слоями с.-д. пролетариата, особенно обязывало ее напрячь все усилия, чтобы разбить лед равнодушия, чтобы привлечь к себе внимание тех рабочих элементов, на которых единственно держится наша партия, чтобы заручиться сочувствием и помощью рабочего авангарда.

Это губительное поведение фракции привело к результатам в высшей степени серьезным. Отчуждение все росло и крепло, и теперь мы стоим перед наличностью оформленного течения среди рабочих, выступающего с категорическим предложением отозвать (3) фракцию из Гос. Думы. Мы не знаем, насколько

численно сильно это течение, но мы считаем его в высшей степени симптоматическим. Пусть рабочие, требующие отзыва фракции, политически неправы — а мы покажем ниже, что они действительно неправы — все же одно то обстоятельство, что такое предложение пришлось обсуждать, как вопрос дня, в таких солидных рабочих коллективах, как Московская общегородская конференция, наводит на очень грустные размышления. Не только прошла фаза простого неодобрения работ фракции рабочими, но начинает уже проходить и сменившая ее полоса безразличия. Наступает, повидимому, полоса военных действий, или, по крайней мере, проектов, приготовлений к военным действиям со стороны рабочих по отношению к думской фракции. Симптоматическое значение этих фактов огромно, и недооценить его было бы ошибкой. Партия, и в том числе думская фракция, должна совершенно определенно дать себе отчет в том, что дело вступает в критический период. Либо фракция, подчиняющаяся и работающая в духе постановлений партии, либо — партия без фракции. Другого выхода нет.

Партия должна напрячь все усилия к тому, чтобы осуществилась первая часть поставленной ходом вещей альтернативы.

Для этого мы видим два пути. Это, во-первых, — неустанно продолжать систематическую деловую критику всех конкретных неудачных шагов фракции и ошибочной общей линии ее, всеми возможными путями связывать теснее фракцию с партией [1]), окружать ее кольцом бдительного и неуклонного партийного контроля, приблизить ее к повседневной жизни местных организаций и заставить последние оказывать ей посильную практическую поддержку.

Во-вторых же, — уяснить передовой части рабочих всю политическую бесплодность того течения, которое названо «отзовизмом».

Отказаться от думского представительства, отозвать фракцию мы считаем нецелесообразным не потому, что она «попросту откажется подчиниться решению об ее отзыве». Поскольку вопрос стал бы так, речь могла бы итти только об исключении

[1]) В этом отношении Московская конференция предложила определенный план учреждения особых групп при всех партийных организациях для постоянных сношений с фракцией, снабжения ее материалами и т. д. В зависимости от местных условий, всюду может быть найдена соответствующая организационная форма.

некоторых членов фракции из Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Для нас, далее, не является решающим соображение о том, что отзыв фракции причинил бы более или менее серьезную трещину партийному единству. Не можем также согласиться и с такой постановкой вопроса, которая признает предложение об отзыве запоздалым, в виду того, что партия отказалась от бойкота 3-й Думы.

Партия имела все основания послать в 3-ю Думу свое представительство, и в этом решении ей отнюдь нет причин раскаиваться. По нашему мнению, события подтвердили, что правы были вовсе не бойкотисты ([4]). Это подтверждается косвенным образом хотя бы уже одним тем, что очень многие, если не большинство из товарищей, стоявших за бойкот 3-й Думы, теперь решительно восстают против «отзовизма», а тем самым и против бойкота. Что же такое «отзовизм», как не последовательно проведенная точка зрения бойкота, признаваемая правильной и для данного момента? «Отзовизм», — поскольку он является обдуманным тактическим планом, а не бессознательным выражением вполне естественного настроения неудовлетворенности деятельностью фракции за истекший период, — конечно, плоть от плоти и кость от кости бойкотизма. Именно поэтому мы считаем «отзовизм», как тактический план, ошибочным.

Наше основное возражение против бойкота 3-й Думы, сводившееся к тому, что налицо нет объективных данных, которые говорили бы за возможность близкого революционного подъема в таких размерах, которые позволяли бы ожидать немедленного сметения 3-й Думы с пути революции. Эти соображения остаются во всей своей силе.

Мы не имеем права отказываться от использования в нашей текущей работе и Думы, раз таково положение. Мы не можем, пока не исчерпаны все возможности, ставить крест над нашей фракцией и, не обинуясь, заявлять: «шестимесячная сессия ясно указала на невозможность для с.-д. депутатов агитационной и организационной деятельности как по внешним условиям, в которые они поставлены, так и по самому качественному составу с.-д. фракции» ([5]). Эта невозможность вовсе не так непреложно доказана. Махнуть в отчаянии рукой на возможность полезной для нашей партии работы в Думе еще рано. Черносотенно-дворянские и помещичье-либеральные партии всей своей деятельностью в 3-й Думе дают богатейший агитационный мате-

риал для разоблачения их истинной сущности, для просвещения самых отсталых масс насчет классовых позиций различных сил в русской революции. Самые слабые усилия социал-демократов в Думе, если они только будут действовать в согласии с партией, окупятся сторицей. Укрепления же фракцией конституционных иллюзий, о котором говорят московские товарищи-«отзовисты», мы не можем разглядеть даже вооруженным глазом. Думское большинство и царское правительство сами обнажают себя как нельзя больше и делают все возможное, чтобы вера в «конституцию» испарялась с максимальной быстротой.

Опасность сейчас лежит не здесь, не в питании конституционных иллюзий, а в том, что у части товарищей является готовность сдать без боя важную партийную позицию, спасовать перед трудностью задачи. Мы не зарекаемся от лозунга отзыва фракции в момент народного подъема, когда отказ участвовать в 3-й Думе будет действительно являться революционным актом. Сейчас же нам кажется необходимым сплочение всех партийных сил не для уничтожения нашей думской работы, а для поднятия этой отрасли нашей деятельности на должную высоту. Мы уверены, что это сплочение действительно последует. Залогом тому служит та дисциплинированность, которая была проявлена сильным бойкотистским меньшинством партии в момент выборов в 3-ю Думу.

Меньшинство партии должно подчиниться ее большинству. Тесно и дисциплинированно сомкнем мы ряды для того, чтобы еще раз решительно поставить перед нашей думской фракцией категорический вопрос: с партией или без партии.

Новое течение среди рабочих должно послужить для думской фракции последним предостережением.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) „Еще одно предостережение", — статья из № 34 «Пролетария» от 7 сент. (25 авг.) 1908 г.

[2]) Фракция 3-й Государственной Думы все время вызывала недовольство рабочих своим оппортунизмом.

[3]) В 1908 — 1911 г.г. особенно усилилось в Москве и в других местах отзовистское настроение, которое настоятельно рекомендовало отозвать фракцию из 3-й Гос. Думы.

[4]) Большевики в 1905 году выдвинули лозунг бойкота так называемой Булыгинской Думы, т.-е. идеи созыва бесправного парламента, автором которой был царский сановник Булыгин. Бойкот Булыгинской Думы был

правилен. Революционная волна смыла Булыгинскую Думу. Перед созывом первой Думы большевики тоже выступали за бойкот ее, надеясь на быстрое развитие революции. Когда темп развития революции пошел не так, как его ожидали, большевики (тов. Ленин — первый среди большевиков) выступили против идеи бойкота. Группа «левых» большевиков, во главе с А. А. Богдановым, С. Вольским (будущие отзовисты) и другими, образовала фракцию бойкотистов и продолжала проповедывать бойкот тогда, когда эта идея была уже большой политической ошибкой.

[5]) Приводимая в кавычках цитата есть выдержка из отзовистской резолюции, составленной тогдашними вождями отзовистской фракции.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ НА ЛОНДОНСКОМ СЪЕЗДЕ ПАРТИИ (1).

Съезд рассмотрел несколько важных организационных вопросов. С его решениями в этой области мы считаем нужным тщательно ознакомить читателей, тем более, что некоторые из этих вопросов имеют и общеполитическое значение. Рост партии, ее влияние, усложнение ее политических задач поставили перед ней ряд крупнейших вопросов, на первый взгляд чисто организационных, а на самом деле — глубоко политических.

Легальная деятельность Р. С.-Д. Р. П. в Государственной Думе (2), наличность крупной парламентской фракции, открыто перед лицом всего мира представляющей российскую социал-демократию, выдвинули перед Лондонским съездом вопрос об организационных отношениях между этой думской с.-д. фракцией и партией в целом. Вопрос, казалось бы, чисто организационный. Между тем краткие прения по этому «организационному» вопросу могли дать не меньше материала для оценки позиции двух крыльев Р. С.-Д. Р. П., нежели дебаты по какому-либо принципиальному вопросу. Здесь, как в капле воды и с поразительной наглядностью, обнаружили себя во всей полноте два борющихся в нашей партии течения.

Большевики и делегация П. С.-Д. (3) предложили съезду избрать специальную комиссию и поручить ей разработку основных положений об отношениях между думской фракцией и Центральным Комитетом партии, а также наметить некоторые организационные основы внутренней деятельности фракции. С первой частью этого поручения меньшевики примирились, вторая же часть его была истолкована чуть ли не как личная обида думской фракции. Т. Церетели (4) в своей речи по этому поводу заявил, что считает это предложение большевиков и П. С.-Д. «посягательством» на внутреннюю автономию фракции и косвенным «выражением ей недоверия». Как, — восклицали эти товарищи, — всякая мелкая организационная ячейка, всякий район и подрайон вполне свободны и автономны в своей внутренней организации, а думскую фракцию хотят лишить этой свободы, для нее пишут «исключительные законы»!

Съезд, вопреки мнению большевиков, сводившемуся к тому, что именно вследствие важной и ответственной роли думской

Члены с.-д. фракции 2-й Государственной Думы.

(См. на обороте).

С.-д. фракция 2-й Государственной Думы, осужденная царским правительством на каторгу: 1) Белоусов, Григорий Евгениевич; 2) Анисимов, Василий Анисимович; 3) Измайлов, Петр Григорьевич; 4) Махарадзе, Герасим Фомич; 5) Юдин, Иван Корнилович; 6) Рубан, Константин Асанов; 7) Салтыков, Сергей Николаевич; 8) Миронов, Иван Ефимович; 9) Голованов, Иван Федорович; 10) Джапаридзе, Арчил Леванович; 11) Баташев, Василий Михайлович; 12) Вагжанов, Александр Петрович; 13) Церетели, Ираклий Георгиевич; 14) Серов, Василий Матвеевич; 15) Петров, Иван Алексеевич; 16) Чащин, Василий Андреевич; 17) Вовчинский, Моисей Никитич; 18) Приходько, Филипп Иосифович; 19) Белановский, Дмитрий Константинович; 20) Петров, Егор Алексеевич; 21) Виноградов, Александр Константинович; 22) Нагих, Иван Николаевич; 23) Лопаткин, Иван Андреевич; 24) Калинин, Алексей Васильевич; 25) Аникин, Павел Алексеевич; 26) Жеделев, Николай Андреевич; 27) Ломтатидзе, Викентий Билимович; 28) Зурабев, Аршак Герасимович; 29) Джугели, Севериан Моисеевич; 30) Кириенко, Иван Иванович.

фракции — единственной представительницы партии на арене открытой и легальной общественной борьбы — необходимо обеспечить влияние всей партии на ход всех работ в думской фракции, — съезд, вопреки этому мнению, говорим мы, решил ограничиться только рассмотрением вопроса об отношениях между фракцией и центральными органами партии. И тут оказалось, что меньшевики решительно стоят за полную «свободу» фракции от «давления» Ц. К., то-есть от организованного влияния на нее со стороны партии. Тов. Мартов (5) внес «поправочку», клонящуюся к тому, что Центральному Комитету вовсе незачем иметь своего официального представителя во фракции, что фракцию могут посещать запросто все члены Ц. К., что все они могут давать фракции различные советы и таким образом работать в гармоническом единении с фракцией.

На деле это сводилось бы, конечно, к полной эмансипации фракции от партии, к полному отсутствию руководства парламентской работой партии со стороны этой самой партии, к полному отсутствию партийного контроля над фракцией, одним словом, к той «свободе», которая, при российских условиях, фактически означала бы суверенитет парламентской группы над партией, чего так настойчиво добиваются оппортунисты (6) всех стран.

Когда же обсуждалась резолюция о деятельности фракции за истекший период, то т. Мартов опять внес крайне характерную поправку. В резолюции выражалась надежда, что фракция и в дальнейшем будет стоять на страже интересов пролетариата и будет работать в духе директив партийного съезда и Центрального Комитета. Тов. Мартов предлагал прибавить: «в единении с партией», т.-е. опять-таки попытался противопоставить фракцию партии, поставить ее над партией, наделить ее своего рода суверенитетом.

Но съезд не пошел на все эти оппортунистические поправочки. Автор их встретил самую решительную отповедь с различных сторон и особенно со стороны представителей Польской Социал-Демократии. Съезд решительно отклонил всякие попытки подчинить партию думской фракции или хотя бы уравнять в правах фракцию, с одной стороны, и партию в целом — с другой стороны. Съезд принял формулу, предложенную левой его частью.

Таким образом, этот важный организационный и вместе с тем политический вопрос, впервые практически ставший перед

партией, был решон в духе революционной социал-демократии. Фракция, как часть пролетарской партии, хотя и несущая чрезвычайно важную функцию — и даже именно потому, что она таковую несет — должна быть всецело подчинена внедумской ее политике; партия должна направлять деятельность фракции, осуществлять регулярный контроль над всей работой ее, ибо за каждый шаг последней ответственность несет вся партия в целом.

Вторым по важности организационным вопросом, занимавшим Лондонский съезд, следует считать вопрос об организации руководящих, центральных органов партии.

Как известно, уже вскоре после второго съезда партии, т.-е. в ту пору, когда партия из идейного знамени еще только начинала превращаться в реальный организм, уже в ту пору левое крыло (7) Р. С.-Д. Р. П. решительно выдвинуло идею организации партии по принципу демократического централизма. В виде логического вывода отсюда, большевики предлагали организовать **единый** центральный орган партии, руководящий всей совокупностью ее политической деятельности. На третьем съезде большевики закрепили это свое предложение формально, но на четвертом, Стокгольмском съезде, на котором преобладали меньшевики, план организации одного руководящего партийного центра, как его понимали большевики, был отклонен, и принята была система, носящая на партийном диалекте (8) название двоецентрия. Были избраны отдельно Центральный Комитет партии и редакция центрального органа, которая лишь по политическим вопросам получала решающий голос в Центральном Комитете.

Предсказания большевиков оправдались самым блестящим образом. Несмотря на то, что между меньшевистским Ц. К. и меньшевистским Ц. Ѳ. (9) господствовало единодушие во взглядах на важнейшие вопросы партийной жизни, им все же не удалось избежать серьезных трений, когда приходилось решать, принадлежит ли тот или другой подлежащий обсуждению вопрос к числу «политических» или только «организационных» вопросов.

Всякий близко знающий работу наших центральных учреждений за последний год безусловно должен будет признать, что их неработоспособность отчасти объясняется этой системой двоецентрия. На съезде признали это отчасти и сами меньшевики.

Съезд по этому пункту принял без прений предложение выбранной им «организационной комиссии». Меньшевики, чувствуя, очевидно, безнадежность положения, не оказали никакого

сопротивления ни в комиссии, ни на пленуме съезда. На съезде не раздавались когда-то столь модные речи о гипертрофии ([10]) централизма, о чудовищных ленинских планах механического управления всей партией сверху. Старая большевистская идея одного руководящего центра получила партийную санкцию. Съезд изменил устав, который в соответствующем месте гласит так: «Съезд выбирает Ц. К. — Ц. К. назначает редакцию Ц. О., работающую под его контролем. — Центральный Комитет руководит всей работой партии» и т. д.

Таким образом, партия сделала крупный шаг вперед по пути последовательного проведения принципа демократического централизма.

Следует отметить, что тут же на съезде сделана была попытка ослабить значение этого постановления съезда. Троцким ([11]) было внесено — и частью меньшевиков поддержано — предложение о том, чтобы Центральный Комитет партии, назначающий редакцию Ц. О., не имел права сам смещать ее, а должен был в таких случаях апеллировать к общепартийной конференции (об этих конференциях см. ниже). Это предложение мотивировалось ссылкой на известный инцидент между редакцией «Vorwärts» и Правлением германской партии.

Съезд решительно остался на занятой им позиции. Предложение Троцкого было почти единодушно отклонено, и соответствующий пункт остался в том виде, в каком его предложила съездовская комиссия. Этим постановлением партия безусловно сделала крупное приобретение и облегчила своему новому центру возможность более плодотворной работы.

Далее съезд одобрил весьма важное предложение организационной комиссии по вопросу о периодических общепартийных конференциях. Быстрый рост партии, серьезность встающих перед нею задач, ответственность за каждый шаг перед пролетариатом и революцией и, наконец, положение вещей внутри самой партии с особенной силой заставляли съезд искать таких организационных путей, которые максимально обеспечивали бы тесную связь между партийным центром и всей партией и давали бы залог того, что решения партийного центра будут действительно решениями партии. Исходя из всего этого, съезд остановился на системе периодических общепартийных конференций, созываемых для обсуждения важнейших вопросов партийной политики не реже одного раза в 3—4 месяца. В таких конференциях уже

давно ощущается настоятельная потребность в самых широких партийных кругах. Пожелания об их созыве высказывались уже не раз и даже весьма влиятельными партийными органами. Ныне съезд уставным путем сделал созыв этих периодических конференций обязательным, установил нормы представительства на них и т. д. На эти конференции каждые 5.000 членов, участвовавшие в выборах на последний партийный съезд, посылают одного делегата, при чем право на посылку этого делегата предоставляется либо областной организации, либо конференции местных организаций. Эти периодические общепартийные конференции формально имеют, разумеется, только «законосовещательный» характер. По уставу, решения их вступают в силу «лишь в случае утверждения их Центральным Комитетом партии», но моральный авторитет этих конференций, конечно, будет весьма велик, и Ц. К. будет, конечно, чутко прислушиваться к мнению этих конференций и делать все от него зависящее, чтобы вести работу в возможно полном единении и гармонии с ними.

При внимательном отношении к этим конференциям со стороны всех партийных организаций, при возможно более совершенном демократическом представительстве на них, при тщательном предварительном обсуждении их порядка дня партийными «низами», — два-три общепартийных совещания в год могут и должны послужить тем регулятором партийной жизни, который так необходим Р. С.-Д. Р. П. Они могут и должны послужить сильным подспорьем для Центрального Комитета в его трудной работе руководства партией, могут существенным образом содействовать выработке единой тактики всей Р. С.-Д. Р. П., а до некоторой степени также — скорейшему изживанию тех разногласий (12), которые так резко разделяют партию на два крыла.

Постановление съезда об обязательных периодических конференциях, мы уверены, будет встречено огромным сочувствием во всей Р. С.-Д. Р. П. Партия же, со своей стороны, должна сделать все возможное, чтобы в течение ближайшего же года практическим опытом подтвердить полезность этого нововведения.

Из организационных работ съезда мы хотели бы еще несколько подробнее остановиться на шагах к объединению с Армянской С.-Д. Рабочей Организацией. Организация эта, по приглашению старого Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., прислала на Лондонский съезд свою делегацию и представила проект объединения. По поручению съезда, проект этот был рассмотрен в организационной комиссии.

Армянскую С.-Д. Рабочую Организацию отделяло от Р. С.-Д. Р. П. то же, что в свое время отделяло и продолжает отделять от нее Бунд. Это — взгляд на национальные и федералистические организационные принципы. Первоначальный проект, представленный Арм. С.-Д. Организацией, представлял собою почти дословную копию «устава-maximum» (13), в свое время прокламированного Бундом. Зная нерасположение съезда к этим знаменитым организационным принципам, товарищи армяне сами поспешили сделать ряд уступок компромиссного характера, дабы сделать свой проект более или менее приемлемым для съезда. Общими усилиями делегации большевиков, меньшевиков и П. С.-Д., комиссия кое что сделала для того, чтобы до некоторой степени вытравить из проекта его федералистическое жало. Но надо признать — и докладчик от комиссии, большевик *), открыто сделал это на съезде, — что это удалось лишь в очень незначительной степени. Правда, мы своими исправлениями достигли все же того, что официальный представитель Бунда счел нужным после докладчика-большевика заявить со съездовской трибуны, что Бунд тоже считает проект в исправленном виде компромиссным, но только компромиссным в другом направлении, т.-е. слишком «ухудшенным» в сторону *от* чистого федерализма. Тем не менее, факт остается фактом.

Съезд желал реализовать то тяготение к Р. С.-Д. Р. П. со стороны национальных с.-д. организаций, которое особенно усилилось за последнее время. Съезд исходил из того правильного мнения, что необходимо объединить — хотя бы весьма далекой от идеальной связью — все национальные с.-д. элементы, чтобы в рядах единой партии изжить федералистические предрассудки, столь не вяжущиеся с принципами революционной социал-демократии. Съезд решил присоединиться к мнению организационной комиссии и поручить Ц. К. осуществить это объединение в возможно скором будущем.

Таким образом, объединение с армянской социал-демократией можно считать почти совершившимся фактом.

Следовательно, еще одна национальная с.-д. организация формально входит в ряды Р. С.-Д. Р. П. Приходится, к сожалению, констатировать, что объединение это, по крайней мере

*) Этим докладчиком был тов. Зиновьев.

Прим. редакции.

в ближайшее время, будет не теснее того «объединения», которое состоялось на Стокгольмском съезде между Р. С.-Д. Р. П. и Бундом. Борьба за организационные принципы революционной социал-демократии еще впереди. В силу целого ряда обстоятельств партия, особенно за последние два года, сделала, к сожалению, слишком мало для борьбы с федерализмом в с.-д. партии. Фактически Бунд, например, остался государством в государстве. Объединения на местах, в сущности, не произошло, — это ни для кого не тайна.

Партия, невзирая на все неблагоприятные обстоятельства, должна, не откладывая в долгий ящик, сделать все возможное для действительного и полного объединения на местах с национальными организациями, сделать все, чтобы из федеративного, механического конгломерата (14) поскорее превратиться в единый централизованный с.-д. организм. Содействовать этому является одной из важнейших задач нашего нового Ц. К. и наших периодических конференций.

Это, разумеется, вовсе не значит, чтобы мы должны были затруднять, хотя бы только формально, объединения с национальными с.-д. организациями. Большевики всегда высказывались против такой политики: как на Стокгольмском съезде, так и на Лондонском они сделали все возможное, чтобы двинуть вперед дело объединения с армянской с.-д. Мы братски приветствуем вновь вступающий в нашу партию отряд армянской с.-д., но, вместе с тем, считаем безусловно необходимым поставить на очередь дня решительную идейную борьбу с федерализмом в нашей партии.

Организационной комиссии было также поручено разработать вопрос о Штуттгартском международном конгрессе, т.-е. о способах представительства на нем Р. С.-Д. Р. П., а также о политической подготовке к нему.

Первая часть вопроса осталась, за неимением времени, не обсужденной ни в комиссии, ни на съезде и таким образом остается, т.-е. представительство организует Ц. К. партии. По второй части также сделано весьма немного.

Комиссия выработала резолюцию по одному из пунктов порядка дня Штуттгартского съезда, а именно — по пункту «1 мая». Резолюция съездом обсуждена не была, ее решено поэтому лишь приобщить к протоколам съезда в виде материала.

Далее съезд, по предложению организационной комиссии, постановил поручить новому Ц. К. созвать возможно более полную

конференцию организаций, ведущих работу в армии и флоте, сорганизовать специальный периодический орган для нужд этой работы и озаботиться всякой литературной и иной поддержкой ее.

Не обсужденной в комиссии и на съезде осталась резолюция по вопросу о слиянии на местах с национальными с.-д. организациями.

Наконец, внесены кое-какие исправления в устав партии, и решено, по предложению организационной комиссии, повысить норму представительства на ежегодные партийные съезды с 1 на 500 до нормы 1 представитель на каждую полную 1000 членов организаций, утвержденных не менее чем за 3 месяца до созыва очередного съезда.

Подводя итоги, мы можем сказать, что и в области организационных вопросов Лондонский съезд кое-что сделал для того, чтобы облегчить дальнейшее нормальное развитие российской социал-демократии и упрочить в ней дух пролетарской политики и пролетарской дисциплины.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) «Организационные вопросы» — статья из сборника «Итоги Лондонского Съезда Р. С.-Д.-Р. П., 1907 г.»

[2]) Первую Думу Р. С.-Д. Р. П. решила бойкотировать, так как в это время революция могла привести к крупным событиям, которые могли свести Думу и ее работу на-нет. В выборах во вторую Думу Р. С.-Д. Р. П. уже принимала участие, при чем ей удалось провести 55 депутатов. Во время предвыборной кампании пришлось вести решительную борьбу с меньшевиками, которые проповедывали необходимость блока с буржуазией.

[3]) П. С.-Д. — польская социал-демократия. Польская социал-демократия на втором съезде Р. С-Д. Р. П. в 1903 году разошлась с нашей партией по национальному вопросу! П. С.-Д. ошибочно защищала позицию, направленную против лозунга «национальное самоопределение». В 1906 г. начинается сближение между Р. С.-Д. Р. П. и П. С.-Д. На Лондонском съезде партии (1907 г.) П. С.-Д. впервые участвует в общепартийном съезде. Делегация П. С.-Д. на Лондонском съезде возглавлялась Розой Люксембург и Тышко (Иогихес) и в основном поддерживала большевиков.

[4]) Церетели был фактическим руководителем с.-д. думской фракции. Уже тогда он определенно склонялся к меньшевизму, как и большинство единой тогда думской фракции. По провокационному процессу втородумской фракции получил 5 лет каторги и был освобожден из Сибири только революцией 1917 года. По возвращении из ссылки стал одним из руководителей соглашательского Совета и сторонником коалиции с буржуазией.

[5]) Мартов — глава российских меньшевиков. Под влиянием войны стал на время интернационалистом, но затем бесповоротно уже пошел вправо и был одним из злейших врагов пролетарской революции.

[6]) Оппортунисты — сторонники соглашения с буржуазией, критики марксизма, плетущиеся в хвосте буржуазии.

[7]) «Левое крыло» — легальное название большевистской фракции, присвоенное ей из-за цензурных условий.

[8]) Диалект — разговорный язык.

[9]) Выборы центральных органов на Стокгольмском съезде в 1906 г. сложились неблагоприятно для большевиков. Меньшевики воспользовались своим преобладанием и вели свою линию и в Ц. К., и в центральном органе. Отношения настолько обострились, что в январе 1907 г. уже угрожал раскол по вопросу о тактике при выборах в Государственную Думу, так как меньшевистский Ц. К. форсировал соглашение с буржуазией, встречая решительный отпор со стороны большевистской части организации.

[10]) Гипертрофия — чрезмерный и уродливый рост некоторых органов в ущерб остальных членов тела.

[11]) Тов. Троцкий в то время входил в состав меньшевистской фракции.

[12]) Разногласия внутри формально единой партии были по вопросу об отношении к Думе, выборам в нее, соглашениях с буржуазными партиями, о терроре и партизанских выступлениях, по аграрному вопросу и т. д.

[13]) На втором съезде партии (1903 г.) между искровцами и Бундом происходила жаркая борьба, между прочим, и по организационному вопросу. Националистически настроенные вожди Бунда, во главе с Либером, Медемом и др., добивались того, чтобы партия была построена на принципах федерации и чтобы Бунд являлся «единственным представителем» еврейского пролетариата внутри партии. В ходе борьбы на съезде не брезговавшие средствами бундовские вожди прибегли к следующему приему. Они сначала выдвинули проект «устава-максимум», который содержал в законченном виде их националистическую программу. В то же время в кармане у них лежал готовый проект «устава-минимум», который отказывался от некоторых наиболее одиозных требований Бунда.

[14]) Конгломерат — искусственный слепок не сливающихся друг с другом частей. Таким же конгломератом было объединение с национальными с.-д. организациями, которые считали себя совершенно самостоятельными организациями, не подчиняющимися нежелательным для них резолюциям.

ПОЛИЦЕЙСКАЯ ВЫХОДКА ([1]).

В №№ 8-9 газеты «Голос Социал-Демократа», издающейся под редакцией Г. Плеханова, Ф. Дана, Л. Мартова, А. Мартынова и П. Аксельрода, напечатана за подписью Л. М. статья «Перед думской сессией». В этой статье, между прочим, напечатаны следующие строки:

«Вторая думская фракция стремилась полностью использовать свое легальное положение для революционных целей, не давая в то же время врагу юридических поводов для «изъятия». За это ее обвиняли в «оппортунизме» неразумные последователи Крыловской героини. И эти последователи, благодаря своему неразумию, дали правительству некоторое подобие юридического повода. Вместо того, чтобы использовать для революционной работы легальные сношения Фракции с населением, некоторые из них начали таскать к депутатам плохо спропагандированных солдат, среди которых неминуемо должны были оказаться полицейские провокаторы. Дальнейшее известно» (стр. 11).

Выписанная цитата, которую нельзя назвать иначе как полицейской выходкой, имеет целью, как видно из текста статьи, взвалить на большевиков ответственность за ту каторжную петлю, которую Столыпин накинул на шею нашей с.-д. фракции второй Государственной Думы.

Заявление Л. М., носящее совершенно специфический характер, разумеется, лживо. Для доказательства этого достаточно привести слова бывшего депутата второй Думы, меньшевика, товарища Геруса. В изданном той же редакцией «Голоса С.-Д.» сборнике («Тернии без роз») Герус пишет: «Стремление дать отпор черносотенной агитации и вырвать армию из-под ее влияния побудило лучших представителей армии искать непосредственных сношений с депутатами партии, которой они больше всего доверяли. Мог ли депутат этой партии уклоняться от этих сношений? Пишущий эти строки не счел себя в праве отклонить сделанное ему предложение — быть на собрании тех, кто его хотел видеть.

«В первый день пасхи состоялось мое первое и последнее свидание с представителями армии... В результате этого собеседования и было принято то решение, которое в обвинительном акте именуется подстрекательством к составлению наказа от войск» (стр. 19; цитир.

также у т. Алексинского (²) в «открытом письме» редакции «Голоса С.-Д.»).

Эти слова меньшевика Геруса достаточно бьют Л. М., который своими измышлениями опускается ниже П. Струве и прямо льет воду на мельницу Столыпина, давая полное право этому «конституционному» палачу счесть сотрудника «Голоса С.-Д.» своим союзником и процитировать его с думской трибуны.

ПРИМЕЧАНИЯ.

¹) Статья из № 38 «Пролетария», 1/14 ноября 1908 г.

²) Нынешний махровый контр-революционер Г. А. Алексинский в 1907 году был большевиком, депутатом 2-й Думы от Петроградских рабочих и одним из видных литераторов большевистской фракции.

ЦѢНА 35 САНТ.
PRIX 35 centimes

ПАРИЖЪ, Понедѣльникъ 9/22 марта 1909 г. — № 3.

РОССІЙСКАЯ СОЦ.-ДЕМОКРАТИЧ. РАБОЧАЯ ПАРТІЯ — ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАНЪ РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЪ

LE SOCIAL-DÉMOCRATE

Organe Central du Parti Social-Démocrate Ouvrier en Russie

ТОВАРИЩИ РАБОЧИЕ! (1)

Через глухие стены тюрьмы прорвался к нам ваш пролетарский привет, прорвалась весть о вашей славной забастовке 22-го ноября (2).

Там, в темном застенке, слуги самодержавия, захватившего вновь рвущуюся к свободе страну, огражденные штыками, вершили свой тайный суд (3) над нами, вашими представителями, а в нашем лице — над новой рождающейся Россией. В это же время, при ярком свете дня, пролетариат, движущий всю новую Россию на борьбу со старым порядком, окруженный вражескими штыками, открыто осудил это судилище самодержавия.

Мы, представители рабочего класса, которым самодержавное правительство бросило обвинение в заговоре, явились на суд и бросили правительству вызов — судить нас открыто, чтобы показать стране, кто под покровом тайны готовил и осуществил заговор против народа: мы ли, которые открыто шли против самодержавия и открыто звали народ на борьбу, опираясь на его завоевания, или же те, кто в это время незримо для народа собирал силы, чтобы внезапным ударом отнять эти завоевания и снова ввергнуть страну во мрак реакции и произвола.

Правительство отвергло наше требование. Оно отказалось открыть двери суда и приступило к небывалому еще в истории тайному суду над народными представителями, осуществлявшими волю пославшего их народа. В таком судилище нам нечего было делать, и мы предпочли вернуться обратно в тюрьму, предоставив слугам правительства вершить свой суд перед пустыми скамьями подсудимых.

Каторжный приговор правительства был предрешен, конечно, заранее. Вы, товарищи, показали в эту минуту, что предрешен

и другой приговор — приговор истории и над нашим делом и над теми, кто борется с нами. Вы показали, что не замрет мощное движение рабочего класса. Несмотря на самый тяжкий экономический гнет, несмотря на бешеную политическую реакцию, вы все же развернули ваше славное пролетарское знамя. Ваша забастовка в такую тяжёлую минуту послужит лучшим ответом реакции. Сто тысяч забастовавших Петроградских рабочих, а с ними рабочие с различных концов России сказали громко, что они попрежнему готовы на борьбу за полное народовластие, за социализм. Пусть правительство мстит вам арестами и высылками. Пусть капиталисты мстят вам штрафами и расчетами. Пролетариату, сознавшему свои интересы, не страшен никакой враг. Пролетариат был и останется на славном посту передового борца нашей революции.

Как бы ни бесновалась реакция, победа за нами! Не покладая рук, сомкнувшись в тесные ряды, будем работать над нашим великим делом за освобождение труда от ига самодержавия и от цепей капитализма.

Братский горячий привет вам, товарищи, шлем мы из стен тюрьмы. В далеких тундрах Сибири, в каторге и казематах мы всегда будем с вами. Рабочему классу, делу его борьбы мы отдадим все свои силы.

Да здравствует наша борьба, да здравствует наша победа!

Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия! (4)

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) «Товарищи рабочие!» — воззвание осужденных втородумцев социал-демократов к рабочим, напечатанное в «Соц.-Демократе», № 1 за 1908 г.

2) Забастовка 22/XI — протест против суда над с.-д. фракцией.

3) Суд над с.-д. фракцией 2-й Государственной Думы происходил при закрытых дверях.

4) Первоначальный проект этого воззвания написан был т. Зиновьевым, работавшим тогда в Петербурге. Текст этот был послан в тюрьму с.-д. депутатам. Церетели от имени депутатов внес некоторые смягчения в этот текст. Ему же принадлежит место о «народовластии».

КТО С КЕМ? (1)

Борьба двух направлений внутри германской социал-демократии является источником опыта и интереса для социалистических партий всех стран и в особенности для нас, русских социал-демократов. Открытый и явный реформизм не завоевал себе до сих пор права на легальное существование внутри нашей партии и вынужден был примазываться к ней так или иначе. Внутри партии мы имеем пока только скрытых реформистов. Меньшевистское крыло нашей партии, занимая по ряду крупнейших вопросов позицию, являющуюся на деле безусловно ревизионистской, на словах часто отгораживается еще — по недоразумению, или по недостаточной решительности — от западноевропейского ревизионизма. Тем важнее возможно чаще сравнивать позиции революционной и ревизионистской социал-демократии со взглядами двух частей нашей партии.

На примере Нюренбергского съезда германской социал-демократии мы (в статье «Немецкие меньшевики») недавно показали, какое близкое духовное родство существует между немецкими ревизионистами и русскими меньшевиками в основных вопросах парламентской тактики. В недавней полемике между Каутским (2), с одной стороны, и Мауренбрехером и Э. Бернштейном, с другой стороны, попутно высказаны тем и другими взгляды на некоторые основные вопросы русской революции. Сличение этих взглядов с позициями большевиков и меньшевиков еще раз покажет читателю, что, сколько бы ни гремели на словах против ревизионизма Плеханов и товарищи, на деле они все больше принимают физиономию обыденного, заезженного политического ревизионизма в духе Бернштейна.

Оппортунист Мауренбрехер (3) в споре против ортодоксального марксиста Каутского упрекает последнего, между прочим, в «декламации» по поводу русской революции и с злорадным хихиканием говорит о «несбывшихся пророчествах» Каутского по поводу нее. Вождь революционного марксизма Каутский отвечает: «Что же—Мауренбрехер полагает, что русская революция кончилась, что в России восстановлен нормальный ход жизни? Что же—не оправдалось мое «пророчество», что русский рабочий явится гораздо более реальным политическим фактором,

чем английский рабочий, что русская революция не может кончиться, пока не удовлетворены будут нужды крестьян?..» Мысли эти первоначально развиты были Каутским в его работе «Русский и американский рабочий» ([1]), так не понравившейся нашим меньшевикам. Мауренбрехер в этом пункте повторил только сказанное раньше его нашими меньшевиками о «пророчестве» Каутского, так что немецкий ревизионист мог бы быть обвинен своими русскими собратьями в плагиате. «Я делал свои «предсказания», — пишет далее Каутский, — в феврале 1904 года. В октябре 1905 года русская революция стала фактом, а российский пролетариат стал передовым борцом ее, и уже очень скоро мы стали свидетелями отраженного ее влияния на другие страны (Австрия, Германия)... Русская революция породила эру крайней политической неустойчивости и обострения всех социальных и национальных противоречий»...

На заявления в духе Плехановского: «не надо было браться за оружие» — Каутский отвечает буквально следующее:

«Я, конечно, не стану отрицать, что временного поражения русской революции я не предсказал. Но неужели человек, предсказавши в 1846 году грядущую революцию 1848 года, ошибся в этом, потому что не предсказал поражения 1849 года?

«Разумеется, при каждом крупном движении и восстании мы должны считаться также с возможностью поражения. Глупцом был бы тот, кто уже перед боем рассчитывает, что победа уже у него в кармане. Мы можем только исследовать, действительно ли мы идем навстречу великим революционным битвам. Это можно установить с известной точностью. Об *исходе* же какой-нибудь одной из этих битв ничего заранее сказать нельзя. Мы были бы жалкими нытиками и даже прямыми предателями нашего дела, людьми, не способными на серьезную борьбу, если бы мы заранее были убеждены в неизбежности поражения и не считались с возможностью победы.

«Упрек Мауренбрехера равносилен упреку в том, что я считался с возможностью победы. Я совершенно правильно предсказал наступление революции, но я не предсказал вместе с этим всех ее эпизодов, я не обескураживал бойцов предсказанием поражения — в этом действительно моя великая вина.

«Такие люди, как Мауренбрехер (и вождь наших русских Мауренбрехеров — Г. В. Плеханов — прибавим мы от себя), умеют сражаться только беспроигрышно и принимать бой только

в том случае, если победа им заранее гарантирована. Поражения они не в силах перенести». («Neue Zeit», 27 Jahrgang, B. I, S. 186).

Бездушные рутинеры и социал-демократические пошляки больше всех теряют голову при первом наступлении крупных событий и больше всех мечутся в холопской панике при первом поражении. В наших поражениях, по вашему мнению, всегда виноваты мы сами и наша тактика, а отнюдь не наши враги. У вас нет необходимой уверенности в себе, у вас нет сильной воли, вместо нее у вас только слабые желаньица; вы умеете только страстно тосковать о своих идеалах, вместо того, чтобы вести практическую и неустанную борьбу за них, — таков смысл заключительных возражений Каутского по поводу меньшевистской болтовни Мауренбрехера о «пророчестве», «назначении» революции и т. п. перлах плехановской мудрости.

В дальнейшем изложении Каутский определенно защищает наши взгляды на роль крестьянства и либеральной буржуазии в русской революции, взгляды, которые Плехановым и его единомышленниками (в том числе, как мы увидим, и Бернштейном) объявлены были утопическими, антимарксистскими и пр.

Каутский пишет: «Я указывал или, если хотите, предсказывал, что мы, немцы, не можем рассчитывать на массовое сочувствие крестьян и городской мелкой буржуазии, что мы должны, наоборот, быть готовы встретить с их стороны противодействие нашей борьбе (речь идет здесь у Каутского о борьбе за социализм). То же самое относится, например, и к Франции и Австрии. Относительно же стран с иной экономической организацией, как, например, Россия, я, наоборот, высказал уверенность, что рабочие не смогут там шагнуть вперед без тесного сотрудничества с крестьянами». («N. Z.», S. 256).

«Тесное сотрудничество рабочих и крестьян», — ведь это, пожалуй сильнее сказано, чем зловредная «революционная диктатура пролетариата и крестьянства». Обрушьте же свой гнев на «утописта» Каутского, т. Плеханов! И в другом месте: «Промышленный пролетариат России стал носителем русской революции, и именно поэтому не приходится рассчитывать на поддержку революции буржуазией. Только в лице крестьянства пролетариат России встречает класс, не находящийся с ним в экономическом противоречии и не могущий без революции достичь удовлетворительного социального

положения». («N. Z.», S. 339). Класс крестьянства, не находящийся с пролетариатом в экономическом противоречии, — ведь это же «эс-эровщина», тов. Плеханов! Почему же не выступит тов. Плеханов против эс-эра Каутского? Пусть попробует! Мы сочтем тогда своим долгом разъяснить тов. Плеханову, в чем разница между приведенной точкой зрения Каутского и большевиков, с одной стороны, и точкой зрения наших мелкобуржуазных народников — с другой.

Русское крестьянство, — пишет далее Каутский, — проявило ужасающую косность. «К счастью, это относится к крестьянской массе только до революции... Теперь царское правительство само усиленно старается расширить кругозор русского крестьянина за узкие пределы его родной деревни... Это в конечном итоге и ведет к еще большему усилению недовольства среди масс крестьянства и толкает их на еще более тесный союз с городским пролетариатом... Результаты скажутся при первом общественном оживлении в России...» («N. Z.», S. 339). Чем отличается эта позиция Каутского от позиции «бланкистов»-большевиков? Ответьте, т.т. Плеханов, Мартынов и прочие союзники Мауренбрехера с компанией!

Эдуард Бернштейн посылает, совершенно в духе наших меньшевиков, по адресу Каутского и других революционных социал-демократов эпитеты: «бланкисты», «абсолютисты», «любители политических монологов» и «революционной фразеологии», по вопросу о судьбах русской революции, затронутых им в последних книжках ревизионистского журнала «Sozialistische Monatshefte». Он вполне солидаризируется с Плехановым со товарищи. Бернштейн выражает свои мысли почти буквально словами Плеханова. Он пишет:... «Победоносные катастрофы (т.-е. революции) предполагают изолированное правительство или изолированный господствующий класс. Современная история не знает еще ни одной катастрофы, когда власть досталась бы изолированной партии крайней оппозиции». («S. M.» 1908, S. 1403). И далее:... «Не анархическая и т. п. тактика может нас вывести из тупика — об этом достаточно свидетельствует Россия... Уже 10 лет прошло с тех пор, как я выступил со своей книгой. Она вызвана была статьями Парвуса ([5]) (и Розы Люксембург). С тех пор Парвус имел случай применить свою политическую линию у себя на родине при необычайно благо-

приятных условиях. В Петербургской социал-демократическй газете «Начало» (6) он руководил своей партией в момент высшего подъема революции. Каковы были результаты — об этом можно узнать в вышедшей по-немецки книге русского марксиста Череванина (7) . . . » («S. M.», S. 1404).

Группировка — необычайно рельефная! Русский «марксист» Череванин *) вкупе с немецким «марксистом» Бернштейном находятся в тесном единении с «ортодоксом» Плехановым и меньшевиками против Каутского, Р. Люксембург, Парвуса и большевиков.

Упреки Бернштейна по адресу левого крыла германской социал-демократии в отсутствии политической линии, в любви к «эффектным позам», в пристрастии к «блестящей изолированности», в «раздроблении оппозиционных сил» (см., например, последнюю статью Бернштейна «Grundlinien des s.-d. Reformismus»), его борьба против официальной германской партии, его проповедь нарушения партийной дисциплины (в последней книжке «Soz. Mon.» (8) напечатана даже специальная статья: «О нарушениях партийной дисциплины», имеющая целью доказать, что эти нарушения всегда шли на пользу партии), его проповедь нейтрализма профсоюзов — все это политически равноценно меньшевизму на германской почве.

Не даром орган ревизионистов «Soz. Mon.» всегда в общем поддерживал русских меньшевиков. Не даром, например, этот последний выступил во время политических выборов на страницах буржуазной газеты «Товарищ» (9) с призывом к обывателям «поправить действием» решение высшей коллегии нашей партии. Не даром, например, в последней книжке органа Бернштейна главный сотрудник по русским делам Р. Стрельцов (он же видный сотрудник покойного «Товарища») курит фимиам своим русским собратьям-меньшевикам по поводу изданного ими сборника «Тернии без роз». Этот меньшевистский сборник является, по словам г. Стрельцова, «драгоценнейшим кладезем, из которого будут черпать поучение не только нынешнее, но и будущие поколения русских социал-демократов» В частности, по поводу статьи Плеханова в этом сборнике г. Стрельцов с восторгом заявляет, что она выделяется «чрезвычайной дальновидностью и пластическим изложением».

---

*) Кстати, перед немцами лидеры меньшевизма отреклись от «марксиста» Череванина, а перед русской публикой они продолжают трусливо умалчивать об этом своем отречении.

Впрочем, как г. Стрельцову не награждать поцелуями т. Плеханова, когда по основным вопросам русской революции они оба являются тесными единомышленниками автора «дрянной книжонки» ([10]) — Эдуарда Бернштейна.

«Сильное революционное движение в России может начаться только тогда, когда оно станет в известном смысле национальным, т.-е. когда оно не будет являться движением исключительно одного класса. Чтобы добиться такого национального движения, необходимо, чтобы противоречия, разделяющие различные классы, отодвинуты были каким-нибудь образом на задний план. Но для этого нужно еще много поработать» («S. M.», S. 1426).

Эти слова г. Стрельцова с одинаковым успехом могли быть написаны и Плехановым, и Бернштейном.

Пусть оппортунисты всех стран «работают» над делом отодвигания на задний план классовых противоречий. Чем усерднее они будут выполнять эту «работу», тем скорее революционный пролетариат всех стран «отодвинет» со своего пути господ оппортунистов.

Вопросы русской революции глубоко волнуют теоретиков и практиков международной социал-демократии. На отношении к этим вопросам представителей различных течений в международном социализме русские рабочие явственнее всего увидят, кто с кем идет, какой из двух путей, предлагаемых в России большевиками и меньшевиками, является путем революционного марксизма и какой — путем мелкобуржуазного ревизионизма.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) «Кто с кем?» — статья из № 40 «Пролетария».

[2]) В 1907 г. Каутский был еще марксистом и даже переживал еще расцвет своей литературной деятельности.

[3]) Германский ревизионист Мауренбрехер, как и многие из этих господ, эволюционировал в сторону фашизма.

[4]) В этой брошюре Каутский с особенно большим размахом рисовал *революционные* перспективы. Каутский правильно предвидел в этой брошюре тогда еще только намечавшуюся громадную революционную роль рабочего класса России. Многие из предсказаний Каутского, сделанных в этой брошюре, оправдались. Сам же Каутский ухитрился стать худшим из ренегатов и отъявленным сикофантом по отношению именно к русскому рабочему классу.

[5]) Парвус — бывший меньшевик с.-д., а затем, во время империалистической войны, верный агент германского империализма.

[6]) «Начало» — легальный орган меньшевиков в дни свобод 1905 года.

[7]) Череванин — один из виднейших литераторов меньшевизма, стоявший все время на правом крыле его.

[8]) «Sozialistische Monatshefte» — главный социалистический журнал германского ревизионизма, существующий поныне.

[9]) Газета эта издавалась в Петербурге под руководством Прокоповича, Кусковой, Португалова и других полукадетов - полуменьшевиков. В этой газете одно время сотрудничали почти все виднейшие меньшевики, во главе с Плехановым. Газета имела значительное влияние среди мелкобуржуазной интеллигенции и вела систематическую борьбу против большевизма.

[10]) Так называл Плеханов известное сочинение Эдуарда Бернштейна «О предпосылках социализма». Этой нашумевшей книгой Эдуард Бернштейн начинал свою пресловутую кампанию ревизии марксизма.

ПОВТОРЕННАЯ ОШИБКА ([1]).

Нежелание вести борьбу с думской трибуны против кадетской «оппозиции», непонимание необходимости всегда—и в особенности в бюджетных прениях—выступать с проповедью социализма не раз уже приводили нашу фракцию к крупнейшим ошибкам. Недавно оратор фракции Покровский повторил эти ошибки в такой форме и в таких размерах, что, можно надеяться, они кое-чему научат и нашу фракцию и заставят ее понять, что так дальше продолжаться не может.

Не дожидаясь рассмотрения всего бюджета на 1909 год, правительство вошло в покорную Думу с требованием разрешить ему заем в размере 450 миллионов рублей. Все обошлось так, как и следовало ожидать: Дума 3 июня, в которую министр финансов приходит—по правильному выражению социал-демократического оратора—«как в свой департамент», разумеется, высказалась за полное удовлетворение требования правительства. Октябристы и черные беспрекословно поставили свою подпись под новым долговым обязательством черносотенного правительства. Партия «народной свободы» сочла этот случай удобным, чтобы еще раз выказать свою готовность прислуживать этому контр-революционному блоку, чтобы еще раз подать братскую руку Столыпину, Гучкову и Бобринскому. Каждая из партий, представленных в Думе, заняла подобающее ей место. Только позиция социал-демократической фракции не соответствовала точке зрения представляемой ею в Думе партии.

Социал-демократическая фракция, разумеется, голосовала против займа, но речь представителя фракции, депутата Покровского, и формула перехода, внесенная с.-д. фракцией, решительно расходятся со взглядами нашей партии и способны усилить недовольство фракцией, существующее в партийных кругах.

Наша партия, в лице ее последнего съезда и последних конференций, дававших специальные директивы новой думской фракции, в лице своего Центрального Комитета, в своих резолюциях, в своей избирательной платформе признала настоятельную необходимость широкой обличительной кампании не только против явных черносотенцев, но и против либеральной оппозиции, ведущей на деле безусловно контр-революционную политику. Основным недостатком нашей думской фракции, ее органическим

пороком за всю ее деятельность было отсутствие всякой борьбы против партии к.-д., этой партии оппозиции народной свободе. Во многих случаях принципиальная почва совершенно ускользала из-под ног с.-д. фракции именно потому, что она не сознавала этой необходимости борьбы против к.-д. В самом деле, как может социал-демократический оратор представить, например, исчерпывающим образом точку зрения с.-д. по вопросу о контингенте армии на 1908 год, если он не отважился выступить против к.-д., защищающих под флагом «народной свободы» требования столыпинского правительства в этом пункте? Как может социал-демократ сказать все до конца по вопросу о назначении тюрем в современной России, если он не решил разоблачить и партию «народной свободы», голосующую за ассигновку на тюремщиков? Как может социал-демократ занять достойную социал-демократа позицию в вопросе о разрешении займа, если он не понял необходимости обличать и кадетов, подающих свои голоса за разрешение этого займа?

В вопросе о последнем займе на 450 миллионов «оппозиция» к.-д. заключалась лишь в том, что они предлагали сейчас разрешить заем лишь в 300 миллионов, а остальные 150 миллионов дать спустя некоторое время, после рассмотрения Думой всей сметы приходов и расходов. Расплываясь в выражениях чувств своей «лояльности», кадеты возвысились только до мелочных юридических возражений министру Коковцову по вопросу о некоторых тонкостях 118 статьи, и в хламе этих последних кадеты старались спрятать свое явное предательство народного кармана в руки г.г. Столыпиных.

Что же сказал по этому поводу оратор социал-демократической фракции, депутат Покровский? Выразив свое удивление тому, что фракция народной свободы «почему-то находит возможным дать разрешение министру финансов на 300 миллионов», Покровский далее переходит к прямому восхвалению кадетской партии. Правительство, — говорит он, — не вошло с ходатайством о займе в первую Г. Думу, «потому что оно боялось встретить в первой Думе действительное народное представительство, которое, конечно, не дало бы благословения на его финансовые эксперименты». «Вспомните, гг., что в первой и во второй Гос. Думах, где оппозиция была многочисленнее и где большинство, состоявшее, между прочим, из партии, которая в настоящее время находится в оппозиции, но которая тогда, будучи в центре, с о с т а в л я л а

последовательную оппозицию правительству»... («Россия» (2), 702). Можно подумать, что депутат Покровский считает себя посланным в третью Думу со специальной целью петь дифирамбы кадетам! Если раньше мы имели только некритическое восхваление первой и второй Дум в целом, без указания, что и в них, благодаря избирательному закону, либералы подавляли рабочих и крестьян, если раньше мы имели умолчания о кадетской подлости там, где ее следовало открыто пригвоздить с думской трибуны, — то теперь мы имеем совершенно неслыханные и бьющие в лицо партийным традициям восхваления социал-демократами кадетских политиканов! Кадеты «составляли последовательную оппозицию правительству». Этого о себе не сказали бы даже сами кадеты...

Неужели депутат Покровский не слышал недавнего признания кадетского пророка, г. Милюкова, в его аграрной речи, что именно в 1906 г., во время первой Думы, к.-д. вместо «последовательной оппозиции» занимались последовательными тайными переговорами с Треповым о назначении им, Треповым, кадетского министерства? Неужели г. Покровский не знает, что именно кадеты и в первой и во второй Думах, составляя самую «последовательную» оппозицию представителям рабочих и лучшей части крестьян, своими голосами по всем правилам парламентского искусства предоставили в руки правительства сотни тысяч молодых новобранцев для будущих расстрелов рабочих и крестьян? Неужели депутат Покровский не слышал о том, что когда, накануне первой Думы, Клемансо (3) с братией поставили в зависимость реализацию займа русскому правительству от мнения кадетской партии, последняя не решилась выступить против правительства и косвенно содействовала снабжению его французскими деньгами для ведения борьбы против русского народа? Неужели депутат Покровский не знал, что через день после его хвалебной речи к.-д. собирались самым последовательным образом голосовать за ассигновку на «воспомоществование чинам тюремного ведомства», т.-е. палачам, терзающим, например, предшественников Покровского по с.-д. думской фракции?..

В соответствии с этой позицией депутата Покровского и вся речь его была чрезвычайно бледна и как будто приспособлена специально для того, чтобы затушевать, скрыть действительную позицию нашей партии. Под его речью мог бы подписаться —

если бы подписался — любой демократ, ничего общего с социализмом не имеющий. Никакой классовой точки зрения, ни намека на социалистическую мотивировку у Покровского не было. Наше «министерство», видите ли, «ведет недостаточно здравую финансовую политику», в наших расходах преобладают «непроизводительные» траты, «мы понимаем, что можно производить государственный заем тогда, когда деньги идут на производительное назначение», «мы требуем оздоровления всей нашей финансовой политики, мы требуем разумного отношения к нашему государственному кредиту», «в смысле кредита необходимо воздержаться, может быть, на значительное время от займов, необходимо создать здоровую экономическую политику, поднять материальный и культурный уровень страны, поднять курс наших бумаг (!), создать, одним словом, благоприятное положение денежного рынка, использовать его, прежде всего, для того, чтобы произвести конверсию наших прежних высокопроцентных долгов» («Россия», 703)... Такова эта речь, местами совершенно недвусмысленно напоминающая г. Петра Струве.

Крайне неудовлетворительна также формула перехода, предложенная с.-д. фракцией. В ней приведены два мотива отрицательного голосования с.-д. Смысл их таков. Во-первых, наши государственные займы до сих пор совершались преимущественно (!) не для производительных целей, и, во-вторых, данный заем предназначается для покрытия расходов по дальневосточной авантюре и дефицита по бюджету, «лишенному начал здравой финансовой политики и преследующему лишь интересы полицейско-бюрократического режима». Социал-демократическая фракция не потрудилась расшифровать для всех тех, кто прислушивается к голосу с.-д. в третьей Думе, реального смысла «непроизводительных» расходов, делаемых вешателями от контр-революции, не потрудилась в речи ее оратора сказать внятно, какие именно «массы» созидают все те богатства, которые употребляются царским правительством на предмет расстрела этих масс, не озаботилась разъяснить, благодаря каким именно социальным силам Столыпину удается вести свою «недостаточно здравую» политику простого физического истребления борцов революции. Фракция не воспользовалась вступлением в бюджетные прения для того, чтобы дать принципиальное социалистическое обоснование голосованию социал-демократии всех стран не только против бюд-

жета самодержавно-крепостнического государства, но и против бюджета всякого даже либерально-буржуазного государства. Фракция не воспользовалась тем, что часть займа производится с целью покрытия издержек по русско-японской войне, для того, чтобы громко и внятно с думской трибуны сказать, кто виновник этой войны и чего она стоила народу. Фракция не указала, каким путем русский рабочий вместе с крестьянской и городской демократией могут прекратить «недостаточно здравое» хозяйничанье конституционных палачей! Вместо этого она заботливо ищет путей для поднятия курса «наших бумаг»...

При общих бюджетных прениях во время прошлой сессии фракция допустила крупнейшие ошибки, лишь отчасти исправленные во время прений по отдельным статьям бюджета. В нынешнем году партия в праве была ожидать, что старые ошибки не будут повторены, что взрыв неудовольствия, вызванный фракцией среди товарищей различных направлений, заставит фракцию позаботиться о большей принципиальности своих бюджетных выступлений.

Пусть же фракция, во избежание роста своей отчужденности от партии, станет поскорее на единственно-достойный рабочего представительства путь революционной социал-демократии. Пусть во всех своих выступлениях она внимательнее прислушивается к голосу партийных организаций и меньше внимает советам тех «истинных» парламентариев из среды своих сведущих людей ([4]), которые больше всего «сведущи» в вопросах борьбы против революционной социал-демократии! Пусть она чаще справляется с духом и буквой тех постановлений партии, которые единственно могут служить ей надежным маяком в ее работе по содействию партии в деле социал-демократической пропаганды, агитации и организации. Тогда и ее оратору, т. Покровскому, чаще будет удаваться подыматься на ту высоту, на которой он был в прениях после выступления Извольского, в прениях по вопросу о вознаграждении «пострадавшим от террора». Тогда фракция сроднится с рабочим классом и не встретит неудовольствия среди его авангарда — в Р. С.-Д. Р. П.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья из «Пролетария», № 41, $^{8}/_{21}$ января 1909 г.

[2]) Газета «Россия» была официальным органом правительства. Сама газета почти никем не читалась, но в приложении она давала полные стенографические отчеты прений в Государственной Думе. Ради этого, по

совету нашей партии, ее выписывали и многие социал-демократические организации, которые по этим стенограммам вели занятия с рабочими.

[3]) Клемансо — один из виднейших представителей французской реакционной буржуазии, не раз занимавший пост председателя совета министров.

[4]) При с.-д. фракции Думы существовала группа так называемых сведущих людей, т.-е. экспертов и советчиков по вопросам, связанным с думской работой. Эта группа сведущих людей состояла преимущественно из правых меньшевиков. В нее входили меньшевики и полукадеты Е. Смирнов, Прокопович, Потресов и др. Сведущие лица назначались Центральным Комитетом партии, а отчасти приглашались самой фракцией. Так как и Ц. К. партии, и фракция в своем большинстве в то время состояли из меньшевиков, то они подбирали в число сведущих лиц наиболее ревизионистские элементы. Долгое время эти сведущие люди оказывали сильное влияние на работу с.-д. думской фракции, толкая ее вправо.

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ Р. С.-Д. Р. П. [1].

Партии удалось, наконец, созвать общероссийскую конференцию. Больших трудов стоила она при современных условиях работы. Назначенная на весну 1908 года [2], она не осуществилась по «независящим обстоятельствам» и собралась лишь в самом конце 1908 года. Это опоздание принесло партии известную пользу. Время не прошло даром: за этот период несколько прояснились горизонты, обрисовались с большей ясностью очертания создавшегося нового политического положения, наметились основные линии предстоящей полосы партийной деятельности. В деле фиксирования линии наша конференция дала максимум того, что можно было ждать от нее.

Несмотря на неслыханно тяжелые условия подготовки конференции, на ней были представлены все крупнейшие организации партии. Работы ее как в количественном, так и в качественном отношении оказались, по признанию даже самой враждебно настроенной оппозиции, весьма значительными.

Общепартийной конференции предшествовали: крупная областная конференция всех организаций центрально-промышленной России, совещание некоторых северо-западных, южных и поволжских комитетов, продолжительная и серьезная подготовка в обеих столицах, Москве и Петербурге, съезды польской [3] и латышской [4] с.-д. Последние месяцы были для партии периодом подведения итогов за пережитый крупный по времени промежуток, эрой организационного «собирания земли». В общепартийном масштабе эти итоги подвела наша конференция. На ней партия впервые сформулировала свои взгляды на создавшееся, благодаря победе контр-революции, политическое положение, на современную политику правительства и господствующих партий, на очередные организационные задачи, на основное направление, центр тяжести всей предстоящей работы и, в частности, думской работы партии, и на ряд других менее крупных, но чрезвычайно важных вопросов. Выработка определенного взгляда на целый ряд жгучих и неотложных вопросов—главный итог недавно закончившейся конференции. Ответ на эти вопросы имеет тем большее значение, что он является ответом огромного большинства партии, поскольку она была представлена на последней конференции.

Ход событий в переживаемую тяжелую годину преподает наглядные уроки. Тяжкий млат контр-революции, дробя отщепенство от революционного социал-демократизма, кует выдержанную социал-демократическую линию. Консолидация левого крыла партии идет значительно более ускоренным темпом. Никогда еще меньшевизм на общепартийных съездах и конференциях не был настолько идейно ничтожен и организационно слаб, как на последней конференции. Скатившись до прямого «ликвидаторства» (5), меньшевизм восстановил за последнее время против себя все сколько-нибудь партийные элементы, даже внутри собственной фракции, и был поэтому на общероссийской конференции почти совершенно изолирован. Под знаком изоляции меньшевиков протекла почти вся конференция, и ею характеризуются почти все главные моменты конференции *).

На конференции имели также своих двух представителей товарищи-отзовисты. Это течение в смысле своей партийности и дисциплинированности стоит неизмеримо выше меньшевизма; по своему внутреннему политическому содержанию представляет не что иное, как меньшевизм наизнанку. Сколько-нибудь крупного влияния на выработку линии партийной конференции это движение не оказало. В общем и целом — мы не говорим о частностях и отдельных эпизодах—на последней конференции победил ортодоксальный большевизм в союзе с другими элементами революционной социал-демократии. В настоящий тяжелый момент упадка и разброда, когда все партии передвигаются вправо, когда всюду побеждает расплывчатость и «умеренность», эта решительная победа левого крыла нашей партии показывает, что сила сопротивления неблагоприятной политической среде у нашей партии оказалась наиболее крупной, что связь ее с действительно пролетарскими элементами оказалась наиболее тесной, что она и в дальнейшем останется на всех своих революционных позициях.

---

*) В своем «отчете» кавказцы (6), т.т. Дан, П. Аксельрод и др., по поводу своей изоляции и невиданной доселе слабости на конференции пытаются успокоить себя тем, что конференция все же много внимания уделяла меньшевизму. Утешение слабое, особенно если принять во внимание неоднократные подчеркивания конференции, что борьба идет не столько за избавление партии от меньшевиков (они сами без оглядки бегут из партии), сколько за удержание в партии лучшей, наиболее партийной их части, и в первую голову—рабочих.

I. Состав конференции.

На конференцию были избраны 10 большевиков: 5 — на конференции центрально-промышленной области (она состояла из 16 представителей различных городов, из них — 13 рабочих), 2 — на специально для этого расширенном заседании Петербургского Комитета после обстоятельной дискуссии, 1 — от Урала (там началась подготовка Уральской конференции, но вследствие провалов она не состоялась), 1 — от наиболее значительных комитетов Северо-Западного края (Виленского, Двинского), 1 — от некоторых организаций Поволжья. Из выбранных 10 прибыли только 6 (1 с опозданием): 2 — от центрально-промышленной области, причем из них один был безусловный отзовист (трое представителей большинства не приехали по «независящим обстоятельствам»), 2 — от Петрограда, 1 — от Урала и 1 от северо-западных комитетов. Вся большевистская делегация состояла из работников, непосредственно действующих на местах в России.

Среди большевиков на конференции были разногласия такого же характера и таких же размеров, как в большевистской печати. Наличность этих разногласий большевики не скрывали, но практически все большевики, в общем, выступали дружно, как целое: товарищи-отзовисты своей платформы в целом на конференции не развернули и шли во всех важнейших вопросах за ортодоксальными большевиками (7).

Из меньшевиков на конференцию было выбрано 4 делегата, и все они на конференцию явились (один с опозданием). Они имели 3 делегатов от Кавказа и одного от некоторых южных комитетов (Киев, Харьков). В других местах юга либо работают большевики, либо совсем нет партийной организации. На юге не могла состояться областная конференция, которая безусловно послала бы на общепартийную конференцию по крайней мере одного большевика. Северный Кавказ и Сибирь представлены не были. О них известно только, что на предпоследнюю конференцию обе эти организации послали большевиков, а Северный Кавказ и весною 1908 года на назначенную было Ц. К. общепартийную конференцию прислал также большевика.

Трое из четырех делегатов-меньшевиков были заграничные товарищи, и лишь один (южанин) прибыл из России. Трое от Кавказа назначены были Областным Комитетом кавказских орга-

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Р. С.-Д. Р. П.,
избранный на Лондонском съезде.

Г. Зиновьев.

И. Дубровинский.

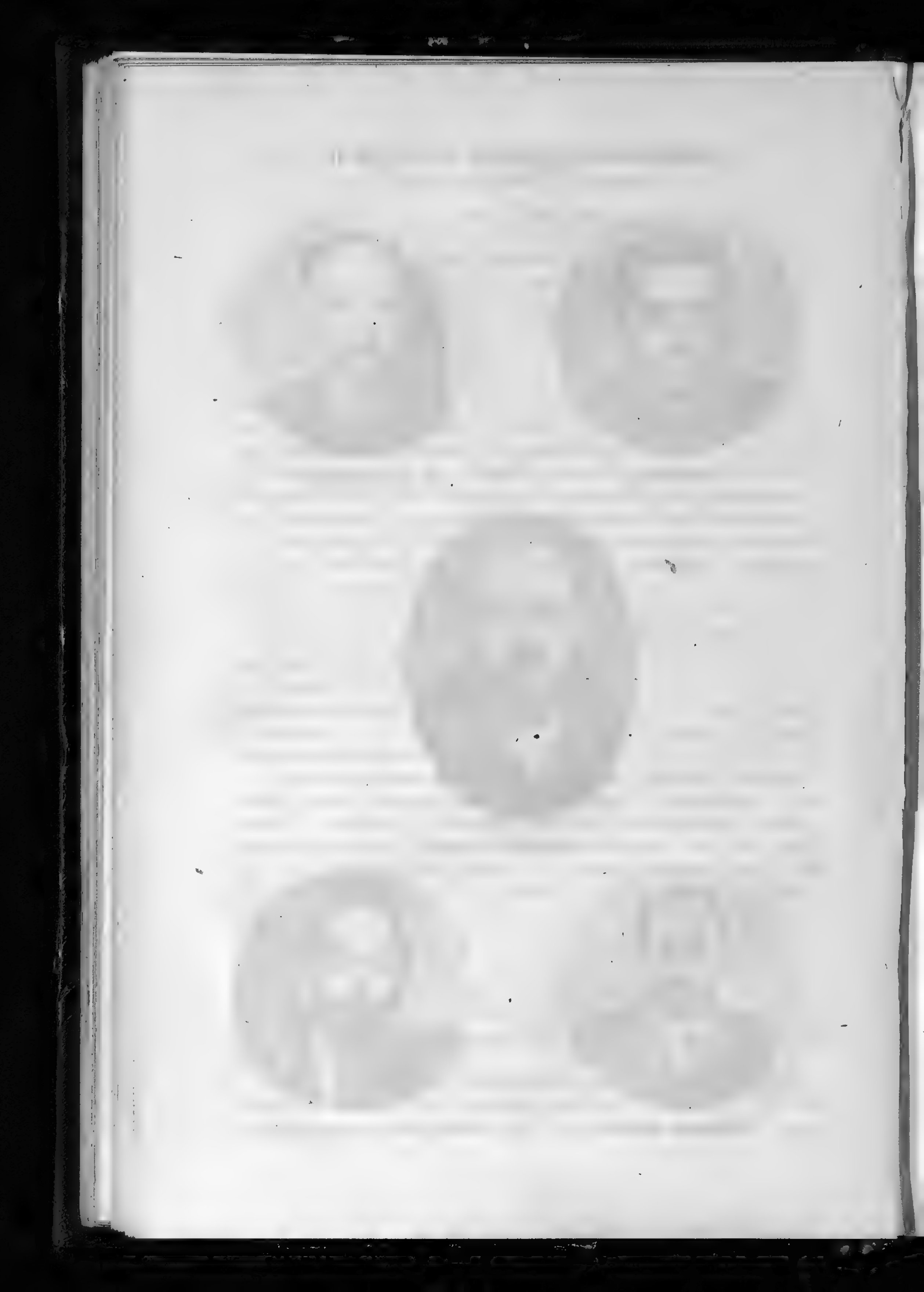
Н. Ленин (В. Ульянов).

В. Шанцер (Марат).

Гольденберг (Мицковский).

низаций. На конференции меньшевистская делегация выступала единодушно, пожалуй, даже «единогласно» (ибо от них выступал почти по всем вопросам только один т. Дан), и поэтому вся борьба течений внутри меньшевизма (ликвидаторство и партийность и т. д.) на конференции совершенно не обнаружилась.

Бунд имел трех делегатов, назначенных Ц. К. Бунда. Эти три делегата не были солидарны в ряде важнейших вопросов и, главным образом, в вопросе о центре тяжести современной работы партии. Впервые партия была свидетельницей открытой идейной борьбы течений внутри Бунда. На этот раз т.т. бундовцы не пытались представить, что у них все «благополучно» и никакой внутренней идейной борьбы, вечно раздуваемой злокозненными большевиками, нет и в помине. Делегация Бунда, как и первый номер бундовского органа («Голоса Бунда»), обнаружила, что в данный момент и в Бунде борются в общем и целом те же два течения, что в рядах российской социал-демократии (ликвидаторство, легализаторство и пр.), а главное — что партийное течение в настоящий момент в Бунде, повидимому, преобладает.

Польская Социал-Демократия, только что подведшая итоги последнему периоду на своем съезде, прислала пять человек делегатов. Польская делегация выступала на конференции дружно, при чем ее единодушие было действительным, а не фиктивным, как «единогласие» меньшевиков. Польская Социал-Демократия, в силу ряда обстоятельств, находится в исключительно счастливых обстоятельствах: революционной социал-демократии там не противостоит сколько-нибудь влиятельное правое крыло. Это подтвердил и последний съезд П. С.-Д., который постановлял все свои наиболее важные решения в духе ортодоксальной социал-демократии почти единогласно. Представители польской социал-демократии на протяжении почти всей конференции выступали вместе с ортодоксальными большевиками и вместе с ними решительно отгораживались от скороспелого отзовизма и родственных ему течений.

На конференции присутствовало с совещательным голосом 5 членов Ц. К. партии и представитель Ц. К. литовской социал-демократии. Предложение допустить с совещательным голосом официального представителя «Голоса С.-Д.» было отклонено. Жаркие прения вызвало предложение меньшевиков допустить на конфе-

ренцию с совещательным голосом делегата от группы лиц, называющих себя Заграничным Центральным Бюро (8). Меньшевики несколько месяцев тому назад устроили раскол за границей, очевидно с целью по мере сил и разумения перенести его и в Россию. Они устроили свой заграничный съезд и выбрали там свое Заграничное Ц. Б., открыто не подчиняющееся партийной дисциплине и всячески старающееся усилить раскол. Этому «Заграничному Ц. Б.» меньшевики предлагали дать представительство на партийной конференции *)... Совершенно ясно, как могла на такое предложение ответить партийная конференция. Большинство ораторов подчеркнуло только, что своим предложением лидеры меньшевизма открыто выступают в защиту раскола, устроенного, конечно, с их благословения, и тем самым открыто возлагают на себя ответственность за него. Меньшевистский оратор произнес страстную и «негодующую» речь по поводу обвинения меньшевиков, являющихся образцом партийности, в расколе. Он обратился даже с просьбой к президиуму оградить их от столь незаслуженных, по его словам, обвинений. «Оградить» меньшевиков оказалось невозможным: члены конференции продолжали называть вещи своими именами.

II. Отчеты и прения по ним.

Первым заслушан был отчет Ц. К. партии. Докладчиком был большевик (10). Отчет касался только периода от предпоследней конференции (11) до настоящей (т. е. приблизительно за год), и потому в нем не были освещены столь крупные явления, как избирательная кампания в третью Думу и т. п.

Этот год был периодом наибольшего укрепления контр-революции, ознаменовавшегося наивысшей интенсивностью наступления капитала против экономических завоеваний рабочих. Это был год самых тяжелых испытаний для наших партийных организаций. Ряды наши редели, все неустойчивые элементы как из рабочих, так в особенности из интеллигентов, массами

*) Кстати, представители Кавказа, т.т. Аксельрод, Дан и пр., не постеснялись напечатать свой отчет партийной организации в издании этого «Заграничного Ц. Б.». Положительно возвращаются времена печальной памяти Заграничной Лиги (9), только с прибавлением целого ряда еще гораздо худших элементов, чем тогда.

дезертировали. Упадок партийной организации достиг в течение этого времени кульминационного пункта и, к счастью, за последние месяцы стал уже сменяться, хотя и слабым пока еще, оживлением. Нужна была огромная сила сопротивления, чтобы сохранить то, что сохранено. Ц. К. делал все, что было в его силах, чтобы помочь партии изжить это тяжелое положение.

Из наиболее важных принципиальных решений Ц. К. за это время отмечены были резолюции о профессиональных союзах, кооперативах, просветительной работе и др. Докладчик сообщил, что резолюции по первым двум вопросам разрабатывались предварительно на рабочих с.-д. собраниях и что именно давлением со стороны с.-д. рабочих-профессионалистов объясняется тот факт, что члены Ц. К.-меньшевики голосовали за эти резолюции (они приняты единогласно), против которых теперь в органе меньшевиков идет решительная борьба. Ц. К. сделал ряд шагов по созыву общероссийского совещания с.-д., работающих в профессиональных союзах, но оно, в силу непреодолимых препятствий, не состоялось. Ц. К. издал один номер профессиональной газеты (12) и ряд писем в пояснение своей резолюции. Ц. К. развил широкую агитацию в связи с судом над депутатами второй Думы (забастовка 22 ноября), он принял участие в подготовке и в работах с.-д., участвовавших в съездах: кооперативном, народных университетов, студенческом (нелегальном) и в женском. Члены Ц. К. совершили ряд объездов по России с целью организации и укрепления областных центров (члены Ц. К. посетили по одному и по несколько раз: Центральную Россию, Юг, Урал, Поволжье, Кавказ, Крым, Северо-Запад, Северный Кавказ). В Петербургской местной работе члены Ц. К. принимали постоянное участие. Ц. К. создал бюро помощи военным организациям в деле пропаганды и агитации; он посылал своих членов для улажения организационных конфликтов (в Баку и Таганрог); он издал в Петербурге один номер Ц. О. партии и несколько листков и сделал ряд попыток поставить регулярное издание Ц. О. в России (13). Кроме того, Ц. К. занимался рядом внутри-организационных дел и обычной текущей работой. Наконец, Ц. К. массу времени и забот уделил делу руководства с.-д. думской фракцией. За ряд ошибок, сделанных фракцией, докладчик снял ответственность с Центрального Комитета, так как в этих случаях фракция действовала вопреки советам, а иногда даже вопреки прямым постановлениям централь-

ного учреждения партии *). В деле установления тесной связи между фракцией и местными организациями Ц. К. удалось сделать немного. Ц. К. выпустил по этому вопросу несколько обращений к партии; члены его, объезжавшие Россию, тоже старались привлечь к этому насущному делу внимание местных товарищей, но пока результаты невелики, и задача попрежнему стоит во всей своей важности и неотложности.

Политическую линию Ц. К. докладчик характеризовал как совершенно правильную и выдержанную. Он вместе с тем от имени большевиков заявил, что за организационную политику Ц. К. и за недостаточную его активность большевики не считают возможным взять на себя *всю* ответственность: Лондонский съезд создал Ц. К. со столь непрочным большинством, при котором сознательное торможение работы со стороны меньшевиков часто обессиливает Ц. К. и ставит в его деятельность крупнейшие препятствия. Примеров тому из деятельности Ц. К. было не мало. Урок отсюда вытекает один: чтобы центральное учреждение партии было вполне дееспособным, необходимо в будущем обеспечить в нем определенное устойчивое большинство, чтобы все не держалось на одном товарище, мечтающем примирить непримиримое ([14])...

Вопреки всем небывалым трудностям, создаваемым и общеполитическим положением и внутрипартийными отношениями, Ц. К.—заключил докладчик—будет и дальше вести трудную и неустанную, кропотливую, но необходимую работу укрепления и воссоздания в первую голову наших нелегальных партийных организаций, помогать партии использовать все легальные возможности (в том числе и думскую работу), сплачивать и просвещать рабочие массы и вести решительную борьбу против всех «внутренних» врагов, подрывающих партию.

Докладчик от Бунда нарисовал картину сильного упадка партийной организации в районе деятельности Бунда. Он разделил города этого района на 3 разряда: места, где организационная связь с массой почти совсем уничтожена, места, где движение очень слабо, и, наконец, места со сравнительно благоприятными

*) Интересно отметить со слов докладчика, что за некоторые шаги фракции иногда снимали с себя ответственность даже непосредственные исполнители постановлений фракции. Так, например, в Ц. К. было заявлено, что т. Ст., автор первой—столь ошибочной—декларации фракции, снимает с себя за нее ответственность, ибо составлял ее при ряде императивных ограничений со стороны фракции.

условиями, где организации действуют довольно широко. К первым принадлежат: Брест, Варшава, Пинск и др., ко вторым — Ковно, Минск, Могилев и др., к третьим—Лодзь, Гродна, Вильна, Витебск и др.

Членами Ц. К. совершен объезд 17 городов. Было совещание партийных работников от Лодзи, Гродны, Вильны, Риги, Витебска и Минска. Обнаружилось два течения: легалистов и ортодоксов партийности (15). Какое течение в большинстве, по мнению докладчика, установить трудно. Работа в союзах и других легальных организациях страшно сузилась: бывали случаи самозакрытия союзов по той причине, что они не могут вести никакой борьбы. Мертвая точка в общем все же пройдена, и замечаются слабые признаки оживления.

Далее следовал отчет Польской Социал-Демократии. Докладчик сообщил подробно о съезде П. С.-Д. и его работах. Он нарисовал картину тех исключительно тяжелых — даже в современной России (16) — политических и экономических условий, при которых приходится вести свою борьбу польским рабочим. Он привел интересные цифры о результатах избирательной борьбы в рабочей курии при выборах во вторую и третью Думы, свидетельствующие о неуклонном росте влияния с.-д. в Польше. Он отметил сравнительно крупную забастовку 1 мая 1908 года в Польше, происшедшую по призыву с.-д., широкую манифестацию рабочих 22 ноября 1907 г. в день суда над с.-д. депутатами. Он констатировал регулярное издание Ц. О. польских товарищей в России, большого числа воззваний, профессионального нелегального органа и заграничного теоретического журнала. Незадолго до съезда П. С.-Д. произошла конференция с.-д. профессиональных союзов, которая еще раз подтвердила старую позицию П. С.-Д. в вопросе о профессиональном движении. По отношению к фракции в кругах партийных рабочих господствует большое недовольство, но отзовизм не находит никакого сочувствия. В общем, отчет оставил такое впечатление, что, хотя наша польская организация, по сравнению с временами подъема революции, значительно ослабела, все же мы имеем в Польше сплоченную, выдержанную и идейно чрезвычайно влиятельную среди рабочих партийную организацию.

Отчеты с мест, сделанные русскими делегатами, нарисовали следующую картину: легальные организации рабочих (профессиональные союзы и пр.) усилиями контр-революции и экономи-

ческой депрессией, за исключением нескольких оазисов, сведены к небольшим размерам. Нелегальные партийные организации подверглись еще большим гонениям, но выказали гораздо большую силу сопротивления. В большинстве крупных фабрично-заводских центров, несмотря на все неблагоприятные условия, партийные ячейки, которые держатся почти исключительно на рабочих, сохранились. Численно местные организации значительно сократились, партийная интеллигенция покинула партию, руководящие функции все больше переходят в руки партийных рабочих. Политическая массовая агитация ведется преимущественно в письменной форме (листки, нелегальные газеты). В некоторых местах партийным группам приходится в той или другой форме брать на себя и руководство экономической борьбой. Особое внимание посвящается интенсивной форме пропаганды с целью подготовки нового поколения руководителей из рабочих. Насчет необходимости использования легальных форм рабочей организации никаких принципиальных споров нет, но возможности эти крайне узки. Необходимость использования думской трибуны теперь признана гораздо большей частью партии, чем в тот момент, когда партия решала вопрос об участии в третьей Думе. Меньшевики, как практическое течение внутри партии, почти исчезли. Среди партийных рабочих их совсем мало даже в таких местах, где они раньше господствовали. Среди самих меньшевиков наметились два течения: легализаторско-ликвидаторское и партийное. Первое представлено преимущественно интеллигентами и «вождями», второе—рабочими. В нескольких местах (Москва) эта борьба между двумя крыльями меньшевизма ведется открыто в печати и пр. В общем, в организации упадок сильный, но самое тяжелое время, повидимому, осталось позади. Приспособление партии к новым контр-революционным условиям находится на пути к завершению.

Эта общая картина подтвердилась и ответами на задававшиеся докладчикам вопросы и прениями по отчетам.

Между прочим, в прениях были незыблемо установлены такие факты вопиющего «ликвидаторства» со стороны меньшевиков, которые должны быть отмечены в печати. Например: в Петербурге Череванины и К° созывали рабочие собрания, на которых прямо предлагалось выйти из партийной организации и создать кооперативно-клубную организацию; в Москве группа «видных» меньшевиков, с бывшими членами Ц. К.-меньшевиками во главе,

объединялась в одном легальном союзе с... октябристами и кадетами против нелегальной социал-демократии*); вожди меньшевиков, в том числе и некоторые члены Ц. К.-меньшевики, когда в (17)... месяце в разных местах России арестовано было несколько членов Ц. К.-большевиков, сочли момент подходящим для того, чтобы попытаться... уничтожить самый Ц. К. партии. Они обратились к Бунду с предложением согласиться на ультимативное требование замены высшего учреждения партии, избранного на Лондонском съезде представителями 150 тысяч организованных рабочих, информационным бюро с равным представительством от всех фракций, имеющим только совещательный характер. У Бунда хватило партийности, чтобы дать решительный отпор меньшевистским заговорщикам против партии, и меньшевики остались только при «благих» пожеланиях. На конференции факт этот был еще раз открыто подтвержден бундовцами (на это имеются и письменные документы (18), а тов. Дан мужественно заявил, что инициатива этого... «плана» принадлежит ему...

Уже во время отчетов и прений по ним выяснилась полная изолированность меньшевиков в их нынешней фазе развития как в самой партии, так и на настоящей конференции. От такой «политики», как вышеуказанная, тщательно отгораживались даже самые правые бундовцы, покидая своих политических союзников в момент, поистине критический для них. Группа меньшевиков, чувствуя эту полную изолированность, под ударами, сыпавшимися на нее со всех, и даже самых неожиданных для меньшевиков, сторон, пошла и на самой конференции по тому же пути, который сделал бы честь любому Череванину. Тов. Аксельрод, Дан и 3-й делегат Кавказа внесли заявление, что Ц. К. совершенно неосведомлен о партийной работе, что «конференция представляет собой скорее случайное совещание, чем конференцию», что вся партийная организация находится в крайнем расстройстве, а потому ликвидаторы получают право не подчиняться, а «столковываться» **) и т. д. Это заявление вызвало со стороны делегатов

*) В обоих этих случаях меньшевистские «вожди» встретили суровый отпор со стороны рабочих меньшевиков.

**) См. их «Отчет».

центральной промышленной области, Петербурга и Урала следующее контр-заявление: «мы констатируем: 1) что мы все избраны из состава местных организаций, как принимавшие участие в их работах; 2) что выборы на конференцию происходили после обсуждения вместе с нами всех вопросов, стоящих в порядке дня конференции; 3) что мы все возвращаемся в местные организации для непосредственного участия в их работе; 4) что единственной делегацией, стоящей вне связи с практической местной работой, является делегация Кавказа, ведущая работу в Цюрихе, Париже и Лейпциге».

Вся конференция ограничилась принятием резолюции, которая признает, что: 1) политическая линия Ц. К. партии была вполне правильной и он должен продолжать охранение единства партии; 2) необходима самая решительная идейная и организационная борьба с наметившимся среди части партийной интеллигенции ликвидаторством; 3) бойкот высших партийных учреждений и их органов меньшинством коллегии — недопустим. Последний пункт вызван рядом фактов из деятельности Ц. К., сообщенных на конференции, и, в частности, позицией меньшевиков по отношению к столь необходимому для партии Ц. О. Резолюция эта предложена была делегацией П. С.-Д. Последний пункт резолюции вызвал со стороны меньшевиков заявление, что он будто равносилен предложению меньшевистским членам Ц. К. сложить мандаты, но им ответили, что это только — предложение не подрывать работы Ц. К. Следует отметить, что последний пункт резолюции возымел уже свое действие: открытое предостережение общепартийной конференции принудило меньшевиков изменить свою ликвидаторскую позицию в вопросе о Ц. О. (20).

III. Современное политическое положение и задачи партии.

На конференции была сделана попытка «съесть» самый этот пункт: указывалось на то, что это будет «бесплодная дискуссия», занятие «предсказаниями», и приводились вообще все те возражения, которые в таких случаях приводятся оппортунистами всех стран. Конференция решительно отвергла эти возражения. Слишком велик был разброд за последний год, слишком этот вопрос волновал умы всех партийных работников, чтобы конференция могла отмахнуться от него и не попробовать подвести хоть некоторые общие итоги.

Докладчиком был т. Ленин. Основная его точка зрения на характер нашей революции, на роль пролетариата и революционного крестьянства в ней, на целесообразность бойкота представительных учреждений только в том случае, когда выборам них революционная с.-д. может противопоставить широкое, боевое выступление масс, на объективную роль кадетов и трудовиков и т. д. была та же, что проводится газетой «Пролетарий» (21) с первого ее номера. Что же касается главной особенности современного момента — бонапартистской попытки приспособления старого самодержавия к буржуазному развитию России, — то и на этот счет определенную линию газета «Пролетарий» проводит уже около года.

«Став по необходимости окончательно на путь капиталистического развития России и стремясь отстоять именно такой путь, который сохранял бы за крепостниками-землевладельцами их власть и их доходы, самодержавие лавирует между этим классом и представителями капитала» — таков основной тезис доклада и принятой резолюции. Пытаясь приспособиться к этой задаче, правительство прибегает к такому аграрному эксперименту, как закон 9 ноября (22). В этих же целях оно свою сделку с названными господствующими группами облекает в форму представительного собрания от этих групп в национальном масштабе, произведя для этого государственный переворот. Оба этих крупных шага со стороны правительства продиктованы ему самыми реакционными побуждениями, по существу вызваны революционным движением и могут еще сослужить службу революции в будущем. Прибегая 3 июня к изменению избирательного закона, правительство уже открыто признавало, что его надежды опереться на «мужичка» разбиты революцией, что миллионы крестьянской бедноты уже стихийно отказываются идти за монархией Романова и становятся на путь революционно-демократического разрешения аграрного вопроса.

Правительство пытается приспособиться к буржуазному развитию. Совершенно ясно, как хочет и как объективно может направить это развитие династия Романовых и г.г. Столыпины. Все, на что она могла решиться, это — опереться, кроме голого штыка, еще на законы 3 июня (23) и 9 ноября, для осуществления которых в свою очередь необходима диктатура штыка. На заявление меньшевиков, будто констатирование факта этих попыток приспособления со стороны старой власти должно привести

к признанию демократической революции законченной, мы отвечали: ничего подобного. Мало ли какие задачи ставила себе старая власть. Это не значит, что она разрешала их. Нынешние ее попытки пока еще не привели к разрешению ни одной из основных объективных задач революции. Бонапартистские эксперименты старой власти еще больше запутывают ее же, все больше осложняют положение, плодят элементы недовольства среди все более широких масс. В частности — аграрный эксперимент Столыпина, разделяя деревню, добивая в ней остатки патриархальных экономических отношений, гигантски усиливает в ней элементы классовой борьбы, увеличивает рост сельского пролетариата, революционизирует массы крестьянской бедноты, окончательно лишаемой земли в пользу «сильных», т.-е. кулаков. Дума 3 июня наглядно показывает самым отсталым слоям народа, с каким народным представительством мирится старая власть. Дума 3 июня не прикрывает, — как этого хотел Столыпин, — разбойничьей политики старой власти и правящих классов, а небывалым образом обнажает ее. Она ставит перед способными к борьбе слоями народа совершенно конкретную задачу: бороться уже не за «народное представительство» — формула кадетов, трудовиков, меньшевиков, — а за власть, за политическую возможность установить действительно народное представительство, т.-е. конкретно — за Учредительное Собрание (24).

На эту решительную борьбу, как подтверждает и последний период, пойдет только пролетариат и за ним революционные слои крестьянства. Больше чем когда-либо либеральная буржуазия обнаружила свою контр-революционность теперь, скатившись до национал-либерализма. Крестьянская же беднота, голос которой за 1908 год открыто слышен был только с трибуны Думы 3 июня и настроение которой при всех своих колебаниях, худо ли, хорошо ли в общем выразили депутаты-трудовики, — попрежнему стоит и объективно не может не стоять за конфискацию всей земли для народа, *т.-е.* за революционное решение аграрного вопроса, *т.-е.* за революцию. Это показали отчасти даже речи о земле «правых» крестьян в Думе. Больше чем когда-нибудь опытом всего политического развития подтверждено, что русская революция может победить только при временном боевом союзе (25) пролетариата и революционного крестьянства, только в результате революционно-демократической

диктатуры пролетариата и крестьянства. В зависимости от этой победы решится вопрос о том, кто направит развитие нашей страны — Столыпин с Гучковым или всенародное Учредительное Собрание, а также вопрос о том, как пойдет это развитие — при полной свободе классовой борьбы, и значит, при свободной борьбе рабочего класса за социализм, или опять-таки по-гучковски.

Основная задача рабочего класса остается попрежнему той же: «ведя самостоятельную классовую политику, руководить демократическим крестьянством в современной политике и предстоящей революционной борьбе». Цель борьбы — та же: «свержение царизма, завоевание политической власти пролетариатом, опирающимся *) на революционные слои крестьянства и совершающим буржуазно-демократический переворот путем созыва Всероссийского Учредительного Собрания и создания демократической республики». (Резолюция конференции).

Основной задачей партии в настоящий момент должны быть: длительная работа воспитания и организации масс пролетариата, содействие их экономической борьбе, популяризация массового революционного опыта 1905—1907 годов, укрепление Р. С.-Д. Р. П. и ее традиций, борьба с урезыванием программных и тактических лозунгов ее, использование думской трибуны, работа по мере сил и в подчинении главной задаче среди крестьянства и армии, и т. д. Докладчик подчеркнул, что только выполняя со всей энергией и с пролетарской выдержкой эти «будничные» задачи, партия сможет выполнить свой долг перед рабочим классом и подготовить его к будущему подъему, который неизбежен, но конкретные формы и время наступления которого партия сейчас, в силу объективных обстоятельств, наметить с точностью не может.

Такова была позиция большевиков.

---

*) Большевики предлагали свою старую, на наш взгляд лучшую формулировку: «пролетариатом *и* революционным крестьянством». В этом смысле они выступали на конференции. За эту формулировку голосовало большинство большевиков (2 товарища-отзовиста голосовали в этом пункте не со всеми большевиками), но на конференции прошла худшая формулировка тов. поляков. Товарищам из Польской С.-Д. сделана эта уступка, но в основном они разделяют нашу большевистскую точку зрения, ибо голосовали за всю нашу резолюцию, одним из основных положений которой является, конечно, идея диктатуры пролетариата и революционного крестьянства, как большевики ее всегда понимали.

Меньшевики выказали полную растерянность и трусость мысли во всех этих кардинальнейших сейчас для партии вопросах. У них попросту не оказалось на этот счет никакой точки зрения. Они обещали развить свои взгляды на современное политическое положение при обсуждении вопросов о думской фракции и организационных задач, но и там не пошли дальше того, что необходима «народная борьба» «с режимом 3 июня» и что «у масс наблюдается склонность ожидать улучшения своего экономического положения от реформаторской деятельности 3-й Думы» *). При обсуждении самого пункта меньшевики своей резолюции не внесли и сколько-нибудь определенной позиции не заняли. По поводу нашей резолюции они нашлись только сказать, что большевики... «предлагают переть туда, где были раз разбиты» (буквальные слова т. Дана) и что это очень плохо. Они упустили только из виду, что говорить только это, не опровергая и не пытаясь даже опровергнуть всех предпосылок большевистской резолюции и ее указаний насчет политического соотношения сил и их предстоящего развития, насчет предстоящих битв, их условий и роли их участников, не развивая никакой своей точки зрения на этот счет, — значит обнаружить трусливый отказ от дальнейшей революционной борьбы, продиктованный полной растерянностью.

К нашей резолюции о современном положении меньшевики внесли только одну существенную поправку: заменить в нашем тезисе о том, что крепостническое самодержавие становится на путь превращения в буржуазную монархию, слово «буржуазную» словом «плутократическую»... Конференция, конечно, отвергла предложение ничего не сказать по самому существенному вопросу: наше самодержавие давно было уже плутократическим, ему незачем на этот путь становиться. Особенность момента в том и заключается, что оно пытается, будучи плутократическим и крепостническим, взять в свои руки буржуазное развитие страны. Ничем, кроме дешевой вульгарно-демократической фразы, поправка меньшевиков, поэтому, не была, и никакой самостоятельной позиции в ней не заключалось. Это, повидимому, теперь поняли и сами меньшевики: в своем отчете о конференции т.т. П. Аксельрод и Дан точно воды в рот набрали на этот

*) См. в меньшевистском отчете о конференции их проект резолюции о думской фракции.

счет. Они чрезвычайно охотно распространяются в своем отчете обо всем, что было на конференции, и даже о том, чего на ней не было *), но они упорно молчат о своей поправке, которую сами назвали на конференции основной, решающей для них вопрос о том, вносить ли следующие свои поправки. Они не только не разъяснили своей позиции в своем отчете, но попросту утаили свою поправку, не проронили о ней ни единого слова. Столь же тщательно они законспирировали и речь т. Дана, являющуюся до известной степени контр-докладом по этому пункту порядка дня, в которой процитирована была одна из первых заповедей оппортунистов всех стран: «не надо переть туда, где были раз разбиты». (См. недавнюю полемику Мауренбрехера против Каутского). Умолчав обо всем этом, спрятав свою программную поправку и программную речь, т.т. меньшевики после этого считают уместным распространяться о «растерянности большевиков»... Очевидно, что у меньшивиков нет растерянности: их точку зрения после Череванина выразил, надо полагать, Потресов, который считает, что «очередной задачей современного момента» является ликвидация идеи гегемонии пролетариата, выдвинутой в свое время еще группой Освобождения Труда **) ([26]). Интересно бы знать, все ли меньшевики объединяются на этом очередном ликвидаторском лозунге и, в частности, настолько ли уже «прогрессировал» тов. Плеханов, что и он молча прикрывает это ликвидаторство основ революционного марксизма ([27]).

Еще несколько слов о товарищах-отзовистах. Они голосовали за всю резолюцию, первоначальный проект которой разработан редакцией «Пролетария». Не развивая какой-нибудь другой точки зрения на современный момент, они только внесли заявление, что не принимают пункта, признающего необходимость использования трибуны 3 Думы для революционно-социал-демократической агитации. Заявление подписано двумя делегатами (один — от Петербурга, другой — центральной области). Отрицать необходимость использования для с.-д. агитации трибуны 3-й Думы теперь, при современном положении вещей, когда $1^1/_2$ года общественной жизни окончательно показали, что скорого и массового непосредственного натиска ждать невозможно, — это,

*) Мы, например, насчитали в этом отчете ни больше, ни меньше как 16 фактических... «неточностей»...

**) См. «История общественного движения в России».

конечно, само говорит за себя, и об этой коренной ошибке тов. отзовистов мы можем здесь не распространяться. Отметим еще следующую поправку отзовистов к резолюции о современном моменте. «Значительная часть мелкой городской буржуазии, нищающая благодаря уменьшению покупательных сил широких масс населения, хотя по положению своему и не способная занять самостоятельную классовую позицию, все же волей-неволей вовлекается по мере нарастания политического подъема в революционное движение, и в революционный момент пойдет за пролетариатом». Эту характерную в устах отзовиста поправку конференция отвергла. Остальные большевики все голосовали против нее. К тов. отзовистам присоединились только... два бундовца.

С чувством удовлетворения мы можем констатировать, что со времени конференции, решавшей вопрос об участии с.-д. в 3-й Думе, внутри большевиков настроение значительно изменилось в пользу нашей позиции. На той конференции только один большевик голосовал за участие при современных условиях в 3-й Думе ([28]); на этой конференции за это высказалось большинство большевиков. Мы вправе надеяться, что недалеко то время, когда отзовизм — этот меньшевизм наизнанку (меньшевики говорят: 3-я думская фракция это — все; отзовисты говорят: 3-я думская фракция это — *ничто*) — окончательно себя дискредитирует в глазах даже отсталых рабочих.

Из бундовцев один голосовал за нашу резолюцию, двое — против.

В первоначальном нашем тексте никаких значительных поправок, о которых стоило бы упоминать, не сделано, кроме «польской» поправки («пролетариат, опирающийся...» и т. д.), о которой мы сказали выше.

IV. Думская работа партии.

Этот вопрос был одним из самых важных на конференции. $1^1/_2$ года работы с.-д. в Думе 3-го июня дали значительный материал для суждения о той позиции, которую должна занимать в 3-й Думе наша фракция, и конференции надлежало умножить наш парламентский опыт новым крупным итогом в этой области. Конференция подвела итог, который безусловно станет новой вехой в борьбе левого крыла нашей партии за революционно-социал-демократический парламентаризм в России.

Ортодоксальное крыло международного социализма всегда вело и ведет борьбу за то, чтобы парламентская работа с.-д. рассматривалась как подсобная, как подчиненная всей остальной деятельности партии, чтобы деятельность с.-д. в представительных учреждениях направлена была преимущественно к с.-д. просвещению масс, т.-е. к агитации и, по возможности, к организации прежде всего рабочего класса. Ортодоксальные социал-демократы борются за то, чтобы с.-д., заседающие в представительных учреждениях, направляли свою деятельность в согласии с волей организованного авангарда пролетариата, т.-е. не отставали бы от всей с.-д. партии в целом.

Ревизионисты всех стран, наоборот, считают, что «центром внимания» должна быть именно парламентская деятельность, что с.-д. в представительных собраниях должны заниматься не произнесением «митинговых» речей, а «положительной» и «серьезной» работой, что с.-д. должны стараться объединять в парламентах «всю оппозицию», т.-е. выдвигать то, что подчеркивает якобы гармонию классовых интересов, что социал-демократические парламентские фракции должны пользоваться полной «свободой» и «автономией» внутри партии, т.-е. фактически быть эмансипированными от партии и господствовать над ней, и, наконец, что с.-д. парламентарии должны считаться не столько с «узкой» с.-д. партией, сколько с массой избирателей, т.-е. с попутчиками (Mitläufer'ами) социал-демократии.

В большинстве европейских стран эта борьба еще не кончилась победой ортодоксальных марксистов. Есть ряд объективных обстоятельств, содействующих господству ревизионистов в парламентских с.-д. фракциях и затрудняющих позицию революционных социал-демократов. В большинстве европейских стран, особенно в романских, с.-д. парламентское представительство и по сию пору стоит гораздо ниже всей партии в отношении революционности и принципиальной выдержанности.

Это, конечно, не значит, что революционные с.-д. должны примириться с этим, безнадежно сложить руки, считаясь с «неизбежностью». Такой фатализм был бы достоин только отзовистов. Революционные с.-д. должны неустанно вести борьбу за революционно-социал-демократический парламентаризм, за полное подчинение фракции партии. В этой борьбе победа в конечном счете принадлежит, конечно, революционному марксизму.

Революционные марксисты в России с самого начала с.-д. парламентаризма у нас, т.-е. с 1-й Думы, ведут уже и практически в общем ту же самую борьбу, что и ортодоксы Запада. Если наше положение чем-нибудь отличается, так это тем, что — в силу нашей объективно-революционной обстановки — задача революционной и социалистической агитации для наших парламентариев выдвигается еще больше на первый план, что резкое классовое отграничение от всех остальных партий у нас еще больше диктуется ходом революции, что подчинение молодой и неопытной фракции партии в целом еще императивнее требуется всем ходом вещей.

Наши отечественные ревизионисты, меньшевики, теоретически проводят в общем ту же точку зрения, что их западно-европейские собратья, и стараются по мере сил подражать им и практически. Во всех трех наших думских фракциях преобладали меньшевики. (Это, конечно, не случайность. В этом есть известная закономерность: массовый избиратель, даже поднявшийся до того, чтобы отдать свой голос социал-демократии, не сразу, конечно, выдвинет левого с.-д., а найдет скорее своего представителя в лице «широкого» меньшевика). Общая революционная атмосфера заставляла первые две фракции на практике действовать гораздо выдержаннее, чем того хотелось идейным вождям нашего ревизионизма, и часто даже прямо отступать от меньшевистских лозунгов дня (так, например, 1-я фракция так и не выдвинула лозунга поддержки кадетского министерства) ([29]).

Борьба по этим двум линиям идет внутри нашей партии и сейчас. Какой из двух путей с.-д. парламентаризма подтвердит наша партия — этот вопрос был предметом борьбы на последней конференции.

В первых же словах нашей резолюции (проект ее первоначально разработан был редакцией «Пролетария») и нашего доклада ([30]) на конференции ортодоксальные большевики самым резким образом отделили свою позицию одинаково как от парламентского кретинизма меньшевиков, так и от парламентского кретинизма наизнанку отзовистов.

«... С.-д. фракция является одним из служебных органов, подчиненных партии и ее Ц. К.,» — заявляли мы в 1-м вступительном абзаце нашей резолюции, в противовес меньшевикам. Мы критикуем фракцию только «в целях поднятия на должную высоту деятельности фракции и в интересах правиль-

ного освещения ее работ всей партией в агитации и пропаганде», — заявляли мы тут же, отгораживаясь самым определенным образом и от отзовистов.

Обозревая деятельность нашей фракции за истекший период, мы констатировали и предложили конференции открыто констатировать ряд крупнейших ошибок думской фракции, являющихся «уклонениями от политической линии нашей партии». Ошибки эти открыто указывались нами на страницах «Пролетария» в продолжение всех $1^1/_2$ лет и разъяснялись партии и фракции. Такой образ действий не только позволителен, но **обязателен** и единственно достоин социал-демократической партии. Мы отметали и предлагали конференции отвергнуть возражения насчет того, что говорить открыто об ошибках думской фракции неудобно, так как она действует на открытой арене, окружена врагами и т. д. Мы говорили, что **именно** потому, что она действует открыто, что она выступает от имени всей партии, что каждый ее промах наши политические враги силятся обрушить на всю партию, именно поэтому партия должна открыто и громко указать политические ошибки фракции. Так—и только так—партия может учить рабочих, воспитывать фракцию и двигать вперед дело постановки думской работы на правильный путь.

Интересно отметить, что меньшевики почти совсем не спорили против существа дела, т.-е. против того, насколько действительно ошибочными были те шаги фракции, которые мы характеризовали как уклонения от политической линии нашей партии. Все их возражения в данном пункте сводились, в сущности, к восклицаниям: «что скажет Милюков!», как можно открыто «клеймить» думскую фракцию, это не «по-европейски», так не поступили бы даже в Турции!.. Лучшим способом учить фракцию меньшевики считают... частную переписку с членами ее. По словам меньшевиков, они сознательно умалчивали об ошибках фракции в партийной печати, прибегая вместо этого к частным письмам, и они довольны результатами...

После указания на то, что кроме политических уклонений от партийной линии, фракция позволяла себе еще уклонения от партийной дисциплины (нарушения прямых постановлений Ц. К.),— мы переходили к формулировке основных задач фракции на будущее, общего **характера** всех ее работ.

«Основной задачей фракции в контр-революционной 3-й Думе является—**служить** в качестве одного из органов партии **делу**

с.-д. пропаганды, агитации и организации, отнюдь не становясь на путь так называемого положительного законодательства,... всячески стараться подымать в Думе вопросы, волнующие рабочие массы и нашу партию». Агитационно-пропагандистская работа—вот единственное, но крайне насущное дело социал-демократии в 3-й Думе. Органическим пороком думской фракции была боязнь агитационно-пропагандистского метода работы, что либералы и меньшевики называют «примитивным» способом работы. Все ревизионистские советчики нашей фракции толкали ее на путь «серьезной» (читай—ревизионистской) «положительной» парламентской деятельности, и именно поэтому речи наших депутатов, по правильному выражению одного из польских делегатов, часто не стоили бумаги, на которой их можно бы перепечатать для распространения в массах. Мы требовали, чтобы наша фракция, представляющая в 3-й Думе не г. г. ревизионистов, а рабочий класс, и прошедшая в Думу именем Р. С.-Д. Р. П., раз навсегда стала бы на путь, указанный Лондонским съездом и не раз подтвержденный большинством партии, т.-е. на путь агитационный. Социал-демократия — единственная партия в 3-й Думе, стоящая на почве революции и исповедующая принципы научного социализма. Мы вместе со всеми сознательными рабочими требовали, чтобы фракция давала нам прежде всего побольше простых социалистических речей, доступных рядовому рабочему, крестьянину, солдату, матросу, достойных перепечатки и широкого распространения в массах. Это—единственная помощь, которую фракция может оказать партии, это—единственное дело, за которым партия посылала своих представителей в 3-ю Думу. Бросьте смешную при современных российских условиях игру в «законодательные» бирюльки внесения поправочек к поправочкам, бросьте «сурьезный» парламентаризм! Ведь слепые видят, что такой ваш метод работы не находит отклика в массах,—предоставьте эту «работу» господам кадетам. Партии нужно, чтобы в речах, в своих законопроектах, запросах, отчетах и пр. преследовали одну задачу: в простой, популярной форме разъяснять массам точку зрения партии на современное положение. С.-д. фракция в черной Думе, в стане врагов революции и рабочего класса, должна проповедывать социализм и революцию, вести решительную борьбу не только «с правительством», но и с контр-революционным либерализмом; ее члены должны стать не депутатами-дельцами в «европейском»

смысле слова, а апостолами социализма. (По поводу последнего выражения тов. меньшевики в своем отчете о конференции считают уместной иронию, которая, в сущности, ничем не отличается от либерального хихиканья над социализмом г.г. Струве и К°.) Мы, далее, давали фракции ряд практических указаний и выдвигали несколько очередных задач (борьба против шовинистической национал-либеральной агитации «неославянства», агитация по поводу наступления капитала и связи его с изменившимися политическими условиями, освещение причин безработицы и голодовок, рабочее законодательство, положение армии и пр.), подчеркивали необходимость внедумской работы фракции, хотя бы в скромных размерах, в каких она теперь возможна, и самым решительным образом настаивали на том, что над правильной постановкой думской работы должна трудиться **вся партия**, что все организации должны оказывать ей деятельную помощь, что, оставляя за собой право открытой критики ошибок и промахов фракции, все местные организации должны поддерживать фракцию присылкой материалов, установлением связи между фракцией и рабочими массами, распространять речи депутатов и т. п.

Проект резолюции меньшевиков состоял из 3-х частей. В первых двух частях меньшевики делали попытки выяснить свою точку зрения на современное положение, но результаты оказались совершенно убогими. Дальше общих мест меньшевики не пошли. 3-я и последняя часть их проекта давала некоторые конкретные указания на будущее. Главного в их проекте не хватало: они даже не попытались наметить **общей линии, характера, метода**, основных задач нашего думского представительства. Разговоры об этом меньшевики, в полной солидарности с ревизионистами всех стран, называли, конечно, «бесплодной дискуссией» и т. п. Сформулировать точно свою линию в этом вопросе для меньшевиков означало еще раз фиксировать наглядно свое согласие с оппортунистами всех стран. Они предпочли этого лишний раз не делать, ограничившись умолчанием о главном и тем санкционировавши все старые блуждания нашей фракции «от случая к случаю», не попытавшись даже подвести никаких итогов за $1^1/_2$ года работы и удовольствовавшись одним заявлением, что «работа фракции увенчалась известным успехом». То же делали меньшевики в прениях на конференции: они не развивали своей собственной позиции, а нападали только на нашу резолюцию за ее «доктринерский» характер, «за выкапывание ошибок» фракции и т. д.

Бунд и П. С.-Д. своих самостоятельных проектов не внесли. Отзовисты — тоже. Последние даже не вносили сколько-нибудь крупных поправок. При обсуждении пункта о современном политическом положении отзовисты остались без определенной позиции. Они ограничились заявлением, которое гласит: «хотя мы, представители так называемого отзовистского течения нашей партии, и несогласны с 5-м пунктом резолютивной части (о необходимости использовать думскую трибуну), но, в виду нашего полного согласия с остальными как мотивировочными, так и резолютивными пунктами резолюции, мы голосуем за нее в целом» (подпись двух делегатов). Выходит, что по основному вопросу, определившему позицию во всех остальных вопросах, отзовисты были согласны с явными противниками отзовизма. Позиция 2-х отзовистов, таким образом, явно запуталась. Когда дело дошло до думской фракции, отзовисты тоже не решились стать на определенную точку зрения, сделать логический вывод из своей, в корне неправильной, позиции. Один из отзовистов сделал попытку в речи дать принципиальное обоснование своей позиции, но это привело лишь к полному конфузу отзовизма. Эти «принципы» могли вызвать либо веселое настроение, как это было на конференции, либо — если брать их всерьез — опасения, что такая принципиальная позиция ведет очень далеко в сторону от большой дороги революционной социал-демократии. Практически они пошли за ортодоксальными большевиками и в этом самом жгучем для них вопросе. Это, конечно, было лучшее, что они могли сделать.

Делегаты от Бунда колебались между нашей резолюцией и резолюцией меньшевиков, но в решающий момент все же выбрали нашу: настолько оппортунистичной, шаблонной, а частью прямо ликвидаторской была резолюция меньшевиков. В нашей резолюции бундовцам особенно не нравилось перечисление крупнейших ошибок фракции: на них большое впечатление произвело заявление меньшевиков, будто такое перечисление равносильно постановке на очередь дня вопроса о сложении нашими депутатами мандатов. Они настойчиво предлагали нам отказаться от перечисления ошибок. Разумеется, этого сделать мы не могли: мы указывали ошибки, разумеется, не для того, чтобы предложить депутатам сложить полномочия, а для того, чтобы партия учла уроки прошлого, для того, чтобы она научила своих депутатов избегать в будущем повторения печальных ошибок. Делегация

Польской Социал-Демократии в общем шла с ортодоксальными большевиками. После общих прений резолюция меньшевиков была отвергнута, наша же взята за основу и сдана в комиссию.

Комиссия состояла из пяти членов: 2 большевика (оба — антиотзовисты), 1 меньшевик (31), 1 бунд., 1 п. с.-д.). Она приняла следующие дополнения к нашей резолюции. В мотивировочной части она, по инициативе большевиков, прибавила абзац, констатирующий, что фракция работает при необычайно тяжелых условиях и что вина за ее уклонения лежит не на ней одной, а на всей партии, которая не уделяла достаточно внимания думской работе. По инициативе бундовцев внесен в резолютивную часть пункт о необходимости клеймить с думской трибуны политику правительства и думского большинства в национальном вопросе *). По инициативе меньшевика вставлен пункт о защите местных нужд населения. Мы и в этом пункте подчеркнули необходимость связывать эти вопросы с общим положением страны и придавать своим выступлениям по местным вопросам также агитационный характер, не погрязая в мелочах. Наконец, при нашей поддержке, по инициативе одного товарища, близко стоящего к деятельности фракции (32), решено было дополнить нашу резолюцию практическими указаниями по вопросу о бюджетных голосованиях.

Меньшевики внесли формулировку чрезвычайно «либеральную», развязывавшую целиком руки фракции и исходившую из того, что голосования «за» будут вовсе не так редки. Мы предложили следующую формулировку: «по вопросу о бюджете конференция полагает, что голосование за бюджет в целом признается принципиально недопустимым. Голосование за отдельные статьи бюджета классового государства, узаконяющие расходы на орудия угнетения масс (войско, полицию, администрацию, суды и т. п.), признается также недопустимым. При голосовании за реформы или статьи о расходах на культурные потребности во главу следует положить тот принцип нашей программы, по которому с.-д. отвергают те реформы, которые связаны с полицейско-чиновничьей опекой над трудящимися классами. Поэтому общим правилом должно быть голо-

*) В комиссии бундовцы предлагали формулу: «и поддерживать согласные с принципами социал-демократии требования угнетенных народностей». Мы отвергли ее и приняли формулировку: «и поддерживать выставленные партийной программой требования в защиту прав угнетенных народностей».

сование против проводимых в 3-й Думе так называемых реформ и статей расходов на так называемые культурные потребности».

В особых случаях, когда улучшение положения трудящихся, вопреки общим условиям, представляется не только вероятным, рекомендуется воздержание (с объяснением в особой декларации). Наконец, в исключительных случаях, когда прямая выгода для рабочих несомненна, разрешается голосовать «за», но рекомендуется совещание с представителями Ц. К. и партийных и профессиональных организаций.

Большевики держались в общем той же линии, что и Ц. К. в России. Когда думская фракция приняла в марте 1908 г. по поводу бюджетного голосования резолюцию: «фракция должна голосовать за такие меры, которые при наименьшей, возможной при существовании капиталистического строя, болезненности для широких народных масс, в действительности приводят к повышению экономического, правового и культурного положения масс. Она может в некоторых случаях голосовать за меры, приводящие в действительности к такому повышению, хотя бы наименьшая болезненность ими и не достигалась»,—Ц. К. ответил в заседании 10 марта следующей резолюцией: «Ц. К. находит, что резолюция фракции по вопросу о ее голосованиях выражает общепризнанное социал-демократией положение, но ставит на вид фракции, что в 3-й Думе при настоящем положении вещей положение это на практике вряд ли придется применять». Этой же точки зрения большевики держались на конференции: в 3-й Думе общим правилом должно быть голосование *против* проводимых в ней якобы реформ и расходов на якобы удовлетворяемые ею культурные потребности. Этот тезис был принят комиссией и конференцией. Мы хотели и те немногие исключения, которые могут встретиться, обставить максимальными для партии гарантиями. Нам удалось провести и для этих немногих случаев значительные ограничения: во всех этих случаях, для воздержания или в редких исключениях голосования «за», требуется предварительное совещание с представителями Ц. К., партийных и профессиональных *) организаций. Конференция отвергла только один наш

*) Тов. Дан и К° в своем отчете делают вид, что ликуют по поводу того, что большевики предложили фракции совещаться и с представителями профессиональных союзов, и изображают это как свою «победу».

тезис: когда улучшение кажется только вероятным — воздерживаться с мотивировкой (см. выше). И об этом нельзя не пожалеть: лишнее ограничение в этих случаях было бы только полезно. Даже и в том виде, в каком решение принято, оно является ценным и выдержанным указанием фракции.

Споры возникли на конференции и в комиссии по вопросу о законопроектах. Нашу резолюцию упрекали в противоречивости: с одной стороны, она высказывается против так называемой «положительной» работы, а с другой — она же предлагает вносить законопроекты. Мы разъяснили, что и законопроекты нам нужны только в агитационных целях, и только такие, которые могут по своей краткости, популярности изложения и важности служить этим целям (мы указывали, как на пример, на законопроект фракции 2-й Гос. Думы о свободе стачек, имевший большое агитационное значение). Мы утверждали, что большинство требований нашей программы-минимум можно и должно облечь в форму таких агитационных законопроектов и что тут никакого противоречия не будет, а будет помощь нашей агитации. Конференция с нами в этом согласилась.

Из ошибок фракции мы поместили в резолюцию только важнейшие, оставив в стороне более мелкие. Вся конференция, за исключением меньшевиков (да и они сильно колебались относительно некоторых ошибок), признавала правильность наших указаний по существу. В самом деле, т.т. Дан, Аксельрод и другие силятся теперь дело представить так, что на конференции будто были колебания насчет голосования фракции $6^1/_2$ миллионов Шварцу ([33]). На самом деле именно в этом пункте было полное согласие. И делегат от Бунда выразил это, сказав, что «если уже перечислять ошибки фракции, то голосование за $6^1/_2$ миллионов должно быть признано ошибочным в первую голову». Все, кроме меньшевиков, были согласны, что Ц. К. был прав, принявши по этому поводу следующую резолюцию: «Принимая во внимание, с одной стороны, что 1) законопроект об ассигновке на народное образование не содержит в себе никаких точных указаний на то, какие земства

Точно не большевики всегда настаивали не сближении союзов с партией. Они только не хотят подмены союзами партии, превалирования первых над последней, как этого хотят г.г. ликвидаторы, но и только. Против совещаний же с рабочими союзами в тех или иных случаях они, разумеется, ничего не имеют, раз решающий голос — как и в данном случае — остается за партией и ее учреждениями.

должны получать пособие, 2) что освобождающиеся земские суммы имеют неопределенное назначение (не на школы, а на народное образование вообще), 3) что министерство народного просвещения обнаруживает явно черносотенные тенденции, вследствие чего представляется весьма вероятным, что ассигновки будут передаваться черносотенным земствам, которые в свою очередь употребят освобождающиеся суммы на черносотенные читальни, библиотеки и т. п.; принимая во внимание, с другой стороны, что принципиально с.-д. сочувствуют ассигновке сумм на народное образование, — Ц. К. настаивает на том, чтобы фракция воздержалась от голосования, мотивировав в речах свое воздержание». Сами меньшевики-делегаты говорили, что они воздержались бы от голосования в этом случае. Они только настаивали, что «клеймить» открыто этот «грех» фракции — недопустимо, преступно и т. д. *). Меньшевик, член комиссии, попробовал представить самый смысл ассигновки в другом свете, но ему была прочитана думская стенограмма, после чего не осталось сомнения в том, что Ц. К. изложил в своей резолюции суть дела вполне правильно (фракция теперь тоже признала свою ошибку и решила при предстоящей скоро аналогичной ассигновке воздержаться от голосования).

С этими дополнениями резолюция и была принята конференцией. Когда меньшевики убедились в том, что они опять вполне изолированы, они пошли прямо на авантюру: они сделали прямой шаг к восстановлению фракции против партии, заявивши, что фракция не обязана работать под руководством Ц. К. и что последний н е имеет права «вето» на постановления фракции. Принципы «демократизма» и «автономии» требуют-де полной самостоятельности фракции... Когда им указали, что эти «принципы» всегда отстаивались Фольмаром (34), Жоресом (35) и К°, что в своем последовательном развитии эти принципы «свободы» ведут прямо

*) Теперь Дан и К° в своем отчете изображают дело так, будто им удалось «смягчить» формулировку этого пункта. Ничего подобного не было. Это такой же «плод изобретательности» Дана и К°, как то, будто Ленин заявил, что он «решительно не имеет п р и н ц и п и а л ь н ы х возражений против в с е х вносившихся фракцией формул перехода к очередным делам», или будто пункт о разоблачении империалистических и националистических стремлений к.-д. и октябристов принят против большевиков, или будто конференция провалила пункт о внедумской работе (тогда как она только перенесла его из мотивировки в резолютивную часть) и т. п. Отчет Дана и К° полон таких... «изобретений».

в объятия Мильерана (36), — они отступили на формальную позицию и стали, вопреки общеизвестным фактам, уверять, будто Лондонский съезд отверг право «вето» Ц. К. Их, конечно, опровергли, указав, что сами члены Ц. К.-меньшевики не раз присоединялись к наложению «вето» (37). Наши ревизионисты продолжали стоять на своем и даже в своем отчете пишут, что их «никто не опроверг». На самом деле это, конечно, неправда. 6 членов Ц. К. и несколько делегатов конференции (они же — бывшие делегаты Лондонского съезда) внесли следующее заявление: «...заявляем, что: 1) Лондонский съезд отверг поправки Мартова, клонившиеся к ослаблению воздействия Ц. К. на деятельность фракции, и стал безусловно на точку зрения подчинения думской фракции Ц. К-ту; 2) в пленуме Ц. К., где присутствовали члены Ц. К.-меньшевики т.т. X, Y, Z и др., решался практически вопрос о «вето» по конкретным вопросам и упомянутые члены Ц. К.-меньшевики безусловно признавали это право за Ц. К., 3) что в восьмерке (сокращенный состав Ц. К.) члены Ц. К.-меньшевики, т.т. Н. и НН. (в тексте приведены партийные псевдонимы этих товарищей), дважды голосовали вместе с другими за наложение «вето» по конкретным вопросам и никогда не подвергали сомнению этого права Ц. К., 4) что думская фракция никогда официально не подвергала даже сомнению права «вето» Ц. К., 5) что в партийной печати без различия течений никогда после Лондонского съезда это право Ц. К. никем не отрицалось, 6) что заявление т. т. Дана и др. мы не можем понять иначе, как попытку восстановить фракцию против партии и Ц. К., иначе, как явную угрозу расколом и шаг к содействию ликвидаторам современной нашей партийной организации». (Члены Ц. К.-меньшевики, бывшие на конференции, молчаливо все факты признали и контр-заявления не внесли.) Так меньшевики позаботились о последнем, столь ярком штрихе, чтобы окончательно дорисовать свою современную ревизионистско-ликвидаторскую физиономию... Когда т. Мартов делал попытку эмансипации фракции от партии на Лондонском съезде, многим оптимистам показалось это случайным зигзагом. Теперь меньшевики сами окончательно показали значение этого зигзага. Конференция в целом, конечно, ни на минуту не поколебалась насчет этого права Ц. К. и из него, как из факта, исходила.

В своем отчете о конференции меньшевики пытаются отступить, заявляя, что упоминать о безусловном подчинении — «не-

удобно, потому что в чисто внешнем отношении может быть использовано ко вреду фракции, как это, напр., видно из процесса второй думской фракции». Это ново. На конференции меньшевики об этом ни слова не сказали и оперировали совсем другими доводами. Теперь, видимо, слишком опасной показалась затеянная авантюра...

В результате борьбы меньшевики были совершенно изолированы. За нашу резолюцию голосовала вся конференция, исключая меньшевиков. Их позиция оттолкнула от них даже бундовцев, которые присоединились к нашей резолюции (об этом изобретательные товарищи Дан и К°, конечно, забывают сообщить в своем отчете). Бундовцы при голосовании внесли следующее: «Мы голосуем за резолюцию о думской фракции, несмотря на несогласие с перечислением сделанных фракцией ошибок, в виду того, что резолютивная часть резолюции в общем нас удовлетворяет» (подписи всех 3-х бундовцев).

Конференция приняла еще небольшую резолюцию, не подлежащую опубликованию по вполне понятным мотивам: она содержит некоторые чисто организационные указания(38). Эта резолюция по содержанию своему, конечно, стоит в полном соответствии с главной, опубликованной резолюцией *).

Так конференция решительно отвергла и ревизионизм, и отзовизм, и заняла позицию, которая единственно может направить необходимую для партии думскую работу по правильному пути и, поднявши ее на должную принципиальную высоту, уничтожить почву для нежелательных трений между партией в целом и ее органом — думской фракцией.

V. Организационные вопросы.

Практика международной социал-демократии — и в том числе практика нашей партии — уже давно показала, что организационные вопросы тесно связаны с политической линией, с идейным направлением. Наша конференция это еще раз подтвердила.

В первую голову на конференции стал вопрос о той общей организационной линии, которую партия должна избрать

*) Меньшевики и др. спекулируют на то, что резолюция эта не опубликована, и пытаются приписать ей то, чего в ней нет.

в современной контр-революционной обстановке. Всем партийным течениям надлежало дать определенный практический ответ на этот жгучий вопрос дня. Практические ответы нагляднее всего обрисовали политическую физиономию борющихся внутри партии течений. Прения по этому вопросу на конференции были самыми обширными и, пожалуй, самыми интересными. Вопрос шел действительно о жизни и смерти партии, как организации, на ближайшие годы.

Большевики в этом вопросе выступали совершенно сплоченно. Отзовисты и здесь не развернули никакой самостоятельной позиции и практически примкнули ко взглядам ортодоксального большевизма, уже давно развиваемым на страницах нашей газеты.

Взгляды эти таковы: перед нами стоит задача — сохранить и в мрачные годы контр-революции, вопреки всем тяжелым условиям, старую Р. С.-Д. Р. П., не как пропагандистское общество, не как группу содействия при кооперативах, клубах и профессиональных союзах, а как политическую организацию рабочего класса России. Такова цель. Каковы же средства? Прежде всего, упрочение единственно устойчивой при современных обстоятельствах нелегальной организации, которая должна как идейно, так и организационно направлять нашу работу. Легальная организация, на деле не отказывающаяся от революционной борьбы и революционного социализма, при диктатуре Стольшина невозможна. Легальная организация рабочего класса, по крайней мере в настоящий момент, могла бы функционировать в сколько-нибудь широком масштабе только приспособляясь к Стольшину, только отказываясь от революции и социализма. Это вполне доказано российской практикой. Очередной задачей момента, главной заботой, центром тяжести деятельности партии является настойчивая, терпеливая, длительная работа по созданию прежде всего нелегальной рабочей организации, которая останется верна своей программе, тактике и традициям и будет вести длительную и организационную работу среди масс как в области политической, так, по возможности, и в области экономической. Значит ли это, однако, что мы отказываемся от легальных возможностей, значит ли это, что мы охвачены «культом нелегальности», как в этом нас упрекают меньшевики? Отнюдь нет. Мы в своей резолюции черным по белому написали: «партия должна обратить особое внимание на использование и укрепление существующих и учреждение

новых нелегальных, полулегальных и, по возможности, легальных организаций, которые могли бы служить ей опорным пунктом для агитационной, пропагандистской и практически-организационной работы среди масс»... Мы даже готовы признать, что в частности большевики не везде и не всегда уделяли должное внимание делу использования некоторых, хотя и скромных, но реальных легальных возможностей. Мы исходим как из аксиомы, из необходимости сочетания нелегальной и легальной организации. Так мы категорически и безусловно настаиваем на использовании такой легальной возможности, как трибуна в 3-й контр-революционной Думе. Мы не на словах, а на деле отстаиваем для настоящего момента тот путь, который наиболее близок к методу германских с.-д. во время исключительного закона. Именно поэтому мы подчеркиваем необходимость прежде всего нелегальной организации, которая, как у немцев во время исключительного закона, обладала бы теоретически выдержанным нелегальным Ц. О. партии, нелегальным практически руководящим центром, т.-е. Ц. К., устойчивыми нелегальными разветвлениями на местах, нелегальными съездами и пр. Именно поэтому мы настаиваем на создании и упрочении в первую голову такой нелегальной организации, которая, как и у немцев, превалировала бы над другими видами организации, руководила бы всей работой, ибо только при этом условии и позволительно надеяться на социал-демократическое использование тех скромных легальных возможностей, которые реально существуют в современной России. Только при этом условии социал-демократия может рассчитывать не раствориться при современных условиях в бесформенных организациях, не превратиться из авангарда в арьергард. Последние годы еще раз показали, что в такие контр-революционные периоды, как нами переживаемый, беспартийность в большинстве случаев обречена на гибель, если не мириться, конечно, с отказом от революционной борьбы. И это — совершенно закономерно. Такие беспартийные организации, как Совет Рабочих Депутатов *), конечно, немыслимы

*) Кстати, по поводу легенд, повторявшихся и на конференции, насчет позиции большевиков по отношению к Петербургскому Совету Рабочих Депутатов, одним из членов (89) бывшего объединенного Ц. К. внесено следующее интересное заявление:

«Вопрос о том, чтобы заставить Совет Рабочих Депутатов определенно выяснить свою политическую платформу, и именно в духе социал-

в атмосфере контр-революции. Сколько-нибудь широкие беспартийные рабочие организации (даже ставящие себе целью только экономическую борьбу, как, например, профессиональные союзы) возможны в современной России только при отказе их от сколько-нибудь широкой борьбы против старой власти и капитала. Практика профессионального движения в России это доказала вполне. Всем известно — и на конференции это еще раз подтвердилось — что из союзов уцелели большею частью те, которые от такой борьбы почти целиком отказались, которые совершенно оторвались от масс. Именно этим и объясняется, главным образом, повальное бегство рабочих из союзов и страшное, повальное охлаждение к ним. Всем известны десятки случаев самозакрытия союзов самими рабочими в тех случаях, когда они не хотели отказа от борьбы, не хотели бесславной смерти своего союза. Массовая организация в России не может долго существовать без активной борьбы. За активную борьбу современные диктаторы немилосердно уничтожают массовую организацию, хотя бы она всячески исповедывала беспартийность.

Мы не можем отказаться от борьбы за открытое, широкое и легальное существование рабочих организаций, — говорят нам. Разумеется, — отвечаем мы на это, — но весь вопрос только в том, как бороться за это. По нашему мнению, за свободу профес-

---

демократии, возник в организации с.-д. в октябре 1905 года благодаря тому, что тов. Хрусталев ([40]), будучи тогда беспартийным и имея за собою группу в 30 - 40 делегатов, вел определенно борьбу против политического влияния с.-д. в Совете Рабочих Депутатов, проводя всюду на ряду с с.-д. представителей с.-р. и восставая против «партийной узости». Это было стремление превратить Совет Рабочих Депутатов в организацию независимой рабочей партии.

Вопрос этот сошел со сцены, когда прекратились независимские попытки и с.-д. стали явными руководителями Совета Рабочих Депутатов, а Хрусталев объявил себя с.-д. меньшевиком.

Пока этот вопрос существовал, в отношении к нему с большевиками была солидарна большая и влиятельная часть меньшевиков. В Федер. Совете П. К. и П. Гр. с большевиками и Троцким шел заодно делегат меньшевиков тов. А. И. А в *Объединенном Ц. К-те* обеих фракций принципиальная солидарность получилась полная, и на последнем из тех заседаний О. К., где решался этот вопрос, окончательная резолюция о последовательности постановки в Совете Рабочих Депутатов вопроса об его политической платформе была формулирована именно меньшевиком, тов. А-м, и принята единогласно (2 большевика и 2 меньшевика)».

Это заявление на конференции никем опровергнуто не было.

сиональных союзов, например, нужно бороться не отказом от главной их цели — экономической борьбы, не превращением их из боевых организаций рабочего класса в общества взаимопомощи, не бесчисленными перекраиваниями устава, санкционирующими на деле (а не на словах только) этот отказ, а созданием нелегальных союзов, действительно могущих бороться, могущих заставить считаться с собою и старую власть, и предпринимателей. Массы не пойдут в них, — возражают нам. Массы еще больше не идут в союзы, отказывающиеся от борьбы. Если объективные условия таковы, что борьба рабочих неизбежна — а они именно таковы — то массы пойдут в наши боевые нелегальные организации, если не сейчас, то через $1/2$ года — через год. Нам же необходимо выкинуть знамя сейчас, звать рабочих в эти организации, развивать агитацию за них, не откладывая этого дела.

И для всего этого нам необходима прежде всего организация Р. С.-Д. Р. П., *т.-е.* прочная нелегальная организация, сплоченная и централизованная, начинающаяся на каждой фабрике, на каждом заводе, в каждой мастерской и кончающаяся Центральным Комитетом партии. «Опять в подполье!» — хныкут дряблые интеллигенты, — нам душно в нем, это возврат к старому, а «всякие попытки восстановить организацию дореволюционного типа... грозили бы и теперь и еще больше при будущем подъеме оторвать Р. С.-Д. Р. П. от действительного движения рабочих масс» (см. проект резолюции меньшевиков в их отчете). Мы охотно верим, что «душно» в подпольи меньшевикам и именно поэтому-то контр-революция, «отдалив осуществление демократических лозунгов партии, выбрасывает из партийных рядов все колеблющиеся интеллигентские и мелкобуржуазные элементы, примкнувшие к рабочему движению, главным образом, в надежде на близкое торжество революции» (см. нашу резолюцию по организационному вопросу). Всем тем, кто не так легко «ликвидирует» старую Р. С.-Д. Р. П., как Череванины, Даны и им подобные «новаторы», всем тем, которые и в теперешнюю трудную годину хотят вместе с передовыми рабочими работать над делом укрепления политической организации рабочего класса, сыгравшей столь славную роль в революции и насадившей, вопреки всем невзгодам, столь славные традиции в рабочих массах, — всем тем невозможно согласиться на подмену *с.-д. рабочей партии* кооперативно-клубными бесформенными

объединениями. Все эти элементы должны, не покладая рук, работать прежде всего над упрочением нелегальной Р. С.-Д. Р. П. Работа эта — трудная, кропотливая, «будничная», долгая, но неотложная и необходимая для рабочей партии в данный момент.

Что может сделать такая «подпольная», «оторванная от масс» организация, — вопрошали нас. Мы отвечали: строить дальше политическую рабочую партию, вести политическую агитацию среди масс, используя невиданно богатый материал, который дает, например, черная Дума, помогать экономической борьбе рабочих, чутко прислушиваться и откликаться на все текущие злобы дня фабрично-заводской жизни, освещать и обобщать все мелкие, повседневные стычки труда с капиталом и т. д. и т. п. Меньше чем когда-нибудь будет оторвана такая организация. Главная работа будет лежать на партийных фабрично-заводских чисто-рабочих коллективах; наши профессионалы теперь тоже все больше рекрутируются из рабочих. Только такая организация сможет использовать *в духе с.-д.* и те огромные легальные возможности, которые существуют, только она сможет помогать рабочему классу бороться и сейчас, только такая организация станет вновь во главе сотен тысяч рабочих при первом политическом подъеме. Если тут есть возврат к прошлому, то такой возврат только желателен.

Какова же была позиция меньшевиков на конференции? Ее можно характеризовать коротко, как стыдливое ликвидаторство. В своем проекте резолюции меньшевики слегка журили Череваниных и К°, указывая им, например, на то, что «единственный уцелевший открытый орган партии — думская фракция — не мог бы выполнить всех лежащих на партии задач», они даже соглашались, что не мешало бы иметь иногда нелегальные придатки к клубам и кооперативам, но в основном они безусловно шли за Череваниным и другими ликвидаторами. Их с ними объединял один «очередной» лозунг: *уничтожение старой Р. С.-Д. Р. П.* Из современной партии ушли и должны уходить «наиболее активные элементы рабочего класса» (см. их резолюцию), должны уходить «умелые, опытные, активные работники» (см. их отчет), — отвечали меньшевики на наш тезис, что ушли и уходят, кроме мелкобуржуазной интеллигенции, главным образом рабочие, «в социалистическом отношении малосознатель-

ные» (см. нашу резолюцию). По существу такая оценка меньшевиков равнялась подыманию на щит дезертиров из интеллигенции и *наименее* активных, *наименее* устойчивых рабочих, пассование перед трудностью положения, сдача на милость прямым ликвидаторам *). Центром тяжести работы является деятельность в «имеющихся в наличности» «открытых и полуоткрытых организациях, экономических и просветительных, служащих и в переживаемую эпоху экономического застоя и жестокой политической реакции центрами притяжения наиболее активных элементов рабочего класса и массового движения» (см. их резолюцию),—таково было мнение меньшевиков, вопреки фактам, вопреки действительности, констатированной всеми отчетами делегатов и в особенности ярко в отчете Бунда. «Одной из главных практических задач» в настоящее время является, по мнению меньшевиков, устройство совещаний с «работниками», стоящими вне партии, для обсуждения и решения текущих политических вопросов и вопросов рабочего движения» (см. резолюцию меньшевиков). Выходит, что обсуждать и решать судьбы движения надо предоставить дезертирам, — такова одна из главных задач партии, которая не должна «самодовольно (!) замыкаться в рамки» собственной организации, как выражается отчет меньшевиков. «Во многих местах зачастую делается невозможным ведение плодотворной с.-д. работы в рамках официальных партийных организаций, и это заставляет с.-д. группироваться для выполнения этой работы вне их рамок»,—жалуются меньшевики в своем отчете (и справедливо жалуются: им с Череваниным куда вольготнее, чем с Р. С.-Д. Р. П.) и прибавляют: «новая деятельность партии сможет отлиться в прочные и устойчивые организационные формы лишь тогда, когда минет переживаемая теперь переходная эпоха и политическое положение станет более определенным», т.-е.—надо отменить до нового подъема Р. С.-Д. Р. П. и предоставить меньшевикам пока устраивать «областные и всероссийские совещания» с «наиболее активными» дезертирами. Таков объективный смысл позиции меньшевиков.

*) Меньшевики в своем отчете пытаются отмежеваться от ликвидаторов. Настоящие ликвидаторы относятся враждебно даже к идее самостоятельной рабочей партии, а мы, меньшевики, вовсе нет. Не смеем спорить. Имеются, вероятно, и такие ликвидаторы. Меньшевикам лучше знать. От этого не перестают быть ликвидаторами те, кто, не борясь против идеи партии, борются против самой партии.

Немудрено, что и тут меньшевики остались совершенно изолированными. Съезд П. С.-Д., состоявшийся незадолго до конференции, стал в общем на ту же точку зрения, что и ортодоксальные большевики. Даже бундовская делегация решительно отвернулась от меньшевиков в этом вопросе (двое из 3-х присоединились к нам, а третий—сам полулегалист—воздержался, не решившись присоединиться к «чересчур последовательным» меньшевикам). Мы внесли, в виде директив комиссии по организационному вопросу, краткую резолюцию о двух направлениях организационной политики в Р. С.-Д. Р. П. и о необходимости сделать «центром тяжести — создание и укрепление нелегально-партийной организации... для работы среди масс» (см. резолюцию). Эта резолюция была принята всеми против меньшевиков, не отпугнувших бундовцев даже криками о том, что резолюция вносится большевиками специально во фракционных целях и «для демонстрации» против меньшевиков.

После комиссионной работы была принята подробная наша резолюция.

Много споров вызвал вопрос о партийном съезде. Мы предлагали признать, что съезд необходим в интересах работы (для подведения итогов, для установления новых задач партии, для организационного сплочения всех партийных организаций), что к постепенной подготовке его следует приступить в ближайшие месяцы и что нормы представительства, в виду изменившихся условий, должны быть также изменены (мы предлагали: 1 голос на каждых 300 членов и по 1 голосу тем организациям, которые насчитывают больше 200 членов и действуют без перерыва в течение последнего года). Делегация П. С.-Д. проявила в этом вопросе некоторый «сепаратизм». Польская С.-Д. только что имела свой съезд, и к съезду всей партии ее делегаты относились, поэтому, вначале несколько равнодушно. Бундовцы колебались. Меньшевики же, исходя из своей ликвидаторской позиции, и слышать не хотели о каком-то съезде партии (где они, как это им вполне ясно, должны оказаться в ужасающем меньшинстве).

Наша резолюция была отвергнута. Еще резче была отвергнута резолюция меньшевиков. Тогда делегация П. С.-Д. внесла свою резолюцию (со значительными поправками), которая стала для нас приемлема. Она констатирует, что съезд необходим, предлагает Ц. К. произвести анкету *о сроке* съезда и подчеркивает необходимость изменения норм представительства. Один деле-

гат П. С.-Д. при голосовании попробовал внести ухудшающую поправку (что анкета должна спрашивать и о возможности съезда). Мы заявили, что при принятии этой поправки мы не сможем голосовать за резолюцию в целом, и поправка была отвергнута. После этого, к разочарованию меньшевиков, была принята резолюция П. С.-Д. *).

Меньшевики после этого заявили, что так как конференция признала нужным изменить нормы представительства, то они «не берут за своих избирателей никаких обязательств по отношению к будущему якобы партийному съезду», т.-е. пригрозили расколом. Конференция сочла излишним особо реагировать на эту угрозу ликвидаторов, тем более, что по существу, конечно, и меньшевики не могли спорить против абсолютной необходимости изменить нормы представительства и требовали «только» не решения вопроса партией, а «столковывания» с теми, кто целью своей поставил борьбу с современной партией (41).

Далее приняты резолюции о работе Ц. К. и необходимости Ц. О., при чем меньшевики, так энергично подрывавшие деятельность центральных учреждений партии, не преминули, конечно, выступить с ламентациями о «бездеятельности» Ц. К. и пр.

По инициативе П. С.-Д. принята резолюция о необходимости объединения национальных организаций на местах. Бундовцам в ней очень не понравилось заявление о том, что это объединение должно, разумеется, произойти не на началах федерализма. Меньшевики, давно отказавшиеся от старой «Искры» (42), конечно, сочли долгом поддержать бундовцев в отстаивании ими реакционного принципа внутрипартийного строительства.

Конференция постановила предложить Ц. К. продолжать переговоры с Литовской С.-Д. об объединении и перешла к порядку дня через предложение меньшевиков объединиться с «левицей» П. П. С. (43). Наша партия, как известно, ведет в Польше решительную борьбу и против «левицы», как организации несоциал-демократической. Наши польские товарищи добились за последние годы крупнейших для с.-д. результатов именно этой непримиримой идейной и организационной борьбой. Меньшевики

*) «Можно было думать, — пишут меньшевики в своем отчете, — что в этом вопросе большевики останутся изолированными. Случилось не так», — жалуются они меланхолически. И Бунд и поляки попытались занять «среднюю позицию».

предлагают объединиться с этой несоциал-демемократической организацией... Они хотели этим выдать премию «левице» только за то, что она — как все в мире путанники в программе — глубоко оппортунистична по своей тактике и, значит, могла бы отчасти стать резервным отрядом для меньшевиков.

По поводу заграничного раскола, устроенного меньшевиками, конференция вынесла суровое осуждение меньшевикам и одобрение действиям Ц. К. В предвидении этого, меньшевики всячески старались снять самый вопрос с обсуждения. Это им, конечно, не удалось.

Таковы работы конференции. Она дала оценку современному политическому положению, наметила основные задачи партии, дала ценные указания для правильной постановки думской работы, указала организационные пути, подвела известные итоги последнему периоду, Она нанесла решительный удар ликвидаторам-меньшевикам, изолировавши их внутри партии так, как никогда ранее; она отнеслась сурово-отрицательно к политически нелепому «отзовизму», как и к союзному ему так называемому «ультиматизму» (44). В этом ее крупное партийное значение. Это сделает ее исходной точкой дальнейшего развития нашей партии и рабочего движения после первого этапа революции.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Всероссийская конференция Р. С.-Д. Р. П., — статья из № 42 и 43 «Пролетария».

2) Декабрь 1908 г.

3) и 4) VI съезд Социал-Демократии Польши и Литвы состоялся в декабре 1908 г. III съезд С.-Д. Латышского края состоялся в декабре 1908 г.

5) Термин «ликвидаторство», насколько нам известно, впервые был употреблен именно на Всероссийской Конференции Р. С.-Д. Р. П. в конце 1908 г. в Париже. Словечко это носилось уже в воздухе в начале 1908 г., когда меньшевики все более и более неприкрыто стали проповедывать «ликвидацию» старых позиций партии. Впоследствии слово «ликвидаторство» приобрело широчайшую известность.

6) Дан, П. Аксельрод и другие видные меньшевики на этой конференции были делегатами Закавказского Комитета, находившегося в руках Н. Жордания (Кострова). Кавказ являлся в то время единственным местом, где нелегальные организации находились еще в руках меньшевиков.

7) Ортодоксальными большевиками тогда называли основную старую группу большевиков, объединявшихся вокруг тов. Ленина. От этой группы начали отходить сначала бойкотисты, руководимые А. А. Богдановым, а затем отзовисты, которые впоследствии были исключены из фракции большевиков.

[8]) Это Бюро, являвшееся одним из важнейших опорных пунктов тогдашнего меньшевизма, руководилось Г. В. Чичериным, который в то время был нашим противником.

[9]) Заграничная Лига до второго съезда партии состояла из искровцев и оказала большие услуги революционному крылу партии. После второго съезда большинство в ней перешло на сторону меньшевиков.

[10]) Этим докладчиком был Г. Зиновьев, только недавно выпущенный из тюрьмы и приехавший по вызову Ц. К. из СПБ. на конференцию.

[11]) Эта конференция состоялась, если не ошибаемся, в конце 1907 или в начале 1908 г. в Гельсингфорсе.

[12]) Этот номер профессиональной газеты вышел под редакцией Канатчикова, Рожкова и Зиновьева.

[13]) Центральному Комитету партии удалось выпустить в России только один номер нелегального «Социал-Демократа». Номер был напечатан в небольшом количестве в Петербурге и в большем количестве — в нелегальной типографии в Вильне. В печатании номера принял деятельное участие Каммермахер. Газета эта редактировалась Рожковым, Зиновьевым, Жордания. По делу о нелегальной типографии, печатавшей этот номер, привлекался, между прочим, и Зиновьев.

[14]) Этим товарищем был тов. Данишевский, который тогда был известен под кличкой «Герман» и, являясь представителем латышской партии в Центральном Комитете, занимал позицию нефракционного примиренца.

[15]) Это разделение на «легалистов» и «партийцев» стало уже вполне ясно намечаться в 1907 году. Во время моего объезда, по поручению Ц. К., юга России летом 1907 г., на свидании с больным В. В. Воровским (которого я посетил в больнице), мы, помнится, уже вполне явственно формулировали этот спор двух течений.

[16]) Польша, как известно, тогда входила еще в состав Российской империи.

[17]) В марте месяце 1908 г. было арестовано последнее ядро большевистских членов Ц. К.: И. П. Гольденберг, Н. А. Рожков, Г. Зиновьев и др.

[18]) Сообщаемый эпизод имел большое значение. Он обнаружил к тому времени уже вполне созревший заговор меньшевиков против нелегальной партии. Член Ц. К. партии от Бунда, некий Эзра (после революции 1917 г. этот Эзра сотрудничал в банковской газете «День» и вообще занимал крайне правую позицию) получил от виднейших меньшевиков приглашение, которое было равносильно предложению уничтожить Ц. К. партии. Партийная совесть заставила Эзру написать об этом Зиновьеву в тюрьму. Этот документ и был доставлен впоследствии на Всероссийскую Партийную Конференцию.

[19]) Делегат Закавказья П. Аксельрод жил тогда в Цюрихе; второй делегат Закавказья, Дан, находился в Париже, а третий делегат, «Петр» Рамишвили (впоследствии министр вн. дел меньшевистской Грузии и самый ненавистный палач грузинских рабочих), тогда учился в Лейпциге на медицинском факультете.

[20]) Заграничные меньшевики сначала намеревались бойкотировать редакцию Центрального Органа, в которой большинство принадлежало

большевикам. Но, в виду настроения общероссийской конференции, им пришлось отказаться от открытого бойкота. Они вошли в редакцию для того, чтобы саботировать дело изнутри.

[21]) Редакция газеты «Пролетарий», по возобновлении ее в 1907 г., состояла вначале из т.т. Ленина, А. А. Богданова (отошел от большевизма в 1908 г.) и Иосифа Федоровича Дубровинского (Иннокентия), умершего в ссылке в 1911 году. Эта группа товарищей была отправлена большевистским центром за границу осенью 1907 г., когда выяснилось, что контрреволюция будет длительна. Затем редакция «Пролетария» состояла (с лета 1908 г.) из т.т. Ленина, Богданова и Зиновьева. И. Ф. Дубровинский, по приезде из России Зиновьева, отправился в Питер. Затем эта редакция состояла из Ленина, Зиновьева и Шанцера (Марата), умершего за границей. Покойный Марат представлял в редакции «Пролетария» «левое» крыло, т.-е. бойкотистов, отзовистов и полуотзовистов. После разрыва с отзовистами и так называемыми ультиматистами (группа Богданова) редакция «Пролетария» с 1909 г. до 1913 г. состояла из Ленина, Зиновьева и Каменева.

[22]) Аграрный закон 9 ноября направлен был к созданию в деревне слоя «крепкого мужика», т.-е. был рассчитан на поддержку кулаков, которые должны были составить социальную опору для «обновленного» царского самодержавия.

[23]) 3 июня 1907 г. был издан новый избирательный закон по выборам в Государственную Думу, открыто отдававший власть кучке помещиков.

[24]) Лозунг «Учредительное Собрание» оставался лозунгом большевиков не только в 1908 году, но, как известно, и в начале революции 1917 года.

[25]) Такова была формула большевиков, начиная с 1905 г.: «Временный боевой союз пролетариата и революционного крестьянства». Этим большевизм хотел сказать, что революция победит как «диктатура пролетариата и крестьянства», а затем, после победы демократической революции, начнется борьба за социализм, в которой рабочий класс будет находиться уже в другом взаимоотношении с крестьянством.

[26]) Плеханов, как глава группы Освобождения Труда, еще в 1889 году на международном конгрессе в Париже (а также и в более ранних своих литературных произведениях) первый выдвинул идею гегемонии пролетариата в русской революции. Его крылатая формула—«русская революция победит как революция рабочих или не победит вовсе»—была ничем иным, как формулировкой идеи гегемонии пролетариата в русской революции.

[27]) Большевистскому центру было известно, что Плеханов не солидарен с Потресовым, Череваниным и К°, которые начали открыто отрекаться от идеи гегемонии пролетариата. Но Плеханов, из-за фракционной дипломатии и стремления к единству с Мартовым и Даном, в это время еще молчал о своем несогласии. Члены большевистского центра старались вызвать Плеханова на объяснение по этому вопросу.

[28]) Этим одним большевиком был тов. Ленин.

[29]) Меньшевики формулировали свой лозунг как требование министерства, ответственного перед думским большинством. Но так как думское большинство состояло из кадетов, то объективно дело шло о *кадет-*

ском министерстве. Рабочие Петербурга были решительно против этого лозунга и на деле сорвали тогда политику меньшевистского Ц. К.

[30]) Первоначальный проект написан был Зиновьевым.

[31]) Два большевика были—Ленин и Зиновьев; один меньшевик—Дан; один п. с.-д. — покойный Тышко.

[32]) Этим товарищем был большевистский депутат от Петербурга тов. Н. Г. Полетаев. Официальный представитель фракции Чхеидзе предпочел уклониться от официального участия в общепартийной нелегальной конференции, действуя явно по соглашению с меньшевистскими вождями. Приехав в Париж во время партийной конференции, т. Полетаев оказал этим громадную услугу партии. Его приезд означал, что в случае дальнейшего бойкота меньшевиками нелегальной партийной организации, найдутся и в третьей Думе депутаты, которые эту связь с нелегальной партией поддержат.

[33]) Шварц — черносотенный министр народного просвещения при царе.

[34]) Фольмар — один из крупнейших представителей германского ревизионизма, против которого не раз выступал Бебель.

[35]) Жорес умер героем за рабочее дело в начале империалистической войны в 1914 году. Он был искренним и пламенным защитником интересов рабочего класса. Но внутри социалистического лагеря, в особенности в первую половину своей социалистической деятельности, Жорес выступал ярким представителем правого, ревизионистского крыла.

[36]) В 90-х годах Мильеран был социалистом, членом Французской Социалистической Партии и даже представителем ее левого крыла, выступавшим за всеобщую стачку и т. д. Затем Мильеран вошел в буржуазное министерство, обещая и там отстаивать интересы рабочего класса. Сторонниками этой «новой» мильерандистской тактики выступило целое крыло международного социализма. Через самое короткое время стало ясно, что мильерандизм есть открытая измена рабочему классу. Ныне Мильеран является президентом буржуазной французской республики и одним из самых отъявленных ненавистников рабочего класса.

[37]) Центральный Комитет партии несомненно имел юридическое право veto по отношению к решениям думской фракции, которая не могла быть ничем иным, как одним из органов партии. Члены Ц. К.-меньшевики, работавшие в России, при всем их оппортунизме вынуждены были под давлением рабочих не раз присоединяться к использованию этого права veto большевистским Ц. К.

[38]) В резолюции содержалось прямое порицание Чхеидзе и меньшевистскому большинству думской фракции за неявку на общепартийную конференцию. По полицейским соображениям об этом нельзя было говорить тогда открыто.

[39]) Цитированное заявление было внесено А. А. Богдановым, который в 1905 году, во время образования первого Совета рабочих депутатов находился в Петербурге и являлся влиятельнейшим членом большевистского Ц. К. Несомненно, что частью большевиков в 1905 году в вопросе о партийности и беспартийности Совета была допущена серьезная ошибка. Ошибка эта была исправлена окончательно лишь тогда, когда из-за границы в Петроград приехал тов. Ленин.

[40]) Хрусталев-Носарь — первый председатель Совета — беспартийный человек, выдвинувшийся благодаря случайному стечению обстоятельств.

[41]) Съезд этот так и не состоялся. Лондонский съезд 1907 г. оказался последним общепартийным съездом совместно с меньшевиками. Затянувшаяся контр-революция, с одной стороны, измена меньшевиков, превратившихся в ликвидаторов, с другой стороны, помешали созыву партийного съезда до революции.

[42]) В старой «Искре», существовавшей с 1900 до 1903 г. (второй съезд партии), меньшевики (Мартов, Потресов и др.) работали рука об руку с Лениным, который был главным вдохновителем старой «Искры». После перехода Плеханова на сторону меньшевиков Ленин покинул редакцию «Искры». Новая «Искра» велась уже в совершенно меньшевистском духе.

[43]) Левица П. П. С. — оппозиционное крыло прежде единой Польской Социалистической Партии (социал-патриотов). Польские большевики, во главе с Розой Люксембург и Тышко, в 1908 году не хотели слышать об объединении с левицей П. П. С. Объединение состоялось гораздо позже.

[44]) Отзовисты (Станислав Вольский и др.) открыто требовали отозвать из третьей Думы с.-д. депутатов. Более робкие отзовисты (А. А. Богданов, покойный Шанцер и др.) требовали предварительно поставить ультиматум думской фракции от имени партии и, если она не подчинится ему, не изменит резко своей тактики, тогда отозвать ее из Думы. Вместо серьезной работы над исправлением линии думских с.-д., ультиматисты на деле хотели добиться того же, чего добивались и отзовисты.

НАША ДУМСКАЯ ФРАКЦИЯ (1).

В своей недавней резолюции о современном моменте и задачах думского с.-д. представительства, резолюции, являющейся в столь многом перепевом первой декларации, с которой фракция выступила в начале своей деятельности и которая вызвала справедливое недовольство во всех без различия партийных кругах,—наша фракция заявляет: «Она (т. - е. фракция) сознает, что история возложила на нее почетную ответственность быть непосредственной преемницей той фракции 2-й Гос. Думы, которую контр-революция посадила на скамью подсудимых и послала на каторгу».

Так ли это? Действительно ли является наша нынешняя фракция, не на словах только, а по своей работе, преемницей нашей 2-й фракции, посланной на каторгу? Мы думаем, что непосредственными преемниками 2-й фракции наши нынешние думские представители являются пока только в том отношении, что они упорно стремятся повторить одну из крупнейших ошибок ее в отношении с.-д. в Думе к либеральной оппозиции.

Большинство нашей второй фракции, как известно, считало, по крайней мере в начале своей деятельности, своей главной задачей объединить против правительства всю оппозицию, включая сюда и кадетов. Большинство фракции второй Думы не учитывало в то время того факта, что в ряде важнейших для социал-демократии вопросов либералы уже заняли враждебную революционному движению позицию, уже перешли на сторону контр-революционного правительства, которому они, прикрываясь ореолом «освободительного движения», оказывают наиболее ценную для него поддержку. Большинство 2-й фракции не видело еще тогда, что именно для последовательной и решительной революционной борьбы против правительства социал-демократии необходимо направить свои удары также против контр-революционной либеральной буржуазии и сделать что можно для привлечения на сторону революции единственно возможного временного союзника пролетариата — революционное, в силу своего настоящего социального положения, крестьянство (2).

Кроме всех прежних уроков революции, нашей фракции второй Думы понадобились еще наглядные уроки из области борьбы в самой Думе, чтобы понять и принять ту аксиому, что в нашей буржуазно-демократической революции пролетариат, а стало быть и социал-демократия, в своей борьбе за полное низверже-

ние старого строя и замену его демократической республикой может вместе быть только в союзе с революционным крестьянством против правительства и либеральной буржуазии. Кадеты скоро преподали нашей фракции и в самой второй Думе прекрасные уроки и придвинули ее вплотную к революционно-социал-демократической тактике. Г.г. кадеты объявили «анти-конституционным» и «бунтовщическим» предложение нашей фракции для установления действительных размеров необходимой «продовольственной помощи» голодающей России и для установления действительного контроля за расходованием сумм на эту помощь послать депутатов на места и на местах создать для этого специальные комитеты. Они сами толкнули нашу фракцию на борьбу против либералов, при чем известная часть трудовиков пошла за социал-демократами. При обсуждении вопроса о помощи безработным пролетариям кадеты предложили исключить рабочих, лишившихся заработка благодаря забастовкам. Наша фракция второй Думы, при всем своем желании изолировать правительство, должна была направить свои удары против кадетов, к которым правительство само «всецело и всемерно присоединилось». Когда при обсуждении бюджета и контингента армии кадеты ретивее всех служили контр-революционному правительству Столыпина и «товарищ» Родичев заслуживал искреннюю похвалу от «товарища» Пуришкевича, наша фракция, вопреки своему горячему желанию объединить всю оппозицию, в силу положения вещей должна была разъединить ее и обрушить свои удары на головы таких защитников народной свободы, которые вредят ей больше явных врагов ее. Трудовики же и их левое крыло, с.-р., колеблясь и путаясь, все же часто шли в этих случаях за социал-демократами.

Так дело продолжалось до самого последнего заседания 2-й Государственной Думы. Перед самым разгоном, когда меч контр-революции уже был занесен над самой головой Думы и когда, казалось бы, «оппозиции» больше чем когда-нибудь следовало бы «объединиться» и «изолировать» реакцию, — в этот момент нашей фракции в силу объективного положения вещей пришлось вести отчаянную борьбу не только против правительства, но и против кадетов, настаивавших на полном послушании этому правительству и холопском соблюдении «законности». Словом, вопреки своей теории, с.-д. фракция 2-й Думы на практике часто шла путем, позднее признанным нашим Лондонским

*

съездом и уже ранее намеченным революционной социал-демократией. Наша фракция, конечно, в том или другом случае платила серьезную дань своей ошибочной теоретической точке зрения; борьба между ее практикой и теорией, разумеется, сопровождалась значительными колебаниями и вредными ошибками. Фракции второй Госуд. Думы принадлежит, тем не менее, та заслуга, что она во многих случаях не оставалась глуха к запросам жизни, что она не цеплялась за ошибочную догму там, где это могло обесцветить позицию с.-д., обессилить ее последовательно-революционную критику.

Фракция третьей Думы сходится со второй в том отношении, что разделяет ее теоретическую ошибку, но расходится с ней в том, что самые яркие уроки практики, самые настойчивые голоса жизни и самые убедительные предостережения до сих пор проходили для нее, к сожалению, почти бесследно. Борьба с к.-д. в 3-й Думе, разумеется, не менее необходима, чем была во 2-й. Пусть не говорят нам, что дело изменилось потому, что во 2-й Думе кадеты были хозяевами положения, а в 3-й они являются только оппозицией. Если дело изменилось, то только в том отношении, что кадеты за это время стали еще более контр-революционными, что тактика их стала еще вреднее для дела революции и тем опаснее, что кадеты еще больше стараются окружить себя ореолом гонимых и угнетаемых «борцов».

Выступая в 3-й Думе — Думе контр-революции и сделки царизма с известными правящими слоями — исключительно против «безответственного» правительства, направляя свои стрелы только против столыпинской шайки и тех думских групп, которые стоят еще правее Столыпина, наша фракция фактически содействует кадетам, распространяющим иллюзию, будто все зло в том, что у нас нет «настоящей» конституции, будто во всем виновато одно правительство. Обрушиваясь только на правительство, проведшее переворот *3 июня*, и думское большинство, опирающееся явно на этот переворот, наша фракция затушевывает то обстоятельство, что кадеты оправдали надежды правительства, что и они являются «людьми 3 июня», что последний избирательный закон *) рассчитан на включение в число контр-

*) Правительство, перекраивая избирательный закон 3 июня, явно обеспечивало себе два большинства; октябристско-черное и октябристско-кадетское. Последнее большинство Столыпин уже не раз пускал в ход в 3-й Думе.

агентов старой власти также и кадетов, только на худших для кадетов условиях, что только благодаря избирательному закону 3 июня кадеты имеют еще столь непомерно большое представительство в 3 Думе (если по сравнению с 1-й и 2-й Думой кадеты потеряли до половины депутатских мест, то после 2-й Думы, где они с такой полнотой развернули свою тактику борьбы с народной свободой, кадеты при старом избирательном законе свелись бы к еще меньшей группе, чем во 2-й Думе, к явному, — быть может ничтожному — меньшинству).

Отсутствие борьбы против кадетов в 3-й Думе делает абсолютно невозможной последовательную, выдержанную социал-демократическую агитацию в ней. Это нежелание вести борьбу против либеральной оппозиции, осложняемое робостью перед перспективой остаться одинокими, изолированными внутри Думы, это неумение показать, насколько либеральная буржуазия еще больше придвинулась к контр-революционному правительству, эта неспособность учесть то обстоятельство, что крестьянство (даже так называемое «правое» крестьянство) попрежнему вынуждено требовать всей земли и, значит, остается объективно революционным,— являются основным первородным грехом нашей фракции в третьей Думе. Либеральная буржуазия действительно стала еще более контр-революционной, — этому дает поистине блестящие подтверждения партия к.-д.

Ее явная поддержка внешней империалистской политики правительства, ее явный переход на национал-либеральные рельсы, ее укорачивание своих и без того укороченных (в интересах помещиков) требований в аграрном вопросе, ее голосования за внешние займы, за ассигновки на тюремщиков, ее отношение к армии и к вопросу о «национальном могуществе», ее фактический отказ даже от требования назначения ответственного перед Думой министерства, ее гнусное лягание по адресу революции и революционных партий, ее заигрывание с октябристами — все это—факты, достаточно громко говорящие о том, куда передвигается и передвинулась уже либеральная буржуазия. Нужно поистине иметь глаза, чтобы *не* видеть, а уши, чтобы *не* слышать, для того, чтобы после всего этого сделать,—как это делает наша фракция в своем отчете за первую половину 2-й сессии, не пытаясь, между прочим, привести хотя бы одного факта из внутридумской борьбы,—вывод, что «силою обстоятельств они (т.-е. кадеты) как бы сдвигаются влево»... Сказать так—зна-

чит ничего не понять из современной политической обстановки, значит не видеть даже того, что происходит в стенах самой Думы, значит судить на основании мелких внешних конфликтов (вроде того, что делать заключение о непроходимой пропасти между октябристами и кадетами из факта вызова на дуэль Гучковым Милюкова), значит не понимать, что все «большие» «парламентские» столкновения являются, в сущности, семейной ссорой, которая именно потому порой так и обостряется, что она—семейная.

До тех пор пока наша фракция не станет планомерно и сознательно разоблачать также контр-революционную сущность кадетов, пока не откажется от борьбы только с одним «реакционным правительством», пока фракция не даст себе полного отчета о роли различных классов в нашей революции; до тех пор пока она не станет проводить в своей агитации на этот счет обязательную для нее, как и для всех других партийных организаций, точку зрения Лондонского съезда, ([4])—до тех пор ее деятельность не будет соответствовать политической линии нашей партии, до тех пор фракция будет возбуждать недовольство среди партийных рабочих, до тех пор она будет плодить конфликты между партией в целом и ее думским представительством.

В отношении метода работы фракции необходимо усвоить себе, что партия ждет от нее прежде всего и исключительно — помощи в деле агитации и пропаганды. И на своем последнем съезде и на общепартийных конференциях—в том числе и на недавно закончившейся — партия решительно высказалась против пути так называемой положительной работы, «серьезной» законодательной деятельности нашей фракции в Думе 3 июня. Простых, популярных социалистических речей и развития наших революционных и политических требований с трибуны перед возможно более широкими массами пролетариата и крестьянской бедноты — вот чего ждет от фракции партия. Излагайте в доступных рабочему и крестьянину, солдату и матросу выражениях основы нашего великого социалистического учения! Пусть не смущают вас уверения некоторых из ваших «сведущих» лиц, будто это повторение азбуки социализма — узко, недостойно «истинных» парламентариев и просто «смешно» в 3-й Думе. Простые социалистические речи покажутся смешными лишь г.г. кадетам и мелкобуржуазным ревизионистам, но только не рабочим массам. Именно в 3-й Думе, в Думе контр-революции,

в цитадели злейших врагов рабочего класса, под злобные завывания рыцарей черной сотни, под хихиканье кадетских «просвещенных» буржуа, проповедь великих заповедей социализма со стороны депутатов от рабочего класса должна была бы быть тем более страстной, тем более вдохновенной. Поменьше внимания к внутридумским комбинациям и к мнению «истинных» парламентариев, побольше внимания к простому «серому» рабочему! Дайте партии, прежде всего, социалистические речи, достойные перепечатки и широкого распространения среди масс. Разверните широкую пропаганду нашей программы-минимум, используйте тот невиданно богатый агитационный материал, который дает вам сама 3-я Дума, выдвиньте полностью наши революционные общие лозунги, говорите о местных нуждах, т.-е. излагайте горе и страдания рабочих и безземельного крестьянства в тех или других углах России, распрощайтесь поскорее с подсказываемыми вам вредными, губительными тенденциями по методу «серьезного» законодательства. Сводите все ваши речи — в том числе и по местным вопросам — к общему положению вещей, к невозможности разрешить наш кризис иначе, как путем новой революционной борьбы; зовите народ в каждой своей речи, в каждом заявлении к борьбе, разъясняйте пролетариату и крестьянству истинный характер нынешнего контрреволюционного блока и составных его частей, словом, — усвойте поскорее агитационный метод работы, ибо для него, и только для него, партия послала вас в Думу 3 июня; ибо только этот путь — сколько бы ни издевались враги революционной социал-демократии над «митинговой» точкой зрения — сроднит вас с рабочими массами, даст вам их сочувствие и поддержку.

Нашу мысль о методах работы мы иллюстрируем на двух примерах из области деятельности фракции: подготовке ее к выступлениям по аграрному вопросу и подготовке ее законопроектов о свободе стачек и 8-часовом рабочем дне. Готовясь к выступлению по вопросу о законе 9 ноября, фракция, благодаря стараниям некоторых из ее непомерно-«сведущих» людей, занялась разработкой тезисов о выходе из общины, которых в поте лица выработали целых 10. Такую «законодательную» работу, как выработка тезисов о том, каким большинством голосов община может вне момента передела отказать в «выделе к одному месту», и о том, при каких условиях для собственника «обяза-

тельно подчинение общему севообороту и общему выпасу», и т. п. материях (см. отчет фракции), при настоящих условиях нельзя не признать по меньшей мере бесполезной. Такую работу, как выдумывание условий для выхода из общины при царстве Столыпина, можно было предоставить господам кадетам. Нашей же фракции, кроме принципиальных речей, оставалось только, если было технически возможно, внести краткий законопроект из нескольких пунктов, сводящийся к назначению земельных комитетов на основе всеобщего избирательного права для проведения конфискации без выкупа всех помещичьих, удельных и монастырских земель, согласно нашей программе. Это, наверное, показалось бы «смешным» очень многим глубокомысленным парламентских дел мастерам, но это имело бы большое агитационное значение и помогло бы нам в нашей работе среди рабочих и крестьян.

Эти положения «отделяют позицию с.-д. фракции от других соседних с нею думских групп, являющихся тоже противниками указа 9 ноября...» (например, трудовики), — пишет фракция в своем отчете. Ошибаетесь, товарищи, отделиться от этих групп вы должны были и могли, только развернув всю нашу аграрную программу, т.-е. сделав то, чего вы не выполнили «вследствие болезни назначенного оратора», как пишете вы в своем отчете. Вам, опять-таки, следовало бы меньше прислушиваться к спорам ваших словоохотливых сведущих лиц о пресловутых тезисах, а побольше думать об общей, программной, агитационной стороне дела. Тогда и болезнь товарища не имела бы таких серьезных последствий.

В противоположность подобного рода «законодательным» работам, в практике нашей фракции при обстановке 3-й Думы должны преобладать законопроекты вроде того, который посвящен вопросу о свободе стачек *). Этот законопроект, состоящий из нескольких пунктов и написанный простым и ясным языком, содержит в себе два положения: во-первых, все рабочие России пользуются полной свободой стачек; во-вторых, предприниматели и администрация, если они чинят препятствия рабочим, подлежат строгой ответственности и возмещают убытки.

*) Этот законопроект разработан еще 2-й фракцией. Следовало бы нашей нынешней фракции побольше заимствовать у своей предшественницы в этом «митинговом», на взгляд некоторых, направлении.

Этот законопроект очень не нравился «сведущим» ревизионистам (смешно, — говорили они, — рабочие по этому проекту получают право бастовать, а предприниматели только право сидеть в тюрьме за противодействие стачкам), но очень понравился, например, Петербургским рабочим.

Фракция имеет в своем распоряжении такого же характера законопроект о 8-часовом рабочем дне, но она, к сожалению, его до сих пор не внесла только потому, что в течение года сведущие лица все составляли докладную записку к нему.

Вот два типа законопроектов, речей, всей постановки работы: аграрные тезисы и законопроект о свободе стачек. Из них фракция должна сознательно и без колебаний избрать последний тип.

Сколько-нибудь успешными были именно те выступления нашей фракции, которые исходили из метода, называемого нами агитационным: в первую сессию—речь тов. Покровского о вознаграждении пострадавших от революции ([5]), речи по финляндскому запросу ([6]); во 2-ю сессию — аграрные речи, речи рабочих об оттяжке Думой рабочего вопроса, речи по кавказскому запросу, прерванная речь после выступления Извольского, запрос о действиях Ляхова ([7]) — дали агитационный материал и, несомненно, найдут отклик в рабочей среде.

Из деятельности фракции за первую половину второй сессии партия может с чувством удовлетворения отметить исправление некоторых ошибок: фракция не колебалась при выборах президиума и внесла недурное заявление о своем отказе участвовать в этих выборах в Думе 3-го июня; по вопросу об ассигновке новых 6 миллионов по министерству народного просвещения фракция решила ныне воздержаться от голосования; фракция приготовила отчет избирателям и кое-что сделала в области внедумской работы.

Жаль только, что фракция на ряду с этим сделала столь вопиюще плохое выступление по вопросу о займе на 450 миллионов, что она в начале сессии не выступала — согласно предложению нашего Ц. К. — с общей программной речью для исправления первой декларации, что она не выступала с разоблачением шовинистической кампании при запросе о реферате Погодина, что она в формуле по аграрному вопросу пропустила указание о конфискации без выкупа, что она мало отзывалась на животрепещущие вопросы дня (холера и проч.).

Недавно состоявшаяся партийная конференция дала фракции ряд практических указаний и наметила ряд необходимых выступлений по разным вопросам (наступление капитала, внешняя политика правительства, национал-либерализм кадетов, и проч., и т. п.). Конференция призвала далее всю партию оказать содействие фракции в ее трудовой работе. Думская работа партии, безусловно имеющая при нынешних обстоятельствах известное значение, должна быть поднята на должную высоту. Пусть захлебываются от злорадства по поводу ошибок нашей фракции господа с.-р. *), которых их группа во второй Думе, избранная и работавшая при несравненно более благоприятных условиях, покрыла несмываемым позором. Наша партия, конечно, не станет утаивать и прикрывать ошибок своего думского представительства, как это делали г.г. с.-р. при 2-й Думе. Она будет работать над своей фракцией выдержанно и терпеливо, и открытой принципиальной постановкой вопросов, самым серьезным воздействием она добьется того, что подчиненная ей фракция займет достойную рабочего класса революционно-социал-демократическую позицию. Наша организация—и прежде всего рабочие с.-д.—уделят делу постановки думской работы партии больше внимания, чем это делалось до сих пор, они усилят свой контроль над фракцией, будут делать ей систематические указания и, не затушевывая ее ошибок, давать деловую и систематическую критику их. Они не ограничатся этим, они постараются осведомлять широкие круги рабочих о деятельности их депутатов, они будут снабжать фракцию необходимыми ей материалами, они будут всячески сближать фракцию с рабочим классом и ставить ее работы на должные рельсы.

Нельзя разочаровываться при первых ошибках и останавливаться перед трудностью задачи поднять фракцию на ту же принципиальную высоту, на которой стоит наша партия в целом и наши теперь чисто рабочие организации. Необходимо помнить, что, например, и немецким социал-демократам далось не легко решение этой задачи. Тем не менее необходимо твердой пролетарской рукой поставить дело с.-д. агитации и с думской трибуны в духе программы, тактики и традиций Р. С.-Д. Р. П.

---

*) См. эс-еровское «Знамя Труда» № 14 и др.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) «Наша думская фракция» — статья из № 2 «Социал-Демократа» за февраль 1909 г.

[2]) Большевизм в то время (как и в 1905 году) смотрел на крестьянство только как на возможного временного союзника в демократической революции. Вопрос о взаимоотношении пролетариата и крестьянства в социалистической революции был еще слабо разработан большевистской литературой.

[3]) Закон 3 июня 1907 г., видоизменивший избирательный закон в пользу помещиков и крупной буржуазии.

[4]) На Лондонском съезде большевики при поддержке польской и латышской с.-д. провели решение, оценивавшее либеральную буржуазию как фактор контр-революционный и намечавшее линию на сближение пролетариата с крестьянством для борьбы за демократическую революцию. Это решение всячески саботировалось меньшевиками, в том числе и меньшевистской частью думской фракции.

[5]) Помещики из третьей Думы приняли закон о вознаграждении «пострадавших» от революции жандармов, черносотенцев, дворян и т. д.

[6]) Царское правительство через третью Думу проводило политику удушения Финляндии. По этому поводу был внесен запрос в Думу.

[7]) Полковник Ляхов ходил в 1908 г. на усмирение Персии и разогнал оппозиционный меджилис.

ПОХМЕЛЬЕ ЛЕГАЛИСТОВ (1).

Нам доставлено следующее печатное «письмо» меньшевиков Выборгского района Петербургской организации «к товарищам с.-д., работающим в профессиональных союзах, обществах образования, школах, кооперативах и др. легальных рабочих организациях»:

Товарищи!

В теперешнее тяжелое время, когда все рабочие организации придавлены реакцией и отовсюду слышны жалобы на упадок духа и разочарование пролетарской массы, мы, социал-демократы, работники с.-д. партии, обращаемся к вам с этим письмом, чтобы поделиться с вами мыслями о причинах нынешнего невыносимого положения и выходе из него.

До 1905 года все разнообразные потребности рабочего движения, — руководство стачечной борьбой, с.-д. пропаганда, политическая агитация—удовлетворялись нелегальной с.-д. партийной организацией. По мере роста и развития движения, завоевавшего себе простор, узкие подпольные рамки нашей партии оказывались тесны, и мы, представители передового течения Российской Социал-Демократической партии, уже тогда указывали на настоятельную необходимость организации профессиональных союзов, на неизбежное возникновение новых форм рабочего движения. И мы боролись с заговорщицкими попытками насильно втиснуть все растущее движение в подполье. Мы настаивали на необходимости энергично использовать открывшиеся легальные пути.

Факты доказали, что мы были правы. В социал-демократической среде нет больше противников профессиональных союзов, рабочих школ, кооперативов.

Однако, новая опасность возникла в нашем движении. Если раньше в нашей организации витал боевой дух и высшим мерилом были интересы всего пролетариата в целом, его освободительной борьбы, если раньше в целях этой борьбы с.-д. были тесно организованно-сплочены, то теперь мы видим полный организационный разброд и идейное разложение. Вместо былого объединения всей с.-д. работы мы видим, как кучка с.-д., а то и просто одиночки, на свой страх и риск, ничем между собой не связанные, копошатся в том или другом рабочем обществе. Вместо подчинения всей работы общим задачам теперь развивается приходская политика, узкий местный эгоизм. Вместо прежней теоретической ясности теперь у каждого в запасе его собственная «теория», совсем особенная и приноровленная специально для своего маленького общества.

При таких условиях, конечно, и боевой революционный дух прежнего времени рассеялся, как дым, всюду поднял голову самый беспринципный оппортунизм. Мудрено ли, что теперь с.-д. не только сталкиваются между собою, но и работают вразрез с общими нуждами рабочего класса? Мудрено ли, что при этих условиях руководитель одного просветительного общества может и смеет говорить о подрыве другого, тоже рабочего,

общества образования, как конкурент? Что удивительного, если в отгородившихся от общей рабочей борьбы обществах образуются безответственные камарильи, по-своему ворочающие всеми делами. При создавшихся условиях вполне естественно, что в обществах образования есть «социал-демократы», препятствующие чтению лекций по общественным наукам и докладов по таким важным для рабочих вопросам, как о страховании пролетариата, о женском съезде и рабочей группе на нем, о бюджете, о земельном вопросе и т. д. Наоборот, всюду слышна проповедь обучения арифметике, грамматике, устройства чайных, биллиардных, шашечных, «своего хлеба» и пр. «малых дел». Все это, конечно, вещи хорошие, но неужели у с.-д. нет более важных, более неотложных работ?

Нынешний упадок сил и разложение так сильны, что даже организации экономической борьбы пролетариата затронуты духом времени. В иных отделах крупнейших наших союзов все сводится к приему членских взносов. Делегатское собрание прокатывает самые важные вопросы, точно чиновники, жаждущие поскорее сплавить «дело». Отсутствие идейной работы отражается даже в помещениях союзных отделений: нет ни газет, ни журналов, ни библиотечек, а между тем снимается дорогое помещение... При таком отношении руководителей удивительно ли, что число членов падает? Когда же поднимется какой-нибудь важный, касающийся всего пролетариата, вопрос, — союзы или остаются в стороне, или, приняв участие в борьбе, сразу же натыкаются на препятствие — разрозненность передовых рабочих с.-д. Благодаря этой распыленности, наша думская фракция до сих пор совершенно оторвана от рабочей массы, кампания по страхованию рабочих ведется без системы, вразброд, рабочая группа на женском съезде выступала часто неудачно. В результате — поражение за поражением, все большая наглость капиталистов и правительства, все большее рабство пролетариата.

К объединению призываем мы вас, товарищи социал-демократы, во имя единства рабочего класса и его великой конечной цели, к объединению в рядах нелегальной Р. С.-Д. Р. П., не покидая своей легальной работы.

Выборгский район Р. С.-Д. Р. П.

Трудно переоценить симптоматическое значение напечатанного выше письма. Оно свидетельствует о весьма значительном повороте, намечающемся в среде правого крыла нашей партии. Под влиянием уроков жизни эта часть поворачивает от легализма во что бы то ни стало в сторону партийности, в сторону социал-демократизма, извращением которого является легалистское ликвидаторство.

Авторы письма возводят себя в сан «передового течения в Российской Соц.-Демократической партии». Этой похвалы, преподнесенной авторами самим себе, они, конечно, не заслуживают. Передовым течением в *Р. С.-Д. Р. П.* они, разумеется, не являются. Они только передовое течение среди меньшевиков — это признать на основании письма безусловно следует. Энергичное

выступление т.т. меньшевиков из Выборгского района против меньшевистских ликвидаторов заслуживает всякой похвалы. Чем решительнее отгородятся партийные элементы из правого крыла от элементов явно ликвидаторских, тем лучше для Р. С.-Д. Р. П. Это разделение, к счастью, происходит вопреки всем препятствиям со стороны «Голоса С.-Д.» (2), делающего все от него зависящее, чтобы прикрыть ликвидаторов, чтобы затушевать истинное значение ликвидаторства, чтобы дать «синтез», примирить явное ликвидаторство со старым меньшевизмом, не отказавшимся еще от всех революционных традиций. Еще в последнем номере «Голоса С.-Д.» т. Мартов решительно утверждал, что никакого ликвидаторства среди меньшевиков нет, что все это—выдумка большевиков. «Едва ли нам отыщут такого «ликвидатора», который... предлагал бы упразднить всякое нелегальное общение, всякую нелегальную связь между с.-д. элементами пролетариата»,—писал тов. Мартов в № 13 «Голоса С.-Д.». Из напечатанного выше письма выборгских меньшевиков, надеемся, совершенно ясно, что авторы его с легкостью «отыщут» т. Мартову немалое количество именно таких ликвидаторов.

Как ни тащут Мартов, Дан и К° движение назад,—жизнь заставляет отворачиваться от них всех тех, кто имеет действительную связь с рабочим классом. Похмелье среди меньшевиков-легалистов, лучшим образчиком которого является напечатанное выше письмо, означает, что и среди отсталой части втянутых в движение рабочих начинает намечаться благотворная реакция против беспринципности и расплывчатости. Лозунг: объединяйтесь в ряды нелегальной *Р. С.-Д. Р. П.*, не покидая своей легальной работы,—в устах русских меньшевиков в 1909 г. есть несомненно знамение времени. Мы приветствуем этот лозунг русских меньшевиков и надеемся, что он не останется только на бумаге. «Не покидая своей легальной работы, объединяйтесь в ряды нелегальной Р. С.-Д. Р. П.»,—это и есть то, что сказала последняя общепартийная конференция. Больше того: конференция, а с нею вместе и мы, большевики, говорим не только: «не покидайте своей легальной работы»,—мы говорим: «увеличивайте, по возможности, эту легальную работу, расширяйте ее базу, повышайте ее качество в смысле принципиальной выдержанности. В области легальной работы сделано еще далеко не все и, в частности, даже нами, большевиками. Идите в профессиональные союзы, подымайте на должный

уровень легальную профессиональную печать, которая, несмотря на все преследования, играет по сей час такую большую роль в рабочем движении, добивайтесь влияния революционной социал-демократии на профессиональную печать, организуйте ее распространение! Идите в рабочие клубы, вырывайте их из-под влияния таких «социал-демократов», как описываемые в вышенапечатанном письме! Идите в рабочие кооперативы, будьте всюду, где находятся рабочие, всюду пропагандируйте социал-демократические идеи и социал-демократическую организацию, т.-е. — при современных условиях — нелегальную *Р. С.-Д. Р. П.* Это — единственный путь для борьбы с ликвидаторством справа. Успешнее всего задачи партии в этих рабочих обществах могут быть выполнены именно нами, большевиками».

«Мы боролись с заговорщицкими попытками насильно втиснуть все растущее движение в подполье», — пишут авторы письма. Хорошо делали, т.т., что боролись. Боролись всегда и всегда будем бороться против таких попыток и мы, большевики. Правда, до сих пор такие «заговорщицкие попытки» были главным образом со стороны Столыпина и К°. Если бы и в среде с.-д. такие попытки возникли, отпор им будет дан прежде всего со стороны левого крыла нашей партии.

«В с.-д. среде нет больше противников профессиональных союзов, рабочих школ, кооперативов», — пишут авторы письма. Верно, тов. выборжцы, вы забыли только прибавить, что таковых противников никогда и не было. Вы совершенно напрасно поверили либеральным писакам (и, нечего греха таить, кое-кому из ваших меньшевистских писателей), будто такие противники были в среде большевиков. Всякий раз, когда тот или другой либерал или ликвидатор вам будет об этом говорить, лучше всего предложите ему назвать те с.-д. организации, или те газеты, или те резолюции, которые что-нибудь подобное когда-нибудь проповедывали.

Пока, товарищи из Выборгского района, мы можем вам только пожелать сделать еще не один шаг *от* газеты «Голос С.-Д.» по пути к решениям последней общепартийной ([3]) конференции.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья из № 45 «Пролетария» от 13 (26) мая 1909 г.

[2]) «Голос с.-д.» — орган меньшевистского центра, издававшийся заграницей сначала в Женеве, а потом в Париже. В редакцию его входили

Мартов, Дан, Плеханов (Плеханов впоследствии порвал с редакцией «Голоса» из-за разногласий по вопросу о ликвидаторстве), Мартынов, Игорев (оба последние теперь ушли от меньшевиков). Сторонники этой газеты впоследствии назывались «голосовцами». В «Голосе с.-д.» Дан и Мартов поддерживали ликвидаторскую кампанию, начатую в самой России Потресовым, Левицким, Ежовым, Лариным и др. Между группой отъявленных ликвидаторов, действовавших в России, и группой Мартова и Дана, действовавшей заграницей, существовало известное разделение труда. На деле «Голос с.-д.» был органом ликвидаторов, саботировавшим линию партии изнутри.

[3]) Последняя всероссийская партийная конференция в конце 1908 года.

БЮДЖЕТ И ОППОЗИЦИЯ ([1]).

Прошел еще один год. Положение черносотенного «народного» представительства «укрепилось». Народ оказался *еще* не в силах уничтожить его. В правительстве уже победило то «левое» крыло, которое мирится с существованием 3-й Думы, где с.-д. и трудовики говорят революционные речи, и считает ее одним из важнейших «устоев» современной монархии.

«Народное» представительство вновь обсуждает бюджет. Этот момент во всех представительных собраниях всех парламентских стран является, по правильному замечанию газеты «Россия», моментом наивысшего напряжения политической мысли всех парламентских групп, своего рода экзаменом на аттестат политической зрелости. Посмотрим же, каковыми оказываются результаты этого экзамена для наших политических течений.

О крайних черносотенцах и черносотенцах умеренных, — октябристах тож, — мы можем здесь не распространяться. Высшее напряжение политической мысли первых ознаменовалось только парой внеочередных скандалов г. г. Маркова и Пуришкевича. Вторые дали «деловую», «положительную» и «дружественную» критику бюджета устами г. Алексеенко, выслали на трибуну, предварительно сговорившись с г. Столыпиным, для произнесения «левой», «конституционной» речи г. Мейендорфа и, наконец, инсценировали «историческое», «делающее эпоху» выступление г. Гучкова в закрытом заседании по вопросу о положении армии, которая еще недостаточно окрепла для успешной борьбы против внешних и внутренних врагов господ помещиков и денежных тузов.

Как же действовала «наиболее зрелая», истинно парламентская партия к.-д., чем определялась ее позиция?

«В освещении вопроса о финансовом положении России, о руководстве ее государственным хозяйством почти стирается грань между оппозицией и центром, грань, столь резкая в чисто политической области», — пишет о партии «народной свободы» с достохвальной откровенностью ее центральный орган «Речь», оценивая бюджетные прения (№ 46 от 17 марта, передовая).

Что касается «столь резкой» грани между октябристами и кадетами в чисто политической области, то теперь больше чем когда-либо позволительно на этот счет усомниться. В основ-

ном обе эти политические группы все больше сближаются между собой, стоя одинаково на почве контр-революции. Не веруя в политические чудеса и исходя из точки зрения классовой борьбы, социал-демократия, еще задолго до произнесения кадетами столь откровенных речей Милюкова в азефовских (2) прениях, задолго до столь откровенных заявлений, как только что выписанное, не могла не указывать, что из общности многих экономических интересов, из общности в кардинальном вопросе «о руководстве государственным хозяйством России», из общего страха перед социально-политическими притязаниями российского пролетариата, для к.-д. вытекает неизбежное сближение с группами, представляемыми г. г. октябристами, по крайней мере в основных вопросах политической жизни. Это позволяет обеим этим группам сходиться и на поверхностной и мелочной критике бюджета. Это давно уже поняли также г.г. октябристы и октябриствующие: Гучков и Бобринский охотно делают «общеславянскую» политику с г. г. Родичевыми, Милюковыми и Маклаковыми; Крестовников, Рябушинский и К° (3) охотно устраивают «экономические» (N. B. — чисто экономические, в них нет ни грана политики, ибо тут начинается «резкая грань» . . .) собеседования с г. Струве, который открыто идет «на выучку» и на службу уже не к капитализму, а к капиталистам (4), а в последние дни делает шаг к украшению своей «Великой России» (5) гирляндой . . . антисемитизма. Октябристы с кадетами оттого так яростно и спорят иногда о мелочах, что они тесно спаяны в основном, а в особенности верхние слои, — руководители обеих групп. Соревнование министериаблей вчерашнего дня и министериаблей дня нынешнего порою приводит обе стороны к остервенению, и люди, за деревьями не видящие леса, часто в этих случаях конструируют коренное противоречие и начинают веровать в «резкую грань».

Общий тон речей кадетских ораторов, если не считать патетических взвизгиваний г. Родичева одинаково против революции и против реакции, был совершенно «деловой». В этом отношении они могли вполне удовлетворить столыпинскую «Россию», которая настоятельно предупреждала против «разговоров вообще» и сурово требовала суждений «по деловым вопросам». В этой области кадеты оказались, конечно, на высоте своего призвания. Мелочная юридическая критика, грозные требования о выделении государственного контроля в самостоятельное ведомство, не под-

чиненное объединенному совету министров, спор с г. Коковцовым ([6]) по вопросу о том, в какой момент удобнее было бы заключить тот или иной заем, — тут кадеты у себя дома. Не даром они заслужили похвалу «положительных» октябристов.

Все требования гучковской «комиссии обороны» кадеты, конечно, удовлетворяют беспрекословно. В прошлом году октябристы вздумали отказать в ассигновке на флот, и кадеты мужественно к ним присоединились. Ныне Гучков с компанией решили дать $7^1/_2$ миллионов тому же «ведомству Цусимы» ([7]) на Балтийский флот, и кадеты, нимало не колеблясь, заявляют: «Гос. Дума не может отказать в испрашиваемом кредите, раз от ассигнования его зависит правильная постановка обороны в Балтийском море». (Одобрение в центре). (Речь Челнокова). Гучков потребовал ассигновки 40 миллионов на армию, и кадеты через Бабянского заявляют немедленно, что они голосуют за военный кредит. «Несомненно, в самом военном министерстве имеются «лучшие желания и стремления» ... «Только теперь, после объединения министерства с генеральным штабом, станет возможной работа по организации армии», — говорит партия «народной свободы» по этому случаю. Кадеты идут дальше: они обвиняют Гучкова в излишней «левизне»: Гучков с «ревностью неофита идет гораздо дальше, чем требуется обстоятельствами дела». Но ... «будем искать нового счастья и жадно схватимся за слова г. Гучкова о том, что без духовного подъема не может быть возрождения армии», — пишет «Речь» (1-14 марта, передовая) по поводу «исторического» выступления Гучкова.

После всего этого происходят «события», на первый взгляд совершенно необъяснимые: кадеты, как самые последние «безответственные», «митинговые» социал-демократы, предлагают отвергнуть целиком весь бюджет по ведомству министерства внутренних дел. Кадеты, недавно голосовавшие за заем, кадеты, которые вчера голосовали за специальную ассигновку пенсий тюремщикам и которые завтра будут голосовать за все обычные кредиты тюремному ведомству, полиции и проч., кадеты, готовые по мановению Гучкова голосовать за самые чудовищные ассигновки, кадеты в первый раз за всю свою парламентскую практику решаются на такой «безумно-смелый» шаг, как отклонение всего бюджета министерства внутренних дел ...

Как объясняют сами кадеты этот свой безответственный шаг, что, по их собственным словам, заставило их пойти по этому

пути? — «Это, во-первых, тот упорный и упрямый отказ, который противопоставляется правительством всякой попытке Гос. Думы заставить его изменить свой курс»... «Далее формула к.-д. констатирует, что и впредь не может быть надежды на изменение курса», «проведение коего привело Россию к великой катастрофе 1904-5 годов». «К этому прибавились откровенные разговоры министров с представителями фракций о крайне затруднительном международном положении и отголоски этих разговоров в признаниях лидера большинства и военного министерства». Таково объяснение самих к.-д. Указываемое в формуле к.-д. противоречие между всей внутренней политикой и «коренными началами конституционного строя» — не ново, — признает сама «Речь». Ясно, что не в нем тут дело, ибо тогда к.-д. должны были бы всегда голосовать против бюджета. Объяснение приходится искать в другом месте, умысел другой тут был.

Было ли это голосование местью Столыпину за его всенародное разоблачение гнусных переговоров к.-д. с Треповым об условиях явного перехода на службу царизму?

Было ли оно ответом на неприглашение к.-д. на последнее совещание представителей фракций с министрами, о котором говорят выше г.г. кадеты и которое они со злобой квалифицировали, как недопустимое «тайное» совещание, точно «совещание» Милюкова и Трепова не было тоже по меньшей мере тайным?

Было ли это ответом на учреждение под председательством Столыпина особого совещания по вопросам о судостроении, из которого исключены пламенные патриоты-кадеты и о котором Гучков в «Голосе Москвы» написал: «Ура, поворотный момент!», а кадеты в «Речи» подали желчную реплику о «победе» Гучкова и Столыпина?

Была ли тут еще какая-нибудь чисто закулисная игра, пока скрытая от гласности?

Было ли, наконец, тут желание более дальновидных контрреволюционеров сделать предостережение Столыпину по поводу его «нецелесообразной» политики, действительно способной вновь привести к великим катастрофам 1904-5 годов, столь ненавистным нашим либералам?

Вернее всего, что тут оказали влияние все эти мотивы и что в результате всей этой комбинации получился этот неожиданный зигзаг к.-д.

Сами кадеты придавали своему шагу огромное значение. Они, смиренно вотировавшие правительству кредиты и займы в то время, когда их голос действительно имел крупное значение для западно-европейского капитала, теперь надеялись потрясти мир или, по крайней мере, биржевой курс известием об их отказе в ассигновке министерству внутренних дел. Очень скоро сами кадеты вынуждены были разочарованно признать: «Вотум фракции народной свободы прошел недостаточно замеченным и очевидно непонятым большинством 3-й Думы. Его политическое значение покажет будущее». Кроме размагниченных простачков из «Нашей Газеты», никто сколько-нибудь серьезного значения жесту растерянности кадетов не придал. Только «Россия» огрызнулась: «утешим кадетов,— мы заметили их вотум и приветствуем за откровенную революционность»... к.-д. «сами на себя возложили и вытекающие отсюда последствия» («Россия», 27 февраля), т.-е. — не только на министерский портфель не можете вы, господа, рассчитывать, не только на приглашение в «совещание», но и на допущение в переднюю — за такую дерзость — оставьте мечты!

Так «грозный» жест на правой стороне пропал бесследно. Полноте грозить «самыми ужасными катастрофами», «роковым исходом»! «Неужели они не понимают, что в настоящую минуту уже никто, даже их собственные же почитатели не относятся к подобным приемам иначе, как с нескрываемой иронией?» — так ответил им Столыпин устами газеты «Россия» («Россия», 19 марта). Надо надеяться, что на левой стороне такое «полевение» кадетов не введет в заблуждение даже фанатиков «общенациональной оппозиции».

Речи трудовиков, если не считать пары речей депутатов-крестьян, были довольно бесцветны. Основной недостаток — нерешительность и перенесение центра тяжести на мелкие детали и второстепенные частности. Один из лидеров трудовой группы, г. Розанов, в противоположность с.-д. ораторам, даже удостоился похвалы от кадетской «Речи» за большую «деловитость» его выступления. Мы не говорим тут об основной ошибочности и беспрограммности позиции трудовиков, обрекающей трудовиков на колебания и путаницу во всех крупнейших вопросах. В вопросе об ассигновке на армию и флот они все же пошли за с.-д. депутатами и в общем выразили настроение революционного крестьянства.

Правильную позицию заняли социал-демократические депутаты. В этом году не было никакой речи насчет поддержки «скромных»

требований кадетов и октябристов по вопросу о расширении бюджетных прав Думы. Жизнь лишний раз показала, что даже только расширение тех или иных прав Думы, — или, вернее, уничтожение полного бесправия ее, — не достигается присоединением к наиболее скромным и наиболее «реальным» требованиям умеренных партий. В бюджетной кампании нынешнего года наша фракция преследовала исключительно агитационные цели. Агитационный метод работы дал ей крупный успех, увеличившийся еще тем, что наши ораторы, наконец, поняли необходимость решительной критики к.-д. партии.

Тов. Покровский в своей общей вступительной речи дал уничтожающую критику царского бюджета, построенного на спаивании населения и варварском, нигде неслыханном угнетении рабочих масс. Он дал картину современного политического положения, охарактеризовал правящие в черной Думе партии большинства, высмеял неизлечимое тяготение кадетов к «лойяльной» болтовне, заклеймил их явно предательские голосования, выяснил, что только борьбой, а не «общественным мнением» может быть уничтожен современный порядок, и звал к этой борьбе всех способных бороться.

Он заявил от имени нашей фракции, что — в отличие от западно-европейских с.-д., голосующих против всего буржуазного бюджета в целом, но подающих голоса за ассигновки на культурные потребности, — она будет вотировать и против сумм, предназначенных якобы на такие потребности, а на деле идущих в карманы г.г. Гурко ([8]) или в распоряжение г.г. Шварцев (оратор сослался на ассигновку «на народное образование»). В заключение он звал депутатов от крестьян присоединиться к представителям рабочего класса для совместной борьбы и голосования против бюджета.

Тов. Чхеидзе остановился на результатах возвещенных 17 октября «свобод» и массой необычайно ярких цифр и фактов нарисовал картину разрушительного шествия контр-революции.

Поистине прекрасна была речь тов. Белоусова. Он говорил языком, действительно достойным представителя революционного пролетариата, языком революционного с.-д. С цифровыми данными в руках он превосходно обрисовал помещичье-дворянский характер правящих сфер. Его вывод, что «именно объединенный совет дворянства имеет своим аппаратом министерство внутренних дел» — базировался на прочном фундаменте. Характеризуя

смету расходов, он определенно и решительно заявил, что «о действительном сокращении многих из них можно будет говорить только тогда, когда будет вместо 3-й Думы «Учредительное Собрание» (9) (см. стен. отчет). Перечислив важнейшие требования нашей программы-минимум, оратор заключает: «Понятно усиленное гонение правительства и его агентов на партию рабочего класса, социал-демократическую партию, потому что наша партия эти перечисленные мною требования доводит до логического конца, доводит то того, что̀ действительно нужно народу и что̀ может дать только полное благополучие и настоящий порядок в стране, — до демократической республики» (10). «У власти теперь стоит дворянская камарилья, а не народные избранники», — бросил в лицо черной думы рабочий депутат. «Ныне благонадежен тот, кто молчит, платит, готов при первой надобности кричать «ура» и «здравия желаем». Неблагонадежны все остальные». «Но, г.г., за отливом следует прилив: в 1905 году грозная рука пролетариата и крестьянства начертила старому порядку грозные слова: «Мане, такел, фарес», и не спастись ни вам, ни министерству внутренних дел, ибо настанет година свободы, и грозное народное движение сметет этот гнусный старый порядок, и там, где было кладбище, возродится свободная демократическая жизнь», — так закончил свою сильную речь представитель социал-демократов тов. Белоусов.

Большое агитационное значение имели также речи других с.-д. ораторов, например речь тов. Захарова (11) по смете почт и телеграфов, и некоторых других.

Жаль только, что не всегда в речах постановка вопроса достаточна связана была с нашей программой-максимум — с социализмом, — и что общая формула перехода была недостаточно разобрана и принципиально обоснована.

В общем, речи наших депутатов, если вычесть отдельные неудачные места, были самыми принципиальными из произнесенных в Думе и могут получить большое значение в партийной агитации. Это были именно те простые социалистические речи, доступные рядовому рабочему и крестьянину, солдату и матросу, которые партия на своей конференции признала единственно необходимыми, в особенности речь тов. Белоусова. Сколько бы ни иронизировали наши ревизионисты насчет «простецкой» (12) точки зрения, — бюджетные выступления еще раз показали, что только этот агитационный метод приносит фракции

успех не среди специалистов парламентского дела, а **среди рабочих масс.**

Став на путь агитационный и давши критику не только правительства и правых, но и **кадетов**, фракция смогла выразить точку зрения партии. Неудивительно, что после этих речей завыли насчет «левого митинга» и «Голос Москвы», и «Новое Время», и «Россия». Неудивительно, что кадетская «Речь» обрушилась на с.-д. с неменьшей злобой, чем «Новое Время» *). «Что может быть благороднее в 3-й Думе, как не ругать партию народной свободы?» «Удивительно, как начинают воскресать старые приемы, как желают повторить старые ошибки». «Речь с.-д.... во исполнение директив, свыше данных, подогрета нравоучением по адресу кадетов», — так злобствовала «Речь» (№ 48). Исполнение «директив, свыше данных», т.-е. продиктованных партией своему думскому представительству, выдвигается, как нечто уязвляющее нашу фракцию. Буржуазным болтунам, как и парламентским кретинам из оппортунистов, подчинение фракции партии кажется чем-то чудовищным.

Наша партия имеет основания быть довольной последними бюджетными выступлениями своей фракции. То обстоятельство, что на фракцию обрушивается вся реакционная и вся кадетская печать, что ее последними выступлениями будут недовольны оппортунисты с.-д., должно послужить фракции одним из доказательств правильности занятой ею революционной позиции.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) «Бюджет и оппозиция» — статья из «Социал-Демократа», № 4 1909 г.

[2]) Прения по запросу о провокации Азефа и его двойственной роли.

[3]) Родичев, Милюков, Маклаков — крупнейшие вожди либеральной буржуазии. Крестовников, Рябушинский — крупнейшие представители московского купечества.

[4]) П. Струве, как известно, закончил свою знаменитую «марксистскую» книгу «Критические заметки» словами: «Признаемте же свою некультурность и пойдемте на выучку к капитализму». Уже тогда, когда Струве

*) Интересно отметить, что кадетский зигзаг «влево» (отвержение бюджета министерства внутр. дел) совпал не с политикой приспособления с.-д. к кадетским лозунгам, а с позицией решительной критики к.-д. в Думе со стороны нашей фракции. Это лишний раз показывает, насколько ошибочна тактика, построенная исключительно на «поддержке», «объединении оппозиции» и т. д.

считал себя еще марксистом и был членом с.-д. партии, наиболее проницательные люди (например, тов. Ленин) предвидели, что симпатии Струве к рабочему движению очень преходящи.

[5]) В годы контр-революции Струве и его ближайшие единомышленники первые подняли знамя национал-либерализма и стали проповедывать так называемую «великую Россию». Великорусский империализм совмещался у них с самым обыкновенным антисемитизмом.

[6]) Коковцов — министр финансов (и одно время премьер) при царе.

[7]) Поражение флота Небогатова у Цусимы во время русско-японской войны вскрыло все язвы флота.

[8]) Гурко — один из влиятельнейших царедворцев Николая II, уличенный в грязных делишках.

[9]) Лозунг «Учредительное Собрание» в те времена был еще лозунгом всей социал-демократии.

[10]) То же самое.

[11]) Захаров — рабочий, депутат-большевик.

[12]) Точку зрения большевиков, требовавших, чтобы с.-д. в Гос. Думе занимались не так называемой положительной работой, а революционной агитацией, меньшевики и кадеты часто называли «простецкой» точкой зрения.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ [1].

Решимость тов. Дана, отважившегося перенести в печать вопрос об его роли в комиссии по изданию протоколов Лондонского съезда, побуждает меня просить редакцию уделить несколько строк для того, чтобы показать, как и в этом маленьком партийном деле тов. Дан и его ближайшие единомышленники не смогли не занять позиции борьбы против партии и ее учреждений.

Из сравнительно далекого прошлого комиссии достаточно будет в интересах экономии места рассказать два только факта: 1) Когда во время повальных обысков в России погибла значительная часть обработанных протоколов и пришлось сызнова проделывать эту работу заграницей, тов. Дан, пользуясь «благоприятными» обстоятельствами (главным образом тем, что Ц. К. не мог собраться), поставил ультиматум: либо комиссия будет решать все дела квалифицированным (желательным тов. Дану) большинством, либо меньшевики сорвут комиссию. К этому ультиматуму присоединился, к сожалению, и тогдашний представитель Бунда. Большинство комиссии вынуждено было, под угрозой срыва протоколов, принять ультиматум, который, конечно, был отменен Ц. К., как только последний смог собраться. 2) Другой представитель меньшевиков (новоявленный меньшевик, тов. Залевский) [2] всячески тормозил работу комиссии, стараясь во что бы то ни стало вызвать конфликт, чтобы сорвать комиссию, заявляя о намерении своем вытащить в печать свои собственные записи вместо съездовских протоколов, и вообще вел себя так, что вся комиссия (в том числе новый представитель Бунда; этот бундовец принадлежит к анти-ликвидаторскому крылу) против него одного приняла специальную резолюцию, заявляющую, что подлинными протоколами являются только протоколы, утвержденные комиссией; все же остальное, могущее быть кем-либо опубликованным, должно рассматриваться, как сочинения отдельных лиц. Надеюсь, что этих двух фактов пока хватит.

Работа комиссии приходила к концу. Тов. Дан (вновь сменивший тов. Залевского) никак не мог усидеть до конца в партийном учреждении. Не в полном составе (отсутствовал тов. Латыш) и благодаря ошибочному голосованию тогдашнего представителя большевиков (он был впоследствии сменен, как сменялись

не раз и представители других фракций) было принято решение дать комментарий от комиссии к той части протоколов, которая трактует о выборах в Ц. К. Тогда же было заявлено, что это решение—незаконно, что комиссия не имеет никакого права давать от себя комментарии к протоколам, что она не может делать авторских примечаний к ним и что, в виду всего этого, я буду добиваться пересмотра комиссией этого решения. Я тем более считал необходимым добиться пересмотра, что решение комиссии было не только формально незаконно, но по существу искажало факты. При выборах Ц. К. на Лондонском съезде меньшевики, как известно, составили список кандидатов, спекулировавший на одну «нефракционную» кандидатуру ([3]), чтобы привлечь несколько голосов сторонников этой кандидатуры. Эта спекуляция меньшевикам отчасти и удалась. Ясное дело, что если уж пояснять выборы, то комиссия не могла бы обойти молчанием и этого основного факта. При той же редакции, которую предложил тов. Дан, об этом умалчивалось, и этим искажалась картина выборов. Единственно правильным, по моему мнению, было — никаких комментариев от комиссии не давать и предоставить самим протоколам говорить о том, что было на съезде. К этому моему мнению на более полном собрании комиссии (на нем присутствовали все 5 представителей) и присоединилось в конце концов большинство комиссии.

Совершенно ясно, что всякая коллегия, в особенности в более полном составе, имеет несомненное право и обязанность пересматривать свои собственные решения, если находит это нужным в интересах вверенного ей партией дела. Совершенно естественно также, что тов. Дан, когда ему не удалось навязать большинству желаний меньшинства, покинул партийную коллегию. Необычно только то, что тов. Дан сам счел нужным поведать об этом в печати, представив, конечно, дело в неверном свете и тем вызвав на восстановление в печати же истинного положения дела.

Тов. Дан по поводу своего выхода из протокольной комиссии считает еще уместным распространяться о недостаточном беспристрастии нашего Ц. К. к меньшевикам вообще и в частности к меньшевикам-цекистам, которых Ц. К. трактует, как «граждан второго класса». Пафос тов. Дана по этому поводу лучше всего характеризуется тем, опять-таки, фактом (на кон-

ференции и в Ц. К. установленным неопровержимо), что никто иной, как тов. Дан с меньшевиками-цекистами, пользуясь «благоприятной» ситуацией (арестом нескольких членов Ц. К.— большевиков), сделали не очень давно попытку сорвать самый Ц. К.

Довольно об этом. Дело издания протоколов Лондонского съезда, как и вся теперь партийная работа, выполняется главным образом силами и средствами большевиков, вопреки препятствиям и борьбе против партии со стороны меньшевиков толка тов. Дана.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) «Письмо в редакцию» — статья из № 7-8 «Социал-Демократа» за 1909 г.

[2]) Залевский-Трусевич — единственный польский с.-д., примкнувший к меньшевикам и работавший с последними. Затем стал большевиком. Умер в 1919 г.

[3]) Имеется в виду тов. Данишевский (тогда партийная кличка «Герман»), который считал себя нефракционным социал-демократом.

ЧТО ДЕЛАТЬ [1].

(Уроки исключительного закона).

Даже при потрясениях гораздо меньшего масштаба, чем пережитые нашей страной в последнее пятилетие, даже при гораздо менее крупных поворотах политического развития, чем те, которыми огорошивал нас ход русской революции и контр-революции, — рабочим партиям других стран не раз приходилось переживать состояние разброда, столбняка и замешательства, иногда длившееся не один год. Нет ничего удивительного в том, что партия рабочего класса России—страны, только что пережившей состояние необычайно высокого революционного подъема и вслед затем ввергнутой в пучину неслыханно жестокой и кровавой контр-революции — еще не окончательно оправилась от тех неслыханно тяжелых ударов, которые нанесены ей, как передовому отряду всей революционной армии, соединенными силами всей контр-революционной коалиции.

Будущего историка нашей партии не удивит то обстоятельство, что даже в 1909 году не вся наша социал-демократия освоилась с новым положением, и твердую почву под ногами чувствовала лишь наиболее передовая часть ее. От этого, конечно, вовсе не легче в настоящий момент нашей партии, как организации *действия*, вынужденной признать, что не для всех ее частей выяснены, не всеми ее частями правильно разрешены кардинальные вопросы: «*что делать?*», «*как делать?*» в настоящей новой обстановке.

Эти вопросы и посейчас еще являются злободневными для партии, продолжающей нащупывать путь, оценивать положение и — естественно — искать исторических параллелей в развитии рабочего движения других стран. Право использования опыта борьбы, побед и поражений наших западно-европейских братьев мы купили себе дорогой ценой: ценой опоздания нашего собственного движения и развития нашей собственной страны на десятки и десятки лет. Мы действительно обязаны этот опыт усвоить и использовать самым полным образом.

Уже сравнительно давно в нашей литературе делаются попытки провести параллель между положением германской социал-демократии в эпоху исключительного закона против социа-

листов и нашим положением ([2]). Попытки эти нельзя не признать совершенно законными, поскольку значительные черты сходства между тем и другим положением действительно существуют. Было бы, разумеется, чрезвычайно ошибочно думать, что сходство здесь полное. Если взять за исходную точку такое ошибочное предположение, неизбежно приходится прийти к самым роковым ошибкам в выводах. Если в Германии в конце 70-х годов, когда издан был исключительный закон, задачи буржуазного развития были в известной мере решены (хотя и на юнкерско-бисмарковский лад ([3]), то этого далеко нельзя, конечно, сказать о России первого десятилетия 20 века. Если там на очереди стояла реформа, то у нас стоит во всей своей неизбежности революция. Если там в то время уже создан был сравнительно многочисленный слой «крепкого» крестьянства — опора «порядка» и монархии, то у нас эта цель еще только поставлена наиболее дальновидной частью правящих классов и еще не достигнута. Если там блок между юнкерством и либеральной буржуазией на основе бисмарковской монархии был уже совершившимся фактом и имел уже прочные исторические традиции, то у нас он еще только в процессе образования.

Наше положение объективно гораздо революционнее: мы гораздо ближе к недавним годам высочайшего народного движения, избороздившего всю страну, всколыхнувшего все слои общества, у нас существует огромная, многомиллионная потенциально революционно-демократическая сила ([4]) — неимущее крестьянство и т. д.

В связи с этим и положение германской социал-демократии в эпоху исключительного закона — при всех многочисленных чертах сходства — во многих отношениях значительно отличается от положения нашей партии. Германская социал-демократия переходила к эре исключительного закона от 10-15 лет открытого и сравнительно свободного существования рабочего движения; не то — у нас. Германской с.-д. на первом ее съезде после издания исключительного закона (Виден) ([5]) пришлось вычеркнуть слово «законными» из того тезиса ее программы, который говорил, что партия добивается осуществления своих целей «всеми законными средствами». У нас ничего подобного нет и в помине. Лишенный возможности открытого существования его партии, рабочий класс Германии не был лишен всеобщего избирательного права, — мы же награждены избирательной системой 3-го июня.

При всей тяжести репрессий, обрушенных на германских рабочих исключительным законом, эти репрессии кажутся игрушкой в сравнении с режимом виселиц и пыток, всей своей силой давящим на рабочий класс России.

Тем не менее, параллель между положением с.-д. в ту и в другую эпоху может быть проведена с большой пользой для дела. Из этого сопоставления можно вывести целый ряд даже конкретно-практических, чрезвычайно полезных уроков для нашего рабочего движения и нашей социал-демократии.

Учесть опыт какого-нибудь движения для рабочей партии, однако, не может означать попросту повторить это движение от первой до последней буквы. Тем менее это значит — заимствовать у такого движения только его слабые стороны, только его несовершенства, обусловленные как раз самыми неблагоприятными чертами внешней обстановки, внутренней неуверенности, колебаниями и т. д. Между тем, одна часть нашей партии, к сожалению, ставит дело именно так... Оба основных течения в Р. С.-Д. Р. П. признают, что в настоящий момент мы во многом должны стать на тот путь, который проложен германской социал-демократией времен исключительного закона. Оба наших основных течения претендуют представлять опыт германской социал-демократии указанной эпохи, оба признают, что нам следует теперь научиться «говорить по-немецки» (6). То из них, которое на последнем этапе своего развития весьма тесно связало свою судьбу с «новейшим» течением, получившим название ликвидаторство, понимает этот «разговор по-немецки» совершенно своеобразно и в сущности добивается того, чтобы мы «говорили» непременно... на очень плохом немецком языке.

Известно, что когда двое говорят одно и то же, это не всегда одно и то же.

Это побуждает нас с особой тщательностью присмотреться к работе германской социал-демократии в эпоху исключительного закона, тем более, что это дает чрезвычайно поучительный материал и для освещения позиции другого «новейшего» течения в российской социал-демократии — отзовизма-ультиматизма, — по существу тоже весьма родственного ликвидаторству.

* * *

Что делала тогда германская социал-демократия, по отношению к которой враг поставил себе ту же цель, которую ста-

вят себе теперь по отношению к нам союзные силы российской контр-революции, т.-е. — загнать в подполье, стереть с лица земли, как политическую представительницу рабочего класса, уничтожить, как самостоятельную силу, *как рабочую партию*? — Германская социал-демократия выдвинула тогда на *первый план задачи агитации*. Она всеми силами рвалась *к массам*, в самую «гущу жизни», она старалась на всех изгибах общественной жизни остаться на посту и, прежде всего, на всех стадиях развития *рабочего* движения *быть с ним и впереди него*. Как только прошло первое замешательство от нанесенного удара—ниже мы увидим, что это замешательство продолжалось довольно долго — германская социал-демократия в лучшей своей части поняла, что в *этом* заключается *центральная* задача. Не дать противнику оторвать с.-д. от того рабочего движения, которое происходит в данный момент, не дать превратить себя в секту и, вместе с тем, не дать противнику оскопить с.-д., не дать ему вырвать резко-классовое жало, *не дать ему растворить с.-д. в беспартийном неоформленном рабочем движении*. Так стояла задача перед германской социал-демократией.

Классовая социал-демократическая агитация— к этому направились все усилия передовой части германской с.-д. Она сумела решить эту задачу. Ни одно сколько-нибудь крупное общественное движение не проходило без участия и воздействия социал-демократии. Нечего и говорить о том, что выборы в рейхстаг и — после некоторых колебаний — в муниципалитеты бывали используемы социал-демократией для самой широкой классовой агитации с выступлением против всяких компромиссов с буржуазными партиями и т. п. Нечего говорить о том, что для этих же целей революционная социал-демократия Германии считала нужным использовать и использовала самое пребывание в этих учреждениях с.-д. депутатов в агитационных и организационных целях *). Особое внимание уделялось всем внепарламентским движениям. Возникает ли под влиянием «христианско-социалистической» партии антисемитическое движение,—

---

*) ...«центр тяжести в деятельности парламентской фракции должен лежать в критической и агитационной работе»... «Не следует делать себе никаких иллюзий насчет «положительной работы» в парламенте при современных условиях», — так гласила резолюция С.-Галленского съезда партии о деятельности в рейхстаге (см. прот. С.-Галл. съезда, стр. 19 и др.).

социал-демократия вмешивается в события и на взрыв антисемитизма отвечает кипучей письменной и устной агитацией с.-д. идей с разоблачением классовой подкладки антисемитизма. Ставится ли на очередь вопрос о страховании рабочих, — социал-демократия развертывает по этому поводу огромную кампанию в стране, разоблачая бонапартистскую сущность бисмарковского заигрывания с рабочими и ограниченность буржуазного социал-реформаторства. Возникает ли среди деятелей профессионального движения течение в пользу подачи Бисмарку петиции с требованием широкой законодательной охраны труда,—с.-д. вмешивается, ставит движение на классовый путь, заставляет вожаков его (Эвальд и др.) занять принципиальную позицию, добивается того, что петиция — вопреки контр-агитации христианских социалистов — направляется не к Бисмарку, а к с.-д. фракции рейхстага, что на самостоятельном законопроекте об охране труда, внесенном с.-д. фракцией, собирается полмиллиона подписей рабочих *). Возникает ли буржуазное женское движение, — социал-демократия отделяет работниц и развивает свою агитацию. Становится ли на очередь вопрос о правительственных шпионах и провокаторах, этих «Nicht Gentelmen» (не-джентльмены), по выражению министра внутр. дел Путткамера, которыми правительство щедро снабжало всякую с.-д. организацию, всякий рабочий кружок — социал-демократия подымает широкую разоблачительную кампанию, до дна всколыхивающую самые широкие демократические массы. Тот или другой новый налог, ложащийся бременем на народные массы, тот или другой предательский шаг либеральной буржуазии — служат исходным пунктом для широкой агитационной кампании. Всякое сколько-нибудь значительное экономическое движение не проходит без серьезного влияния социал-демократии. Возникает ли бойкот владельцев пивоваренных заводов, стачка булочников и т. п., — социал-демократия, как таковая, как партия, а не в лице только отдельных с.-д., принимает в этих движениях самое энергичное участие **). Самый закон против социалистов служит постоянным предметом систематической агитации с.-д. Каждая высылка видного деятеля партии служит поводом для

*) См. Ф. Меринг: «История герм. соц.-дем.», т. IV, и Э. Бернштейн: «Рабочее движение в Берлине», т. II нем. изд.

**) См. указанную книгу Бернштейна.

антиправительственной демонстрации на улице, на вокзале и т. п. Каждое собрание политических противников используется для демонстрации в пользу с.-д. и против режима. Каждый год устраиваются манифестации в связи с годовщиной смерти Лассаля (7) и т. д. Каждая группа высылаемых за с.-д. деятельность из своего родного города старается обратиться с прощальным агитационным воззванием к остающимся, очень часто со своими воззваниями обращаются к массам по тому или другому поводу с.-д. депутаты.

Самым важным орудием письменной агитации является нелегальная листовка. Бернштейн приводит в своей книге о рабочем движении в Берлине нумерацию нелегальных листков с.-д. города Берлина. Она достигает очень высокой цифры — до 200. Лишь позднее, после перемены курса Бисмарком, с.-д. местами получают возможность издавать легальные газеты, говорящие, конечно, весьма осторожным языком. Огромную роль играет нелегальный Ц. О. партии «Социал-Демократ», издававшийся заграницей (сначала в Цюрихе, а затем в Лондоне) и ввозившийся в Германию в огромном количестве, главным образом, благодаря усилиям самих рабочих. В тех случаях, когда невозможны легальные собрания — а они очень долго были невозможны — устраиваются нелегальные и т. д.

Вот в самых кратких чертах цифровые итоги этой работы с.-д. в эпоху исключительного закона.

За время исключительного закона с.-д. имела 3 общих избирательных кампании (не считая частных выборов): в 1881, 1884 и 1887 г.г. За с.-д. подано голосов: в 1881 году 311.964, в 1884 году — 549.990, в 1887 году — 763.128. В выборы, предшествовавшие изданию исключительного закона (1878 г.), за с.-д. было подано 437.158 голосов, т.-е. на 125 тысяч голосов больше, чем на первых выборах после издания его. Социал-демократия имела округов с числом голосов:

	в 1881 г.	в 1884 г.	в 1887 г.
от $2^1/_2$ до 5 тыс.	20	30	40
» 5 » $7^1/_2$ »	13	18	15
» $7^1/_2$ » 10 »	5	8	16
» 10 » 15 »	4	8	9
свыше 15 тыс.	0	3	8

Из каждой сотни избирателей за с.-д. подано:

	в 1881 г.	в 1884 г.	в 1887 г.
от 0,1 до 10%	в 113 окр.	134 окр.	155 окр.
» 10 » 20 »	18	25	42
» 20 » 30 »	19	26	26
» 30 » 40 »	15	15	20
» 40 » 50 »	8	12	10
свыше 50%	0	9	6 *)

На первых выборах после падения исключительного закона число голосов сразу поднялось выше миллиона. На этих выборах партия получила 1.427.298 голосов.

На последних выборах перед изданием закона, как мы указали, — 437.158 гол.

Партия имела перед изданием закона 42 газеты.

» » после падения » 60 »

Профессиональные союзы имели перед изданием закона 50.000 членов и 14 газет.

Профессиональные союзы имели после падения закона 200.000 членов и 41 газету **).

Между тем и профессиональные союзы (самостоятельные, т.-е. на деле социал-демократические) подверглись тоже безжалостным гонениям. По статистике известного с.-д. Гейба, опубликованной в книге Шмеле, к концу 1877 года, т.-е. незадолго до издания исключительного закона, в Германии насчитывалось 30 союзов с 49.055 членами. Один Берлин насчитывал 28 местных отделений. Германия знала уже крупные союзы: табачных рабочих — 8.100 членов, печатников—5.500 членов, металлистов—4000 членов. С изданием исключительного закона все эти союзы были закрыты— осталось 1-2 союза ***). Рядом с этим началось усиленное покровительство буржуазным *Гирш-Дункеровским союзам* (8) и союзам *христианским* (9). Тем не менее, с.-д. профессиональные союзы не только выжили, но разрослись и укрепились.

Таковы вкратце итоги за это время, и одним из самых важных из этих итогов является, разумеется, низвержение исклю-

*) См. «Рабочая библиотека», ст. П. Фишера, 1893 г., 10 книжка, стр. 11 - 17 нем. издан.

**) См. Меринг. «История герм. с.-д.», т. IV, стр. 347.

***) См. Шмеле I. «Проф. союзы Германии со времени издания исключ. закона», т. 1, стр. 56 - 57 нем. издан.

чительного закона силами исключительно пролетариата и его партии.

Обратимся теперь к самому важному для нас сейчас вопросу: как германская социал-демократия делала только что описанное дело? В нашей партии — да и не в одной нашей — уже не раз под внешней оболочкой якобы чисто организационных вопросов ставились вопросы, в сущности, о самых основах всей нашей деятельности и даже иногда о самом существовании нашей партии. Так и теперь под видом обсуждения вопроса о значении нелегальной организации в такую эпоху, как ныне нами переживаемая, в сущности, обсуждается вопрос о дальнейшем существовании старой Р. С.-Д. Р. П., сохранении ее традиций, ее идейного и организационного багажа и т. д.

Одна социал-демократическая газета («Голос С.-Д.» № 16-17) еще недавно выдвинула утверждение, будто именно лучшая часть германской социал-демократии (во главе с Бебелем и Либкнехтом) избрала в эпоху исключительного закона как раз тот путь, который называют ликвидаторством и которому, в общем и целом, покровительствует названная газета. Посмотрим, как обстояло дело в действительности.

Когда на германских товарищей обрушился громом поразивший их исключительный закон, в их рядах — мы указывали на это уже выше — действительно на первых порах воцарился сильный разброд. Достаточно сказать, что Гамбургский центральный избирательный комитет, по существу являвшийся центральным комитетом партии вообще и имевший в числе своих членов много лучших партийных сил, до того растерялся перед лицом исключительного закона, что сам себя распустил *), исходя из того предположения, что никакая оформленная организация невозможна при исключительном законе. Часть партийных организаций, как выяснилось на первом после издания исключительного закона нелегальном съезде партии в Видене, поняла этот шаг партийного правления, как простую диверсию перед начальством, и обрушила на это правление самую резкую критику, когда узнала, что этот шаг сделан всерьез **). Больше года партия оставалась без всякого центра, до тех пор пока им фактически стал комитет помощи высланным и арестованным, в который вошли Бебель,

*) См. Эд. Бернштейн, «Рабочее движение в Берлине», т. II, стр. 2 нем. издан.

**) См. Протоколы Виденского съезда, стр. 21-25 нем. издан.

Либкнехт, Газенклевер и друг. Здесь мы имеем пред собой факт чрезвычайной, небывалой растерянности, подобной которой у нас, например, не было и в помине. Нашим крайним партийным пессимистам не мешало бы сопоставить этот факт крайней растерянности, прямой сдачи позиции — с последовавшим уже очень скоро подъемом и расцветом деятельности германской с.-д., как только она мужественно и твердо стала на верный путь. Тем, кто уверял, что Бебель и Либкнехт были ликвидаторами, надо ответить прямо и без обиняков: хотят ли они подражать именно в этом германским товарищам, или использованием опыта они считают избежание этих ошибок и этих зигзагов слабости?

Другой пример с нелегальной печатью. Германским товарищам, чтобы признать необходимость издания заграницей нелегального Ц. О. партии, понадобился целый год на размышление, а раньше чем вся партия сознала всю важность этого дела и приложила все усилия, чтобы действительно решить трудную задачу хорошей постановки заграницей и распространения в стране нелегального Ц. О., — прошло несколько лет *). Действительно, были среди германских с.-д. товарищи — и среди них были такие люди, как Ауэр — которые думали обойтись одной «приспособляющейся» легальной печатью, которая вместо социализма говорила бы об «идее справедливости» и т. п. Хотят ли наши товарищи, защищающие ликвидаторов, подражать немцам в этом? — Пусть скажут открыто.

Далее. У германских товарищей за время исключительного закона роль Ц. К. партии действительно во многом исполняла парламентская фракция (N. B. — составившаяся в результате выборов на основе всеобщего избирательного права и имевшая в своих рядах виднейших вождей партии). Хотят ли наши товарищи, столь склонные к плохому «немецкому языку», и здесь просто повторить немецких товарищей ([10])? Или — еще примеры: когда в 1886 году Бисмарк привлек к суду и посадил в тюрьму депута-

---

*) А вот что говорил через 13 лет, после учета опыта исключительного закона, Бебель на Эрфуртском съезде: «Если бы мы не имели нелегального «Социал-Демократа», если бы не имели нефальсифицированной партийной литературы, которую мы, благодаря геройскому самопожертвованию товарищей, распространяли очень широко, тогда правительство в высокой степени (in hohem Grade) достигло бы того, чего оно добивалось исключительным законом: духовного вырождения (geistige Versimpelung) с.-д. партии». (Протоколы Эрфуртского конгресса, 280 - 281).

тов Ауэра, Бебеля и др. за официальную связь с нелегальным «Социал-Демократом», — парламентская фракция сочла нужным в интересах партии заявить открыто, что между ней и «Социал-Демократом» — официальным органом партии — связи нет *). Это была одна из несомненных ошибок Бебеля, Либкнехта и др. — одна из тех ошибок, за которые их неоднократно осуждал Ф. Энгельс (ср. его переписку с Зорге). Либкнехт и Бебель остались вождями революционной социал-демократии вопреки этим ошибкам. Наши товарищи, не желающие отделиться от ликвидаторов, должны сказать прямо, хотят ли они повторить эти ошибки, их возводить в линию, или заимствовать у немцев то, что получилось хорошего, несмотря на эти ошибки?..

Каково же оказалось интересующее нас построение организации у германских товарищей времен исключительного закона после исправления всех этих ошибок, после того как развал и деморализация — результат растерянности после удара — миновали? Посмотрим на местную организацию и возьмем для этого Берлин. Берлинская организация, несомненно, признавалась образцом. Если у Берлинцев, особенно в начале 80-х годов, были разногласия с партийным большинством насчет политической позиции, то в смысле силы, крепости, устойчивости организации — Берлинская организация всегда рассматривалась как украшение и гордость партии.

Высшим законодательным органом Берлинской организации было учреждение, носившее на партийном жаргоне название «Corpus» (тело, корпус, организм). Это учреждение вполне совпадает с нашими междурайонными общегородскими конференциями. Оно составлялось из делегатов, выбираемых с.-д. членами партии от каждого округа или района. В экстренных случаях, — например при выставлении кандидатов в рейхстаг, при проведении крупных выступлений и т. д., — состав «Corpus'а» достигал 300 человек и выше (регулярный состав — 80 человек). Нечего говорить о том, что учреждение это существовало нелегально. Его собрания часто происходили при столь неблагоприятных внешних условиях, что после возвращения с одного такого собрания, происходившего темной ночью в глуши, трое

*) См. Бернштейн, указ. сочин., стр. 180 - 200. Конфликт этот между парламентской фракцией и Ц. О. — заметим в скобках — разрешен был партией в пользу нелегального Ц. О.

товарищей утонули в разлившейся реке, через которую приходилось переправляться. (Эта трагическая гибель, между прочим, подняла на ноги весь рабочий Берлин; погибшим по подписке был поставлен памятник и т. д.). Руководящим исполнительным органом был «Берлинский Центральный С.-Д. Комитет» (то же, что наш местный комитет), состоявший из 6-10 лиц — делегатов от «доверенных лиц» «der Innere», т.-е. районов, или, по-нашему, районных конференций. Конечно, и эти учреждения функционировали нелегально *). Нелегальная организация чрезвычайно ценила разделение труда и имела подсобные органы со специальными функциями. Например, распространение литературы было делом особых партийных групп на каждой фабрике, каждом заводе. В книге Бернштейна один из участников движения (тов. Гуго Эрнст) подробно описывает этот процесс распространения нелегальной партийной литературы (стр. 258 и др.). Когда читаешь описание того, как в течение получаса по всему Берлину по мановению «Комитета» распространяется больше 150 тысяч нелегальных листков, то думаешь: вот в чем действительно следует подражать немецким товарищам.

Внешние условия существования нелегальной организации были чрезвычайно трудны. Правительство Бисмарка-Путткамера, так же как наше правительство Столыпина, всюду пустило заразу провокации. «Ни одно почти рабочее учреждение не обходилось без провокатора в 80-е годы», — пишет участник событий тов. Макс Цахау (стр. 218). Преследования и репрессии, хотя и далеко отстающие от тех скорпионов, которым подвержены мы теперь, все же были чрезвычайно чувствительны. За один 1878-79 год было закрыто 217 рабочих союзов и обществ, 5 рабочих касс, 127 периодических изданий **). Приблизитель-

*) Кстати, те же товарищи, которые теперь не решаются отделаться от ликвидаторов, недавно подняли большой шум в печати по поводу того, что в одном Питерском легальном рабочем союзе полицией было обнаружено с.-д. нелегальное предприятие (печатание листков). Интересно отметить, что «Берлинский Центральный Комитет», за которым полиция всегда гналась по пятам, был арестован тоже в легальном рабочем учреждении: в рабочем кооперативе. И это бывало с очень многими с.-д. нелегальными предприятиями (см. Бернштейн, указ. соч., стр. 220 и др.). Конечно, с.-д. больше всех других должна оберегать легальные рабочие учреждения, но отсюда до филистерского «сберегания во что бы то ни стало» — дистанция громадного размера...

**) См. Шиппель «S.-D. Reichstags Handbuch», стр. 1040.

ные итоги за все время исключительного закона таковы: 1.600 лет тюрьмы, 900 чел. высланных, закрытие 352 союзов, запрещение 1.229 периодических и непериодических изданий *).

В других городах Германии построение организации было иным, в зависимости от местных условий. Копенгагенский съезд, 2-й после издания исключительного закона, в апреле 1883 года, разрешил местным организациям автономно выбирать те формы организации, которые соответствуют конкретным условиям данного района **). Всюду работа с.-д. руководства, договариванье до конца в области агитации и т. д., происходила нелегально.

На всех трех съездах партии, имевших место за время исключительного закона (Виден, Копенгаген, С.-Галлен) и заседавших в смысле внешних условий в совершенно «русской» обстановке (см. в протоколах описание того, как делегаты спали на соломе вповалку несколько дней, чтобы не выходить из дому, на Виденском съезде, или как датское правительство выгоняло Копенгагенский съезд, или как во время С.-Галленского съезда чуть ли не каждого делегата сопровождал в Швейцарию шпион), представлены были, кроме парламентской фракции, только нелегальные с.-д. организации и группы, производившие выборы своих делегатов, конечно, нелегально, слушавшие отчеты о съезде нелегально и т. д. Поручая руководство партией своей парламентской фракции, эти нелегальные съезды вместе с тем поручали фракции кооптировать для разных функций не-членов фракции, т.-е., в большинстве случаев, деятелей нелегального движения.

«Партийная организация возобновлена, — пишет со слов посетившего его Либкнехта и К. Маркс в письме к Зорге от 5 ноября 1880 года, — что могло быть сделано только тайным путем, т.-е. «тайно» постольку, поскольку дело касается полиции» (курсив наш) ***)... «Все внимание партийных товарищей концентрировалось на борьбе с полицией», — сообщает Карл Каутский, давая краткий отчет о существовании с.-д. во время исключительного закона ****). «Во время законов против социалистов, — пишет

*) Шиппель «Handbuch», стр. 1050 - 1051.

**) Протоколы Копенгагенского съезда, стр. 24.

***) См. переписку с Зорге, стр. 190 русск. пер.

****) См. его интересную статью — предисловие к «General - Register der Neuen Zeit», стр. VII.

тот же Каутский в № 66 «Искры», в той самой статье, которую недавно пытались использовать с целью обелить ликвидаторов, — мы старались вводить в наши организации тех только, в ком они нуждались, кто работал над изданием, хранением и распространением литературы, кто занимался добыванием и расходованием денежных средств, устройством демонстраций и т. п. Нецелесообразно было, наоборот, принимать в организацию людей, которые не должны были в ней регулярно работать, которые лишь, по мере надобности, поддерживали партию денежными средствами, личными услугами или участием в демонстрациях. Конечно, мы старались, по возможности, организовать и эти элементы в профессиональные союзы, в певческие ферейны и т. п. В России это все, конечно, невозможно. (Было возможно. Статья Каутского писана в 1904 году, больше 5 лет тому назад). Но и у нас в действительную тайную партийную организацию эти сравнительно широкие организации не входили». Из этой цитаты ясно одно: «действительная партийная организация» была у германской с.-д. эпохи исключительного закона тайной, и с.-д. руководство движением принадлежало именно этой тайной организации, что так не по душе у нас в России ликвидаторам и нашим товарищам (11), не решившимся еще окончательно отмежеваться от ликвидаторов. Нелегальная местная организация, разветвленная по всем фабрикам и заводам, с местным руководящим нелегальным центром, с нелегальными съездами, с нелегальным Ц. О., которому на всех трех съездах уделено было очень много внимания и который играл огромную роль в деле идейного руководства партией, с полулегальным Ц. К. — такова схема организации немецких товарищей во время исключительного закона.

Нелегальная организация германской социал-демократии, как отмечает и Каутский в только что выписанной цитате, опиралась на легальные рабочие организации. Несмотря на все репрессии, усилиями с.-д. создавались профессиональные союзы, которые часто, чтобы избежать закрытия, обходили закон тем, что боевые функции (стачки и проч.) передавали формально в руки особых — номинально независимых от союзов — Lohn-und Streikkomission (стачечная комиссия) и т. п. Создавались по инициативе и при помощи с.-д. рабочие клубы, певческие общества, читальни, школы, рабочие общества избирателей (Bezirksvereine der arbeitenden Klassen), союзы коммунального благоустройства (Vereine

kommunaler Angelegenheiten), даже свободный народный театр и т. д. Больничные кассы, в которых уже в 1885 году состояло 874.207 чел. *), были использованы самым полным образом. В области пропаганды были использованы «легальные возможности» для издания чисто теоретического (и потому более терпимого для правительства) легального журнала — «Neue Zeit». Несмотря на все репрессии, несмотря на угрозы, постоянно, как Дамоклов меч, висевшие над головами этих рабочих ячеек, — они сыграли значительную роль в деле организации рабочего класса и в деле борьбы за низвержение исключительного закона. Они работали в полном единении с нелегальной с.-д. организацией, а не против нее...

У нас в России политическая обстановка контр-революции создает для таких легальных рабочих ячеек гораздо более неблагоприятную атмосферу полной неуверенности в завтрашнем дне, чудовищных насилий и репрессий. В России существуют целые огромные районы, где до сих пор нельзя и мечтать о каких бы то ни было легальных рабочих организациях. Наши «легальные возможности» гораздо более случайны, частичны, гораздо менее гарантированы. Достаточно, например, указать на участие наших профессиональных союзов в различных съездах. Участие это имело огромное значение для наших союзов, и с.-д. в свою очередь справедливо высоко ценили его. Теперь, после особенно удачного выступления с.-д. рабочей группы на съезде фабрично-заводских врачей, участие это запрещено союзам, и нашим рабочим организациям придется искать новых путей обхода этого запрещения.

В силу всей нашей обстановки крепкая нелегальная рабочая организация для нас еще неизмеримо более необходима, чем для германской с.-д. эпохи исключительного закона.

Нет никакого сомнения, что наши политические условия несравненно труднее, но история показала, что при наличности сколько-нибудь крупного передового слоя самодеятельных и классово-воспитанных рабочих, при наличности среди широких масс рабочих общей атмосферы сочувствия с.-д. идеям вообще и идее самостоятельной рабочей организации в частности, — никакими репрессиями невозможно задавить стремление рабочих к открытой организации. Открытая организация выльется в ту или другую форму, но она будет существовать.

*) См. Меринг, т. IV.

В этом отношении чрезвычайно интересна история рабочего движения в Австрии. Там еще в 70-х годах на рабочие организации обрушивались репрессии, не уступавшие нашим. За принадлежность к с.-д. там несколько лиц в 1870 г. были присуждены к 5 и 6 годам тюрьмы; за подачу петиции о необходимости широкого рабочего законодательства делегаты некоторых легальных профессиональных союзов и рабочих обществ присуждены были к 10-ти месяцам тюрьмы, при чем тем и другим прибавили еще полное лишение пищи по одному дню в месяц (даже у нас «суд» до этого пока не додумался *). Тем не менее легальные и полулегальные рабочие организации продолжали существовать, несмотря на каторжный режим. Они нашли соответствующие формы: например, трактиры сыграли там в этом деле огромную роль. Каждый цех имел свой трактир, где вершил все свои дела и где он оказывался совершенно неуловимым для полиции **).

Если бы наша российская социал-демократия не поняла и не учла этого, если бы она со всей серьезностью не отнеслась в нынешнюю эпоху к этим открытым рабочим организациям, — такая ошибка действительно могла бы стать роковой. Этого нет. Есть только извращение идеи на двух крайних полюсах партии, в двух маленьких, бессильных в смысле определения линии партии, группках: у ликвидаторов, желающих растворить с.-д. партию в бесформенных рабочих организациях и тем самым ликвидировать программу, тактику и традиции, и у ликвидаторов наизнанку — отзовистов-ультиматистов, желающих совершенно игнорировать открытые рабочие организации и тем бессознательно ведущих к отрыву партии от рабочего движения наших дней. Внутрипартийные события последнего времени — лучшая порука тому, что «тактика» тех и других так и останется уделом бессильных кружков.

Наша партия, как таковая, т.-е. как организованное целое, может и должна воспользоваться в этой области примерами гер-

*) См. Ю. Дейтч: «История профессионального движения в Австрии», стр. 64 и др. нем. издания. Об уроках австрийского рабочего движения мы поговорим подробнее в особой статье.

**) Нам сообщают о подобной же роли таких трактиров в одном из крупных южных городов, где контр-революция справляет наиболее шумное свое торжество, но где сатрапы оказываются совершенно бессильны в борьбе с новыми рабочими «цитаделями».

манских товарищей в эпоху исключительного закона. Но воспользоваться, опять-таки, не значит рабски повторить. Мы старались сорганизовать широкие рабочие слои, сочувствующие с.-д., в профессиональные союзы, певческие общества, клубы и проч., — писал Каутский в вышецитированной статье. Мы к этому прибавляем: внутри этих профессиональных союзов мы стараемся сорганизовать тех рабочих, которые являются определенными с.-д., из них мы стремимся создать определенную партийную ячейку, которая была бы связана с нашей нелегальной партией организационно, которая вела бы работу в этих открытых организациях в определенном с.-д. направлении, как организованная группа работающих под контролем своей классовой партии. Что наша партия должна принять деятельное участие в легальных рабочих организациях — для партийного большинства не подлежит ни малейшему сомнению. Весь вопрос, как работать в них. В единогласно принятой резолюции Ц. К. нашей партии о профессиональных союзах партия, как целое, дала определенные указания и прочно стала на определенный путь. Партийная оппозиция (или обе «оппозиции») должна дать свой определенный ответ на этот счет, что ею до сих пор, к сожалению, не сделано.

Известные черты сходства в положении германской с.-д. в эпоху исключительного закона и нашей партии в переживаемую ныне полосу породили и значительные сходства во внутрипартийной политической группировке. Германская социал-демократия имела тогда тоже две «оппозиции». Одну составляла «оппозиция справа» — парламентские социалисты, относительно которых Энгельс писал, что с падением исключительного закона они немедленно вылетят из партии, если не откажутся от своих мелкобуржуазных тенденций (см. переписку с Зорге), и о которых Бебель на С.-Галленском съезде партии сказал, что их чрезмерная склонность к «законодательной работе» «могла бы даже вызвать раскол в партии» *). Другую составляла «оппозиция слева», те элементы, которые позднее сложились в группу «молодых» и были исключены из партии на Эрфуртском съезде 1891 года. (Их главари были Вильдбергер, Вернер, Вилле, Ауэрбах, Ганс Мюллер и др. Часть «молодых», спустя 11 лет, по их просьбе, вновь была принята в партию). Эти сделали себе

*) Протоколы С.-Галленского съезда, стр. 13-14.

«платформу» из отношения к парламентаризму. Их предшественники, под предводительством Моста и Гассельмана, еще в самом начале исключительного закона вели агитацию за «отзыв» Бебеля, Либкнехта и других депутатов (известен на этот счет ряд Берлинских и других резолюций). Мост очень скоро открыто перешел на сторону анархизма. Гассельман провозгласил с трибуны (он был депутатом), что «теперь не время для парламентской болтовни, а время для дела», и после этого сбежал из Германии, стал на время игрушкой в руках правительственных провокаторов, а затем канул в Лету. «Молодые» пробовали остаться в среде социал-демократии, но занять в ней более р-р-революционную позицию. Партия, благодаря парламентаризму, стала нереволюционной и мелкобуржуазной *), — утверждали «молодые», цепляясь за Энгельса и искажая мнение последнего. «Молодые» вообще были не прочь изобразить, что они ближе к Марксу и Энгельсу, нежели партия в целом, но Энгельс ответил на это резким третированием их, как «кучки зарвавшихся студентов». Несмотря на это, некоторые из них продолжали быть искренно уверенными в том, что именно они верны учению Маркса-Энгельса. То, что̀ Энгельс говорил условно, эти «революционеры» превращали в б е з у с л о в н о е, то, что̀ он говорил об отдельных ошибках отдельных депутатов, они возводили в теорию.. «Du gleichst dem Geist, den du begreifst, nicht mir» (ты похож на свое собственное представление обо мне, а не на меня самого), — любил отвечать Ф. Энгельс «молодым» словами поэта.

Рядом с этими двумя оппозиционными течениями тяжелые условия существования с.-д. партии вызвали много мелких

*) См. книжку Ганса Мюллера: «Классовая борьба внутри с.-д.», стр. 20-22; см. речи Вернера в протоколах съезда в Галле, стр. 98, Ауэрбаха — в протоколах Эрфуртского съезда и т. п. Обычно «молодые» оперировали отдельными действительными, а чаще мнимыми ошибками парламентской фракции. Зингер сказал, что «надо поддержать правительство», Бебель апеллировал к патриотизму, Кейзер был за покровительственные пошлины и т. д. и т. п. Революционные с.-д., конечно, вполне признавали необходимость деловой критики фракции. «Мы вполне признаем право партии подвергать фракцию самой резкой критике, мы принимаем от нее и императивный мандат», — говорил Зингер на С.-Галленском съезде (Прот. С.-Гал. съезда). Это же не раз подчеркивал Энгельс. Революционные с.-д. отрицали лишь выводы, которые делались из этого «молодыми», — выводы, которые, по нашему времени, могли бы быть названы «отзовистскими» или «ультиматистскими».

отщеплений и переходную ступень от правого крыла к прямому ренегатству некоторых ранее видных членов партии (Кернер и Финн, позднее бывший депутат Фирек и некоторые др.).

Всем этим мелким ручейкам и бессильным группкам противостояла партия в собственном смысле слова, — хребет германской социал-демократии. Вождями этой революционно-социал-демократической партии были Бебель, Либкнехт, Зингер, которые пользовались ценными указаниями Маркса и, после его смерти, в особенности Энгельса. На всех съездах партии за это время — от Видена до Галле и Эрфурта — Бебелю, Либкнехту, Зингеру приходится воевать на два фронта: против «парламентаристов», салонных с.-д. и не в меру ретивых сторонников «самоограничения» с.-д. лозунгов, с одной стороны, и «молодых» и их предшественников — с другой. Война против первых не мешала им считаться с реальной обстановкой и делать уступки «духу времени». Война против последних не мешала им сохранить принципиальную чистоту и широту революционного размаха. В этом смысле Бебель был совершенно прав, когда писал Энгельсу: «Alter, du und ich, wir sind die enzigen «Jungen» in der Partei» (Старина, ты да я, мы единственные действительно «молодые» в нашей партии!).

Основное течение партии вывело германский пролетариат на широкую дорогу открытой массовой борьбы, принципиально выдержанной тактики и политики. Носителями именно этого течения были те десятки и сотни практических вождей-рабочих, которых в гораздо большем числе, чем наша партия, подготовила германская с.-д. в период своего открытого существования. С изданием исключительного закона интеллигенция бежала из партии, по выражению Каутского (см. упомянутое предисловие), «как от чумы». Передовые рабочие взвалили всю тяжесть практической работы на свою спину и выковали свою классовую партию вопреки всем невзгодам, вопреки всем чудовищным препятствиям.

* * *

Мы закончили наш очерк развития германской с.-д. в эпоху исключительного закона. Какие уроки из него вытекают для нас? Какой ответ в применении к нашим условиям должны мы дать на вопрос: что делать? — Прежде всего, научиться агитировать и в настоящую тяжелую полосу жизни нашей страны. Планомерной политической и экономической с.-д. агитации, для начала хотя бы в скромных размерах, — вот чего нам больше всего не хватает теперь. Ближе к массам, с ними спаять нашу

организацию, научиться делать широкую, систематическую агитационную кампанию и из путешествия царя по Европе и из законопроектов о страховании рабочих; и из поездки депутатов в Лондон и из гонений на профессиональные союзы; и из кровавой волны смертных казней и из локаута кожевенников в Виленской губернии; и из восстания в Каталонии и из Рыковской катастрофы; и из принятия закона 9 ноября и из безработицы; и из 9 января и из 1 мая; и из утверждения расходов на армию и из строительной катастрофы в Питере; и из законопроекта с.-д. фракции о 8-часовом рабочем дне и из съезда фабрично-заводских врачей; и из стачки трамвайщиков и из съезда объединенного дворянства; и из гонений против Финляндии и из съезда против борьбы с пьянством... Надо втягивать массы в эти агитационные кампании, надо расширять и углублять их, надо переносить их на открытую — по возможности — легальную арену. Надо от частного идти к целому, надо бороться за принципиальную выдержанность этих кампаний с тем большей настойчивостью, что, как показал уже опыт, многие склонны полагать, будто в таких «мелочах» нет места «ортодоксальной» выдержанности.

В области организации несравненно более тяжелые условия заставляют нас добиваться более оформленной, более крепкой нелегальной организации. Укрепить старую нелегальную организацию; приспособить ее окончательно к новым условиям существования; добиться того, чтобы на всех фабриках и заводах мы имели дееспособные партийные рабочие группы; окончательно втянуть в организации и сроднить с ними лучшие марксистские и действительно партийные элементы, работающие в легальных рабочих организациях, без различия фракций; сделать так, чтобы в каждой легальной рабочей организации беспартийные рабочие видели не отдельных одиночек с.-д. или, что еще не искоренено окончательно, одиночек, называющих себя с.-д. и на деле борющихся против с.-д. партии, а с.-д. коллективы, — чувствующие связь с с.-д. партией, говорящие от ее имени, ответственные за нее и перед ней, выступающие в профессиональном союзе при каждой экономической забастовке, в каждом практическом шаге в рабочем клубе, кооперативе, обществе избирателей, певческом и музыкальном кружке, — как организованная ячейка Р. С.-Д. Р. Партии... Лишь в этом случае мы создадим сильную с.-д. организацию рабочего класса, подготовим его к новым битвам и перейдем от обороны к наступлению!

Широкая планомерная политическая и экономическая агитация!

Крепкая нелегальная с.-д. организация, живущая жизнью масс, только об их потребностях и злобах дня помышляющая, имеющая — в виде оформленных партийных ячеек — свои опорные пункты во всех открытых и полуоткрытых рабочих организациях!

Остальное приложится!

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) «Что делать» — статья из № 9 «Социал-Демократа» за 1909 г.

[2]) Эта тема в 1909-10 г.г. довольно подробно разрабатывалась как в меньшевистской, так и в большевистской печати. Меньшевики-ликвидаторы делали попытку провести параллель между эпохой исключительного закона в Германии и Столыпинской эпохой в России. Ликвидаторы пытались обосновать свою измену нелегальной партии ссылками на опыт германской социал-демократии в эпоху исключительного закона.

[3]) «Железному» канцлеру Бисмарку удалось завершить национальное объединение прежде раздробленной Германии и путем нескольких крупных реформ сверху завершить на реакционно-помещичий лад задачи, которые выдвинуты были революцией 1848 года.

[4]) На крестьянство большевики в то время смотрели, как на силу, способную сыграть революционную роль только в демократической революции. Вопрос о смычке пролетариата и крестьянства в *социалистической* революции практически тогда еще не стоял.

[5]) Нелегальный съезд германской социал-демократии в эпоху исключительного закона состоялся в 1901 году в замке Виден, в Швейцарии.

[6]) «Говорить по-французски» — под этим понимали непосредственно революционное выступление; «говорить по-немецки» — под этим понималась длинная подготовительная к революционной борьбе полоса. Меньшевики утверждали, что именно тактика ликвидаторства означает — «говорить по-немецки». Большевики оспаривали это мнение.

[7]) Смерть Лассаля 28 августа 1864 г.

[8]) Гирш-Дункеровскими союзами в Германии называют буржуазно-либеральные профсоюзы, основанные Гиршем и Дункером.

[9]) Христианскими союзами в Германии называют католические профсоюзы, в которые до сих пор еще входит значительное количество рабочих, находящихся под влиянием буржуазии и попов.

[10]) В Германии во времена исключительного закона парламентская фракция одно время фактически играла роль Центрального Комитета. Это объяснялось тем, что крупнейшие вожди партии — Август Бебель, Вильгельм Либкнехт и др. — были в то же время депутатами рейхстага. Меньшевики-ликвидаторы пытались упразднить Центральный Комитет партии и поставить на его место плохонькую и недостаточно выдержанную в партийном отношении думскую фракцию.

[11]) Здесь дело идет о так называемых примиренцах, которые в то время занимали еще весьма промежуточную позицию.

С ПАРТИЕЙ ИЛИ ПРОТИВ НЕЕ (1)?

Кучка Петербургских отзовистов-ультиматистов своей недолгой «деятельностью» уже успела приобрести печальную известность в партии. Достаточно вспомнить их объединение с с.-р. в профессиональных союзах для того, чтобы провести отказ союзов снабдить нашу думскую фракцию материалами для запроса о гонениях против профессиональных организаций; их совместные с явными синдикалистами выступления в рабочих клубах; их недавнюю попытку во имя отзовизма-ультиматизма предать с.-д. избирательную кампанию кадетам и т. д. *) Теперь, как нам сообщает целый ряд товарищей-корреспондентов, действующих в различных отраслях с.-д. работы, Петербургские отзовисты-ультиматисты предприняли специальную кампанию против участия с.-д. в съезде по борьбе с пьянством, в частности, и целый поход против работы с.-д. в легальных рабочих организациях — вообще. Не думайте, однако, что эта компания что-нибудь делает в области работы нелегальной. Ничуть не бывало! Поскольку дело зависит от их скромных стараний, они делают все возможное, чтобы работа стояла на месте или двигалась назад. «Всюду, где господствует дух отзовизма-ультиматизма, ярко бросается в глаза то, что нелегальные организации ничего не делают», — пишет нам из Петербурга один из старейших партийных работников, назовем его хоть т. Г. (3) В тех же выражениях пишут нам о «работе» отзовистов-ультиматистов двое товарищей-рабочих (члены П. К.), которые заканчивают ярким описанием того, насколько компрометирует Питерская группа «левых» ликвидаторов всю Петербургскую с.-д. организацию.

В 2-3 районах, где рабочие еще не окончательно уяснили себе истинную природу этих максимовских пустозвонов, эта кучка ликвидаторов, в явное и грубое нарушение решений

---

*) От последней доблестной попытки отрекся даже Максимов (2), который все свое политическое существование ведет милостью отзовистов. Сей «вождь», повидимому, сам не ждал, что из его писаний, платформ и проч. кто-нибудь сделает практические выводы. Ведь этот основатель новой фракции пуще всего боится сказать, какое именно политическое знамя подымает эта его фракция, а тут такой откровенный шаг, портящий все чертежи. Поневоле с досадой заявишь, что это была «ошибка».

партии, провела резолюции о неучастии с.-д. в съезде по борьбе с пьянством, куда рабочие могут получить доступ и который можно использовать для с.-д. агитации. На последнем заседании П. К., о котором сообщает нам еще другой товарищ, все отзовисты-ультиматисты (их было 4) голосовали против участия в этом съезде и тем сорвали всякое решение, так как большевиков на этом заседании было тоже только 4 *). Мы уверены, что Петербургские рабочие отметут агитацию «левых» ликвидаторов, как отмели рабочие в Москве агитацию двух столпов отзовизма - ультиматизма — Лядова (4) и Станислава (Вольского) — против участия в съезде фабрично-заводских врачей. (Кстати, может быть тов. Максимов хотя бы теперь, через полгода, нарушит обет молчания и скажет, не делали ли тогда «ошибки» и т.т. Лядов со Станиславом? Мы не раз в печати предлагали т. Максимову об этом высказаться, и все безуспешно. Что заставляет тов. Максимова молчать по этому кардинальному вопросу?) Пока же, однако, опять приходится затрачивать драгоценные силы и время на преодоление отзовистско - ультиматистских благоглупостей вместо того, чтобы развивать положительную агитацию, вместо того, чтобы готовить рабочих к борьбе с буржуазным социал-реформаторством и т. д. Если кому на руку такое положение организации, то только ликвидаторам справа. Если кого обрадуют максимовцы, то только Потресова (5) Череванина, Кускову, Прокоповича и т. п.

На декабрьской общепартийной конференции вожди отзовизма - ультиматизма, не посмевшие еще тогда открыто восстать против большевизма, подписали резолюцию, настаивающую на необходимости самой энергичной работы с.-д. в легальных рабочих организациях и использовании всех «легальных возможностей». Теперь Петербургские максимовцы настолько... осмелели, что решаются начать систематический поход против легальных рабочих организаций. Об этом подробно пишут нам три товарища-большевика, работающие преимущественно в этих легальных рабочих организациях, и это подтверждают все остальные наши корреспонденты. Еще с лета Петербургские отзовисты-ультима-

*) Только что нами получено из Петербурга сообщение о том, что на последнем заседании П. К. большевикам удалось склонить на свою сторону одного рабочего-отзовиста и провести — хотя и половинчатую — резолюцию за участие в съезде.

тисты начали по отношению к легальным рабочим обществам кампанию «взрывания изнутри». Рабочие по этому поводу даже окрестили застрельщиков этой кампании «взрывателями». «Не принимая ни в чем делового участия, они (отзовисты-ультиматисты) по временам врываются силой в легальные рабочие организации и со скандалом требуют себе подчинения»... «Увидев, что не оправдывается их старый план отозвания районных рабочих из клубов и других рабочих организаций, отзовисты стали сами входить в эти общества. Свое участие в этих организациях они ограничивают мелкими придирками и никчемной склокой. Требуют от этих обществ, чтобы они отказывались от всякой автономии, насильственно навязывают обществам председателей и т. п.». «Полное неумение работать и помогать делом легальным рабочим организациям и явно враждебное отношение к этим организациям, доходящее до простого срыва всеми способами, вызывает у рабочих вражду, в лучшем случае насмешки... Ироническое отношение, благодаря отзовистам-ультиматистам, часто менее передовыми рабочими переносится на всю с.-д. организацию». «Только осведомленные о партийных делах рабочие в клубах и других обществах на ликвидаторские речи отзовистов отвечают: это не партия говорит так, а вы, — вы же не партия!» — Вот что пишут нам товарищи-большевики о похождениях отзовистско-ультиматистской братии в Питере. «Два слова о Петербургском отзовизме на практике. В профессиональных союзах большинство из них отказывается работать только потому, что союзы легальны и не имеют никакой (?) силы. В рабочие клубы надо пойти лишь затем, чтобы их взорвать. Попытки наших отзовистов в этом направлении кончились тем, что их подняли на смех и стали выгонять из многих рабочих клубов, как только они появлялись... Не угодно ли поработать с такой публикой»! — так заключает свое письмо в редакцию один выдающийся Петербургский рабочий (6). (Все авторы писем сообщают точно, в каких именно обществах происходили такие «выступления» отзовистов-ультиматистов. Они называют имена, даты, сообщают подробности и т. д. По понятным причинам мы всего этого опубликовывать не можем).

Некоторые из отзовистов (в особенности некоторые рабочие, не говорим тут о сознательных «взрывателях») повидимому, искренно полагают, что такой своей «тактикой» они ставят на почву партийности эти рабочие организации, в числе которых

есть и формально беспартийные. Они поступают совершенно в духе той карикатуры на большевиков, которую рисовали крайние нейтралисты, изображавшие, будто из Лондонской резолюции о профессиональных союзах вытекает, что надо на профессиональные организации немедленно «наклеить ярлык», навязать им партийность и т. д. Они совершенно забывают (или не знают) общепризнанного большевистского положения, что беспартийные рабочие организации должны завоевываться для партии только длительной творческой работой внутри их, участием в повседневной их деятельности, защитой позиции партии во всех частных вопросах обыденной практики и т. п.

Лучшие из вышеописанной компании являются карикатурными с.-д., которых надо учить и которых ни в каком случае не надо пускать на руководящие функции, чтобы они не срамили партии. Худшие из них — сознательные «взрыватели» — являются просто кучкой политически безграмотных полуанархистов, которые сами заслуживают одного: быть «взорванными» без малейшей пощады. Довольно позора навлекали эти люди на голову Петербургской социал-демократии, — они грозят ее скомпрометировать надолго. Довольно, пора поставить точку! Петербургские рабочие социал-демократы должны показать отзовистам-ультиматистам, что их вышеописанные подвиги не пройдут им безнаказанно. Тысячу раз они правы, когда говорят им: «так (т.-е. по-отзовистски, по-максимовски) говорит не партия, а вы. Вы же — не партия». Отзовисты-ультиматисты грубейшим образом нарушают, ликвидируют решения партии. Вы должны, вы обязаны поступить с ними, как с ликвидаторами. Вы имеете все права и все основания поставить перед ними резко и определенно вопрос: с партией или против нее? Вы должны отчетливо прибавить: тот, кто говорит «иду против партии», иду таким образом, как это делают в Питере отзовисты-ультиматисты, — тот должен считаться со всеми вытекающими отсюда практическими последствиями. Как ни слаба партия, как ни подорваны временно ее силы, — она не позволит подобного глумления над партийностью. Она даст решительный отпор ликвидаторам и «слева» и справа. Все то, что мы знаем о деятельности отзовистов-ультиматистов в Петербурге, дает все основания констатировать, что они втихомолку создают свою особую организацию *). Это тем более обязывает всех Петербургских

*) О расколе, устроенном отзовистами, нам сообщают из Одессы.

рабочих с.-д. серьезно подумать о создавшемся положении, напрячь все силы, чтобы уберечь работу от экспериментов «левых» ликвидаторов, чтобы раз навсегда поставить им решительный ультиматум и сделать из него немедленно все практические выводы.

Вы видите теперь, насколько неправы были те из Петербургских большевиков, которые обвиняли нас в *слишком* резкой борьбе против отзовистов и надеялись победить их добрыми словами. Мы довели до того, что отзовисты ставят П. К. в невозможность работать, что они скандалят всю организацию, что они грубейшим образом срывают решения партии. Еще несколько месяцев недостаточно энергичного отпора, — и эта кучка ликвидаторов заведет нашу Питерскую организацию в тупик.

Еще один очень важный вопрос ставится перед Петербургскими товарищами всем ходом вещей. Это — вопрос о сближении с партийными меньшевиками и нефракционными с.-д. анти-ликвидаторами. Одно из писем о Питерских делах сообщает следующее: «Мы затеяли объединение одной нашей большевистской организации (речь идет об очень важной отрасли работы в одном из районов) с меньшевистской, до сих пор конкурировавшей с нами. Там работали меньшевики-партийцы, открыто говорившие, что им надо бороться с ликвидаторами справа, а нам — с ликвидаторами «слева». Мы, конечно, поставили условие: подчинение директивам партии, пропитывание с.-д. духом всей работы и некоторые практически-организационные требования. Те на все согласились...» Нечего и говорить о том, что это частичное сближение произошло вопреки воле и через голову отзовистов-ультиматистов.

Нечего и говорить о том, что мы, со своей стороны, можем только приветствовать этот шаг Петербургских товарищей и призвать их осуществить такое объединение по всему Питеру, добиться того, чтобы мы получили, наконец, действительно единую партийную организацию, в которой, конечно, останутся идейные разногласия, но которая сплоченно поведет практическую борьбу пролетариата.

Не только перед Питерскими большевиками, но и перед большевиками во всей партии стоит новая задача, вызванная новым политическим положением и новыми перегруппировками внутри партии в связи с ним. Эпохи контр-революции часто порождали новые расколы и распыление пролетарских партий. Стихийных элементов раскола и распыления не мало сейчас и у нас. Есть,

однако, ряд элементов, ведущих к восстановлению партии, к установлению в ней организационного единства и более нормального сожительства различных идейных течений в ней. Наше дело — всячески бороться против первых и всячески поддерживать вторые. Мы всеми силами обязаны поддерживать тенденцию к единству, к сплочению рядов, к сближению с.-д. различных течений и фракций, конечно, тех из них, которые готовы вести борьбу против ликвидаторства «слева» и справа. И поскольку «внутренняя политика» нашей партии все более определяется чисто рабочими ее элементами, постольку у нас тем больше гарантий за благоприятный исход. Большевики, как руководящее течение в партии, обязаны оказаться в первых рядах. Мужественно, открыто, энергично должны товарищи на местах вступить на этот путь и сделать все от них зависящее, чтобы партия поскорее решила эту неотложную задачу. Наше недавнее большевистское совещание (7) заявило: «... в настоящий тяжелый момент было бы с нашей стороны поистине преступлением не протянуть руки партийцам из других фракций, выступающим в защиту марксизма и партийности против ликвидаторства». Это совещание подчеркнуло, что мы, оставаясь «определенным идейным течением в партии», должны сами сосредоточиться и других с.-д. призвать «к деятельной поддержке Ц. К. и Ц. О. партии». «Только общепартийные центральные учреждения могут в настоящий период перегруппировки партийных сил явиться авторитетным и сильным представителем партийной линии, на которой сплотились бы все действительно партийные и действительно социал-демократические элементы». Чтобы осуществить вышеочерченную партийную задачу фракциям — и в том числе и нашей — разумеется, придется пойти на взаимные уступки, — отнюдь не идейного, а организационного характера. Мы должны добиться сплоченной, единой с.-д. партии, несмотря на то, что в ней неминуемо останутся идейные течения и идейная борьба. Мы должны добиться того, чтобы организационно сплотились и ортодоксальные большевики, и меньшевики-плехановцы, выступившие на борьбу с ликвидаторством, и те из других меньшевиков, которые от колебаний между ликвидаторством и партийностью перейдут к борьбе против ликвидаторства, и партийцы-бундовцы, поведшие открытую кампанию (см. их печать) против ликвидаторства, и нефракционные с.-д., остающиеся на точке зрения партийности, и революционная польская социал-демократия,

и левые латышские с.-д., энергично борющиеся и против отзовизма и против правого ликвидаторства. Всем этим течениям и группам — и нашей фракции, как руководящей, в первую голову — нужно сделать *ряд практических организационных шагов*, которые дали бы им возможность почувствовать себя единой сплоченной партией, целостной организацией действия, стягивающей вокруг себя все лучшие элементы, все, что живо внутри социал-демократии и для ее дела. Тогда оздоровится атмосфера в партии, тогда смогут усилить свою работу наши центральные общепартийные учреждения, тогда мы получим объединенную партию, в которой мы, большевики, должны остаться, по выражению нашего совещания, «сплоченным авангардом», тогда нашей партии и в настоящие тяжелые годы будут не страшны никакие ликвидаторы. Сплотившись, мы в общепартийном масштабе поставим всем ликвидаторам «слева» и справа ультиматум: с партией или против нее?

Наша большевистская фракция первая провозгласила эту новую задачу. Она первая начала осуществлять ее в отдельных местных организациях партии (Баку, Петербург). Она должна теперь приложить все усилия к тому, чтобы вся партия решила поскорей эту задачу. Интересы самой революционной фракции не могут не совпадать с интересами всей партии, представляющей интересы революционного класса России, — такой партии, которая готова бороться против ликвидаторства всех видов и оттенков.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья из № 50 «Пролетария» от 28 (11) декабря 1909 г.

[2]) Максимов — псевдоним А. А. Богданова. Находясь в политическом блоке с отзовистами, Богданов, однако, вынужден был отрекаться от них в тех случаях, когда грубая ошибочность их позиции слишком била в лицо.

[3]) Г. — И. П. Гольденберг (Мешковский), скончавшийся в 1922 году. И. П. Гольденберг в то время был членом Центрального Комитета от большевиков.

[4]) М. Н. Лядов (Мандельштам)—один из старейших работников в нашей партии и основателей большевистской фракции. В то время он занимал ошибочную позицию, близкую к отзовистской.

[5]) Потресов и Череванин — виднейшие вожди меньшевистской ликвидаторской группы. Кускова и Прокопович находились в фактическом блоке с меньшевиками. В 90-х годах оба они являлись членами с.-д. кружков и виднейшими вдохновителями так называемого «экономизма» — течения, из которого впоследствии вырос меньшевизм. Еще на Лондонском

съезде в 1907 году не только меньшевики, но и т. Троцкий, который стоял тогда вне фракций, требовали принятия в партию Прокоповича. Нынче Прокопович и Кускова живут в белой эмиграции.

[6]) Этим Петербургским рабочим был тов. Михаил Томский.

[7]) Совещание это состоялось в Париже в 1909 году. Когда для основного ядра ортодоксальных большевиков выяснилась невозможность дальнейшей связи с отзовистами и ультиматистами, большевистский центр созвал совещание в Париже, состоявшее из редакторов «Пролетария» и нескольких авторитетнейших товарищей, приехавших непосредственно из России. В числе последних были И. П. Гольденберг и М. Томский; в числе первых—Ленин, Каменев и Зиновьев. Отзовистская фракция была представлена Богдановым и Станиславом Вольским. Это совещание исключило из большевистской фракции отзовистов и предложило союз плехановцам, которые к тому времени выступили решительно против ликвидаторов.

ПОХМЕЛЬЕ ПОСЛЕ «ПЬЯНОГО» СЪЕЗДА (1).

Который уже раз столыпинских «обновителей» России постигает все таже горькая участь! Который раз они дают себе зарок: не повторять опасных попыток с открытыми общественными съездами и, в особенности, «не связываться» с рабочими! Но соблазн велик. Нельзя соблюсти даже только третьеиюньскую видимость «конституции» без того, чтобы хоть время от времени разрешить тот или иной съезд — совсем «как в Европе». Нельзя удержать союзника-буржуазию без того, чтобы хоть изредка дать некоторый «простор» самодеятельности «общественных» сил.

Скрепя сердце, приходится съезды «допускать», и всякий раз остается одна надежда: авось как-нибудь обойдется без «шума» и «скандала». Почти всякий раз эту надежду разрушают рабочие, отнюдь не желающие считаться с видами третьеиюньских реформаторов.

Так именно обстояло дело с недавно закончившимся антиалкогольным (2) съездом. Его инициаторами были самые благонадежные и самые «солидные» представители буржуазии. Все дело обещало быть поставлено настолько «серьезно», что в съезде решило принять участие само министерство финансов через своих чиновников, а вслед за ним самая благонамеренная часть русского духовенства с епископом Митрофаном во главе. Казалось, все обставлено как нельзя лучше, и успех «режиму» обеспечен. Еще 30 декабря, накануне самого открытия съезда, А. Столыпин называл его «почтенным съездом». Вдруг два-три десятка рабочих делегатов, по своему злокозненному обыкновению, ставят все вверх дном и в конец портят всю «социал-реформистскую» игру господам положения. Вся печать, от черносотенного «Русского Знамени» до кадетской «Речи», сразу переполняется бранью по адресу рабочих и социал-демократии за то, что они превратили съезд в «митинг», сорвали «общее всем партиям дело», примешали политику к нейтральным вопросам и т. д.

На самом деле, конечно, никакого нейтрализма не выказали и буржуазные группы съезда. Все они преследовали политические цели, но только свои — буржуазные. Кадеты и октябристы больше всего беспокоились о некоторых «несовершенствах нашей финансовой системы»; представители духовенства предлагали

бороться против пьянства путем укрепления «религиозно-нравственных устоев»; представители министерства больше всего заботились о вящшей славе казенной винной монополии; г.г. Поссе и Тотомианцы превозносили истинно-русский синдикализм и кооператизм; сектанты, с г. Трегубовым во главе, на первый план выдвигали свои групповые интересы, не пытаясь даже связать их с общими подлинно-демократическими требованиями, и т. д. Все сколько-нибудь значительные буржуазные группы с ненавистью набрасывались на самом съезде и после съезда в печати на рабочих, которые осмелились заговорить о своих классовых интересах, о своих рабочих требованиях, о пролетарских чаяниях и надеждах, о социализме. «Не выдвигайте на первый план точки зрения рабочей партии!» — в таких буквально выражениях обратился один из либеральных членов президиума съезда к рабочему оратору (этот либеральный председатель не мог не знать, что такое заявление равносильно приглашению по адресу присутствующей полиции «принять меры»). За слово: «капиталистический» (строй) рабочие ораторы призывались к порядку, за упоминание о смертной казни они лишались слова, почти каждого оратора рабочей делегации просили «не касаться рабочего движения» *), проектов рабочих резолюций иногда просто не оглашали по причине их «резкости» и наличности в них политических моментов, их заявления и протесты «снимались с очереди» властью президиума. Президиум употреблял—по выражению «Речи» — «нечеловеческие усилия», чтобы... зажать рот рабочим, он — по мнению прислужника либералов, русского «синдикалиста» г. Поссе (3) — «несмотря на нападки справа и слева, сделал все, что мог», и тем не менее рабочие заявили о себе достаточно громко на этом съезде. Настолько громко и внушительно, что, по признанию правительственных газет (см. «Новое Время» и «Голос Москвы»), именно по вине рабочих (лучше сказать: благодаря им) покинули съезд сначала представители министерства, а вслед за тем и духовенство. Настолько громко и внушительно, что «Речь», обращаясь с двусмысленными упреками по адресу правительства, в то же время со скрежетом зубовным писала: «социал-демократы вели попрежнему свою непримиримую линию, как будто бы у нас не было никакого нового строя и теперь был не 1910 год, а 1904 год» (№ 7, передовая).

*) Между прочим, с этой скромной «просьбой» к рабочему Яцыневичу обратился председательствовавший кадет г. Бородин.

По признанию либеральной печати, рабочие — этот «новый элемент на съездах» («Русск. Ведом.») — имели влияние и на некоторую часть непролетарских делегатов съезда. Рабочим удалось провести, несмотря на неблагоприятный состав съезда, две свои резолюции: о свободе рабочих организаций и об обществах трезвости. Во время выходок крайних правых и «либеральных» членов съезда вся демократическая часть его группировалась около рабочих. «Разумная середина (т.-е. либералы) стушевалась на съезде», — меланхолично признается «Речь» (№ 7). Были лишь справа — «националистические демонстрации» и слева — «демонстрации социалистические» *). Кадеты забывают лишь прибавить, что «разумная» либеральная середина шла в огромном большинстве случаев за правыми и этим сама просилась под удары рабочих.

Рабочие предвидели такое поведение либеральной буржуазии. «Рассматривая настоящий съезд по борьбе с пьянством, как средство агитации за классовые нужды пролетариата», — писали Бакинские рабочие в своем, доставленном нам, наказе Бакинскому делегату, — «мы поручаем нашему делегату вести беспощадную борьбу со всеми либералами и либеральствующими членами съезда, старающимися затуманить своими «практическими» предложениями сознание рабочего класса...» «Разоблачать политику буржуазных организаций, пытающихся крикливыми призывами бойкотировать спиртные напитки, — затушевать социально-экономические основы этого порока», — призывали Московские рабочие (см. воззвание Московского Комитета).

Худо ли, хорошо ли рабочие делегаты пытались выполнить эту задачу, — они не дали увлечь себя на путь простых либеральных причитаний о вреде пьянства; они пытались указать на неразрывную связь его со всем современным экономическим и политическим укладом, они силились наметить тот минимум требований, выполнение которого единственно может облегчить борьбу с пьянством в рамках капиталистического общества.

---

*) Последовательно-демократическую и непримиримо-социалистическую позицию либералы (и ревизионисты) всегда называют «социалистической декламацией», «бесплодной демонстрацией» и т. д. На деле позиция рабочих на этом съезде отнюдь не была абстрактной: они сумели связать свою социалистическую точку зрения со стоявшими на очереди конкретными вопросами, они одни выступали решительными борцами и за последовательно-демократические требования.

В результате вышел «не съезд борьбы с пьянством, а съезд борьбы с правительством», — так резюмирует работы съезда один правительственный орган. Вину за это неприятное происшествие, конечно, целиком возлагают на рабочих и на социал-демократию.

«Зачем собираются подобные съезды, — писала либеральная печать после наступившего с закрытием съезда похмелья, — неужели только для декорации?» Правительство своими действиями ответило: нет, не только для декорации, но и для провокации. Как иначе назвать то, что сделало наше «конституционное» правительство? Допущением на съезды делается попытка приручить рабочих, добиться от них умеренности, отказа от партийного знамени, приспособления в интересах легализации к рамкам 3 июня. Это не удается. Тогда правительство арестует почти всех рабочих делегатов, стряпает специальный процесс, пускает в ход столь экстраординарные средства, как особое правительственное сообщение о «тайном сообществе», и т. п. Не мытьем, так катаньем!

Растерянность правительства длилась недолго. Похмелье скоро прошло, и правительство «нашло себя». По всей видимости, начат специальный поход против деятелей открытого рабочего движения. Открывшее этот поход правительственное сообщение во многом напоминает ту кампанию, которую в свое время правительство предпринимало против с.-д. рабочих депутатов второй Думы, обвиненных в «заговоре». Рабочие должны во что бы то ни стало дать возможно более внушительный отпор, они должны организовать во что бы то ни стало возможно более решительный и широкий протест.

Наша думская фракция, как известно, внесла уже в Думу запрос по поводу этих провокационных действий правительства. Происшедшие при этом краткие прения показали, что правительство готовится к решительному бою. Правые друзья Столыпина уже выболтали намеченные планы: доказать, что арестованные рабочие делегаты принадлежали «к тайной организиции» и т. п. Запрос и выступление нашей думской фракции получат силу лишь в том случае, если рабочие хоть в какой бы то ни было форме выразят свою с ней солидарность. *Подготовить протест — дело чести рабочих всей России и, в особенности, рабочих столиц.*

Весь ход вещей неумолимо вколачивает в головы самых отсталых масс рабочих мысль о необходимости дальнейшей рево-

люционной борьбы и крушит вдребезги иллюзию о возможности при современном режиме легализации рабочего движения без отказа от его основных целей, от того, что составляет его живую душу. Борьба за открытое и вполне свободное существование боевых рабочих организаций может быть только частью борьбы рабочего класса за низвержение современной монархии, за создание свободных условий для развития классовой борьбы, за революцию. Вне этого нет и не может быть таких путей, которые привели бы к открытому существованию действительно самостоятельных, действительно классовых и боевых рабочих организаций. Вне этого возможна только капитуляция рабочего движения перед союзом крепостников и буржуазии, вытравление из рабочего движения его революционного жала, половинчатость и оппортунизм.

Рабочий класс может и должен продолжать свою революционную борьбу. Именно поэтому он должен использовать для организации своих сил, для просвещения темных, для привлечения отсталых слоев также все возможности легального и полулегального выступления. История антиалкогольного съезда только еще раз показывает, насколько неправы те товарищи, которые рекомендуют нам пренебречь такими выступлениями. Несмотря на нападение правительства, передовые рабочие и на этот раз сделали многое для организации рабочего класса. При столь неблагоприятных условиях партия наша все же проявила значительную инициативу. С.-д. депутаты приложили усилия к тому, чтобы помочь рабочим выступить на открытой арене возможно более сплоченно и выдержанно. Некоторые из наших местных организаций также сделали, что могли, для организации антиалкогольной кампании. Кроме Петербурга, Москвы и Баку, вопрос об антиалкогольном съезде обсуждался еще, как нам пишут, в Московской окружной организации и в некоторых южных организациях партии. Кампания, конечно, далеко не была еще повсеместной, систематичной и планомерной. Задача еще далеко не решена. При будущих открытых съездах нам предстоит еще затратить гораздо больше усилий, проявить гораздо более серьезную инициативу, добиться представительства рабочих в действительно всероссийском масштабе. Рабочие России решили уже не одну не менее трудную задачу. Никакие репрессии не должны заставить нас и в дальнейшем отказаться от использования открытой общественной арены.

Использование антиалкогольного съезда для нас далеко еще не кончено. Если у буржуазных партий только горько во рту от того похмелья, в которое их поверг ход «пьяного» съезда, то у нас, несмотря на все обрушившиеся на нас репрессии, нет никаких оснований терять бодрость. Небольшому отряду рабочих удалось посеять смущение и деморализацию в лагере неприятеля. Даже с верноподданных уст октябристского «Голоса Москвы» сорвались слова о том, что, благодаря «неловким» действиям правительства, в связи с «пьяным» съездом, «никогда еще законность не была так скомпрометирована, как в настоящее время» («Г. М.» ([4]), № 1). Если октябристскую и отчасти кадетскую печать положение обязывало к тому, чтобы поосновательнее замолчать происшедшее на съезде, чтобы поскорее забыть его, то у нас положение обратное. Всеми доступными нам средствами — в газетах, листках, на собраниях, за станком — должны мы рассказывать рабочим, как вместо вожделенного для буржуазии и всех видов реформистов «сотрудничества классов», на «пьяном» съезде получилась классовая борьба, как рабочие и там развернули свое пролетарское знамя, как они вскрыли там лицемерие буржуазного либерализма, как бичевали они современный строй, как они одни указывали на связь пьянства со всем строем насилия и эксплоатации. Мы должны призвать к протесту против той травли рабочих организаций и рабочих депутатов, которую подняло правительство. Мы должны добиться организации такого протеста во что бы то ни стало.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) «Похмелье после пьяного съезда» — статья из № 11 «Социал-Демократа» за 1910 г.

[2]) Антиалкогольный съезд состоялся 6 января 1910 г.

[3]) В. Поссе в то время занимал еще очень умеренную и неясную политическую позицию.

[4]) «Г. М.» — «Голос Москвы»,—центральный орган октябристов, выходивший в Москве под политическим руководством А. И. Гучкова.

ПИСЬМО К ПАРТИЙНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ (1)

Соединение легальной работы с нелегальной.

(Об очередной партийной конференции).

Товарищи!

Из публикуемых резолюций *) вы ознакомились с теми мероприятиями, которые Центральный Комитет нашей партии в своем пленарном собрании наметил в интересах оживления работы, восстановления фактического единства партии, сплочения всех партийных сил. В числе этих мероприятий работа по созыву очередной общепартийной конференции должна занять одно из первых мест.

Больше года прошло со времени последней общепартийной (декабрьской) конференции, которая первая сделала попытку в общепартийном масштабе наметить характер новой полосы работы после победы контр-революции и государственного переворота 3 июня. Партия должна была свою старую революционно-социал-демократическую тактику применять к новым условиям, и на декабрьской (1908 г.) конференции фундамент был заложен, линия в основных чертах намечена.

Несмотря, однако, на крайне замедленный темп политической жизни, новая конференция стала безусловно необходимой, и чем скорее, тем лучше. Партии необходимо продолжить то дело, которое начато ею на последней конференции, ей необходимо подытожить накопившийся за год с лишним опыт, ей необходимо рассмотреть ряд новых вопросов, требующих возможно более скорого разрешения, ей необходимо сделать ряд практических выводов из того кардинального факта, что работа на местах переходит и в значительной мере перешла в новые руки: в руки нового поколения партийных рабочих, пробивающихся из рабочих «низов», нового поколения пролетариев, преодолевающих все неисчислимые препятствия на их пути и, несмотря ни на что, продолжающих ковать свою рабочую партию.

Уже из одного предварительного проекта порядка дня, намеченного Ц. К-том, видно, как много огромной важности вопросов ждут своего разрешения от предстоящей конференции. Ц. К.

*) См. № 11 «Социал-Демократа».

поместил в свой проект порядка дня ряд злободневнейших вопросов из области текущего рабочего движения, на которые в своей партийной практике одинаково наталкиваются, можно сказать, каждый день и наши деятели чисто нелегальных организаций и партийцы, ведущие легально-нелегальную работу. Рядом с этими вопросами Ц. К. наметил несколько задач чисто внутрипартийного характера, в разрешении которых все мы ощущаем на местах самую острую потребность. Постановка экономической организации и агитации, организация хотя бы пока только оборонительной экономической борьбы, постановка планомерной политической агитации, вопрос о характере работы партии в связи с думской деятельностью, создание устойчивого практически руководящего политического центра, действующего в России и теснейшим образом связанного с местными организациями, организационные вопросы широкого масштаба, вопросы о рабочей газете, партийных школах и т. п. — все это дела, насущную важность которых доказывать нашим товарищам на местах не приходится *). При этом Ц. К. отнюдь не претендует на исчерпывающую полноту составленного им проекта порядка дня. Проект этот, как мы уже указывали, лишь предварительный. Товарищи на местах, разумеется, найдут, чем дополнить его как из области чисто практических вопросов, так и из области вопросов общеполитических. Нечего говорить о том, что сама конференция может и должна пополнить свой порядок дня теми вопросами, которые будут наиболее злободневны к моменту ее открытия, как и более общими вопросами о пройденном пути, открывающихся перспективах и т. д.

Самая необходимость скорейшего созыва общепартийной конференции, мы уверены, никем из партии оспариваться не будет. Нужно только подготовительную к ней работу выполнить возможно лучше. Прежде всего необходимо подвергнуть возможно более тщательному и широкому обсуждению вопросы, намеченные в порядке дня, равно как и новые вопросы, могущие быть выдвинутыми товарищами на местах. Надо, чтобы каждый делегат привез с собою коллективные мнения организаций и групп, чтобы он не только отражал настроение работников с мест, но и выражал их планы на буду-

*) Поставленные в порядок дня вопросы наш Ц. О. разработает в ряде статей.

щее и их оценку прошлого и настоящего. Столь же необходимо, чтобы делегатами явились в первую голову товарищи, действующие в данный момент в рабочей массе, в самой гуще ее. Можно считать установленным, что наибольшую жизнеспособность, наибольшую силу сопротивления разлагающим влияниям выказали наши «низовые» партийные ячейки: чисто рабочие заводские и фабричные комитеты и группы, подрайонные и районные коллективы, делегатские собрания, районные конференции и т. п. Эти наиболее близкие к рабочей среде ячейки выжили в гораздо большем числе и гораздо лучше, нежели «верхи» партийной организации. Переплетаясь тысячами нитей с подлинной рабочей жизнью, родные рабочей стихии,—эти «низовые» рабочие ячейки не оторвались от данного рабочего движения сегодняшнего дня, от борьбы за повседневные, якобы «мелкие» и «будничные» требования рабочих масс. Именно из недр этих «низовых» ячеек рекрутируются самые энергичные, самые преданные партии и во всех отношениях самые выдающиеся представители нового поколения с.-д. рабочих. Надо позаботиться о том, чтобы именно из этой среды партийная конференция получила наибольшее число своих делегатов.

Рекомендуемое Ц. К-том раздробление областных конференций на несколько губернских, уездных и т. д., помимо соображений о полицейских трудностях, вызвано еще именно желанием приблизить к «низам» те коллегии, которые будут непосредственно выбирать делегатов на всероссийскую конференцию. Если будет сознана необходимость этого, товарищи найдут десятки непредусмотренных Ц. К-том средств, чтобы добиться именно такого представительства наиболее жизнеспособных организаций. Те организации, которые по тем или другим причинам не попадут ни на одну из этих дробных конференций, если они проявят достаточно инициативы, конечно, смогут послать и своих отдельных делегатов на общепартийную конференцию. Все меры должны быть и будут приняты к тому, чтобы все наиболее живые, близкие к массам и деятельные «низовые» ячейки так или иначе были представлены на предстоящей конференции. Рядом с этим, разумеется, надо сделать все возможное для того, чтобы «верхушка» партийной организации—областные и местные комитеты, которые должны связывать и объединять всю работу,—тоже получили должное представительство на конференции, при чем, разумеется, число решаю-

щих голосов за каждой областью не сможет превышать того, которое определено уставом партии.

Ц. К. оговорил особо, что к выборам «на общих основаниях должны быть привлечены партийные группы в легальном рабочем движении». Уже на последней (декабрьской 1908 г.) конференции партия определенно признала необходимость при современных условиях политической жизни сочетания нелегальной и легальной с.-д. партийной работы. Образовывать партийные с.-д. группы внутри легальных рабочих организаций (проф. союзы, кооперативы, клубы и проч.) уже давно признал необходимым наш Ц. К. (еще в 1907 г. в резолюции о профессиональных союзах, принятой Ц. К. единогласно). В некоторых местах такие группы уже образованы и находятся в организационной связи с местной основной (т.-е. чисто нелегальной) партийной организацией. Для таких мест указание Центрального Комитета является само собой разумеющимся. В таких местах (Прибалтийский край, Кавказ и др.) никаких дополнительных выборов может и не понадобиться. Делегата выберут чисто нелегальные партийные ячейки вместе с этими, связанными с руководящей местной организацией, партийными ячейками (в своей партийной работе, в сущности, тоже нелегальными) из легальных рабочих организаций. Там, где эта задача счастливо решена, не встретится никаких затруднений.

Существует ряд мест, где задача, указанная Ц. К. в 1907 году и декабрьской конференцией 1908 г., по тем или иным условиям, еще не решена, где наблюдается переходное состояние: существуют недостаточно оформленные группы и группки в легальных рабочих организациях; деятели этих неоформленных групп идейно-политически целиком остались с Р. С.-Д. Р. П., но механической силой полицейских гонений они приведены к самой слабой организационной связи с нашей партией*). Эти деятели ничего общего не имеют с теми, кто в легальных рабочих орга-

*) Ведь есть же и ряд чисто нелегальных неоформленных с.-д. групп в разных глухих углах России и даже в значительных центрах, которые совершенно оторвались от общепартийной организации в строгом смысле слова. Восстановить местами ослабевшую, местами порванную взаимную связь между нашими чисто нелегальными партийными организациями в отдельных городах, крепче связать их общепартийными узами, уничтожить кустарничество—это и есть одна из важнейших задач предстоящей конференции.

низациях борется против «старой» Р. С.-Д. Р. П., кто проповедует отказ от революционных традиций, программы и тактики нашей партии и деморализует рабочую среду проповедью легализации рабочего движения во что бы то ни стало. Наоборот, деятели, о которых речь идет выше, телом и душою с нами, со старыми партийцами, они не хотят «новой», во что бы то ни стало легальной рабочей партии, а вместе с нами стремятся к тому, чтобы донести знамя Р. С.-Д. Р. П. до новых слоев пробуждающихся к политической жизни рабочих, чтобы еще неразрывнее связать нашу партию с рабочим движением данного исторического периода. Они сами партийцы в полном смысле слова. Тем не менее, они пока недостаточно связаны с нами организационно в силу своей недостаточной инициативности, недостаточной гибкости нашей собственной нелегальной организации, неслыханных правительственных гонений и т. д. Связаться с этими товарищами, работающими для партии, готовыми отдать свою деятельность под контроль партии, «готовыми установить прочную организационную связь с местным партийным центром» (см. резолюции Ц. К.) — дело первостепенной важности и неотложной необходимости для Р. С.-Д. Р. П. Для них Ц. К. предлагает дополнительное представительство с совещательным голосом (сама конференция, конечно, может предоставить им решающий голос). Разумеется, мера эта — переходная, временная. Разумеется, нормальным будет, чтобы в каждом городе существовала одна объединенная организация, обслуживающая всю как нелегальную, так и «легальную» работу, и чтобы, таким образом, никакой нужды в дополнительном представительстве впредь не было. Пока этого нет, надо искать специальных мер, которые двигают дело к желанной цели, к тесному объединению тех и других работников, к вполне нормальному типу с.-д. партийной организации эпохи третьеиюньской монархии. Если предложение Ц. К. о дополнительном представительстве партийцев из легального рабочего движения хоть немного поможет этому, мы сделаем значительный шаг вперед и, в частности, нашей предстоящей партийной конференции окажем серьезную услугу. Наши местные организации, конечно, с своей стороны сделают все возможное, чтобы помочь Ц. К. сделать этот шаг вперед. Только местные организации смогут обеспечить, чтобы это дополнительное представительство распространилось лишь на действительных партийцев. Местные наши работники будут

судить не только по словам этих деятелей легального движения, но и по их делам и приложат все усилия к тому, чтобы привлечены были только те, кто по существу дела составляет и теперь часть нашей партии, кто хочет итти в нашу партийную организацию, чтобы действительно работать на нее, укреплять ее, подчиняться и служить ей, помочь ей охранить преемственность работы и славные революционные заветы Р. С.-Д. Р. П. Привлечение в рамки партийной организации таких, и только таких элементов из легальных рабочих организаций может принести нашему делу только пользу, может помочь нам скорее окончательно овладеть положением, увеличить размах работы, внести в легальные рабочие организации максимум принципиальной выдержанности. Оно даст нам возможность с наибольшим успехом бороться против многочисленных врагов нашей партии, против размножающихся с каждым днем дезертиров и ренегатов, против подымающего голову российского ревизионизма. Оно усилит наши шансы в непримиримой борьбе за ортодоксальный марксизм, за неурезанные лозунги революционной с.-д.

Для более успешной подготовки конференции и вообще для оживления работы на местах Ц. К. в особом пункте резолюции рекомендует еще устройство местных и областных совещаний «из работников основных партийных ячеек — фабрично-заводских, районных и других комитетов, с одной стороны, и партийных с.-д. групп, а также отдельных деятелей в рабочем движении — с другой». Подобно тому как общепартийная конференция имеет задачей оживить работу всей партии, так эти областные конференции имеют целью содействовать поднятию работы в данной области или губернии, в частности созданию устойчивых и опирающихся на местные ячейки областных центров (Областные бюро или Областные комитеты). Особого пояснения требуют слова об «отдельных деятелях». Развал партийных организаций в некоторых местах столь велик, что там и сям, как в дореволюционные времена, действуют иногда не оформленные группы, а просто с.-д. одиночки за свой собственный страх и риск. За истекший год были случаи (в Иваново-Вознесенске, Одессе и др.), когда такие одиночки с разных концов начинали восстановлять местную с.-д. работу в одном и том же городе, не зная друг о друге. Разумеется, это может иметь место лишь там, где восстановление работы находится еще на самых первоначальных стадиях или где с.-д. работа (чисто нелегальная или легально-нелегальная,

т.-е. в каком-нибудь открытом рабочем обществе) ставится заново и еще не успела завербовать сколько-нибудь многочисленный круг рабочих, готовых войти в оформленную организацию. Поддержать этих одиночек—наше дело, связать их друг с другом, свести их вместе на совещания и т. п. — зачастую будет значить вместо суммы одиночек получить оформленную партийную группу, зародыш настоящей партийной организации. Нечего говорить о том, что в настоящее время чрезвычайного распыления, бесформенности, разъединенности нашей первой задачей является вносить элемент строгой организации, чисто партийного сплочения, объединения сил.

Местами с.-д. работа, в силу исключительно неблагоприятных обстоятельств, настолько упала, что даже предполагаемый нами созыв обычной уставной конференции со скромным дополнительным представительством кажется товарищам непосильным для нас в настоящий момент делом. От товарищей, находящихся под впечатлением этих, подвергшихся особым разгромам, мест, иногда приходится слышать предложение: давайте сначала восстановим работу на местах, а потом созовем партийную конференцию. Мы с общепартийной точки зрения не можем согласиться с таким предложением. По нашему мнению дело собирания сил всей партии, дело восстановления и укрепления общепартийного аппарата, дело обсуждения общепартийных задач и общеполитических вопросов, т.-е. работа над созывом очередной общепартийной конференции, должно идти параллельно, рука об руку с восстановлением и упрочением работы на местах. Больше откладывать дело собирания сил всей партии невозможно. Под «восстановлением работы» нередко понимают теперь восстановление организации целиком в прежнем виде, что в ряде случаев совершенно неосуществимо. Надо немедленно стянуть в общепартийном масштабе «низовые» рабочие ячейки, о которых мы говорили выше и которые по-новому, т.-е. применительно к изменившимся условиям, должны оживить работу нашей нелегальной Р. С.-Д. Р. П. Эти ячейки должны взяться немедленно и со всей энергией за подготовку намеченной чисто партийной конференции. Всероссийское представительство таких ячеек окажет огромную помощь и в дальнейшей деятельности по «восстановлению работы», т.-е. по восстановлению (или видоизменению) организаций. Принять «обратный порядок» означало бы на практике опять оттянуть конференцию чуть

не на год и оказать медвежью услугу действительно важному и крайне насущному делу восстановления планомерной работы на местах. Если подготовительная работа по созыву общероссийской конференции будет вестись сколько-нибудь широко, это обязательно послужит самым серьезным толчком к восстановлению и упрочению работы на местах.

Приступайте, товарищи, немедленно, не дожидаясь помощи извне, к обсуждению нашего проекта порядка дня, дополняйте и изменяйте его, организуйте партийные совещания, приступайте к выборам от основных ячеек: фабрично-заводских групп, подрайонов, районов, городских комитетов и т. д., привлекайте к выборам нелегальные группы партийцев — деятелей открытого рабочего движения. Созывайте возможно скорее небольшие конференции от близких друг к другу пунктов рабочего движения. Перепечатывайте резолюцию и письмо Ц. К. о конференции, разъясняйте в листках и письмах всю важность ее. О каждом шаге подготовительной работы пишите в наш Ц. О., чтобы делиться своим опытом со всей нашей партией.

Давайте же, товарищи, не покладая рук, работать над этой очередной партийной задачей!

С товарищеским приветом

Центральный Комитет Р. С.-Д. Р. П.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) «Письмо к партийным организациям» составлено Г. Зиновьевым по поручению Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. и помещено в № 11 «Социал-Демократа» за 1910 год. Конференция так и не состоялась.

К ВОПРОСУ О ПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (1).

В отделе «Из партии» читатели найдут резолюцию Бакинского Комитета нашей партии по вопросу о партийной конференции. Резолюция эта заслуживает во многих отношениях внимания. Бакинские товарищи возражают против одной части того плана, который развит был в газете «Пролетарий» (№ 50, «Очередная задача»). На этих возражениях тем более необходимо остановиться, что в этой именно части Ц. К. нашей партии почти целиком одобряет проект «Пролетария», как это видно из резолюции и письма Ц. К. о конференции *).

Бакинские товарищи пишут: «Признавая необходимость расширенного состава конференции, Бакинский Комитет, тем не менее, решительно высказывается против особого представительства от групп, работающих в легальных «организациях»; Бакинский Комитет считает, что особое представительство от таких групп ничего существенного не внесет в работы конференции как в том случае, когда группа входит в партийную местную организацию, подчиняясь ее руководству, так и в том случае, когда группа считает себя с.-д., но руководства местной организации не признает. В 1-м случае представительство партийной организации устраняет необходимость какого бы то ни было иного, особого представительства. Во 2-м случае особое представительство противоречит самому характеру конференции, которая должна быть безусловно партийной».

Разберем эти «два случая». Первый — когда партийные группы в легальных рабочих организациях у ж е в х о д я т в местную партийную организацию. Бакинские товарищи совершенно правы, когда говорят, что в этом случае о с о б о г о представительства не требуется. В этом случае партийные группы в легальных рабочих обществах только «должны быть привлечены к выборам на общих со всеми партийными ячейками основаниях», как это указывают резолюция и письмо Ц. К. Этой само собой разумеющейся необходимости, конечно, не оспаривают и тов. бакинцы. Раз партийные группы из легальных рабочих обществ уже связались с местной нелегальной организацией, подчиняются

*) См. стр. 223. «Письмо к партийным организациям».

ей, работают под ее контролем,—они являются такою же составною частью нашей нелегальной партии, как любой заводский или районный комитет, как любая партийная группа, на которую партия возлагает какую-нибудь специальную работу. Раз это так, — эти нелегальные партийные группы из легальных рабочих обществ должны, конечно, пользоваться всеми правами (и нести все обязанности) партийных ячеек, т.-е., между прочим, вместе с остальными партийными ячейками данного города выбирать делегатов на партийную конференцию. Здесь расхождения между нами и бакинскими товарищами нет.

Возьмем теперь второй случай: «когда группа только считает себя с.-д., но руководства местной организации не признает». Товарищи бакинцы опять-таки совершенно правы, когда говорят, что особое представительство от *таких* групп «противоречит самому характеру конференции, которая должна быть безусловно партийной». Бакинские товарищи выражаются здесь еще чересчур мягко. Те, кто только сами себя считают социал-демократами, но связи с нашей партией «не признают», вполне заслуженно называются в партийных кругах *ликвидаторами*. О представительстве таких «с.-д.» на конференции, которая, по правильному выражению Бакинского Комитета, должна быть *безусловно партийной, не может быть и речи*. Ц. К. говорит о приглашении с совещательным голосом *лишь* тех с.-д. групп, которые готовы «установить *прочную организационную связь* с местными партийными центрами» (см. резолюцию Ц. К., принятую единогласно). Не менее ясно говорит об этом письмо Ц. К., подчеркивающее, что речь идет *только* о таких с.-д.-партийцах, которые «ничего общего не имеют с теми, кто в легальных рабочих организациях борется против старой Р. С.-Д. Р. П., кто проповедует отказ от революционных традиций, программы и тактики нашей партии и деморализует рабочую среду проповедью легализации рабочего движения во что бы то ни стало». С такими «с.-д.», которые «не признают» нашей партии, мы ведем и должны вести беспощадную борьбу, а не приглашать их на партийную конференцию решать судьбы партии.

В обоих разобранных случаях Бакинский Комитет совершенно прав. Расхождение его с нами получилось *только* потому, что бакинские товарищи *обобщили свой местный опыт* и не предусмотрели *третьего случая*.

Существуют отдельные центры рабочего движения, в которых, в силу целого ряда обстоятельств, уже удалось осуществить то, что предписывала резолюция Ц. К. от 1907 года о профессиональных союзах (принятая единогласно). В этих местах уже созданы партийные нелегальные ячейки внутри легальных рабочих обществ, и эти нелегальные ячейки уже неразрывно связаны со всей системой наших нелегальных организаций на местах. Таких мест, однако, немного. К ним Ц. К. в своем письме относит, между прочим, Кавказ (вместе с Прибалтийским краем). «В таких местах, — гласит письмо Ц. К., — никаких дополнительных выборов может и не понадобиться». Практически относительно Кавказа судить, конечно, прежде всего надлежит самим кавказским товарищам. Нельзя только делать одного: распространять особые местные условия на всю остальную Россию. В этом, и только в этом мы видим пробел в резолюции Бакинского Комитета. Так как Бакинский Комитет принадлежит бесспорно к самым живым и деятельным организациям партии, то столковаться с ним относительно меры, диктуемой общепартийным положением (а не только положением вещей в одном из уголков России), будет нетрудно.

Мы сказали выше, что кроме «двух случаев», предусмотренных Бакинским Комитетом, в ряде мест наблюдается еще третий «случай».

«Существует ряд мест, — пишет Ц. К. в его письме о конференции, — где наблюдается переходное состояние, существуют недостаточно оформленные группы и группки в легальных рабочих организациях; деятели этих неоформленных групп идейно-политически целиком остались с Р. С.-Д. Р. П., но механической силой полицейских гонений они приведены к самой слабой организационной связи с нашей партией. Эти деятели телом и душой с нами, со старыми партийцами, они не хотят «новой», во что бы то ни стало легальной партии... Они сами партийцы в полном смысле слова. Тем не менее, они пока недостаточно связаны с нами организационно в силу их недостаточной инициативности, недостаточной гибкости нашей собственной нелегальной организации и т. д.». Мы видели ряд лучших представителей от этих неоформленных групп, например, на Московском съезде фабрично-заводских врачей. Мы наблюдали присоединение их к левому крылу с.-д., к рабочей группе на этом съезде, мы знаем ряд таких полуоформленных групп во многих крупных городах России. Связаться организационно

с этими по существу партийными и революционно-марксистскими элементами нам необходимо, между прочим, именно в интересах более успешной борьбы с ликвидаторством, «с дезертирами и ренегатами», с «подымающим голову российским ревизионизмом» (см. письмо Ц. К.). Включивши и организационно в нашу нелегальную партию все то, что есть лучшего, действительно марксистского и партийного в легальных рабочих организациях, мы окончательно изолируем все то, что в них есть ликвидаторского, обнаружив в настоящем свете тех, кто идет в легальные организации с исключительной целью: окопаться там и оттуда бомбардировать «устаревшую», «якобинскую», «интеллигентскую», — и как там еще честят они, — нашу партию. Этого отрицать не станут, конечно, и бакинские товарищи. Могут возразить, что таким действительно партийным элементам ничто не мешает сейчас же организационно связаться с местными организациями и тем сделать излишним особое дополнительное представительство. Стремиться к этому действительно необходимо. Самым важным практическим выводом из единогласно принятых резолюций и письма Ц. К. является: усиленная работа на местах для немедленного создания внутри всех легальных беспартийных рабочих обществ — нелегальных чисто партийных ячеек, для установления самой тесной связи между этими ячейками и всей нашей местной нелегальной организацией.

Дополнительное представительство Ц. К. рассматривает как «меру переходную, временную», и считает нормальным, чтобы в ближайшем же будущем «никакой нужды в дополнительном представительстве не было». Приблизить момент, когда у нас всюду будет единая местная нелегальная организация, обслуживающая всю работу, и чисто нелегальную и «легально-нелегальную» (как выражается наш Центральный Комитет), и значит заняться усиленной работой по сплочению с.-д. внутри легальных обществ в партийные группы, по объединению этих групп с руководящей нелегальной организацией. Дело это представляет огромные трудности, как правильно указывает резолюция Ц. К. Для выполнения этой задачи (единогласно принятой в Ц. К.) потребуется долгая и упорная работа. Дополнительное представительство потребуется ровно в той мере, в какой эта работа еще не будет завершена, и это дополнительное предста-

вительство сведется, вернее всего, к нескольким только делегатам (письмо Ц. К. говорит о «скромном дополнительном представительстве») *). При этом — что особенно важно — представительство получат отнюдь не те, кто лишь «сами себя считают с.-д.». Ц. К. подчеркивает, что привлечь надо «действительных партийцев», что решать вопрос о привлечении их будут наши местные нелегальные партийные организации, при чем они будут судить «не только по словам этих деятелей легального движения, но и по их делам». Предложение Ц. К. имеет смысл только как мера для привлечения в нелегальную Р. С.-Д. Р. П. тех лучших представителей партийности, которые, исключительно по независящим обстоятельствам, не успеют к моменту конференции восстановить полной и прочной связи с нелегальным центром.

Мера эта — ограниченная по своим целям, скромная, временная, чисто деловая. Вместе с тем — очень важная именно для сплочения всех действительно марксистских элементов вокруг партийного знамени. Мы надеемся, что бакинские товарищи вместе с нами признают, что там, где условия подобны выше обрисованным, предложением Ц. К. о дополнительном представительстве **необходимо** воспользоваться, позаботившись о том, чтобы привлечены были партийцы, и **только партийцы**.

Сомнения бакинских товарищей, вероятно, продиктованы еще и следующими причинами. В с.-д. среде развилась тьма охотников «мирить» партию с ликвидаторством. Еще больше появилось охотников «мирить» партию с теми, кто в свою очередь «мирит» ее с ликвидаторством. Создается специальная «философия» этого примиренчества: наша нелегальная партия, т.-е. Р. С.-Д. Р. П., и легальные деятели, «сами себя считающие с.-д.», являются, видите ли, двумя равноправными сторонами. Одни, видите ли, чересчур увлеклись подпольем, другие несколько преувеличили легальную арену. Надо «помирить» обе крайности. Нечего говорить о том, что решение Ц. К., как это видно из его резолюции (см. «С.-Д.», № 11), **ничего общего не имеет** с такой «философией», открывающей настежь двери ликвидаторству. Мы знаем только одну «сторону»: Российскую

*) Это не только не мешает, а предполагает привлечение к подготовительной работе (обсуждение порядка дня, выборы и пр.) по возможности большего числа партийцев, действующих преимущественно в профессиональных союзах и т. п. рабочих организациях.

Социал-Демократическую Рабочую Партию, которая свое чисто партийное существование при современных условиях может нести только нелегально. Большинство партии уже давно (Ц. К. в 1907 г., партийная конференция 1908 г.) признало необходимость того, чтобы нелегальные партийные ячейки окружили себя сетью легальных организаций, которые служили бы нам опорными пунктами в нашей чисто партийной работе. Партия, как таковая, уже давно покончила с пресловутыми «крайностями» и стала практиковать сочетание своей партийной нелегальной и «легальной» работы. Для партии речь может идти только о привлечении в ряды нелегальной Р. С.-Д. Р. П. тех элементов, которые желают служить и подчиняться ей, работать под ее контролем и в духе ее решений.

Поскольку в резолюции Бакинского Комитета замечается реакция против такой полуликвидаторской «философии», постольку недоверие бакинцев является вполне законным и здоровым явлением. Чтобы успешнее «преодолеть» течение, опирающееся на эту «философию», надо принять предложение Ц. К. о дополнительном представительстве, не дать применить его в ликвидаторском направлении, и этим самым собрать под знаменем партийности всех тех, кто хочет вести экономическую и политическую борьбу рабочего класса в духе, противоположном «философии» ликвидаторства.

Самый лозунг сочетания нелегальной и «легальной» работы партии тоже пытаются истолковать так, чтобы чуть-чуть иными словами выразить принцип, по существу ликвидаторский. Вместо открытого заявления о необходимости легализации во что бы то ни стало, говорят о необходимости борьбы за открытое существование рабочего движения, как о самодовлеющем лозунге. Нам дан закон 4-го марта (3), а теперь его нарушают. Давайте построим свою агитацию исключительно на том, что данные нам de jure (по писанному закону) права — de facto (на деле) нарушаются. Совсем в духе кадетской партии, строящей защиту своей пресловутой поездки в Лондон (4) и всю свою тактику в стране и в Думе совершенно по тому же методу: существующая de jure конституция нарушается de facto некорректными частными приставами, губернаторами, увлекшимися идеалистами союза русского народа и т. д. Мы сосредоточиваем-де, поэтому, всю нашу «борьбу» на требовании соблюдения «законных», «конституционных» прав гражданина и т. д.

Партия, как таковая, опять-таки ничего общего не имеет с этой новой «формулой», быть может, приемлемой для ликвидаторов, но безусловно неприемлемой для тех, кто хочет проводить партийные решения и, в том числе, решения последнего пленума Ц. К. Для того, чтобы успешнее поставить нашу экономическую и политическую агитацию на почву революционного марксизма, а не на почву реформизма, нам необходима такая партийная конференция, которая соберет всех «безусловных» партийцев как из нелегального, так и из легального движения. Для достижения этого предложенное Ц. К. дополнительное представительство партийцев (в том объяснении, как дал Ц. К. в его письме) может сыграть крупную роль, если мы проведем его дружно, сплоченными силами.

Ближайшие практические мероприятия в связи с созывом конференции представляются нам в следующем виде (не говорим тут о постоянной и главной задаче — усилении нелегальной организации):

1. Необходимо усилить агитацию за вступление рабочих с.-д. во все рабочие общества (профессиональные союзы, клубы и т. д.).

2. Необходимо, чтобы наши местные нелегальные организации обратили гораздо больше внимания на обслуживание с.-д. работы в легальных рабочих обществах, больше прислушивались к экономическим злобам дня, приняли участие в повседневной жизни рабочих обществ, освещая эту повседневную работу светом революционного марксизма.

3. Необходимо самым энергичным образом заняться созданием чисто партийных нелегальных с.-д. ячеек и введением этих ячеек в общую систему нашего нелегального партийного здания.

4. Необходимо немедленно приняться за подготовку конференции, т.-е. приступить к пополнению и обсуждению порядка дня и выборам от основных нелегальных партийных ячеек, наиболее близких к рабочим массам. Откладывать конференцию нельзя. Ждать деятелей легального движения невозможно, надо, чтобы и эти группы начали немедленно подготовлять выборы. Собрать немедленно все наличные партийные силы, подытожить опыт в общепартийном масштабе, сплотиться для возрождения работы, прийти на помощь новому поколению с.-д. рабочих — все это дела совершенно неотложные.

В деле подготовки партийной конференции наиболее устойчивые местные организации, как например бакинская, должны сыграть при теперешних условиях совершенно исключительную роль. Они могут и должны помочь Ц. К-ту справиться с этой задачей, проявить инициативу во всех организационных деталях, оказать общепартийному делу содействие во всех видах.

Конференция необходима в интересах работы и, как пишет Ц. К., чем скорее, тем лучше. Она должна продолжать дело, начатое партийной конференцией в декабре 1908 г., — дело выработки революционнной с.-д. тактики в условиях буржуазной контр-революции, усиления творческой работы партии при современных необычайно тяжелых условиях, преодоления уклонений: легализаторства, с одной стороны, «революционного» пренебрежения к практическому рабочему движению данного периода — с другой.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) «К вопросу о партийной конференции» — статья из № 12 «Социал-Демократа» за 1910 год.

[2]) Резолюция, принятая Бакинским Комитетом Р. С.-Д. Р. П. 22 января 1910 г., помещена в № 12 «Социал-Демократа».

[3]) Временные правила 4 марта 1906 г. о легальной деятельности профессиональных союзов, их открытии, а также о порядке устройства собраний и пр.

[4]) Кадетская партия послала несколько своих наиболее влиятельных депутатов в Лондон, где они вместе с октябристами «представляли» Государственную Думу, объявили себя «оппозицией Его Величества» и содействовали царю в деле получения займа.

ФРАКЦИЯ Т. ТРОЦКОГО И ПАРТИЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ (1).

«Не в шумной беседе друзья познаются . . .»

Где больше, чем в органе т. Троцкого — «Правда» (2), найдете вы «шумных бесед» о партийности, возрождении партии, партийной работе и т. п.? Где эти «беседы» более бессодержательны, где слова о партийности больше расходятся с делом, чем в том же органе фракции т. Троцкого?

Сначала несколько слов о том, действительно ли фракция т. Троцкого есть фракция. Ведь опять-таки: где больше «шумели» о вреде фракционности и преимуществах «нефракционности», чем в том же органе т. Троцкого? Совершенно несомненно, что на просьбу: определите вашу внутрипартийную политическую позицию, скажите, в чем она выражается, — т. Троцкий мог бы с полным правом ответить: «шумим, братец, шумим» . . . о нашей нефракционности. Действительно, если верить словам, т. Троцкий является теперь по крайней мере столь же яростным врагом фракционности, сколь яростным защитником меньшевистской фракции выступал он в начале борьбы между двумя основными течениями в нашей партии.

Это уже не первый случай в нашей партии, когда те или другие группки или отдельные товарищи, как раз в тот момент, когда они основывают свои фракции, громче всех кричат о своей «нефракционности». Посмотрим, например, на «новейшую» фракцию отзовистов-ультиматистов и богостроителей (3). Еще недавно они шумели о вреде фракционности настолько громко, что могли бы сравниться с самим т. Троцким. В своей пресловутой «платформе» фракция отзовистов-ультиматистов (и богостроителей) даже буквально выражалась словами т. Троцкого: «Надо распустить эти государства в государстве» *) (т.-е. фракции) и т. д. Кто же теперь сомневается в том, что

*) Впрочем, нет. Орган фракции т. Троцкого, кажется, употребил это образное выражение после отзовистов-ультиматистов (в № 10 «Правды»). Так что трудно сказать с уверенностью, кто у кого позаимствовал вышеприведенное выражение: «нефракционные» Алексинский и Лядов — у Троцкого, или «нефракционный» Троцкий — у Лядова и Алексинского.

отзовисты-ультиматисты (и богостроители) составляют в нашей партии совершенно обособленную фракцию? Когда-то в начале оформления этой новой фракции в этом сомневался тот же т. Троцкий. Будучи сам от природы «нефракционным», он охотно верил и в «нефракционность» т.т. отзовистов-ультиматистов. Однако, теперь даже тов. Троцкий не верит уже больше словам отзовистов об уничтожении «государства в государстве» и превосходно знает, что эти слова имели целью только прикрыть факт образования нового — правда, очень плохенького, идейно очень неустойчивого — отзовистского «государства» внутри Р. С.-Д. Р. П.

Посмотрим на г. Потресова и его сподвижников. С тех пор как они стали усиленно образовывать свое особое «государство» (правда, не внутри нашего государства, т.-е. Р. С.-Д. Р. П., а скорее вне его, около него, рядом с ним, — для того, чтобы в глазах рабочих эксплоатировать свою близость к нашей партии, а в глазах третьеиюньской монархии «использовать» свою отдаленность от нее), никто не является такими ревностными противниками фракционности, как эти господа. Послушайте г. Потресова, послушайте Ф. Дана и других вождей ликвидаторов. Они не перестают твердить, что надо заниматься «не фракционной борьбой против ликвидаторов, а положительной работой». Свою борьбу против партии и партийности они прикрывают «борьбой» против «фракции» и «фракционности». Совершенно так же, как переодетые буржуа — баденские ревизионисты (4), — отправляясь на поклон к великим герцогам и вотируя бюджет классовому государству, говорят, что они выступают не против с.-д. партии Германии, а лишь против «северо-германской фракции Каутского (5), Розы Люксембург и других литераторов».

В чем же дело, чем же объясняется подобное... «нефракционное» поведение некоторых руководителей некоторых «новых» фракций в с.-д.? Неужели личными качествами того или другого из этих деятелей? Да нисколько! Данные фракции просто политически вынуждены прятаться за «нефракционность», за «примиренчество», им просто политически невозможно иначе, как под этим флагом обстреливать ту линию, которую в лице своего большинства ведет теперь наша партия. Мы не говорим об исключениях: бывают такие отдельные деятели и даже целые кружки, которые, помогая созданию той или

иной фракции, зачастую сами не ведают, что творят, думают попасть в дверь, а попадают в другую, и помогают, например, отзовизму, совершенно ему не сочувствуя. Те три фракции, о которых мы говорили выше, заинтересованы политически в том, чтобы скрывать то, что есть, т.-е., что они составляют обособленные политически группки, борются либо против существования нашей партии вообще (ликвидаторы), либо против данной политической линии нашей партии (отзовисты-ультиматисты, с одной стороны, и троцкисты — с другой). Правда, о политических фракциях, скрывающих свое собственное политическое знамя или показывающих его только наполовину, не решающихся выступить с открытым забралом и прячущихся за «нефракционность», можно заранее сказать, что особенной долговечности и особенно блестящей политической будущности им не предстоит. Можно даже с известным правом предположить, что фракции, скрывающие свою фракционность, делают это потому, что они идейно немощны, что они собственно не имеют своей продуманной до конца политической линии, что они и сами-то не очень крепко верят в себя и в свою политическую миссию. Даже самые убогие идейки всегда дороги их авторам, а каждая фракция защищает свои фракционно-политические интересы так, как ей это кажется наиболее выгодным для ее «платформы». «Платформы» же бывают, конечно, разные,—особенно в такую полосу политического развала, какую Россия переживает в последние годы. Роза Люксембург превосходно указала на Лондонском съезде, что в нашей партии существуют такие «примиренческие» течения, вся политическая мудрость которых заключается в том, чтобы взять немножко от большевизма и немножко от меньшевизма, все это разделить на два и выдавать этот «синтез» за настоящий марксизм. Она же еще более метко подчеркнула тот несомненный факт, что именно «примиренцы» этой воды всего более заинтересованы в сохранении основных наших фракций: большевиков и меньшевиков. Иначе некого ведь будет «примирять», неоткуда будет брать понемножку. Фракция «нефракционных» примиренцев больше всего политически заинтересована в процветании фракционности среди нашей партии, ибо она ведет все свое политическое существование за счет наличности двух основных фракций. Это звучит парадоксом, но это так.

Какова же была деятельность фракции «нефракционных» за последнее время? Организационно она обособилась уже давно: создала свои группки за границей, имеет своих агентов в России, имеет свою «Правду» за границей—газету, фактически совершенно независимую от партии в целом и от ее центральных учреждений *). Нужно отдать справедливость фракции «нефракционных»: орудие влияния она выбрала себе подходящее. Рабочая популярная газета теперь, при изменившемся составе наших организаций, может и должна получить крупное значение. Это будет лишь тогда, конечно, когда партия, когда действительные защитники партийной линии без оговорок поставят действительно партийную рабочую газету. Во всяком случае надо признать, что фракция т. Троцкого сумела свои фракционные интересы отстаивать гораздо искуснее, чем, например, фракция отзовистов-ультиматистов свои.

Свою «нефракционную» физиономию орган тов. Троцкого («Правда») стал обнаруживать уже очень скоро после его появления на свет. Как водится, «примиренцам» понадобилось «при-

---

*) См. об этом, между прочим, письмо-протест представителя Ц. К. в «Правде», печатаемое в № 15-16 «С.-Д.» ([6]).

Укажем, например, еще и на такой факт: до сих пор ни одному центральному учреждению партии официально неизвестно, из кого же собственно состоит редакция «Правды». И это—несмотря на то, что т. Троцкий согласился с постановлением пленума Ц. К. о том, чтобы редакция состояла из 3-х товарищей—один от Ц. К. и двое по соглашению с Ц. К.

В своей докладной записке Ц. К-ту представитель Ц. К. в «Правде» рассказывает о следующем «нефракционном» издевательстве т. Троцкого над партийными решениями и над Ц. К. партии. Представитель Ц. К., опираясь на решение пленума, настойчиво потребовал, чтобы состав редакции «Правды» все же был определен точнее. В ответ на ссылку на резолюцию Ц. К.,—пишет товарищ в упомятутой докладной записке,—мне было заявлено, что, подчиняясь ей, старая коллегия «Правды» выбирает членов редакции по алфавиту и что таковыми, поэтому, являются т.т. Кр-ский ([7]) и С-ский. (Цитируем по копии с упомянутого официального заявления в Ц. К., доставленного в редакцию Ц. О., как и в другие партийные органы.)

Оказывается, таким образом, что тов. Троцкий в редакции «Правды» вовсе не состоит, а вместо соглашения с Ц. К. он просто назначает дежурных редакторов по алфавиту. Партийно и «нефракционно»—нечего сказать. Товарищи из Ц. К. поймут без моих пояснений смысл такого выполнения резолюции Ц. Комитета,—пишет в своем заявлении представитель Ц. К. в редакции «Правды». Мы тоже надеемся, что поймут, и поймут все товарищи, а не только товарищи из Ц. К.

мирить» не только большевизм с меньшевизмом, но и партию «примирить» с отзовизмом и ликвидаторством. По отношению ликвидаторства «Правда», до 9 номера включительно, держалась так, что одному из признанных вождей ликвидаторства, Ф. Дану, только оставалось похвалить ее: «Правда» только популярно излагает взгляды «Голоса С.-Д.», — писал Ф. Дан. С отзовизмом-ультиматизмом у «Правды» был настоящий роман, и мы затрудняемся сказать — потеряла ли даже сейчас фракция отзовистов-ультиматистов все свои «надежды» на «Правду». Ни одна партийная газета, кроме «Правды», не оказала такого ценного для отзовистов содействия в трудную для них минуту, когда они, создавая «партийную школу», на самом деле создавали свою отзовистско-ультиматистскую фракцию. Из партийных газет только «Правда» рекламировала отзовистско-ультиматистскую «школу», только она — в крайне «популярной» форме, конечно, — помогала вводить рабочих в... заблуждение. «Школа» эта, как известно, кончила свои «школьные» занятия тем, что выпустила в свет политическую платформу отзовистов-ультиматистов. И «Правда» нигде не признала своей ошибки и ни разу не выразила своего сожаления по поводу того, что она под видом приглашения в «партийную школу», в сущности, усиленно звала рабочих в отзовистско-ультиматистскую фракцию. Чем бы это объяснить, как вы думаете, читатели?..

До 10 номера «Правды», т.-е. в продолжение более чем года, от органа т. Троцкого не добиться было ни одного звука несогласия с отзовизмом-ультиматизмом и ликвидаторством, ни одного определенного слова о «новейших течениях», в это время уже так сильно вредивших партии. Читателям давалось понять, что эти течения замалчиваются для вящшего «примирения». Однако, не трудно догадаться, на чью мельницу лила воду («Правда» вообще любит «лить воду») этим своим замалчиванием газета т. Троцкого. О партии и ее центральных учреждениях «Правда» частенько говорила в тоне ликвидаторов. Еще в № 9 «Правды», вышедшем во время заседания пленума, вы можете прочитать слова, которые с таким же успехом могли бы найти себе место в журнале г. Потресова «Наша Заря»: «... Все еще продолжающееся разложение старой партии... Именно за последние месяцы распад официальной партии, особенно в верхнем этаже, среди руководящей эмиграции, достиг крайних размеров». Ц. К. партии «в результате новых расколов и отколов оказы-

вается политически, повидимому, совершенно парализованным» *) и т. п. Это, однако, не помешало редакции «Правды» через каких-нибудь две недели после столь пессимистического отзыва о Ц. К. партии заявить о решениях этого же самого Ц. К., что они представляют собою не что иное, как «чистое золото научного социализма» **). Правда, орган тов. Троцкого в том же номере заявил, что «во внутрипартийном положении нашей газеты произошла в высшей степени серьезная перемена... в нашу редакцию вошел представитель Ц. К. (N. B. — в меньшинстве, и теперь вынужден выступать с официальным протестом против «нефракционной» «Правды» !), общепартийная касса берет на себя часть наших расходов, обеспечивает нам ежемесячную субсидию»***) и т. д. Слов нет, «перемена» для органа тов. Троцкого, действительно, очень серьезная. Но все же зачем же так по-интеллигентски бросаться из одной крайности в другую?

По случаю этой самой «серьезной» перемены орган т. Троцкого даже разоткровенничался и признал, что «рабочей газете», т.-е. «Правде», не легко было «уберечься от обвинений во фракционности и даже от подлинного вырождения во фракцию». Но это, опять-таки, не помешало тов. Троцкому заявить через две строчки ниже, что «задачи «Правды», ее направления остаются такими же, как были до сих пор» ****), т.-е., говоря по просту, — пусть себе Ц. К. принимает какие угодно решения о борьбе с отзовизмом и ликвидаторством, а направление «Правды» останется прежним: она будет «бороться» с ликвидаторством так, чтобы заслужить похвалу Ф. Дана, а с отзовизмом так, чтобы вселить надежду т.т. Максимову, Алексинскому и их политическим единомышленникам. Нечего сказать — хороша «серьезная перемена» !

«Направление» органа тов. Троцкого, действительно, очень изменилось после пленума. Конечно, попросту продолжать замалчивать отзовизм и ликвидаторство стало уже невозможным. Это не значит, что тов. Троцкий счел себя обязанным проводить хоть теперь по отношению к этим «уклонениям» партийную линию. Тов. Троцкий — «примиренец», его дело — «примирять». Нужды нет, что в данном случае приходится «примирять» такие

*) См. «Правда», № 9, редакционный фельетон, стр. 3, столбец 2.

**) «Правда», № 10, редакционная передовая.

***) Там же, от редакции.

****) «Правда», № 10, редакционная передовая, курсив наш.

непримиримые вещи, как партийность и марксизм, с одной стороны, с ликвидаторством и полуанархизмом — с другой. Зато партийного меньшевизма, выступившего во главе с т. Плехановым на борьбу с ликвидаторством, орган тов. Троцкого упорно не замечает...

Ведь, казалось бы, тут ли не порадоваться сердцам истинных примиренцев. На их глазах происходит известное сближение большевиков с партийными элементами меньшевизма, сближение, которое несомненно будет иметь историческое значение в судьбах российской социал-демократии. Осуществляется, казалось бы, заветная мечта примиренцев: партийные меньшевики «примиряются» с большевиками. Между тем не ликуют «примиренцы», не радуется их орган «Правда». Да что не ликуют, — зубами скрежещут *) по поводу этого «примирения». Почему, — как вы думаете читатель? — Единственно потому, что «примиряющиеся» большевики и партийные меньшевики убеждены, — и высказывают открыто это свое убеждение, — что примирять можно далеко не все со всем, что, например, марксизм с отзовизмом непримиримы так же, как партийность с ликвидаторством. А главное потому, что «примиряющиеся» большевики и партийные меньшевики не очень жалуют те группки и фракцийки, которые ведут свое обособленное политическое существование за счет той единственной, но неверной идейки, будто в рабочем движении все со всем примиримо, даже марксизм с потресовщиной и полуанархизмом.

Как известно, только после пленума Ц. К. внутри партии размежовка идейных течений пошла гораздо определеннее и нагляднее. Главное значение решений пленума заключается в том, что после них все направления вынуждены были показать свое настоящее «лицо». «Примиренцы» показали свое «лицо», пожалуй, яснее, чем все другие фракции. Они, конечно, не перестают твердить, что именно они проводят в жизнь решение Ц. К. Между тем надо верить делам, а не только словам «примиренцев». Ведь и Ф. Дан с его борьбой за «легальность» уверяет, вместе со своей редакцией «Голоса Ликвидатора», будто эта именно редакция является наилучшим истолкователем резолюций пленума. Не сегодня-завтра фракция отзовистов-ультиматистов

*) См. статью одного из вождей «примиренцев», бундовца тов. Ионова, в «Откликах Бунда». Тов. Троцкому как-то все еще удается сдержать себя, чтобы не выступить открыто против этого «примирения» со всей присущей ему страстью и... нефракционностью.

заявит то же, ибо ведь и ее представитель ухитрился голосовать в пленуме за единогласные резолюции Ц. К., говорящие, между прочим, о необходимости борьбы с отзовизмом-ультиматизмом. Теперь уже все видят, что ликвидаторы, с одной стороны, и отзовисты-ультиматисты — с другой, подписывая резолюцию Ц. К. о необходимости борьбы с отзовизмом и ликвидаторством, либо действовали как беспринципнейшие оппортунисты, либо попросту вводили партию в... заблуждение.

Когда ликвидаторы после пленума сорганизовались и решительно выступили как сторона, — для партии стала необходимой еще более решительная борьба с ними. Какую же позицию занял тут орган тов. Троцкого, когда нужно было уже делом доказать свою действительную верность партийной линии? Он уселся между двух стульев, стал вставлять партии палки в колеса, чтобы помешать ее борьбе с ликвидаторством, объявил борьбу с ликвидаторством чересчур «резкой» (в № 12), и, наконец, он не стерпел и в № 14 выступил уже с прямым фракционным манифестом к рабочим, который целиком пойдет на пользу ликвидаторов и будет ими безусловно приветствован. Вся политическая мудрость манифеста тов. Троцкого — озаглавленного: «Письмо «Правды» к мыслящим рабочим» — выражена «в ясном и простом» (по мнению т. Троцкого) лозунге: «Не фракционная борьба с ликвидаторами, а преодоление ликвидаторства» и «то же самое с отзовизмом» *). «Лозунг» действительно прост, хотя и неясен. Беда лишь в том, что он целиком на руку отзовистам и ликвидаторам. Из ста ликвидаторов и отзовистов-ультиматистов, конечно, хоть сколько-нибудь понимающих свои политические интересы, по крайней мере девяносто девять примут ваш «простой и ясный» лозунг с распростертыми объятиями.

Вы провозглашаете лозунг: «не фракционная борьба с ликвидаторами». Хорошо. Вы — «примиренец», и вы не желаете «фракционной» борьбы. Ну, а партийную борьбу против ликвидаторов вы признаете? — Далее. Вы — «примиренец», и вы не хотите борьбы с лицами, с ликвидаторами. Допустим на минуту, что можно бороться с ликвидаторством, не борясь в то же время с ликвидаторами. Примете ли вы, т. Троцкий, формулу борьбы с ликвидаторством? В исправленном виде формула гласила бы: «Партийная борьба с ликвида-

---

*) «Правда» № 14, стр. 2.

торством». Вы не примете этой «исправленной» формулы именно потому, что тогда все ваши надежды на «примирение» с ликвидаторами сразу бы лопнули. Ликвидаторы тотчас же признали бы вас, по крайней мере, не менее «вредным» (8), чем деятельность нашей «подпольной» партии и существование ее Ц. К. Если вы, зная это, предпочитаете выбрать двусмысленную формулу только для того, чтобы сохранить мир с ликвидаторами, то воля ваша, а мы, тов. Троцкий, должны констатировать, что вы, стоя перед выбором: партийная линия или мир с ликвидаторами, — выбираете последнее. Как это ни печально, а это факт.

Вы пытаетесь изобразить дело так, будто, выдвигая формулу: «не борьба, а преодоление» (ликвидаторства), вы защищаете решения последнего пленума. Вы никого не введете в заблуждение (или лишь очень немногих) своей софистикой. Ведь вы-то отлично знаете, что пленум вовсе не противопоставлял «преодоления» «борьбе». Он имел в виду и преодоление, и борьбу, и преодоление посредством борьбы, и борьбу посредством преодоления. Вы отлично знаете, что только искусственно можно конструировать принципиальную пропасть между «борьбой» и «преодолением». Вы не могли, вероятно, не заметить и того, что эта ваша формула: «не борьба, а преодоление» уже давно провозглашена в «Голосе Ликвидатора» (в наиболее «дипломатических» его статьях). Ваша фальшивая политическая позиция привела вас к тому, что вы вынуждены, указывая, с одной стороны, отрицательные стороны ликвидаторства, с другой стороны — подчеркивать, что в ликвидаторстве есть и... здоровое (!?) по существу стремление*).

«С одной стороны, с другой стороны» — в этом вся политическая мудрость вашего «примиренчества». Зачем же вы, считающий себя революционным марксистом, капитулируете перед ликвидаторами? Неужели вы настолько гипнотизированы мнимой «силой» ликвидаторов, что готовы выдать им с головой партийную линию? Неужели вы для того, чтобы объявить себя безоговорочно и недвусмысленно противником ликвидаторства, ждете того момента, когда борьба будет кончена и победа партии над ним будет уже вполне совершившимся фактом?..

---

*) «Правда» № 12, редакционная статья: «К единству чрез все препятствия» (курсив наш).

Протягивая руку ликвидаторам, т. Троцкий, однако, старается оправдаться и перед партией. Для этого ему приходится «углублять» вопрос о ликвидаторстве следующим образом. Ликвидаторство—это, видите ли, «не единственное препятствие и даже не основное» *) (и даже не одно из основных, т. Троцкий). Дело, видите ли, «в стихийном политическом ликвидаторстве», «овладевшем», не одной какой-либо фракцией, а всей партией**) (надеемся, все же, кроме тов. Троцкого и его газеты). Далее изрекаются глубокие истины насчет того, что не будь Столыпинщины, не будь пьяного разгула контр-революции, не будь «разочарования, усталости и апатии» среди самих рабочих масс, то не было бы, пожалуй, и ликвидаторства среди людей, считающих себя социал-демократами. Из этой «философии», конечно, опять единственный практический вывод: «не борьба с ликвидаторством, а преодоление» и т. д.

Как назвали бы вы, тов. Троцкий, человека, который, видя, например, борьбу старой «Искры» с с.-р., выступил бы с такой приблизительно философией: не будь еще в России таких капиталистически неразвитых производственных отношений, не будь режима Плеве, не будь такой богатой почвы для «аграрной» демагогии и интеллигентско-авантюристского терроризма, — не было бы, пожалуй, и эсеровщины. Отсюда вывод: не борьба с эсеровским утопизмом и терроризмом, а преодоление и т. д. Как назвали бы вы такого «философа»? Вы, наверное, сказали бы: либо у этого господина нет царя в голове, либо ему политически выгодно путать и в своих фракционных интересах мешать борьбе с.-д. против с.-р. Не так ли? А ведь такое «углубление» вопроса было бы, как две капли воды, похоже на то «углубление» вопроса о борьбе против ликвидаторства, которое дали вы, т. Троцкий. Так как «разочарование, усталость и апатия» питают ликвидаторство (и отзовизм), то не боритесь с теми теоретиками ликвидаторства (и отзовизма) среди с.-д., которые своей «работой» только усиливают эти самые «разочарования, усталость и апатию». Логично, не правда ли?

Или вот вам еще один близкий пример. Несомненно, что поведение господ баденских ревизионистов, совершивших измену

*) «Правда» № 14, стр. 2 (курсив наш).

**) Там же.

против германской с.-д. партии *), объясняется не только злой волей отдельных ревизионистов, что тут свое значение имеет и недостаточно быстрое развитие капитализма в южной Германии, и относительно сохранившееся там мелкое хозяйство, и сравнительная отсталость южно-германских рабочих масс, и влияние мелкобуржуазных попутчиков, и т. п. Хороши бы были германские ортодоксальные марксисты, если бы они по этому случаю провозгласили лозунг т. Троцкого: «не борьба с баденскими ревизионистами, а преодоление»! Каутский поступил не так. Он— теоретик по преимуществу — выступил с лозунгом: поступить с изменниками партии по законам военного времени. Он забил тревогу о «восстании в Бадене», о «заговоре» против партии. То же сделал и Ц. О. германской партии, и другие марксистские органы. Отдадимте, товарищи, «фракционера» Каутского ([9]) на выучку «нефракционному» Троцкому!..

Вашу глубокую теорию, т. Троцкий, примут только ликвидаторы, ибо она им выгодна. Им только и нужно, чтоб их терпели, чтобы вину с них сваливали на «разочарование рабочих», на «политическую обстановку», на «общие условия», им только и нужно, чтобы под их ликвидаторские тенденции подводили «теоретическую» основу. Ликвидаторы легко помирятся с вашей теорией «не борьбы, а преодоления». Почему? — Единственно потому, что эта ваша теория легко мирится с их ликвидаторством! Они отнесутся безусловно «терпимо» к вашему «преодолению». Почему? Опять-таки потому, что вы с вашим «преодолением» относитесь «терпимо» к их ликвидаторству. Многие из российских ликвидаторов знают судьбу, например, социалистической партии Италии за последние годы. Они знают, что так называемые интегралисты ([10]) (по-нашему — «примиренцы») сослужили в Италии «верную службу» только ревизионистам. Если теперь итальянцы дожили до такого постыдного положения, что в центральном органе социалистической партии Италии («Avanti» — «Вперед») серьезно обсуждается исходящий от ревизионистских «деятелей» профессионального движения план ликвидации социалистической партии Италии и замены ее «широкой рабочей партией», по образцу английских «независимых», — то в этом огромная часть вины лежит на

---

*) См. об этом подробнее в статье: «Эмиссары буржуазного общества в лагере социалистов» в № 15-16 «Социал-Демократа».

интегралистах (примиренцах) *). Фракция т. Троцкого хочет во что бы то ни стало повторить итальянских «примиренцев» и сослужить такую же службу русским ликвидаторам. Мы скажем на это нашим «примиренцам»: Вольному воля! Никто не может помешать вам «помириться» с Потресовым, Даном, М-лом (11), Романом, Юрием, Фридрихом (12), Череваниным, Е. Смирновым и Прокоповичем. Чтобы партия наша примирилась с ликвидаторством и его героями — этого не ждите!

«Не в шумной беседе», не в пустой «словесности» о партийности познаются друзья партии. Одними восклицательными знаками вы не отделаетесь от партийных рабочих с.-д., знающих цену словам и делам. Положение партии сейчас крайне серьезное. Ближайшее будущее покажет, какая часть примиренцев будет с партией и какая — с ликвидаторами. Выбор, товарищи-«примиренцы», сделать неизбежно!..

Тов. Троцкий и его единомышленники выдвигают в защиту своей формулы — «не борьба, а преодоление» — еще один довод. Из-за борьбы с ликвидаторством,—говорят они,—страшно страдает дело политической агитации, дело проведения «политических кампаний». В этом указании верно то, что ликвидаторы своей борьбой против партии, своими систематическими попытками взорвать партию изнутри страшно мешают нашей партии, между прочим, и в деле постановки систематической и планомерной политической агитации, которая действительно является вопросом жизни и смерти для нашей нелегальной партии. Какой отсюда вывод? — Только тот, тов. примиренцы, что надо вести самую упорную борьбу против ликвидаторов, мешающих систематической работе партии.

Это, конечно, не означает, будто мы «не предлагаем приступить к положительной политической работе, пока партию парализуют ликвидаторы и отзовисты», — как карикатурно «излагает» точку зрения противников ликвидаторства орган т. Троцкого *). Нет, положительную политическую работу нужно, конечно, вести сейчас же, безотлагательно, везде и всегда. Мы желали бы иным «примиренцам», чтоб они могли сказать себе, как имеют право сказать себе многие из непримиримых врагов ликвидатор-

*) См. об этом статью марксистки Oda Olberg в № 40 «Nene Zeit» за этот год.

*) См. «Правда» № 14, стр. 2.

ства и отзовизма: «wir haben unsere Schuldigkeit gethan»—мы свой долг перед партией выполнили (и выполним), мы делали (и сделаем) все, что могли, в области организационной и агитационной с.-д. работы партии в эти неслыханно тяжелые времена, когда мы со всех сторон окружены таким небывалым количеством врагов. Мы отнюдь не предлагаем товарищам-партийцам бороться с отзовизмом и ликвидаторством (как и с ложным «примиренчеством») только посредством «полемических памфлетов», как это изображает орган тов. Троцкого. Нет, мы говорим:

Ликвидаторы добиваются влияния в легальных рабочих обществах. Товарищи-партийцы, идите туда. Примите бой с ликвидаторами и на этой почве. Всякое легальное общество социал-демократы, если они не хотят сами превратиться в секту, должны превратить в свою крепость, в окопы против ликвидаторов. Если Столыпин, подобно Бисмарку, поставит за ликвидаторов более крупную ставку, поотпустит им возжи и, пойдя навстречу их «борьбе за легальность», станет разрешать ликвидаторам союзы, общества, клубы, кооперативы, газеты и т. п.,— мы отнюдь не ограничимся одним писанием «полемических памфлетов» против ликвидаторов и хитрости Столыпина. Мы обязательно постараемся и сами проникнуть в эти рабочие союзы, общества, клубы и т. п., чтобы вести там свою с.-д. пропаганду, чтобы организовывать там по-социал-демократически рабочих, чтобы создать там свои опорные пункты. В приоткрытую Столыпиным для ликвидаторов дверь на одного ликвидатора должны проникнуть десятки, сотни рабочих-партийцев, чтобы вести там свою пролетарскую работу. На каждый орган ликвидаторов надо пытаться ставить три органа партийцев и т. д. Это, между прочим, лучший способ расстроить «праздник примирения» ликвидаторов со Столыпиным и его «легальностью» кнута и виселицы, или, по крайней мере, иллюстрировать рабочим политической смысл этого «примирения».

Отзовисты-ультиматисты пытаются укрепиться в нелегальных кружках, законсервировать свои идеи в некоторых «школах» и т. п. Социал-демократы-партийцы должны помешать им в этом. Всюду, где собираются рабочие, должны быть и мы, между прочим, и для того, чтобы доказать рабочим, что отзовизм есть полуанархизм. Все кружки пропаганды, все рабочие школы, все нелегальные ячейки должны и будут служить партии, а не отзовизму-ультиматизму.

Товарищи, ложно понявшие «примиренчество», пытаются внести разброд и путаницу тем, что хотят примирить партию с ликвидаторством. Их главным орудием служит популярная газета. Партия и с.-д.-партийцы должны поставить свою действительно партийную популярную газету, которая, ведя правильную марксистскую линию, между прочим, поможет партии ослабить вред псевдо-примиренчества.

Ни одной пяди не уступать ни ликвидаторам, ни отзовистам-ультиматистам, ни мнимым «примиренцам» — ни в области агитации, ни в области «легальных возможностей», ни в «подпольной» организационной работе, ни в области пропаганды письменной и устной. Сплотиться вокруг партийного знамени, удесятерить энергию в положительной политической работе. Таковы лозунги действительных партийцев.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) «Фракция тов. Троцкого и партийное положение» — статья из № 15-16 «Социал-Демократа» за 1910 г.

[2]) «Правда» — газета тов. Троцкого, издаваемая им в Вене с 1909 г.

[3]) Среди фракции отзовистов крупную роль сыграли товарищи, которые в годы контр-революции увлеклись в сторону так называемого богостроительства, т.-е. до известной степени пытались помирить социализм с религией. А. М. Горький и А. В. Луначарский в течение некоторого времени увлекались богостроительством.

[4]) Правое крыло германской социал-демократии было особенно сильно в Бадене. В те времена они являлись пугалом в германской социал-демократии. Когда Баденские ревизионисты отправились на прием к своему великому герцогу, это вызвало взрыв возмущения во всей германской социал-демократии. С тех пор утекло много воды, рабочий класс привык к гораздо более позорным изменам со стороны вождей германской социал-демократии.

[5]) К. Каутский шел до войны с Розой Люксембург, Карлом Либкнехтом и другими представителями левой линии. Тоже можно было говорить об их левой фракции. Под влиянием войны он стал примирять революционных рабочих с соглашателями-оборонцами.

[6]) Этим представителем был Л. Б. Каменев.

[7]) Кр-ский — Крымский — псевдоним тов. А. А. Иоффе, который, как известно, с первых же дней революции вошел в партию большевиков. С-ский — Семковский, который в течение ряда лет состоял в партии меньшевиков. Сейчас, повидимому, стоит вне партии.

[8]) Три меньшевистских члена Ц. К., носивших псевдонимы Михаил, Роман и Юрий (действительные фамилии Исуф, Ермолаев и Бройдо; первые два умерли), отказались после решений объединенного пленума Ц. К. в 1910 году участвовать в Ц. К. и объявили самое существование

нелегальной партии и нелегального Ц. К. «вредным». Это их заявление вызвало взрыв возмущения не только у большевиков, но и у меньшевиков-плехановцев.

[9]) Каутский в то время был еще в зените славы и продолжал оставаться революционером. Он пользовался громадным авторитетом и среди русских с.-д. [illegible]

[10]) Интегралисты — фракция Итальянской Социалистической Партии, сыгравшая очень печальную роль в истории итальянского социализма. Когда в лагере Итальянской Социалистической Партии впервые разгорелась борьба между реформистами и марксистами, возникла группа «примиренцев», с Энрико Ферри во главе, пытавшаяся примирить непримиримое. Она защищала «интегральный» социализм — нечто очень близкое к той нищенской идеологической похлебке, которую под видом «многогранного» социализма пытались преподнести в России В. Чернов и другие мещанские пошляки.

[11]) М-л — Михаил, он же Исуф.

[12]) Фридрих — Шнейерсон, он же «Ерема». Играл заметную роль в предреволюционном рабочем движении гор. Екатеринослава и некоторых др. южных городов. Ему адресовал свое знаменитое «Письмо к товарищам» тов. Ленин, изложивший в этом письме конспективно свои организационные планы тогдашнего периода. Впоследствии Фридрих являлся одним из правейших меньшевиков.

КТО С КЕМ [1]?

Редакция «Правды» изложила, наконец, более или менее определенно свой взгляд на важнейшие принципиальные вопросы нашей внутрипартийной жизни, волнующие всю партию. Это сделано редакцией «Правды» в докладе, поданном ей Ц. К., докладе, который, надеемся, в ближайшем будущем будет опубликован полностью. По крайней мере, остается лишь выразить пожелание об этом последнем. Опубликованием доклада редакции «Правды» дана будет возможность всем товарищам судить о том, каково отношение той или иной партийной группы к намеченной последним пленумом Ц. К. партийной линии; все будут иметь возможность судить о том, с кем следует итти для того, чтобы помогать проведению этой линии в жизнь.

Пока же мы, с своей стороны, приведем из отчета т. Троцкого некоторые выдержки, бросающие, по нашему мнению, характерный свет на названный вопрос.

Сообщив некоторые данные о деятельности группы «Правды», доклад весьма пространно и резко критикует Ц. О. По мнению «Правды», «то направление, которое представлено «Социал-Демократом» и знаменем которого является «анти-ликвидаторство», переносит свое внимание с неотложных потребностей рабочего движения на полемику с ликвидаторством и уличение отдельных идеологов ликвидаторства. Политика Ц. О. является как бы случайной, эпизодической, не стоящей в связи с его основной линией... Формально непримиримое, «анти-ликвидаторство», как символ веры, есть оборотная сторона аполитицизма и вместе с тем фактическая капитуляция перед ликвидаторством...»

По поводу начавшегося сближения между большевиками и меньшевиками-партийцами, тов. Троцкий в «докладе» пишет:

«...Но, помимо принципиальной стороны, в борьбе Ц. О. против «Правды» имеется чисто организационная сторона: под этим углом зрения, главная вина наша сводится к тому, что «Правда» не примыкает к той внутрипартийной комбинации, которая создалась после того, как групна сторонников т. Плеханова присоединилась к группе сторонников т. Ленина.

По существу самой комбинации мы можем быть очень кратки. Она определилась двумя моментами: философским — борьбой против «махистов», которая, разумеется, не может иметь партийно-

принудительного характера, и организационным, т.-е. тем именно «анти-ликвидаторством», которое мы уже выше охарактеризовали. Между этими двумя предельными сферами лежит центральная область вопросов тактики, политической борьбы, поскольку партия есть организация политических действий по преимуществу, поскольку физиономия ее определяется именно политической тактикой. Под этим важнейшим, с нашей точки зрения, критерием новая комбинация очень мало дала до сих пор партии. Мы уже указывали на совершенную аполитичность «С.-Д.». К сожалению, новые союзники и сотрудники Ц. О. только усугубили еще его аполитический характер. Если же принять во внимание, что т.т. Плеханов и Ленин представляли собою до последнего времени две взаимоисключающие тенденции во всех основных вопросах политической жизни и рабочего движения (отношение к либералам; отношение к крестьянству; «рабочий съезд»; взаимоотношения между партией и профессиональными союзами и проч.), то придется придти к выводу, что политически бессодержательная в настоящем новая комбинация не дает нам никакой гарантии своей политической устойчивости в будущем. При этих условиях связывать с нею, не говорим уже судьбу всей партии, но хотя бы только судьбу «Правды» было бы в высшей степени опрометчиво».

Эти рассуждения редакции «Правды» достаточно ясно сами говорят за себя. Редакция «Правды» — сознательно или бессознательно, этот вопрос мы оставляем в стороне — объективно становится по отношению к создавшемуся в партии положению на ту же почву, что и не безызвестные ликвидаторы-голосовцы (2) и отзовисты-ультиматисты, для которых худшим врагом тоже является неприемлемая и для Троцкого «комбинация». В поисках за более подходящими для него «комбинациями» т. Троцкий не заметил главного: то, что он называет «комбинацией», и то, что на самом деле является сближением всех партийных элементов из среды большевиков, меньшевиков и «националов», с каждым днем становится все более отчетливым и является единственно реальным... То самое сближение враждующих между собою фракций, за которое столько времени ратовали Троцкий и иже с ним, стало ненавистно троцкистам (как и ультиматистам и голосовцам) с тех пор, как оно стало фактом! Есть над чем призадуматься тем, кто верит «примиренческим» фразам «Правды».

К «докладу» т. Троцкого мы еще вернемся в следующем номере. Но уже опубликованного, полагаем, достаточно, чтобы действительные партийцы сделали свои выводы.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) «Кто с кем?» — статья из № 18 «Социал-Демократа» за 1910 год.

[2]) Голосовцы — сторонники заграничного органа меньшевиков, выходившего под названием «Голос с.-д.».

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія — Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА

JOURNAL OUVRIER

№ 1 — 13 ноября (31 октября) 1910 г. — Цѣна 10 коп.

Уроки революціи

ЛЕТНИЕ СТАЧКИ И ЗАДАЧИ РАБОЧИХ (1).

Последние годы — тяжелые и мрачные годы для рабочих — были для фабрикантов и заводчиков годами побед и одолений. Вознеся молитвы богу контр-революции, фабриканты и заводчики прикидывают на счетах: в 1905 году — в «безумный» год революции — бастовало около 3-х миллионов рабочих, и из каждой сотни стачек рабочие проигрывали лишь около 30; в 1906 г. бастовало уже только 1 миллион (с лишним) рабочих, и из каждой сотни забастовок рабочие проигрывали уже около 34 стачек; в 1907 году бастовало уже только 740 тысяч рабочих и из ста стачек 58 было проигрышных; в 1908 году бастовало 176 тысяч рабочих и из ста забастовок проигрышных — 68. Есть отчего притти в хорошее настроение духа! А в 1909 году дела пошли еще веселее для капиталистов. «Число бастовавших рабочих уменьшилось почти втрое» даже по сравнению с 1908 годом — потирает руки от удовольствия журнал «Торговля и Промышленность» *).

В 1909 году бастовало по всей России всего на всего 64.166 человек. А главное, что радует сердца фабрикантов: «в 1909 году политические стачки упали до 60, с ничтожным числом участников 8.363 человека». Ура, да здравствует Столыпин!

1909 год был годом экономического кризиса во всех отраслях производства, за исключением немногих. И, однако, даже в 1909 году начинают обнаруживаться некоторые перемены, отнюдь не радующие сердца заводчиков и фабрикантов. Стачки стали упорнее. До сих пор в среднем каждая стачка дли-

*) Это — орган главной организации фабрикантов и заводчиков, так называемого «Совета съездов представителей промышленности и торговли».

лась немного менее пяти дней (4,8), за 1909 год — шесть с половиной дней. За 1906-1908 годы потерянных рабочих дней на каждую стачку в среднем было 900, за 1909 год — 1.229. В 1908 году из ста стачек рабочие выигрывали 22, в 1909 году — 29. И это при разгроме наших с.-д. организаций и профессиональных союзов, это — при всех тех скорпионах, которые уготовило нам черносотенное правительство!

А стачки 1910 года уже начинают не на шутку тревожить предпринимателей. «Уровень стачечного движения начал подниматься» — волнуется та же «Торговля и промышленность». Столыпин, выручай!...

За лето нынешнего года действительно обнаружилось некоторое оживление в стачечной борьбе рабочих. Летние стачки можно подразделить на два разряда. Одни стачки вызваны простым отчаянием рабочих, доведенных до крайнего предела эксплоатации и объявляющих забастовки потому, что иначе «и без того умирать голодной смертью», — как буквально заявили, например, забастовщики на Амурской железной дороге. Прислушайтесь к требованиям забастовщиков этого разряда. Это — наболевший крик отчаяния, это вопль человеческой души. «Не обращаться, как со скотами». «Не обращаться по-зверски, не бить». «Квартирное обстоятельство невыносимо». «Невыносима строгая браковка», — таковы буквально четыре из девяти требований, предъявленных забастовавшими в Москве рабочими фабрики Кацевича. Капиталисты и их прихвостни подло мстят рабочим за годы революции. Рабочих бьют, над рабочими издеваются, грязными ногами топчут их человеческое достоинство, обращаются с ними, «как со скотами». Рабочих толкают, провоцируют на забастовки. И нет ничего удивительного в том, что такие стачки, стачки отчаяния часто кончаются — и кончались и нынешним летом — поражением рабочих.

Стачки второго разряда, это — стачки в тех отраслях промышленности, где замечается некоторый подъем, усиленный спрос на товар. Так, в Москве и Московской губернии бастовал ряд фабрик, имеющих красильные и ситцепечатные отделения, на которых спешили с отправкой товара на Нижегородскую ярмарку. Это — стачки наступательные.

За один июль месяц в Москве бастовало 12 фабрик, в Московской губернии — 3. Главные требования: прибавить жалованья 10-20 копеек на рубль, отменить штрафы и

обыски и т. п. Особого внимания заслуживает требование: признать выборных от рабочих, без которых никого не увольнять и т. д. При самых тяжелых условиях рабочие не забывают о том, что им нужна организация. Они добьются организации, раз поняли всю необходимость, всю важность ее. Число бастовавших в Москве и губернии рабочих достигает 15 тысяч*).

В Варшаве забастовало 12 тысяч сапожников. Требования: увеличить плату на 20 коп. за каждую пару обуви и сократить рабочий день с 15 до 13 часов — большею частью удовлетворены. Там же бастовали рабочие фабрик Шленкера, Биркина, Фейкина, Зальцмана и др. Требуют прибавки жалования до 30 процентов. Выделяется стачка служащих Варшавского трамвая, которые одним из своих главных требований выдвинули признание права на существование за их профессиональным союзом. В Лодзи бастовали ткачи на плюшевых фабриках. Главное требование — повышение заработной платы. Бастовали рабочие Петербурга, Николаева, Саратова, Одессы, Могилева и т. д.

Всего за три летних месяца (с половины мая до половины августа) произошла 71 забастовка, с числом участников не менее *65* тысяч. Это значит, что забастовочное движение летом 1910 года приняло в четыре раза большие размеры, чем в дореволюционные годы и чем в соответствующие месяцы 1909 года. За три месяца 1910 года забастовок было почти столько же, сколько за весь 1909 год. В 62 забастовках из 70 (за летние месяцы) первое место занимают требования, связанные с заработной платой. Из 56 стачек, о которых есть данные, около половины кончилось компромиссом (перемирием хозяев с рабочими), 12 — полной победой и 20 — поражением.

Нужно ли говорить о том, насколько неравны были силы в этой стачечной борьбе? У фабрикантов и заводчиков еще в 1907 году было 120 открытых хозяйских союзов. А сколько у них еще союзов тайных! А у нас... Наши легальные профессиональные союзы можно пересчитать по пальцам. Наши партийные нелегальные организации преследуются как никогда.

---

*) В октябре в центральной России произошло несколько новых крупных забастовок.

Но капиталистам мало их экономического превосходства. Капиталисты знают, что они нужны нашей правительственной шайке в той же мере, как она нужна им. Рука руку моет. Зачем же им отказываться от своего «счастья»? Зачем не воспользоваться им против рабочих теми тюрьмами, охранками и штыками, которые с такой готовностью предоставит в их распоряжение в любую минуту Николай Романов, Столыпин и К°? Что за беда, что даже на основании нынешних законов весьма мудрено придраться к мирно бастующим рабочим? Что за беда, что даже «в добрые старые времена», до пресловутой «конституции», не всегда решались так нагло подавлять чисто экономические стачки военной силой? — В 1910 году, в усмиренной самодержавно-«конституционной» России, в России Гучкова и Пуришкевича, вдруг бастует 65 тысяч рабочих!.. Не потерпим!..

И вот — начинаются военные действия. Мирно бастующих служащих Варшавского трамвая полиция на ночь запирает в тюрьму, а по утрам с охраной ведет на работу. Такова свобода стачек и свобода договора в «обновленной» России... Когда рабочие с Амурской дороги решили бежать, словно с каторги, потому что «все равно умирать голодной смертью», — не меньше 650 человек из них подверглись самым суровым взысканиям и штрафам. А генерал Косов, приехавший для «усмирения» рабочих, нашел, что их наказали «чересчур мягко» и — по отчетам даже правых газет — орал на рабочих: — «Повешу! Расстреляю!» Когда забастовали в Москве рабочие фабрики Гивартовского и, дружно продержавшись в течение 21 дня, были уже близки к победе, 25 августа в Московское охранное отделение были вызваны 14 человек стачечников и им было заявлено: забастовка ваша тянется слишком долго; либо сдавайтесь, либо — скрутим в бараний рог. Во время самых мирных забастовок у Прохорова и Гюбнера арестовывают предполагаемых «коноводов» стачки. То же — во время забастовки на фабрике Федорова, то же — в Пабианицах на фабрике Боруха и т. д. и т. п. Если в 1909 году, согласно подсчетам самих фабрикантов и заводчиков, по отношению к забастовщикам в двадцати трех случаях были применены аресты, высылки, призыв войска и полиции, то летом 1910 года это практиковалось чуть не сплошь и рядом.

Наши социал-демократические депутаты в Государственной Думе хорошо бы сделали, если бы, внесши запрос об этих дея-

ниях полиции, губернаторов и охранок, разоблачили бы с думской трибуны всю эту оргию гонений против рабочих. Но для этого сами рабочие с мест должны доставить нашим депутатам все материалы и документы. Конечно, черная Дума покроет охранку и губернаторов: ведь это — ее детище. Но зато пусть будет ясно — кто за рабочих, кто против них. У фабрикантов — своя «торгово-промышленная группа» в Государственном Совете. Рабочие должны сплотиться вокруг своей рабочей с.-д. партии и своей с.-д. рабочей группы, находящейся в черной Думе для того, чтобы и там разоблачать врагов пролетариата...

Далеко не все стачки нынешнего лета кончались выигрышем рабочих. Но рабочие выиграли одно: они показали, что жив еще дух возмущения в рабочих, что они способны к борьбе при самых неблагоприятных, при самых тяжких условиях. Нелегальные партийные с.-д. рабочие организации на местах, рабочие профессиональные союзы (легальные или нелегальные), тесная связь между партией и союзами, — вот что нам нужно для того, чтобы наша стачечная борьба была планомерной и успешной.

Фабриканты и заводчики в своих органах проповедуют: начался несомненный промышленный подъем, значит — готовься к отпору, капитал! Правительство делает свои приготовления, министерство внутренних дел вырабатывает новые правила о свободе (вернее — против свободы) союзов. Той петли, которая затянута на шее рабочего класса правилами 4-го марта, оказывается уже недостаточно. Товарищ Столыпина — г. Курлов — исполнил свое обещание, данное черносотенной шайке в Государственной Думе: новые «правила» должны дать врагам рабочих новое орудие угнетения пролетариата, должны—по замыслу творцов их — либо вытравить живой дух борьбы из профессиональных союзов, либо окончательно задушить их. — Сделаем же и мы свои выводы: рабочие, организуйтесь! Начнем систематическую оборону, а собравшись с силами, укрепив свою организацию, перейдем в наступление.

Начинающийся подъем в промышленности — хотя бы он и оказался очень кратковременным — неминуемо принесет с собой и некоторое оживление в рабочем движении. Расширится производство — потребуется больше рабочих рук, уменьшится несколько безработица, станет возможной более успешная борьба за улучшение условий труда.

Существует мнение, будто во времена промышленных подъемов растут только профессиональные союзы (ибо более успешна их экономическая борьба), а во времена промышленных кризисов растет только политическая партия (ибо недовольство масс принимает большие размеры). Каутский в одной из своих последних работ справедливо доказывает, что мнение это неправильно. В общем и целом с.-д. партия и профессиональные союзы растут и ослабевают одновременно. Это особенно верно для России и вообще для таких стран, где правительства одинаково преследуют и с.-д. партию и профессиональные союзы. У нас в России за последние годы рост с.-д. партии всегда шел рука об руку с ростом профессиональных союзов, и — наоборот: ослабление партийных организаций всегда шло рядом с ослаблением профессиональных союзов. Наша партия всегда была и остается связанной тысячами нитей с профессиональным движением рабочих, она вскормила и вспоила его, она стала его надеждой и защитой.

Есть все основания, поэтому, полагать, что начинающийся промышленный подъем оживит не только профессиональное движение, но и работу наших партийных организаций. Наши партийные организации ни в каком случае не должны остаться в стороне от начинающейся более широкой экономической борьбы рабочих. Они должны принять в ней самое деятельное участие, вносить в это движение политическое сознание, помогать профессиональным союзам организовывать планомерную борьбу.

Наиболее «передовые» из представителей российской промышленности вновь заговорили о том, что надо «дать» рабочим некоторую свободу союзов. Чем это объяснить? Да просто тем, что они дальновиднее самодержавных держиморд и понимают, что долго на штыке не усидишь. Дадим немногое, чтобы рабочие не взяли всего — так рассуждают эти господа. Но мы уже знаем, какой «свободы» союзов хотели бы нам дать господа буржуа и их партии вплоть до самых либеральных (как кадетская). Они хотят, чтобы наши союзы занимались не боевой защитой интересов рабочего класса, а мирным либеральным крохоборством. Они хотят, чтобы рабочие союзы шли не рука об руку с рабочей партией, с социал-демократией, а были бы «нейтральны», т.-е. на деле тащились бы в хвосте буржуазии.

Однако, и рабочие знают, каких профессиональных союзов они хотят. Наши передовые пролетарии хотят союзов,

стоящих на классовой точке зрения, тесно связанных с с.-д. партией, являющихся школами социализма. И они добьются именно таких профессиональных союзов.

Начинающееся оживление экономической борьбы уже вызвало к жизни некоторые специальные формы организации: рядом с легальными союзами — нелегальные стачечные комитеты, цеховые комиссии, группы фабрично-заводских уполномоченных, наконец, нелегальные профессиональные союзы. В самом ходе борьбы мы научимся находить наиболее подходящие организационные формы.

Пусть только не отпугивают нас отдельные поражения. Тысячи частичных побед капиталистов не избавят их от того, что, в конце концов, они потеряют все. А тысячи наших частичных поражений, в конце концов, не помешают нам завоевать целый мир.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья из № 1 «Рабочей Газеты», 12 ноября (31 окт.) 1910 г.

ЦАРСКИЙ БЮДЖЕТ НА 1911 ГОД [1].

Царские министры составили и опубликовали бюджет, т.-е. смету государственных приходов и расходов на 1911 год. Смета эта вносится в Государственную Думу на «благоусмотрение народных представителей». Но так как в третьей Думе сидят в большинстве не представители народа, а представители черносотенных помещиков и купцов, — то смета эта будет утверждена без дальних слов. Да если бы в Думе заседали и действительные народные представители, они, на основании существующих законов, ничего не могли бы поделать против данной сметы. Согласно нынешним законам, выработанным все той же царской шайкой, большая часть сметы «забронирована», т.-е. она зависит только от самого Николая II и никто не может ее изменять.

«Доходов» в 1911 году царские министры намереваются взять с народа еще на 89 миллионов рублей больше, нежели в 1910 году. Одних косвенных налогов, т.-е. налогов на предметы первой необходимости, потребляемые народными массами, будет взято на 12 миллионов больше, нежели в 1910 году, а именно— 582 миллиона вместо 570. Всего «доходы» царского правительства составят в 1911 году 2.693 миллиона рублей. И все или почти все эти доходы будут, конечно, взяты из кармана рабочих, да крестьянской бедноты.

А как же будут расходоваться эти народные деньги? Вот как:

1. На содержание царя Николая и его приспешников («императорского двора») — $16^1/_2$ миллионов рублей. И это не считая тех «доходов», которые Николай получает от удельных земель и проч. Цифра круглая.

2. Крепостникам и чиновникам в рясах («святейшему — гм! — синоду») — $37^1/_2$ миллионов рублей.

3. На полицию, тюрьмы, охранки, провокаторов и «высших» чиновников (т.-е. министерству внутренних дел и «высшим государственным учреждениям») — 170 миллионов рублей.

4. На подарки (субсидии) фабрикантам и заводчикам, на расхищение интендантов, на спаивание народа царской водкой, на содержание министров и т. п. (т.-е. министерству финансов) — 417 миллионов рублей.

5. На организацию суда не-скорого, не-правого и не-милостивого, суда классового, пристрастного и продажного, на всевозможные тюрьмы и застенки, на палачей и проч. (т.-е. министерству «юстиции») — 78 миллионов рублей.

6. На организацию международных интриг и кровавых «дипломатических» плутней (т.-е. министерству «иностранных дел») — 6 миллионов рублей.

7. Расходы на армию, необходимую для побед в борьбе с «врагом внутренним» и поражений в борьбе с врагом внешним — 600 миллионов рублей.

8. Платежи по государственным налогам (деньги употреблены в свое время на японскую войну и на борьбу с революцией) — 407 миллионов рублей.

9. На народное «просвещение», т.-е. на укрепление черносотенства церковно-приходской «культуры» — 91 миллион рублей и т. д.

65 копеек на одного жителя тратится в год на «народное просвещение», а около 5 рублей — на военные расходы...

Таково «государственное» хозяйство современной России.

Когда вопрос о бюджете станет в третьей Думе, за него в целом проголосуют все партии, кроме одной: кроме рабочих депутатов — социал-демократов. Ни одного солдата и ни одной копейки царскому правительству! — так заявят с трибуны государственной Думы и в этом году социал-демократы. Быть может к последним присоединится еще только несколько депутатов-трудовиков. Опыт нескольких лет ручается нам за то, что это будет именно так. О черносотенцах явных и черносотенцах скрытых (октябристах) и говорить нечего. Но и господа кадеты, поворчавши, проголосуют, как и в прежние годы, за бюджет. Они освятят своим голосованием и расходы на тюрьмы, и на армию, и на провокаторство, и на «святейший» синод. Почему? — Потому что они, хотя и боятся царского самодержавия, но еще больше боятся полной победы рабочих и крестьян. Потому что они, в конце концов, такие же контр-революционеры, как и другие слуги романовской монархии.

Рабочие и крестьяне! Чтобы свергнуть царский бюджет, нам нужно свергнуть царя и царских приверженцев, нам необходимо покончить с монархией. Чтобы свергнуть монархию, нам нужно поддержать ту партию, которая единственно хочет и может

бороться до конца за республику и за самодержавие народа. Эта партия — социал-демократия.

Больше того, и в более или менее свободных государствах революционные социал-демократы борются и голосуют против бюджета. Ибо и там бюджет служит буржуазным классам, является орудием закабаления масс, выражением классового господства капиталистов над пролетариями.

Мы — социалисты, и потому мы боремся не только за политическую свободу, но и за уничтожение всякой эксплоатации человека человеком.

Мы, русские социал-демократы, провозглашаем лозунг не только — «долой самодержавие царя!», но и «долой самодержавие капитала!» Поэтому — долой не только царский бюджет, но и долой бюджет буржуазный, долой всякий классовый бюджет, долой бюджет, основанный на системе капиталистической эксплоатации!

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья из № 1 «Рабочей Газеты», 12 ноября (31 окт.) 1910 г.

ТЮРЕМНЫЙ РАЙ ([1]).

В Вашингтоне только что закончился международный тюремный съезд. Где пахнет тюрьмами, там, конечно, русское правительство — тут как тут. Тюремное ведомство русского царя послало на съезд делегацию во главе с обер-тюремщиком Хрулевым и представило съезду подробный доклад. Натурально, царские тюремщики изображают русские тюрьмы настоящим раем: ну, просто — не жизнь, а масленица. Но в своем чрезмерном усердии тюремщики русского царя нечаянно сболтнули такую фразу: заключенным в русских тюрьмах живется-де «нисколько не хуже, чем средней руки обывателю или крестьянину — на свободе».

В сущности говоря, напрасно зубоскалят русские либералы по поводу этой фразы не в меру усердных тюремщиков: ее нужно только перевернуть, чтобы она стала правдивой. Ведь никто не сказал бы, что тюремщики преувеличивают, если бы они выразились примерно так: средней руки русскому обывателю и крестьянину на воле живется так же, как заключенному в тюрьме... Царские тюремщики только несколько неправильно выразились. И в сущности нужно только пожалеть, что «тюремное население» в России так сравнительно невелико. Помилуйте, всего только около 250 тысяч человек на всю Россию пользуются благами царского тюремного рая! Правда, мы можем утешиться тем, что «тюремное население» очень быстро возрастает в числе. В 1905 году общее число тюремных сидельцев в России равнялось 85.000, в 1906 году — 111.000, в 1907 году — 138.000, в 1908 году — 170.000, в 1909 году — 220.000. За четыре года число заключенных (не считая ссыльных) возросло почти в три раза. Не унывай, русский «средний обыватель и крестьянин» (а паче всего — русский рабочий). Если все будет итти по-старому, скоро до полумиллиона «арестантов» доведут Россию царь со Столыпиным и с черносотенной Думой.

Правда, сами заключенные в тюрьмах придерживаются иногда несколько иного мнения насчет тюремного рая. Они иногда — и в довольно большом числе — сходят с ума в тюремных клетках русского царя, они весьма нередко предпочитают самоубийство благам этого рая. Но к чему об этом знать Вашингтонскому съезду? К чему беспокоить ухо просвещенных европейцев рас-

сказами о каких-то там самосожженных заключенных, голодовках, побоях, темных карцерах, издевательствах и проч.?

Или взять хотя бы заболевания в русских тюрьмах. Ну, хоть — тиф. Вот маленький, разумеется, далеко не полный списочек заболеваний тифом в 1908 году.

В киевской тюрьме — 3.188 заболевших за год; в екатеринославской тюрьме — 235 (за один месяц); в пермской тюрьме — 70 умерших за один февраль; в златоустовской тюрьме — 98 заболевших за один месяц; в бахмутской тюрьме — 100 заболевших; в симферопольской тюрьме — 86 заболевших и т. д., и т. д.

Читатель, не разделяющий точки зрения царских тюремщиков, пожалуй, скажет, что этого несколько много. Но тюремщики все-таки правы: разве «на воле» не заболело холерой 200.000 русских рабочих, ремесленников и крестьян? Нет, царские тюремщики сказали правду: российскому тюремному населению живется «нисколько не хуже» — или, по крайней мере, немногим хуже, чем свободному «средней руки обывателю и крестьянину!» И напрасно хихикают господа кадеты над неловко выразившимися тюремщиками. Конечно, тюремщики не так «образованы», как вожди кадетской партии: в тюремном ведомстве, ведь, не все профессора сидят. Пусть бы лучше кадетские газеты попросили своих Милюковых и Маклаковых объяснить: если эти господа будто бы так уж недовольны тюремным ведомством, так отчего же они в Государственной Думе голосуют за ассигновки на тюрьмы и даже на военные суды?

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья из № 1 «Рабочей Газеты», 12 ноября (31 окт.) 1910 г.

КАК БОРОТЬСЯ (1)?.

Даже в тех массовых кровопролитиях, которые называются войнами и которые ведутся буржуазно-крепостническими правительствами одной страны против другой, все же по большей части соблюдается одно правило: попавших в плен не убивают, врага, который вчера скрещивал с тобою шпагу в открытом бою и который сегодня, безоружный — в твоих руках, не унижают, над ним не издеваются. Не то, когда дело идет о «внутреннем враге». Здесь «нравственные веления» буржуазных правительств принимают совершенно иной оборот. В этой войне всякий добрый буржуа пленников не щадит: его «совесть» не только ему разрешает, но и велит ему измываться, терзать и, наконец, убивать попавших к нему в плен революционеров. Когда в 1871 году Коммуна — т.-е. восстание парижских рабочих — была потоплена в крови, — «передовая» республиканская буржуазия отпраздновала свою победу над рабочими десятками и сотнями убийств безоружных пленников, самой разнузданной, людоедской местью и издевательством над теми, кто попал в буржуазные тюрьмы. В больших или меньших размерах мы видели то же самое и во время революции 1848 года в Германии, и в июньские дни в той же Франции, и во многих и многих отдельных восстаниях. Когда теперь некоторая часть «просвещенной» западно-европейской буржуазии якобы «возмущается» теми насилиями, которые чинит царская шайка над 200-тысячным «тюремным населением», она явно лицемерит. Эта буржуазия расстреливала вчера «своих» революционеров и будет их расстреливать завтра. Она вчера позволяла своим наложницам «для удовольствия» втыкать кончики своих изящных зонтиков в свежие раны пленников-комунаров, она сегодня приговаривает к смертной казни (в Америке и Франции) рабочих за деятельность в профессиональных союзах. Возмущаясь царской шайкой на словах, она поддерживает ее деньгами (займами) на деле.

Но, разумеется, западно-европейской буржуазии далеко до нашей русской правящей клики. Российские палачи, наши Романовы и Столыпины-вешатели, по праву занимают первое место среди международных палачей. То, что делается за последние годы в русских тюрьмах, не поддается никакому описанию.

— За протест против избиений всех нас связывали и совали в рот наши собственные испражнения — доносится к нам из-под мрачных сводов Шлиссельбургской крепости голос социал-демократа тов. Ароновича.

— Дитя одной политической заключенной захотело выглянуть на божий свет хотя бы через железную решотку тюремной камеры-клетки и было убито тут же на месте выстрелом часового — сообщают из Ярославской тюрьмы.

— Царские слуги устроили специальный «музей» пыток. Одним из главных орудий пытки является так называемая «социал-демократическая» скамейка (скамья, вся утыканная гвоздями, острием кверху; на ней производится порка попавших в плен социал-демократов) — рассказывают лично пережившие эти пытки рижские товарищи.

— Здесь выводят заключенных политических в степь и расстреливают их без всякого суда, объявляя потом, что это сделано «при попытке бежать», там «законными» средствами замучили до смерти наших товарищей, бывших депутатов Джепаридзе и Джугели; здесь голодовки, там — самосожжения; в одной камере бьют, в другой расстреливают, в третьей доводят до самоубийства, в четвертой военный судья, вчера приговоривший рабочего к смертной казни, сегодня является к нему в камеру и жертвует ему 5 рублей на лакомства перед смертью... Да что перечислять эти тюремные «бытовые» явления. Все равно не перечислишь и тысячной части...

Мясникам Николая Романова мало простого физического истребления врагов старого строя. Им мало того, что они просто убивают революционеров, виселицами и расстрелами истребляют социалистов. Им нужно еще унизить, оскорбить, оплевать, растоптать человеческое достоинство своих пленников-социалистов, попавших в царские тюрьмы. Для этого пущено в ход специальное средство: порка. Розга поставлена в порядок дня именно как средство самой оскорбительной мести тем, кто и под крышей царских тюрем не склонил головы перед залитыми народной кровью победителями. Только что на наших глазах царские тюремщики в двух тюрьмах надглумились над попавшими к ним в руки безоружными нашими товарищами. Эти два случая стоили уже революционерам несколько жизней. В Горном Зерентуе в каторжной тюрьме) новый специально присланный начальник тюрьмы Высотский, воспользовавшись самым

пустяковинным предлогом, подверг нескольких наших товарищей порке. В ответ на это шестеро заключенных — чтобы выразить свой протест против царских палачей — прибегли к массовому самоубийству. При данной обстановке у них не было другого средства протеста, кроме как бросить в лицо черному стану свои собственные трупы. Трое заключенных отравились, трое перерезали себе вены.

В Вологде, в каторжном централе, подвергнуто телесному наказанию 86 заключенных, из которых многие — наши товарищи...

Социал-демократические депутаты вынесли на думскую трибуну повесть об этих последних надругательствах царских тюремщиков над революционерами. И черная Дума дала, конечно, тот единственный ответ, которого только и можно было от нее ждать.

— «Пороть каторжников можно по закону, и прекрасно сделали, что по закону высекли этих негодяев» — сказал (дословно) от имени откровенных черносотенцев курский помещик Марков 2-й.

— Для нас этот вопрос — «не спешный» — сказали прикровенные черносотенцы-октябристы, проваливая запрос социал-демократов.

— Политические заключенные — «люди, может быть, и падшие» (!), но все же не истязайте их так открыто — сказал прислужник черносотенцев г. Родичев от имени тех наиболее дальновидных врагов рабочего класса и русской свободы, которые называются кадетами.

— «Мало! Мало!» — кричали третьедумские победители, когда наш товарищ депутат Чхеидзе читал список покончивших самоубийством революционеров...

Голос громкого, решительного протеста подняли социал-демократы в стенах Думы, и вне стен ее — передовые рабочие и учащаяся молодежь. Социал-демократические депутаты выступили застрельщиками всей передовой демократии в ее протесте против новейших насилий. Они одни в черной Думе выразили свою солидарность с заключенными, находящимися в плену у царя. «Все буржуа трусливо молчат» — бросил нашим либералам депутат тов. Покровский. «Сейте ветер, вы пожнете бурю революции!» — кинул царям нынешнего дня тов. Гегечкори.

Что же делать? Как ответить на глумления царских слуг? — Террором (т.-е. вооруженным нападением отдельных револю-

ционеров на тех или других слуг царя) — предлагает интеллигентская партия «социал-революционеров». На этом предложении необходимо хотя бы в кратких словах остановиться. В такие моменты, как переживаемый, многие склонны пойти по линии наименьшего сопротивления, т.-е искать наиболее «простого» и «легкого» выхода. «Я отомщу или сам погибну» — так говорят себе одиночки из революционной среды. «По человечеству» легко понять и оценить этих революционеров чувства. Унижения, пережитые товарищами в царских казематах, так ярко, так неотступно стоят перед глазами... Задыхаешься от гнева и ненависти к палачам. Невольно сжимаются кулаки... Отомстить, отомстить сейчас же, отомстить хоть чем-нибудь...

Но, если мы хотим быть революционерами дела, мы обязаны действовать иначе. Не может свалить самодержавия террор одиночек. Не имеет сколько-нибудь серьезного значения убийство того или иного сатрапа, который завтра же — раз не разрушен весь самодержавный строй — будет заменен другим, быть может еще более преданным слугой монархии. Смешно думать, что отдельными выстрелами можно запугать, «терроризировать» целые классы населения, кровно заинтересованные в существовании романовской монархии. Не может отдельный герой-террорист выполнить то, что должны выполнить миллионы революционного народа, руководимые рабочим классом. Тот, кто сеет среди рабочих несбыточные надежды на то, что вот придет таинственный «мститель»-террорист и воздаст коемуждо свое, тот только отвлекает внимание революционной армии от действительного дела и тем вредит интересам революции. История террора и террористических групп в России, которые только тогда и приобретали хотя бы слабое влияние, когда не было налицо движения самих масс, — это целиком подтвердила.

Выветрившиеся интеллигенты-террористы за последние годы развала особенно часто предавались размышлениям на тему: «убий», или «не убий», т.-е. на тему о том, допустимо ли для революционеров революционное насилие. Для нас, революционных социал-демократов, это — вопрос давно решенный. Мы выступаем против интеллигентской проповеди террора не потому, что мы противники революционного насилия. «Убий», сотри с лица земли самодержавный строй, уничтожь капиталистическое рабство, основанное на эксплоатации человека человеком, и для этого — безусловно прибегай к революционному насилию! — так

говорят революционные социал-демократы. Но они прибавляют: для того, чтобы на деле, а не на словах только «убить» самодержавный строй, для этого есть одно только средство: напор масс, массовое революционное насилие, т.-е. революция — повторение того массового натиска, который кончился неудачей в 1905-06 годах, но который раньше или позже повторится вновь и — победит.

Когда в 1889 году на Карийской каторге слуги самодержавия надругались над политической заключенной Сигидой и ее товарищи по заключению ответили массовым самоубийством, — в России царствовал покой кладбища. О массовом революционном рабочем движении не было и речи. Революционеры были одиноки и отрезаны от масс. Надежда на террориста, как героического «мстителя», была тогда единственной надеждой, озарявшей путь тех революционеров, которые не стали еще на точку зрения социал-демократии.

Когда в 1902 году царский любимец генерал фон-Валь подверг порке виленских социалистов, увлечение террором охватило ненадолго даже некоторые социал-демократические круги. Но с.-д. скоро справились с этой слабостью. Начавшееся широкое массовое движение с каждым днем все более наглядно доказывало бесплодность террористических фраз, вся практика борьбы крушила вдребезги интеллигентские мечтания оторванных от масс террористов.

Последние события в вологодской и зерентуйской тюрьмах застают нас при обстановке, гораздо более напоминающей 1902-й год, нежели 1889-й. Начало нового десятилетия явно становится поворотным пунктом в истории последних годов. Мы все уже вновь ощущаем дыхание грядущей массовой борьбы, дыхание надвигающихся новых битв. — К массам! — таков тот единственный призыв, который достоин действительных революционеров в переживаемое время. К рабочему классу, к крестьянской бедноте, ко всем обездоленным! Только они сами, сплотившись, сорганизовавшись, могут сокрушить врага. И — никто, никакие герои вместо них. Лишь в их лице, прежде всего — в лице организованного пролетариата «подымется мститель суровый»... — К массам!

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Статья из № 2 «Рабочей Газеты», 18/31 декабря 1910 года.

К ВЫБОРАМ В 4-ю ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ (1).

Новые выборы в Государственную Думу — не за горами. До них остается год с небольшим. Все враги наши уже начинают готовиться к этим выборам. Правительство заботятся о том, чтобы по возможности лишить избирательных прав всех неугодных ему лиц. Так, на-днях, оно путем мошеннической проделки добилось того, что из избирательных списков вычеркнут (т.-е. лишен права выбирать и быть выбранным) наш нынешний депутат, тов. Чхеидзе. Буржуазные партии начинают, как водится, «леветь» перед выборами. Нельзя же всем этим кадетам, октябристам, «прогрессистам» и т. п. партиям предстать в настоящем их виде перед избирателями. Надо приумыться от налипшей на них третьеиюньской грязи, надо хоть на словах «полеветь». Иначе — не клюнет даже политически-неопытный избиратель... Кадеты спят и видят «блок» (т.-е. союз) на выборах с октябристами. Октябристы думают о том, как бы провести за нос кадет, и — обратно. Но, во всяком случае, подготовительная работа во всех этих муравейниках начинает закипать. Собирают денежные запасы, ибо ведение избирательной кампании стоит денег, ищут кандидатов, заботятся о том, чтобы все их сторонники внесли себя в избирательные списки, начинают агитацию и т. д.

Не пора ли о подготовке к выборам подумать и нам? Нечего и говорить о том, что правительствующая шайка будет нам ставить преграды на каждом шагу, что все буржуазные партии, начиная от октябристов и кончая кадетами, будут нам подставлять ножку всюду, где смогут. Решится ли правящая клика вновь открыто нарушить свои собственные законы и вновь изменить избирательную систему так, чтобы уже ни один с.-д. не мог попасть в Думу — сказать пока трудно. Ясно одно: наши с.-д. рабочие депутаты в третьей Думе причиняют этой клике все больше и больше неприятностей. «Терпеть» рабочих депутатов в третьей Думе царской шайке становится все больше «не в моготу». Так или иначе, тем или иным путем, а рабочих с.-д. депутатов попытаются не пустить в четвертую Думу.

Нашей партии придется преодолевать несомненно большие трудности, чем на выборах в третью Думу. Напор врага стал гораздо сильнее. Силы партии страшно подорваны. Кроме всего прочего, ей приходится считаться с новыми противниками: с бывшими социал-демократами, которые пытаются разложить ее изнутри. Всем партийным работникам ясно, что эти бывшие с.-д. (а ныне — ликвидаторы, упразднители нашей рабочей с.-д. партии) только и ждут выборов в четвертую Думу, чтобы нанести нам удар сзади, удар из-за угла. От этих господ «упразднителей», сгруппировавшихся вокруг журналов «Наша Заря» и «Возрождение», можно ждать всего — вплоть до выставления на выборах «своих» кандидатов против кандидатов нашей партии.

Мы должны немедленно начать готовиться к предстоящим выборам. В 6 губерниях: Петербургской, Московской, Владимирской, Костромской, Харьковской и Екатеринославской — рабочие (особая рабочая курия) посылают по одному депутату от себя. Конечно, если из числа выборщиков-рабочих попадет хоть один не социал-демократ, — попы, помещики и буржуа выберут именно его, чтобы подделать представительство рабочего класса. По закону 3-го июня в губернском избирательном собрании, которое является решающим, большинство всегда принадлежит купцам, дворянам и т. п. публике. В перечисленных 6-ти губерниях наша работа должна быть особенно энергичной, особенно упорной. Надо заранее подыскивать желательных для партии кандидатов, обеспечивать им избирательные цензы (т.-е. избирательные права по закону 3 июня), всем социал-демократам записываться в избирательные списки, начинать строго выдержанную партийную революционно - социал - демократическую агитацию.

На прошлых выборах нам сильно повредили колебания в наших собственных рядах: некоторые с.-д. предлагали бойкотировать выборы в третью Думу. Теперь уже всем ясно, что если бы мы при данных условиях отказались от своего представительства в четвертой Думе, мы бы только обрадовали правительство и противо-революционные партии. Наша социал-демократическая фракция в третьей Думе приносит огромную пользу нашему рабочему делу, хотя мы и недостаточно еще энергично поддерживаем работу с.-д. депутатов.

Без колебаний, в сознании всей серьезности задачи, мы должны, не откладывая, приняться за дело партийной и органи-

зованной подготовки к выборам в четвертую Думу. Мы должны добиться, чтобы и на этот раз в стане наших злейших врагов был хоть маленький рабочий с.-д. отряд, бичующий нынешних хозяев России, срывающий маску лицемерия с их разбойничьих лиц и помогающий нам бороться за революцию и социализм.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья из № 2 «Рабочей Газеты», 18/31 декабря 1910 года.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ЗАБАСТОВКА [1].

В момент, когда мы пишем настоящую заметку, забастовка эта тянется уже 65-й день. Мы говорим о забастовке 5.000 рабочих на прядильно-ткацкой фабрике А. Каретниковой в селе Тейкове, Шуйского уезда, Владимирской губернии. Забастовка эта носит чисто-экономический и притом — оборонительный характер. Невтерпеж стало тянуть старую лямку и молча сдавать одно завоевание за другим... Вот главные требования тейковских стачечников: 1) улучшение качества основ и утка; 2) уничтожение системы трех станков; 3) уничтожение штрафов; 4) неувольнение за частые посещения больницы; 5) уплата за дни забастовки и т. д. Требования, как видите, до-нельзя скромны. Но в царской России и эти требования сочли «революционными». Помилуйте, пробуют сопротивляться! И вот Столыпин спешит на помощь денежному мешку. Правление профессионального союза рабочих арестовано, союз закрыт, десятки предполагаемых «коноводов» забастовки заключены в тюрьму.

Но стойко держатся тейковские товарищи. Фабричная администрация пробует подкупить наименее сознательных рабочих — это не удается. «Началась повальная голодовка» — пишет наш товарищ из Тейкова. Но не сдаются забастовавшие рабочие.

Союз фабрикантов и заводчиков оказывает щедрую «поддержку» г-же Каретниковой, требуя, чтобы рабочим не делалось никаких уступок и «послаблений». Поддержим же и мы, рабочие, всем, чем можем, наших товарищей, ведущих такую героическую борьбу при столь тяжелых условиях! *).

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Статья из № 2 «Рабочей Газеты», 18/31 декабря 1910 года.

---

*) Пожертвования из-за границы можно присылать по адресу З.Б.Ц.К. (Kotlirenko, Av. d'Orléans, 110).

РАБОЧИЙ ВОПРОС В III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ (1).

Отношение правящих классов России к рабочему классу уже давно проникнуто самым глубоким реализмом. Здесь давно уже нет места иллюзиям, подобным тем, которые еще не так давно были по отношению к крестьянству. Поэтому мы и теперь видим такую большую неохоту со стороны третьеиюньских победителей к законодательным экспериментам в сфере «разрешения» рабочего вопроса — хотя бы в духе тех слоев, которые сейчас делают политическую погоду в России. Ничего подобного такому, все же крупного масштаба — эксперименту, каким является, например, закон 9-го ноября по отношению к крестьянству, мы не видим по отношению к пролетариату. Здесь нет места «ставке на сильных», здесь нет надежды подкупить сколько-нибудь широкие слои. Поэтому так ничтожны, так жалки потуги третьей Думы в этой области — даже с точки зрения третьедумского масштаба.

Ни одного закона, касающегося всего рабочего класса за $3^1/_2$ года своего существования третья Дума не провела. Максимум, на что она до сих пор решалась, это — бросить ту или иную обглоданную кость отдельным слоям пролетариата, тем слоям, с которыми нынешним господам положения больше всего желательно жить в мире: рабочим и служащим в предприятиях министерства финансов, потому что среди них есть группы, с которыми тесно связано благополучие такого важного для современных «устоев» института, как казенная винная монополия (мы говорим о служащих, занятых в этой, столь важной для министерства финансов, отрасли); торговым служащим — потому что их голоса имеют сравнительно большое значение при существующем третьеиюньском избирательном законе; почтово-телеграфным служащим — потому что могущее быть вызванным недовольством служащих нарушение правильного хода работ в этой области чувствительнее всего бьет по карману.

Не нужно, однако, думать, что хотя бы этим немногочисленным слоям продавцов рабочей силы сделаны сколько-нибудь серьезные уступки, что им «дано» что-либо такое, что способно было бы сколько-нибудь существенно улучшить условия их жизни. Ничуть не бывало.

4 мая 1909 года третья Дума приняла первый «рабочий» закон: «о вознаграждении потерявших вследствие несчастных случаев или утративших трудоспособность на работах мастеровых, рабочих и вольно-наемных служащих в промышленных и

МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ФИЛОСОФСКІЙ и ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 1.

ДЕКАБРЬ.

1910.

СОДЕРЖАНІЕ:

МОСКВА.

технических заведениях министерства финансов». Закон этот распространяется всего на всего на 136 тысяч рабочих и служащих, преимущественно занятых в казенной винной монополии. И что же? Чуть не шесть лет тянулась эта волокита. В течение трех лет (от 21 июня 1903 г. до 21 июня 1906 года) «подго-

товляло» этот закон министерство финансов. Около двух лет понадобилось третьей Думе (от 16 ноября 1907 года, когда Дума впервые рассматривала этот законопроект, до мая 1909 года) на комедию многократной сдачи «в комиссию» и повторного возвращения оттуда этого законопроекта. А когда дело дошло уже, наконец, до принятия этого закона, то думская «рабочая комиссия» (так называется эта комиссия единственно потому, что ее деятельность направлена против рабочих) предложила «отложить» ту — самую важную — часть законопроекта, которая устанавливала принцип вознаграждения рабочих, потерпевших от профессиональных заболеваний. Во всем этом законопроекте сколько-нибудь серьезное значение имело только это установление вознаграждения при профессиональных болезнях: статистикой доказано, что из 17 случаев утраты трудоспособности (частичной или полной) 16 приходится на профессиональные болезни, а 1 — на увечья. И понятно, что третьедумскому большинству понадобилось во что бы то ни стало свести на нет именно этот пункт, что и было сделано при решительном протесте со стороны рабочих депутатов. После этого законопроект пошел по мытарствам — в Государственный Совет. Через год первый «рабочий» законопроект рассматривался и здесь. Представители «отечественной промышленности», с г.г. Триполитовым, Глезмером и Крестовниковым во главе, сделали все возможное, чтобы совершенно провалить законопроект. Конечно, вовсе не потому, что кто-либо из них «руководился мыслью в чем-нибудь обрезать интересы рабочих», как объяснил докладчик, г. Триполитов, а исключительно в интересах самих же рабочих... И только после того, как министр финансов г. Коковцов решительно выступил с защитой «государственной» точки зрения и напомнил, что:

> «если большинство наших фабрично-заводских законов издавалось под влиянием заводских забастовок и стачек, то отказываться от издания закона только потому, что этих стачек сейчас нет, с государственной точки зрения совершенно недопустимо» *).

---

*) Цитируем по изложению прений в Государственном Совете, данному в «Промышленности и Торговле», № 11, стр. 766, за 1910 г. — Это товарищеское увещевание по адресу предпринимателей писатель из ликвидаторского журнала «Наша Заря» (Velox) принял за «горячую схватку» между «бюрократией» и «обществом заводчиков и фабрикантов» («Наша Заря», № 8-9, стр. 11). Святая простота!

Только после этого Государственный Совет, еще больше изуродовавши этот «рабочий» законопроект, принял его большинством голосов...

А второй «рабочий» закон, проведенный третьей Думой, — «закон об отдыхе торговых служащих». Разве не правы рабочие, окрестившие этот закон законом против отдыха торговых служащих?

Вот в кратких словах суть этого закона: 1) 12 часовой рабочий день, как «правило». Но тут же, рядом исключений, рабочий день доводится до 15 часов или вовсе устраняется всякая норма. Для целого ряда торговых предприятий допускается 15-часовой рабочий день. В течение 40 дней в году («сезонные работы») рабочий день без всякой особой платы удлиняется до 14 часов. 2) Полный отдых обеспечен только на 5-6 дней в году (Рождество, Пасха и т. д.). Выходит, не узаконение праздничного отдыха, а — узаконение праздничной работы. 3) Вместо еженедельного обязательного отдыха, местному самоуправлению и местной администрации (т.-е. сферам, ничего общего с рабочими и служащими не имеющим) предоставляется право издавать «обязательные постановления» о работе, т.-е. опять таки дается возможность аннулировать еженедельны отдых. 4) Узаконяются сверхурочные работы и безмерная эксплоатация детского труда. 5) «Инородцев» лишают возможности чтить свои праздники и навязывают им праздники господствующей церкви. 6) Контроль за проведением в жизнь всей этой мнимой «охраны» труда поручается, главным образом, полиции...

Так позаботилась Дума 3-го июня о торговых служащих. Да что говорить об открыто анти-рабочем большинстве третьей Думы. Посмотрите на поведение кадетской партии, этих—все же оппозиционных «людей 3-го июня». Целых четыре раза эти... «демократы» меняли свой законопроект о нормальном отдыхе торговых служащих. И каждый раз — по мере падения общественной волны — они цинично ухудшали его. Первый законопроект в большей или меньшей степени воспринял требования, сформулированные на III съезде приказчиков, заседавшем в 1906 году в Москве. Но уже в апреле 1907 года, во вторую Думу, кадетами был внесен другой, чрезвычайно ухудшенный законопроект, вводивший 12 и 14-часовой рабочий день, с $^1/_2$-часовым отпуском на обед и т. п. Законопроект этот

был подписан такими «светилами» кадетской партии, как Струве, Маклаков, Кизеветтер, Кутлер, Шингарев, И. и В. Гессены, Аджемов и др. *) Но когда открылась необходимость в новой охоте за приказчичьими избирательными бюллетенями, у кадетской партии хватило... «смелости» признать этот чересчур откровенный анти-приказчичий законопроект «частным делом» подписавших его 33 к.-д. депутатов... А в третьей Думе кадеты распоясались уже настолько, что, при обсуждении «закона против отдыха торговых служащих», г. Маклаков прямо говорил: государство обязано защищать торговых служащих, «поскольку (оно)... может обезоружить рабочий торговый люд». Г. Щепкин вторил ему: «эти вопросы должны решаться не путем стачек, а государственным законодательством **), а г. Кутлер выступал рядом с октябристом Тизенгаузеном, главным застрельщиком в борьбе черной рати против рабочих депутатов, единственно последовательно отстаивавших интересы торговых служащих и те конкретные требования, которые сами приказчики наметили на своем третьем съезде. Так, общими силами, кадеты, октябристы и открытые черносотенцы узаконили лишение отдыха торговых служащих.

Стоит ли еще говорить о таких «рабочелюбивых» решениях третьей Думы, как жалкая подачка почтово-телеграфным служащим (на 20 тысяч служащих — 750 тысяч рублей, да еще при этом, главным образом, в пользу тех чиновников, которые получают высшие оклады)? Подобная «щедрость» третьей Думы только еще более выпукло подчеркивает настоящий характер всех «рабочих реформ», проводимых современными победителями.

Самой «грандиозной» из таких «реформ», — настолько «грандиозной», что третья Дума никак не может до нее добраться, — является, как известно, проект страхования рабочих от болезней и несчастных случаев. Этот проект страхования рабочих соединенными усилиями анти-рабочих партий, правительственных комиссий и советов съездов фабрикантов и заводчиков уже давно превращен в проект страхования капиталистов. Но последние все еще недовольны. Они устроили десятки «совещаний», послали куда следует десятки «докладных записок»,

---

*) См. «Законодательные проекты и предположения партии народной свободы», стр. 333.

**) Стенографический отчет. Стр. 60, 61, 62, 96, 416 и др.

добиваясь новых ухудшений законопроекта. Совещание «совета съездов представителей промышленности и торговли» еще в октябре 1908 года заявило, что оно «никоим образом не может помириться с той узкой ролью простых и молчаливых плательщиков, какая отводится (будто бы отводится?) законопроектом представителям промышленности» *). Думская анти-рабочая комиссия, во главе с самим г. Тизенгаузеном, — совершенно «свой» человек для фабрикантов и заводчиков! — кажется предпринимателям еще недостаточно анти-рабочей. «Большинство из этих поправок (внесенных думской комиссией) внесены — по мнению «Горно-Заводского Дела» — главным образом, в интересах рабочих, а не промышленников». Правда, тот же орган южных горнопромышленников приводит успокоительное мнение «приверженцев правительственного проекта», указывающих на то, что «редакция» закона о страховании «дает возможность путем разъяснений» ограничить его, поставить его в нужные рамки **). И уже совсем недавно орган фабрикантов и заводчиков мог с удовлетворением констатировать, что «законопроект этот после работы комиссии вышел сильно измененным с внешней и внутренней стороны. Он подвергся весьма серьезной редакционной переработке и существенно изменен с принципиальной стороны» ***). Ну, а когда закон этот будет окончательно «переработан» самой третьей Думой и затем «существенно изменен» Государственным Советом, — легко себе представить, что от него останется.

Нам не раз еще придется вернуться к вопросу о страховании рабочих вообще и, в частности, к правительственному законопроекту о страховании. Обсуждение законопроекта в Думе, которое, как обещает думское большинство, последует в эту сессию, откроет глаза широким массам на то, кто и как заботится, кто и как защищает интересы рабочих...

Право запросов думское большинство уже давно саботирует, как только им захочет воспользоваться рабочая фракция. Тем не менее, благодаря стараниям последней, рабочий вопрос нет-нет, а отнимал-таки у черносотенных законодателей некоторое количество времени. Но третья Дума, конечно, оставалась верна себе. Когда в запросе о гонениях против профессиональных

*) «Промышл. и Торговля», № 21 за 1908 г., стр. 496.
**) «Горно-Зав. Дело», №№ 26-27 (808 стр.) и № 31 (920 стр.) за 1910 г.
***) Там же, № 40 (сентябрь, 1910 г.), стр. 1161.

союзов рабочие депутаты с фактами в руках нарисовали картину неслыханных и небывалых репрессий против всех экономических и просветительных организаций рабочих, — «люди третьего июня», начиная от кадет и кончая Пуришкевичами, дали один ответ: пусть рабочие союзы усвоят себе точку зрения «чистого нейтрализма», пусть откажутся они от борьбы за свои интересы, пусть относятся они одинаково «нейтрально» к рабочей партии и к партии к.-д. и гучковских «молодцов», — тогда-де мы сможем похлопотать перед теми, от кого сие зависит, чтобы смягчились и помиловали экономические организации рабочих.

Другие «рабочие» запросы, как, например, отклоненные на-днях запросы о «разъяснении» главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия касательно фабричной инспекции или по поводу тех насилий, которыми сопровождались рабочие стачки нынешнего лета (в Варшаве и других городах), долго хоронили в думских комиссиях, чтобы не терять дорогого времени на «пустые» разговоры. Такую же участь, вероятно, готовят хозяева третьей Думы новым запросам рабочих депутатов.

Неудивительно, что фабриканты и заводчики так довольны деятельностью третьей Думы по рабочему вопросу. «Вопросы рабочего законодательства подвинулись в Государственной Думе вперед весьма заметно» — пишет с совершенно серьезным видом центральный орган российских локаутчиков *). «Наши законодательные учреждения вполне ясно сознают свои обязанности по отношению к трудовому населению страны» — подтверждает его собрат **).

Неудивительно также, что русские рабочие придерживаются на этот счет несколько иного мнения.

Два новых «рабочих» законопроекта недавно внесены в 3-ю Думу: о найме торговых служащих и о найме домашней прислуги. Оба законопроекта как нельзя более характерны для третьей Думы и отлично дорисовывают физиономию наших современных законодателей. Первый (о найме торговых служащих) внесен министерством торговли и промышленности. Министерством многое заимствовано из кадетского законопроекта по тому же вопросу. Сам бывший министр торговли и промышленности г. Тимирязев заявил, что, по его мнению, в к.-д. законо-

*) «Промышленность и Торговля», № 14 за 1910 г., стр. 105.
**) «Горно-Заводское Дело», № 31, 1910 г., стр. 921.

проекте много «очень ценного материала» и что его надо лишь несколько «развить», чтобы он мог стать правительственным законопроектом. Кадеты — не то под влиянием этой милостивой улыбки бывшего министра, не то под влиянием уничтожающей критики со стороны с.-д. депутатов, грозившей отнять у к.-д. всякую почву среди приказчичьего люда — взяли свой законопроект назад, как об этом заявил кадетский оратор, г. Степанов, в 122-м заседании прошлой сессии Думы. Но все, что было отрицательного, направленного против торговых служащих, благополучно перешло в новый, ныне внесенный министерством проект. В этом отношении г.г. кадеты могут быть спокойны — их «ценный материал» не пропал даром. Кадетский проект узаконял институт прикрепления служащих к хозяйской квартире и столу. То же делает и министерский проект. Кадетский проект, в заботе о благополучии карманов капиталистов, запрещал (в ст. 3, 4, 5, 6 и 7) торговому служащему иметь на стороне торговлю по той отрасли, к которой принадлежит предприятие хозяина» *). То же делает и министерский проект. Кадетский законопроект — единственно в интересах «народной свободы», конечно — устанавливал все сроки расторжения договора в после-сезонный период, т.-е. тогда, когда это выгодно хозяевам и невыгодно служащим. То же, путем другого обходного маневра, делает и министерский проект. Кадетский проект старался свести на-нет весь закон тем, что давал хозяевам возможность отменять его такими, например, пунктами. — Хозяин может расчитывать служащего без всякого предупреждения:

> «если торговый служащий не явится на службу без достаточных оснований (а кто судить будет?) в течение трех (!) дней» или «если служащий обнаружит недобросовестность» (с точки зрения хозяина, г.г. кадеты?) **)

т. п. Министерский законопроект достигает той же цели посредством пункта, дающего право хозяину отменить весь «закон», если служащий:

> «совершит такие поступки, вследствие которых он сделается недостойным доверия хозяина» и т. п.

*) Значит служащие, например, в универсальных магазинах ни по какой отрасли не могут иметь заработка на стороне, г.г. кадеты?

**) Заметьте, читатель, это только два из многих (не меньше 6) пунктов, изобретенных г.г. кадетами исключительно для того, чтобы дать возможность хозяевам выгнать на улицу служащего, когда это им заблагорассудится.

Кадеты переусердствовали в пользу хозяев настолько, что решились «забыть» о какой-либо гарантии служащим женского пола отпуска без лишения жалования в период родов, — чего «забыть» не решился даже министерский проект. И то же относится к урегулированию вопроса об учениках — едва ли не самому больному вопросу быта торговых служащих.

И если теперь третья Дума примет министерский законопроект, который, кроме указанного, характеризуется еще тем, что служащие мелких предприятий им вовсе не охватываются, что помощь на случай болезни в нем сведена к нулю, что узаконяется употребление учеников в качестве домашней прислуги, что эксплоатация детского труда поощряется и т. д. и т. п. *), то по всей справедливости нужно будет сказать: это кадеты проложили дорогу министерскому проекту, это кадеты помогли превратить закон о гарантиях интересов служащих в закон о гарантиях интересов хозяев.

Другой законопроект (о найме домашней прислуги) внесен 33 «правыми». Среди них такие «известности», как Березовский 2-й, Ветчинин, Шейдеман, Буцкий, Беляев, и др. Чтобы «увенчать здание» третьедумского законодательства по рабочему вопросу, недоставало бы только того, чтобы Дума приняла этот законопроект. Достаточно сказать, что в этом проекте перечислено не больше, не меньше, как 17 казусов, при которых хозяева имеют законное право без дальних слов вышвырнуть прислугу! Прислуга «обязана немедленно осведомить хозяев об употреблении во зло их доверием... другими слугами», т.-е. попросту доносить на своих сослуживцев, как этого требует ст. 29 пресловутого законопроекта. Она «обязана быть верной хозяевам и оказывать почтение и повиновение не только им и членам их семейств, но и всем тем, кому прислуживает по их приказанию» (ст. 24), она может быть расчитана, «если осмелится нанести обиду хозяевам, кому-либо из членов семьи или приближенным лицам и гостям» (ст. 56) или «если она разглашает о них что-либо оскорбительное, или же сплетнями возбуждает в доме ссоры» и т. п.! Проект полон указаний насчет тех случаев, когда хозяева могут производить вычеты из жалованья прислуги, когда они могут ее подвергать тем или иным лишениям и т. п. Словом, защита «принципа»: «моему нраву не препят-

*) См. пункты 22, 29, 37 и пр. министерского законопроекта.

ствуй» — яркая и сочная. Отчего бы и впрямь третьей Думе не сделать законом этот образцовый проект?

Мы видели, что сделали и что намерена сделать в ближайшем будущем третья Дума в области «разрешения» рабочего вопроса. Но еще более поучительно посмотреть на то, чего она не сделала в этой области. Впрочем, перечислять все это было бы слишком долго. В лагере сторонников 3-го июня иногда раздавались голоса, проповедывавшие необходимость «дать» рабочим элементарную свободу организации. Те немногие, которые это предлагали, надеялись, что именно таким образом, т.-е. именно путем предоставления некоторой «свободы», легче всего вытравить боевое жало из рабочего движения. Горячим сторонником этого «европейского» метода вслед за кадетами выступил, например, в прошлом году не кто иной, как г. Лев Тихомиров *). «Профессиональное движение — смертельный враг социал-демократии» — повторяет вслед за немецким буржуазным профессором Кулеманом г. Тихомиров. Дайте некоторую свободу первым, тогда вы убьете последнюю — такова философия этого одного из известнейших вдохновителей реакции.

Но те, кто направляет официальную политику (и с ними вместе и третья Дума), убоялись новшеств, они предпочли старый «испытанный» метод. По отношению к рабочим у представителей современного режима нет места иллюзиям. Рабочих-де не «замирить» мелкими уступками, им подай палец — они ухватят всю руку. Тихомировскими послаблениями максимум поймаешь ведь только маленькую оторванную группку интеллигентов — из тех, которых рабочие заклеймили кличкой ликвидаторов — справедливо рассуждают рулевые современного режима. А чего стоит эта кучка ликвидаторов, раз рабочие массы — по ее собственному признанию — идут вовсе не за ней, а совсем за другими элементами?

Зачем же тогда «давать» что бы то ни было рабочим?!

ПРИМЕЧАНИЕ.

¹) Статья из № 1 журнала «Мысль», за декабрь 1910 года.

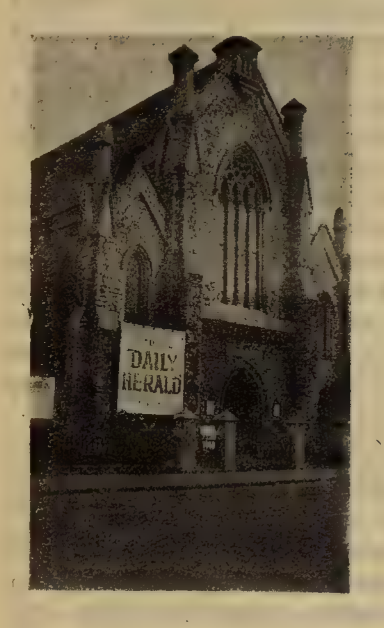
*) См. его книгу «Рабочий вопрос», Москва, 1909 г.

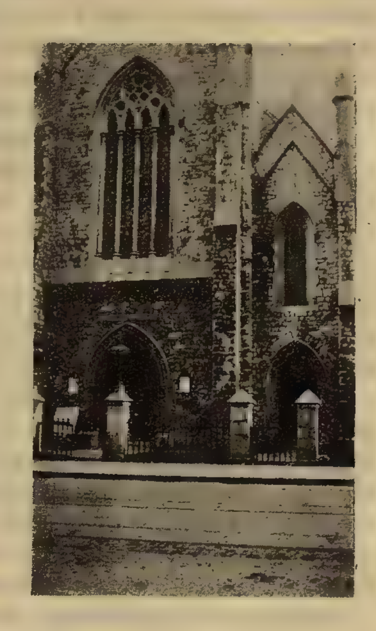
РАБОЧИЕ И РЕМЕСЛЕННЫЙ СЪЕЗД ([1]).

Спор, казалось бы окончательно решенный, возгорается с новой силой на столбцах профессиональной рабочей печати. Внешним образом спорят только о том, должны ли рабочие принять участие в одном определенном съезде: в назначенном на 15 января ремесленном съезде. Но по сути вещей рамки спора уже давно раздвинулись, и мотивировка спорящих сторон, в сущности, вновь выдвигает на очередь общий принципиальный вопрос — должны ли вообще рабочие принимать участие в так называемых «общественных» съездах, т.-е. в съездах представителей непролетарских слоев населения.

Русские марксисты давно уже высказались за необходимость для рабочих в настоящую эпоху участвовать в этих съездах. Два обстоятельства — говорят они — побуждают нас высказаться за такое участие. Первое, это — отсутствие в России свободы рабочей организации. Нечего и говорить о том, что еслибы наши рабочие имели возможность открыто созывать свои рабочие съезды, — они не должны были бы и не стали бы принимать участие в чужих, в буржуазных съездах. Они нашли бы сотни своих собственных трибун и не нуждались бы в тех или иных случайных «возможностях». Ведь, например, германским передовым рабочим, имеющим свою, сравнительно свободно действующую, социалистическую партию и свои профессиональные союзы, конечно, и в голову не придет принять участие в чужих, буржуазных съездах. На этот счет среди деятелей российского рабочего движения сейчас как будто нет разногласий. Все признают, что передовым рабочим России приходится участвовать в чужих съездах только потому, что нет возможности открыто созывать своих. Все признают, что это хождение в лагерь «филистимлян» (хотя бы для «использования») есть явление временное, преходящее. Но внешнее согласие сегодняшнего дня не помешает возникновению разногласий завтра. Российские ревизионисты, — все те господа, которые готовы ликвидировать всякую самостоятельность рабочего класса, раз только им обещали посулить какой-либо «общенациональный» пряник, — будут тащить рабочих в лагерь филистимлян и тогда, когда у пролетариата будет уже свобода организации.

Здание в Лондоне, где происходил Лондонский съезд партии.

Вся их аргументация *) в защиту нынешнего участия в чужих съездах свидетельствует об этом с несомненностью. Увлеченные идеей «сотрудничества классов», они уже сейчас говорят рабочим, что итти на чужие съезды надо, в сущности, только потому, что у пролетариата и либеральной буржуазии существует много «точек соприкосновения».

Для оппортунистов больше, чем для кого-нибудь, привычка — вторая натура. «Привыкши» звать рабочих к участию в чужих съездах сейчас, они станут их звать и тогда, когда это уже будет совсем некстати. Марксистам остается одно: решительно призывая рабочих участвовать в чужих съездах сейчас, неустанно подчеркивать, что это только временно, что такое участие ни в каком случае не должно входить в «привычку» и должно смениться отказом от участия, как только настанут иные времена...

Итак, первое обстоятельство, заставляющее русских рабочих принимать участие в чужих съездах, это — отсутствие свободы организации для пролетариата и наличность ее для имущих классов. Но одно это обстоятельство не могло бы еще побудить марксистов призвать рабочих к участию в чужих съездах. Для этого необходима наличность другого обстоятельства, позволяющего марксистам призвать к этому рабочих. Мы говорим — о сравнительной политической воспитанности российского рабочего класса, о наличности у него передового авангарда сознательных и опытных защитников его интересов, об элементах самостоятельной классовой организации и отсутствии сколько-нибудь серьезного влияния буржуазии на пролетариат... Не будь этого, русским марксистам пришлось бы еще очень и очень призадуматься раньше, чем призвать рабочих к участию в так называемых «общественных» съездах.

В самом деле, зачем терпят подобные съезды, почему разрешают их и почему до известной степени «пускают» (или — пускали) на них рабочих?

— Ясно почему. Во первых, «по нынешним временам» без некоторых уступок буржуазным классам, без предоставления некоторой «свободы» их «самодеятельности» — не обойдешься. Во вторых, — надо же показать, что и у нас все, как «в Европе», что-де и у нас, как и в других благоустроенных странах, происходят «общественные» съезды по борьбе с проституцией,

*) См., например, ст. Ст. Ивановича, к которой мы еще вернемся.

с пьянством и т. п. А почему иногда «пускают» на эти съезды рабочих? — Да потому, что надеются использовать их в своих целях... Больше всего на допущении рабочих настаивают кадетско-октябристские «социал-реформаторы». Дескать, вы только пустите рабочих, а уж мы сумеем их обработать, втереть им очки насчет общности интересов пролетариата и буржуазии, насчет возможности мирным путем решить все проклятые вопросы, насчет того, что рабочим не нужно своей особой классовой партии и т. п.

Редко в какой стране просвещенная буржуазия не делала попыток забрать под свою опеку рабочее движение. В добром желании и со стороны российской буржуазии забрать в свои руки рабочее движение, разумеется, недостатка нет. Весь вопрос только в том, удастся ли ей это. Допущение рабочих на так называемые «общественные», т.-е. буржуазные съезды, — есть одна из попыток буржуазии «ассимилировать» наше рабочее движение. И если бы все прошлое нашего рабочего движения не выработало уже достаточного количества элементов сопротивления этой буржуазной ассимиляции, если бы среди нашего рабочего класса не было бы еще достаточно сильно элементарное сознание его классовых интересов, если бы у него не было достаточно политического опыта и политического закала, — марксисты не имели бы права приглашать рабочих участвовать в чужих съездах. Wir den Teufel, oder der Teufel uns — как говорят немцы, т.-е. — рабочие ли используют «общественные» съезды, или октябристско-кадетские заправилы этих съездов используют рабочих. Так стоял и стоит вопрос. Теперь у нас есть уже вполне достаточный опыт на этот счет. Роль рабочих представителей на съездах фабрично-заводских врачей, на антиалкогольном и проч. показывает, что рабочие имеют все основания участвовать в открытых съездах и дальше. Благодаря своим организованным действиям на этих съездах, рабочие весьма удачно срывали и использовали в своих интересах тот «праздник примирения», который кадетско-октябристские режиссеры инсценировали специально на предмет уловления рабочих. Лучший показатель этого — те кислые физиономии, которые были у наших социал-реформаторов, например, — после съезда фабрично-заводских врачей, или то всеобщее похмелье после «пьяного» съезда, которого не сумели скрыть ни кадеты, ни октябристы, ни союзники. Рабочие могут только пожалеть

о том, что кадеты и октябристы так **редко** позволяют себе эти опыты — увы! неудачные — уловления рабочих в «социал-реформаторские» сети...

* * *

Если согласиться с вышеизложенным, то не может быть сомнения в том, что рабочим безусловно следует принять участие в предстоящем ремесленном съезде, если... если только их пустят туда. И это — несмотря на то, что на съезде будут преобладать мелкие хозяйчики, что его взяли под свою высокую руку деятели вроде черносотенного депутата г. Сушкова, что работа съезда протечет под знаком реакции и антисемитизма — в частности. Ведь рабочие преследуют на этом съезде — как и на тех, в которых они участвовали раньше — одну цель: воспользоваться и данной, пусть небольшой, скромной «возможностью» для открытого провозглашения **своих** целей, **своих** задач и требований. Перед рабочими с этой точки зрения стоит только один вопрос — вопрос факта: будет ли возможность использовать и эту трибуну для провозглашения рабочих требований или этой возможности не будет.

До сих пор против участия рабочих в открытых съездах выступали — из людей, прикосновенных к рабочему движению — лишь те, кто предлагает отозвать рабочих депутатов из Государственной Думы и кто на деле «отозвал» **себя** от рабочего движения данной эпохи. Теперь — несколько неожиданно — против участия в ремесленном съезде выступил один из видных деятелей профессионального движения, К. Д. Тот главный довод, который он проводит против участия в этом съезде, с наглядностью показывает, насколько неправильны, насколько фальшивы те основные посылки, на которых зиждется практическая политика определенного крыла деятелей нашего рабочего движения. Этот главный довод сжато выражен в следующем положении К. Д-а:

— «Мы пользовались и будем пользоваться съездами буржуазной интеллигенции», но «с покупателями рабочей силы у продавцов ее никаких точек соприкосновения нет. Этим целиком исключается возможность участия одних (рабочих) в съездах других (хозяев)» *).

---

*) См. статью К. Д-а в № 4 «Кожевника», перепечатанную в № 4 «Голоса Портного».

К. Д. — не заметил мелочи: во-первых, того, что и те съезды, в которых рабочие — с одобрения К. Д-а — участвовали до сих пор, по существу дела (если не всегда по внешности) тоже были съездами «хозяев», представителей господствующих классов. Во-вторых, К. Д. не заметил или не усвоил того, что рабочие шли и идут на «общественные» съезды не для того, чтобы искать и подчеркивать «точки соприкосновения» хотя бы с интеллигентной буржуазией, а для того, чтобы разрушать вреднейшую буржуазную басню о «точках соприкосновения» у рабочих и господствующей буржуазии. Правда, на бывших до сих пор съездах находились небольшие кружки таких близоруких друзей рабочего класса (К. Д-у они должны быть хорошо известны...), которые всячески тащили рабочих на «примирение» с кадетами и прочими представителями «буржуазной интеллигенции». Но ведь рабочие-то всякий раз решительно отгораживались от этих ликвидаторов самостоятельной политики пролетариата. Как же это К. Д. слона-то и не заметил? Как же это он ухитрился остаться при том вреднейшем полулиберальном предрассудке, будто рабочие шли и идут на открытые съезды потому, что у них есть «точки соприкосновения» с «буржуазной интеллигенцией», или для того, чтобы этих «точек соприкосновения» искать?

«Буржуазная интеллигенция» в России, это — кадеты или кадетствующие. К. Д. в его вышеприведенном положении другими словами говорит: если на данном съезде нет кадетов, то незачем туда ходить и рабочим, раз там нет «буржуазной интеллигенции» — значит и рабочим туда заказаны все пути. Рабочие, ищите «точек соприкосновения» с кадетами! — такова философия К. Д-а. Слов нет, есть среди близоруких сторонников рабочего движения такая группа деятелей, у которых довольно таки много «точек соприкосновения» с кадетами. Но рабочие-то тут при чем? И почему это им, у которых было, есть и будет так мало «точек соприкосновения» с кадетами, отказываться от маленькой возможности на враждебном съезде провозгласить свои рабочие требования?

Одно оправдание возможно для К. Д-а. Среди его друзей и во многом единомышленников попадаются иные защитники участия рабочих в ремесленном съезде, мотивирующие необходимость участия так, что у менее «ликвидаторски» настроенных людей может закружиться голова и они скажут: чем так защи-

щать участие рабочих в съезде, лучше мы станем отрицать самую необходимость такого участия. Вот, например, г. Юрий Чацкий из ликвидаторского журнала г. Потресова («Наша Заря»). Он тоже находит, что без кадет и без «точек соприкосновения» с «буржуазной интеллигенцией» рабочим никак невозможно. Но он скромнее К. Д-а. Что ж, что там (т.-е. на ремесленном съезде) буржуазная интеллигенция не будет преобладать? Там все таки будут «ученые экономисты, как Туган-Барановский, академик Янжул и т. п.» и затем ведь «съезд несомненно обратится с рядом ходатайств как к правительству, так и к государственной Думе»*)— таковы главные доводы Юрия Чацкого. Другой защитник участия рабочих в ремесленном съезде, г. Ст. Иванович, тоже ведет эту защиту так, что способен навести на серьезные размышления. По его мнению, рабочие всегда, везде и во всякое время должны участвовать в буржуазных съездах просто потому, что эти съезды суть съезды... **).

Что К. Д-а потянуло на свежий воздух от подобных рассуждений Ю. Чацкого и Ст. Ивановича — это очень похвально. Но бросаться при этом в обратную крайность вовсе не обязательно.

Вся своеобразная обстановка развития рабочего движения в России диктовала русским рабочим соответствующие приемы борьбы. И поэтому в 1911 году рабочие должны принять участие в таком съезде, как ремесленный. Но — вовсе не для того, чтобы искать там «точек соприкосновения» с буржуазной интеллигенцией вообще и кадетами в частности. И можно только порадоваться тому, что, как сообщает орган Петербургских металлистов — «Наш Путь» (который вслед за Московским «Нашим Путем» высказался за участие в ремесленном съезде) — «возникшее было разногласие по вопросу об участии в работах съезда очень быстро рассеялось, и в настоящее время как Петербургские, так и Московские рабочие высказываются за самое активное участие в съезде ***).

ПРИМЕЧАНИЕ:

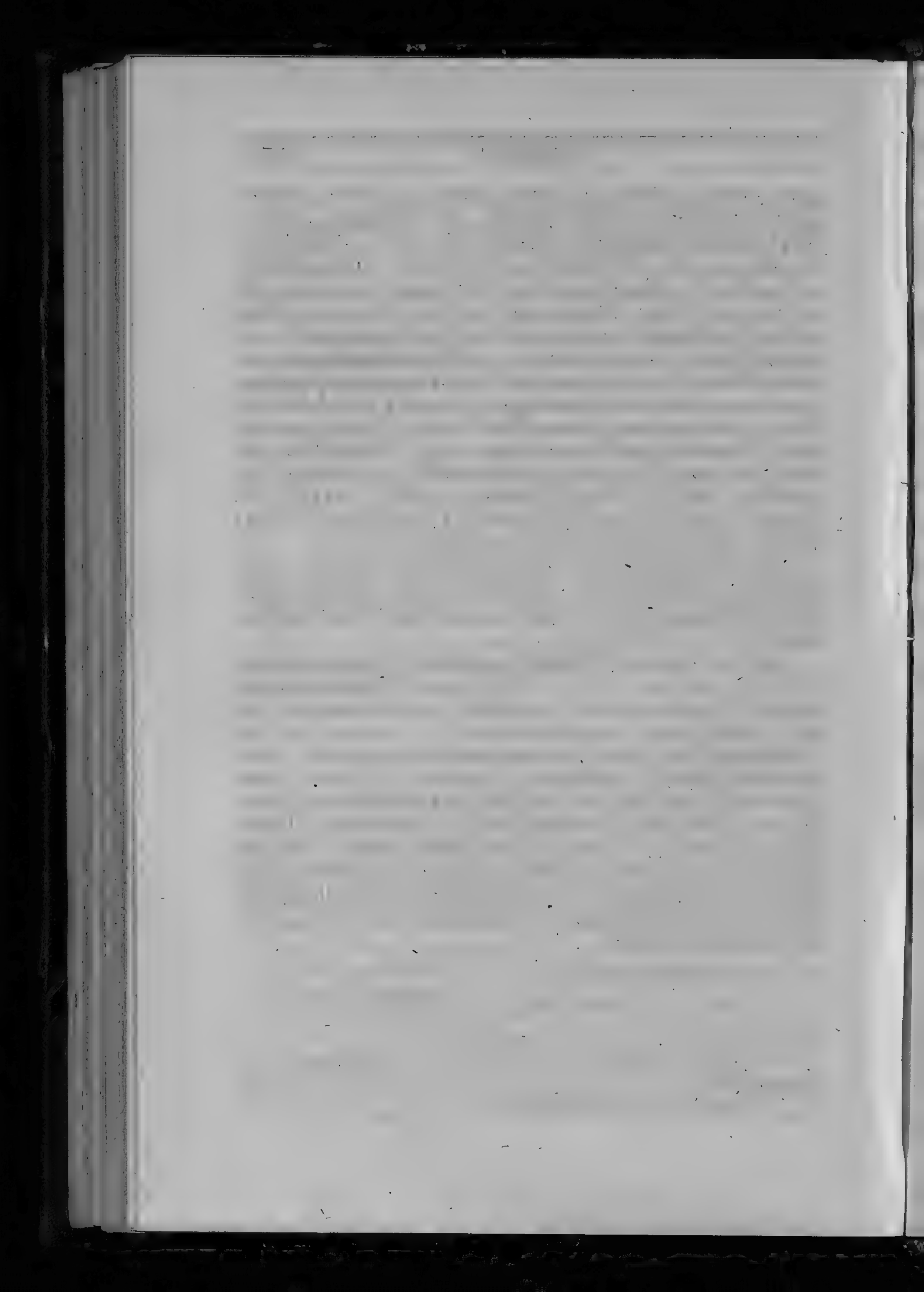
[1]) Статья из № 1 журнала «Мысль», за декабрь 1910 г.

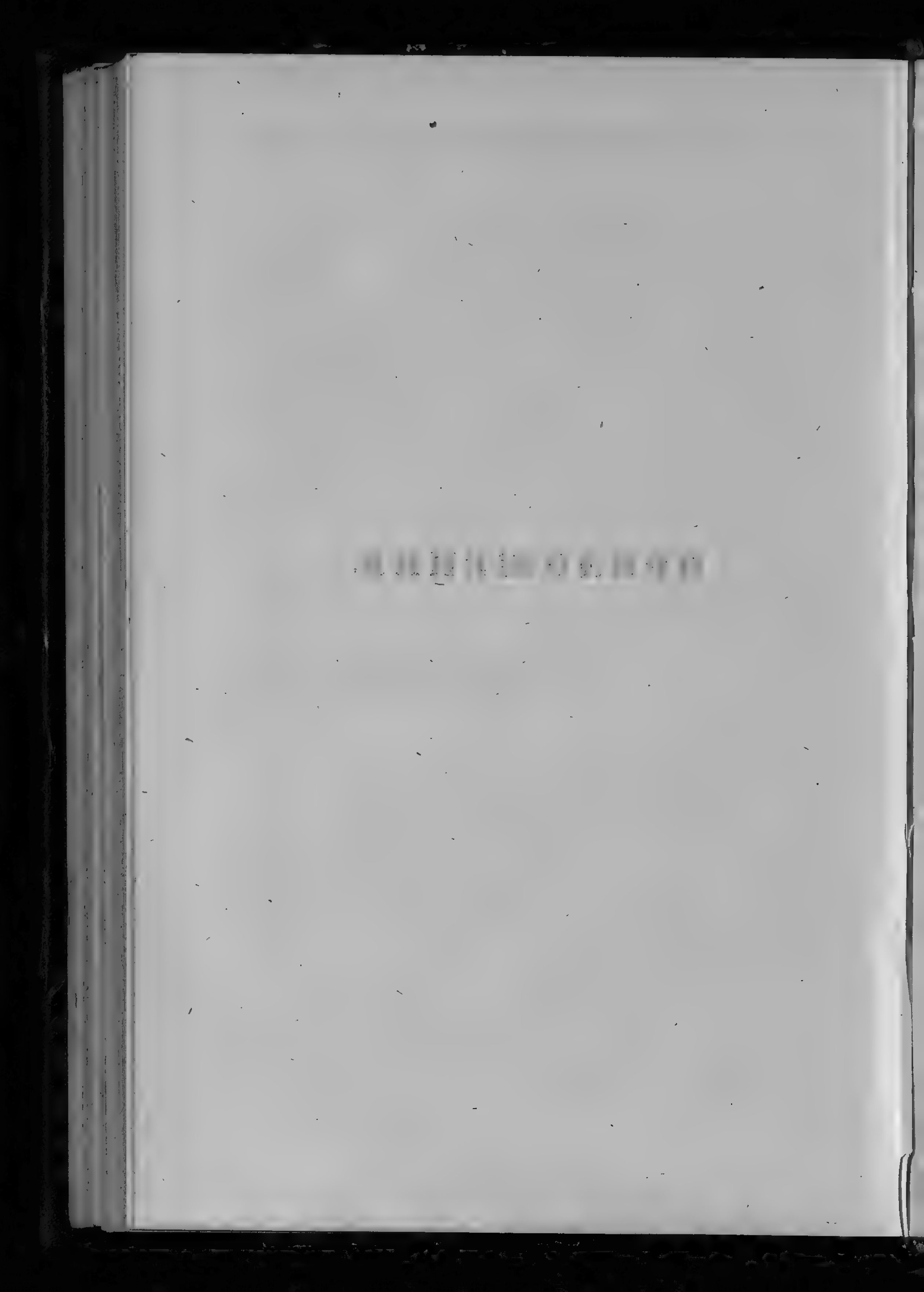
*) «Наша Заря», № 8—9, стр. 116 и 120.

**) См. «Голос Портного», № 4, ст. «Участвовать ли рабочим на ремесленном съезде»?

***) «Наш Путь», № 9, СПБ., ноябрь.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

К статье «Рекрутский набор и наши задачи». (Стр. 50.)

ВЫБОРГСКОЕ ВОЗЗВАНИЕ.

Народу от народных представителей.

Граждане всей России! Указом 8-го июля Государственная Дума распущена. Когда вы избирали нас своими представителями, вы поручили нам добиваться земли и воли. Исполняя ваше поручение и наш долг, мы составляли законы для обеспечения народу свободы, мы требовали удаления безответственных министров, которые, безнаказанно нарушая законы, подавляли свободу; но прежде всего мы желали издать закон о наделении землей трудящегося крестьянства путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих. Правительство признало такой закон недопустимым, а когда Дума еще раз настойчиво подтвердила свое решение о принудительном отчуждении, был объявлен роспуск народных представителей.

Вместо нынешней Думы правительство обещает созвать другую через семь месяцев. Целых семь месяцев Россия должна оставаться без народных представителей в такое время, когда народ находится на краю разорения, промышленность и торговля подорваны, когда вся страна охвачена волнением и когда министерство окончательно доказало свою неспособность удовлетворить нужды народа. Целых семь месяцев правительство будет действовать по своему произволу и будет бороться с народным движением, чтобы получить послушную, угодливую Думу, а если ему удастся совсем задавить народное движение, оно не соберет никакой Думы.

Граждане! Стойте крепко за попранные права народного представительства, стойте за Государственную Думу. Ни одного дня Россия не должна оставаться без народного представительства. У вас есть способ добиться этого: правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу. А потому теперь, когда правительство распустило Государственную Думу, вы вправе не давать ему ни солдат, ни денег. Если же правительство, чтобы добыть себе средства, станет делать займы, то такие займы, заключенные без согласия народного представительства, отныне не действительны, и русский народ никогда их не признает и платить по ним не будет. Итак, до созыва народного представительства не давайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армию. Будьте тверды в своем отказе, стойте за свои права все, как один человек. Перед единой и непреклонной волей народа никакая сила устоять не может. Граждане! В этой вынужденной, но неизбежной борьбе ваши выборные будут с вами.

К статье «Выборы по рабочей курии в Петербурге».
(Стр. 58.)

ОТЧЕТ СЕМЯННИКОВСКОГО ПОДРАЙОННОГО СОЮЗА НЕВСКОГО РАЙОНА Р. С.-Д. Р. П.

II. Гвоздем нашей работы была избирательная кампания, которая кончилась небывалым доселе поражением. Еще в конце ноября и весь декабрь подрайонный союз разрешал вопрос о соглашениях. К сожалению, приходится констатировать, что постановление П. К. о выборах на конференцию по платформам было встречено с крайним предубеждением. Этому вопросу мы отдали целиком три собрания, и после длинных и горячих споров принято было выборы производить по платформам (34 голоса против 10 при 14 воздержавшихся).

Характернейшим эпизодом этих обсуждений была горячая речь одного так называемого противника платформ, который произнес горячую филиппику против Плеханова, называя последнего оппортунистом и лицемером.

Дискуссии тоже затянулись, несмотря на незначительное число членов, принявших участие в голосовании. В Семянниковском подрайоне проголосовало едва 70 человек, из которых за платформу Ц. К. было только 9, а остальные — за П. К.

Это объясняется, главным образом, независящими обстоятельствами. Следует отметить, что у нас, в подрайонном союзе, несмотря на всю страстность обсуждения, оспоренных голосов было только 2, и соглашение в контрольной комиссии было достигнуто быстро.

Что касается работы специальных органов для избирательной кампании, то, к крайнему сожалению, приходится сказать, что некоторые из этих органов проявили недостаток энергии, например, подрайонная избирательная комиссия, составленная исключительно из рабочих.

Нельзя того же сказать об уличных избирательных комитетах, тоже составленных исключительно из рабочих. За короткое время своего существования эти комитеты успели совершить массу работы. Образованы уличные комитеты на улицах Стеклянной, Глазурной, Фаянсовой, Фарфоровой, Смоляной, на Проспекте, Безымянной и др., распространена масса литературы (около 2-х пудов), совершен почти поголовный обход всех избирателей нашего участка; теперь производится анкета избирателей, намечены выборщики, была попытка устроить предвыборное собрание, собираются деньги и т. д.

Но и здесь приходится отметить равнодушное отношение некоторых частей нашей организации: на все наши просьбы «студенческой с.-д. группы дать нам разносчиков и агитаторов для улицы, мы получили отказ. Согласится какой-нибудь юный студент, придет раз-другой, да как увидит, что уйма работы, — и удерет.

Анкета скоро будет опубликована, пока же можно сказать, что две трети избирателей согласны голосовать за с.-д.

Что касается выборов в рабочей курии, то можно и нужно бы поработать поэнергичнее, но теперь уже потерянного не воротишь. Несколько собраний было посвящено следующим вопросам: 1) сила с.-д. на Семянниковском заводе; 2) предложение эсеров выбирать пропорционально; 3) техника выборов. После Святок специально два собрания ушло на выборы кандидатов, которых подрайонный союз должен был выставить на заводе; решено было, что будет выставлен с.-д. список из 5 лиц, так что эсерам бросалась перчатка бороться чисто на партийной почве. Кандидатами намечены были все меньшевики. Решено было провести своего председателя, причем одна часть товарищей настаивала на кандидатуре меньшевика X, другая на У. Последний, несмотря на свою огромную популярность, упорно отказывался. Против первого возражали многие из товарищей, указывая на эсеровскую агитацию против него (X.), как против лица, которое блюдет интересы мастеров и хозяев, а не рабочих. (Это же обстоятельство ставилось на вид, когда X. намечался в кандидаты.)

Чтобы подготовить почву, рабочие пытались устроить предвыборное общезаводское собрание, но полиция не допустила его. За первой неудачей пошли другие. Подрайонный союз провел гибельное постановление: «На большие предвыборные собрания агитаторы-«интеллигенты» допускаются, но выступают только в том случае, если будут говорить интеллигенты с.-р. На чисто-социал-демократических собраниях рабочих обходятся своими силами и «интеллигенты» не допускаются». Очень немногие товарищи протестовали против этого. Многие члены подрайонного союза отсутствовали, были в отъезде, так что даже на выборах было вместо 6 товарищей только около 2 товарищей. Накануне самых выборов товарищем В. были доложены товарищам угрожающие признаки, что против X. ведется агитация, что кандидатура X. снята не была. Затем, когда тот же тов. В. предложил для избирательного собрания имеющихся в запасе агитаторов, предложенный агитатор встретил противников, и был потребован другой. Тов. В. были приняты меры, но явился, благодаря тов. У. (опять верхи забросили нас), агитатор, менее знакомый с положением дел на заводе (хотя говорил он блестяще, был награжден овациями не в пример эсеру).

Далее, наконец, самая техника выборов у с.-д. была обставлена не так тщательно, как у с.-р.: «как в Александровском рынке, силой тянули к урнам», — говорили про с.-р. рабочие. Настал день выборов... и с.-д. торжественно провалились. Почему?

Прежде всего, конечно, в силу общих причин, в силу которых с.-д. провалились по всему Питеру, это — те соглашения с кадетами, которые так рьяно проповедывались т.т. меньшевиками. Когда масса узнала, что с.-д. кандидаты стоят за соглашение с кадетами, что эти кандидаты — меньшевики, то прямо говорилось здесь же, что за меньшевиков голосовать не будут. Не дремали и с.-р., которые во время самых выборов вели агитацию против с.-д. в том же направлении. На Семянниковском заводе были и свои специальные причины, кроме ранее перечисленных: именно прямо кричали против кандидата X. На предвыборном собрании в заводе выступавший интеллигент с.-р. подвергнул

беспощадной критике меньшевистские доводы тов. Х. за соглашение с к.-д., и тов. Х., как говорили т.т. рабочие, «сел в лужу». Но что главною причиною поражения были соглашательские тенденции меньшевиков, это доказывается цифрами по всему району:

Семянниковский подрайон.

(Работают большевики и меньшевики.)

№№ и общее число заводов.	Названия заводов.	Число выбранных уполномоченных. С.-р.	С.-д.	Сочув. с.-д.
1.	Семянниковский завод (кандидаты меньшевики)	5	—	—
2.	Русско-американск. мех. завод. Раб. только б-ки	—	1 б.	—
3.	Арматурный раб. только б-ки	—	1 »	—
4.	Оффенбахер » » »	—	1 »	—
5.	Упенек » » »	—	1 »	—
6.	Шпало - пропиточный (работ. только б-ки)	—	1 »	—
7.	Бывший Онуфриева	—	1 »	—
8.	Стропильный	—	—	1
8.	Всего	5	6 больш.	1

Фабричный подрайон.

(Работают и меньшевики (в большинстве) и большевики.)

1.	Паль (только большев.)	1	2 б.	
2.	Максвель (только меньшев.)	1	1 м.	
3.	Торнтон » »		1 »	
4.	Громов » »		1 »	
5.	Науман » »		1 »	
6.	Грапп » »	—	1 »	
7.	Алексеев » »		1 »	
8.	Стеариновый Невский	1	—	—
9.	Варгунин	1	—	—
9.	Всего	4	8	—

Александровский подрайон.

(Работают явно только большевики.)

1.	Вена	—	1 б.	—
2.	Атлас	—	1 »	—
3.	Александровский вагоно-строительный	—	1 »	—
4.	Чугунный	1	—	—
4.	Всего	1	3	—

Обуховский подрайон.

(Только меньшевики.)

№№ и общее число заводов.	Названия заводов.	Число выбранных уполномоченных. С.-р.	С.-д.	Сочув. с.-д.
1.	Обуховский завод . . .	4	—	—
2.	Карточный	—	1 не выясн.	—
2.	Всего	4	1 не выясн.	—

Еще нагляднее те же цифры представляются в следующей табличке:

Сводная таблица.

Названия подрайонов.	Число заводов.	Выб. прох. под меньш. флагом. Выбраны: С.-р.	С.-д.	С. с.-д.	Выб. прох. под больш. лоз. Выбраны: С.-р.	С.-д.	С. с.-д.	Всего выбрано. С.-р.	С.-д.	С. с.-д.
Семянниковский.	8	5	—			6	1	5	6	1
Фабричный . . .	9	3	6	—	1	2	—	4	8	—
Александровский	4	—	—	—	1	3	—	1	3	—
Обуховский . . .	2	4	—	—	—	—	—	4	—	—
Всего . . .	23	12	6	—	2	11	1	14	17	1

Из этой таблицы видно, что там, где выборы проходили под меньшевистскими лозунгами, прошло 12 с.-р., и мы, следовательно, потеряли 12 мест, там же, где выборы шли под большевистскими лозунгами, прошло 2 с.-р., и мы, следовательно, потеряли 2 места. Кроме того, под меньшевистскими лозунгами нам удалось провести 6 с.-д., из которых несколько не чистых с.-д., а только сочувствующих, в то время как большевистские лозунги дали 11 чистых с.-д. и 1 сочувствующего с.-д. Далее из таблицы видно, что всего с.-р. 14 и с.-д. 17 при 1 сочувствующем с.-д. и 1 невыясненном. По фракциям с.-д. делятся так: 11 б., 6 м. и 1 сочувств. с.-д. бол. Теперь вполне понятным станет то явление, которое совершилось, например, в фабричном подрайоне у меньшевиков, на Невском стеариновом заводе: рабочий Н. М., которого наметили в уполномоченные, прямо заявил: «я после того, как узнал, что с.-д. за соглашение с к.-д., перехожу к с.-р.» *И перешел и был выбран в уполномоченные!*

К статье «Организационные вопросы на Лондонском съезде».
(Стр. 90.)

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ЧЛЕНОВ ДУМЫ-БОЛЬШЕВИКОВ НА ЛОНДОНСКОМ СЪЕЗДЕ ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ДУМСКОЙ ФРАКЦИЕЙ И Ц. К.

В дополнение и изменение устава думской фракции предлагаем съезду принять следующие пункты:

1. Каждая фракционная комиссия имеет право приглашать специалистов — членов партии с ведома комитета фракции и с утверждения общего собрания фракции.

2. Специалисты и члены Ц. К. пользуются в комиссиях правом совещательного голоса.

3. Комиссии выбирают докладчиков перед фракцией и кандидатов в ораторы в Думу.

4. Комитет фракции входит в комиссии в целях осведомления.

5. Окончательный выбор ораторов в Думу зависит от общего собрания фракции, а в экстренных случаях, когда фракция не может собраться,— от комитета фракции.

6. Ц. К. должен иметь официальное представительство во фракции и сообщать фракции директивы Ц. К.

РЕЗОЛЮЦИЯ ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ДУМСКОЙ ФРАКЦИЕЙ И Ц. К., ПРИНЯТАЯ НА ЛОНДОНСКОМ СЪЕЗДЕ.

Ц. К. должен имет официальное представительство во фракции и сообщать фракции директивы Ц. К.

РЕЗОЛЮЦИЯ ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ С АРМЯНСКОЙ С.-Д. ОРГАНИЗАЦИЕЙ, ПРИНЯТАЯ НА ЛОНДОНСКОМ СЪЕЗДЕ.

Съезд, принимая во внимание, что комиссия по организационным вопросам признала представленный армянской с.-д. рабочей организацией проект, со внесенными в него комиссией поправками, в общем и целом приемлемым в качестве основы для объединения, поручает Ц. К. осуществить это объединение в возможно скором времени.

ПРИНЯТЫЙ ЛОНДОНСКИМ СЪЕЗДОМ ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ УСТАВ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

1. Членом партии признается всякий, принимающий партийную программу, поддерживающий партию материальными средствами и входящий в какую-либо партийную организацию.

2. Все организации партии строятся на началах демократического централизма.

3. Все организации партии автономны во внутренней своей деятельности. Всякая утвержденная организация партии имеет право издавать от своего имени партийную литературу.

4. Новые партийные организации утверждаются областными конференциями или двумя соседними организациями. Контроль над утверждением принадлежит Ц. К., обо всех вновь утвержденных организациях Ц. К. своевременно публикует в партийной печати.

5. Организации одного района могут объединяться в областные союзы: областной центр выбирается на областных конференциях или съездах.

6. Все партийные организации должны поддерживать Ц. К. средствами в размере 10 процентов всех поступлений.

7. Ц. К. выбирается на съезде. Ц. К. представляет партию в сношениях с другими партиями, организует различные учреждения партии и руководит их деятельностью, назначает редакцию Ц. О., работающую под его контролем, организует и ведет предприятия, имеющие общепартийное значение, распределяет силы и средства партии и заведует центральной кассой партии, разбирает конфликты, как между различными учреждениями партии, так и внутри их, и вообще объединяет всю деятельность партии. В случае выбытия членов Ц. К., состав его пополняется из числа назначенных съездом кандидатов в порядке, определенном съездом.

8. Для обсуждения наиболее крупных вопросов партийной жизни, Ц. К. созывает периодически, не реже одного раза в 3—4 месяца, совещание из представителей областных союзов, отдельных организаций Бунда, С.-Д. П. и Л. и С.-Д. Л. К. пропорционально количеству организованных рабочих, принимавших участие в выборах на последний партийный съезд с расчетом по одному делегату на каждые 5.000.

Все организации, не объединенные в областные союзы, выбирают делегатов на своих конференциях на тех же основаниях.

Постановления совещаний вступают в силу лишь в случае утверждения их Ц. К.

Верховным органом партии является съезд. Очередные съезды созываются Центральным Комитетом ежегодно. Экстренный съезд должен быть созван в двухмесячный срок по требованию не менее половины всех членов партии.

В случае отказа Ц. К. созвать при таких условиях съезд, половина партии, потребовавшая его созыва, имеет право образовать организационный комитет, который пользуется всеми правами Ц. К. по созыву съезда.

Представительство на съезде имеют все утвержденные за 3 месяца до срока созыва съезда организации, по расчету одного делегата на каждую полную 1.000 членов, участвовавших в выборе делегатов. Организации, не имеющие достаточного числа членов, могут объединяться с соседними организациями для посылки общего делегата, если они вместе имеют не менее 1.000 избирателей. Выборы на съезд производятся на демократических началах.

Съезд считается действительным, если на нем представлено более половины всех членов партии.

Созыв всякого съезда и порядок дня объявляются Ц. К. партии или, в соответствующих случаях, О. К., не менее, как за полтора месяца до съезда

РЕЗОЛЮЦИЯ О РАБОЧЕМ СЪЕЗДЕ И БЕСПАРТИЙНЫХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ, ПРИНЯТАЯ ЛОНДОНСКИМ СЪЕЗДОМ.

Принимая во внимание,

1. что социал-демократическая рабочая партия является единственной организацией, объединяющей сознательную часть пролетариата, как авангард, руководящий борьбой рабочего класса за социалистический строй и необходимые к осуществлению его политические и экономические условия;

2. что в деле защиты и обслуживания экономических интересов рабочих масс главной формой организации являются профессиональные союзы и вслед за ними другие виды рабочей организации, как то: кооперативы и т. д.;

3. что в момент революционного подъема является возможность организовывать или использовать в целях развития социал-демократии беспартийные представительные учреждения рабочего класса, как то: совет рабочих депутатов, советы рабочих уполномоченных и т. п.;

4. что идея рабочего съезда ведет по существу своему к замене социал-демократии беспартийными рабочими организациями длительного характера, а организационная и агитационная подготовка рабочего съезда неизбежно ведет к дезорганизации партии и содействует подчинению широких масс влиянию буржуазной демократии, съезд признает, что:

1. в целях расширения и укрепления влияния социал-демократии на широкие массы пролетариата необходимо, с одной стороны, усилить работу по организации профессиональных союзов и с.-д. пропаганду и агитацию внутри их, а, с другой стороны, привлекать все более и более широкие слои рабочего класса к участию во всякого рода партийных организациях.

2. желательно участие с.-д. партии в беспартийных советах рабочих уполномоченных, советах рабочих депутатов и съездах их представителей, а также устройство таких учреждений, при условии строго партийной постановки этого дела, в целях развития и укрепления с.-д. рабочей партии.

3. агитация за беспартийный рабочий съезд, подхваченная анархосиндикалистами для борьбы с социал-демократическим влиянием на рабочие массы, вредна для классового развития пролетариата.

РЕЧЬ ТОВ. ЗИНОВЬЕВА НА ЛОНДОНСКОМ СЪЕЗДЕ.

Товарищи! В своем докладе, центром которого Ц. К. почему то счел нужным сделать вопрос о боевиках и военно-боевой конференции в частности, очень скромно умолчено об организационной деятельности Ц. К.

Об этой стороне деятельности, товарищи, я хочу сказать несколько слов.

Я полагаю, что деятельность эту лучше всего иллюстрировать характеристикой той роли, которую Ц. К. сыграл в одном из уголков нашей партии — в Петербурге.

Делаю это еще потому, что мы, петербургские делегаты, большевики, не исполнили бы своего долга перед товарищами рабочими, пославшими нас сюда, если бы мы здесь, перед лицом партийного съезда, не рассказали бы партии про все деяния Ц. К. в этой области.

Тотчас после Стокгольмского съезда Ц. К. начинает самую яростную кампанию против Петербургской организации, облекавшуюся в тот или другой момент в разную форму.

Ц. К. тотчас же вовлекает в сферу своей узко-фракционной политики молодую думскую с.-д. фракцию.

Без ведома и за спиной местной с.-д. организации Ц. К. начинает устраивать периодические общерайонные совещания рабочих меньшевиков, по назначению Ц. К., с думской фракцией.

Без участия местной организации, Ц. К. через своих человечков начинает производить выборы на фабриках и заводах для связи с думской фракцией. Рабочие с.-д., входящие в местную организацию, большею частью ничего не знают о намерениях Ц. К. Происходит страшный хаос. Выбирают, не зная куда и зачем. Сами совещания превращаются, благодаря Ц. К., всецело и исключительно в сплошную фракционную травлю против местной большевистской организации.

Весь этот разброд идет на пользу г.г. эсеров.

Вскоре выплывает достаточно уже заклейменный здесь лозунг Ц. К.: поддержка думского, т.-е. кадетского министерства. Огромное большинство партии высказывается против этого лозунга.

Петербургская конференция, созванняя по настоянию Ц. К., решительно осуждает этот, не встретивший никакого сочувствия среди рабочих, лозунг.

И что же? Ц. К. после этого организует в широких размерах борьбу против постановления петербургской конференции. Его члены выступают на ряде митингов перед самыми широкими слоями рабочих, встречая, конечно, решительный отпор со стороны рабочих с.-д. из местной организации и со стороны ораторов Ц. К.

Tertius gaudens (третий радующийся) во всей этой истории являются, конечно, эсеры. Ц. К., в своем стремлении навязать петербургским рабочим осужденный огромным большинством партии лозунг, наносит тяжелый удар престижу социал-демократии.

Два слова относительно июльской забастовки и рекрутской кампании-

Петербургский комитет нашей партии тотчас после разгона Думы решительно и категорически высказался против всяких немедленных выступлений.

Под влиянием событий в Кронштадте и Свеаборге, он, правда, отступил от своей старой позиции, и отступил не только за страх, но и за совесть.

Но все же нужно сказать, что «страх», т.-е. обязанность подчиняться Ц. К., сыграл здесь огромную роль.

Ц. К. оффициально заявил нам накануне забастовки, что им разосланы по всей России товарищи с распоряжением немедленно начать выступления (забастовки и, где можно, восстания). Ц. К. категорически настаивал на единстве действий, он требовал от нас выступления.

И поэтому я считаю недостойным, что Ц. К. теперь, перед лицом всей партии, скажу прямо, — увиливает. Ц. К. должен открыто сказать партии об этой стороне своей деятельности.

Одно замечание по поводу рекрутской кампании.

Тов. Абрамович, который из всех конфликтов между Ц. К. и петербургской организацией счел нужным запомнить только один, именно конфликт по поводу рекрутской кампании, жестоко ошибается. Во первых, Петербургский Комитет ни к какому вооруженному восстанию тогда не призывал. Это — явное искажение нашей резолюции. Во вторых, Петербургский Комитет не разошелся в этом вопросе с Ц. К., по крайней мере в первой стадии вопроса, т.-е. тогда, когда наши партийные лозунги вообще еще могли оказать известное влияние на ход рекрутской кампании. Ц. К. лишь впоследствии, т.-е. уже перед самым набором, снял свой прежний лозунг.

Перехожу к главному моменту моей темы — к петербургскому расколу во время избирательной кампании.

В своем отчете Ц. К. имеет решимость утверждать, что он стоял на страже партийного единства. Это, товарищи, неправда. В Петербурге Ц. К. не только не охранял единства, но сам стал инициатором раскола. Докажу это фактами и предлагаю представителям Ц. К. опровергнуть эти факты.

Еще в ноябре, т.-е. задолго до избирательной кампании, лидер Ц. К. тов. Данилов (Ф. Дан), по его собственному оффициальному признанию, был на политической чашке чая в компании кадетов и н. с-ов, где шла речь о возможном в Питере соглашении.

Когда в январе была созвана петербургская конференция, имевшая задачей решить вопрос о соглашениях в Петербурге, Ц. К. предъявил к ней требование, которое он не предъявлял ни к одной организации во всей России. Ц. К. потребовал разделения по избирательным округам; он собирался отсечь от Петербурга вместе с окружной организацией все заставы, т.-е. наши С.-Антуанские предместья, заключающие в себе цвет и силу всего рабочего Петербурга.

Когда конференция отказалась от такого самоубийственного шага, — Ц. К. расколол ее, дав оффициально право меньшевикам не подчиняться. Ц. К. был не только инициатором, но и руководителем раскола. Лидеры Ц. К. вели от имени 31 меньшевика переговоры о самостоятельном согла-

шении с кадетами, соглашении, не состоявшемся только благодаря отказу со стороны кадет.

Во всех районах при явном покровительстве Ц. К. и под руководством его лидеров образовались самостоятельные избирательные комитеты, пытавшиеся осуществить самостоятельное соглашение с к.-д. и беспартийными.

В Совете уполномоченных от рабочих Петербурга во время выборов лидер Ц. К. тов. Данилов вел упорную и дезорганизаторскую борьбу против петербургской организации, беря под свою защиту 31 меньшевика.

При содействии Ц. К., организация 31 м-ка выпустила ряд листков, в которых велась возмутительная травля против Петербургской организации. Эта травля была подхвачена кадетами и всей буржуазной печатью. Авторитет Ц. К. был использован кадетами в их политических интересах.

Ц. К. не только не призвал к порядку 31 м-ка, а сам помогал им и руководил ими. Это — факт общеизвестный всему рабочему и всему буржуазному Петербургу.

Ц. К. прикрывается единственным оправданием: тем, что, дескать, на Петербургской январской конференции было фиктивное представительство от большевиков. Но, во-первых, меньшевики и сами в своих листках признавали, что противников соглашения с к.-д. на конференции было на 120 больше, чем меньшевиков.

А во-вторых, и это главное, жизнь теперь наглядно обвинила Ц. К. На созванной новой конференции, собранной под контролем самого Ц. К., оказалось в 2½ раза больше большевиков, чем меньшевиков (102 б-ка и 42 м-ка).

Товарищи! Что бы ни восклицали сейчас т.т. цекисты, факт остается фактом: в столице, в разгар избирательной кампании, в городе, на котором были сосредоточены взгляды всей России, Ц. К., поставленный для охраны единства партии, расколол организацию и осрамил партию.

Товарищи! Пусть Ц. К. опровергнет эти факты. Если же он их не опровергнет, товарищи, осудите его, осудите его в интересах партии по возможности единодушнее.

Я думаю, что многие из вас, товарищи меньшевики, осудят за это Ц. К.

Надеюсь на это потому, товарищи, что даже некоторые меньшевистские организации, как напр., Спілка, протестовали против поведения Ц. К. в питерском расколе. Эти протесты Ц. К. клал под сукно. Но это тем более обязывает съезд осудить за это Ц. К. (Аплодисменты).

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) Ц. К. перед Лондонским съездом был в большинстве меньшевистским. Спб. организация, одним из делегатов которой был т. Г. Зиновьев, была большевистской. Между Ц. К. и П. К. происходила постоянная борьба.

К статье «Повторенная ошибка», (Стр. 112).

РЕЧЬ ДЕПУТАТА ПОКРОВСКОГО 2 В ЗАСЕДАНИИ III ДУМЫ 28 Ноября 1908 г.

(По вопросу о 450-миллионном займе).

ПОКРОВСКИЙ 2 (Кубанская и Терская обл. и Черноморская губ.). Я, гг., не буду входить в обсуждение того, насколько для министра финансов представляется необходимым, может быть, неизбежным, заключить долгосрочный заем в 300.000.000 руб. на покрытие краткосрочного займа на ту же сумму, заключенного на покрытие расходов по русско-японской войне; не буду также обсуждать того вопроса, насколько правильно исчисление, сделанное министром финансов на счет предстоящего дефицита по росписи в 150.000.000 руб. в предстоящем году, насколько верен был его расчет, что государственная Дума, при рассмотрении росписи, сведет ее с тем же дефицитом, который предусмотрел г. министр финансов, или до рассмотрения росписи согласится на веру с этой суммой дефицита в 150.000.000 руб. и разрешит ему заем в 450.000.000 руб. Я думаю, что министр финансов, конечно, не ошибся ни в одном из этих пунктов, Министр финансов прекрасно знает наши долговые обязательства, прекрасно знает состояние государственного казначейства и прекрасно знает третью государственную Думу, которая не отказывает правительству ни в каких предположениях и начинаниях (Голоса справа: браво; верно; хорошая Дума). Пусть, с точки зрения министра финансов, все это так, все это необходимо. Но мы рассматриваем все вопросы государственной жизни не с точки зрения министра финансов, а с точки зрения интересов народа, с точки зрения интересов страны. И вот, стоя на этой точке зрения, мы не можем не только разрешить министру финансов заем в 150.000.000 руб. на покрытие еще неопределенного и, с нашей точки зрения, еще не существующего дефицита, но также и займа в 300.000.000 руб., на который почему то фракция народной свободы находит возможным дать разрешение тому же министру финансов. Мы находим невозможным вотировать заем современному министерству на предложенную им сумму в 450.000.000 руб., потому что мы отрицательно относимся ко всей финансовой политике министерства и, в частности, к вопросу о пользовании государственным кредитом, так как государственный кредит, усиленное использование государственного кредита, это, так сказать, — неизбежное дополнение к современной нашей финансовой политике. Наша финансовая политика характеризуется, как известно, следующими чертами: с одной стороны, громадным и быстрым ростом бюджета и преобладанием в бюджете непроизводительных расходов, а с другой стороны, необыкновенным бременем налогов, ложащихся на массы, благодаря косвенному обложению, и так как непроизводительные расходы растут гораздо быстрее, чем растут платежные силы страны, то, как бы правительство ни нажимало свой налоговой пресс, оно, тем не менее, не может выкачать достаточной суммы

для покрытия непроизводительных расходов и должно прибегать к другому источнику, именно к займам, и оно пользуется этой системой займов очень и очень широко, не смущаясь последствиями. Сумма долга из года в год растет: с 6.392.000.000 руб. в 1901 году она к нынешнему году дошла почти до 9 миллиардов, а платежи по займам с 289.000.000 руб. в 1903 г. дошли почти до 400.000.000 руб. в нынешнем году. Таким образом, платежи по займам составляют, по исчислениям самого же министра финансов, 25% нашего чистого расходного бюджета. Четверть бюджета составляют платежи по займам, — 400.000.000 руб. совершенно непроизводительных расходов тяжелым бременем ложатся на массу. Мы понимаем, что можно производить государственный заем, когда деньги, полученные извне, идут на производительное назначение, когда эти деньги дадут нужную сумму и для покрытия платежей для займа и, кроме того, останется избыток в стране. Но, к сожалению, наши займы от начала до конца не таковы. Все наши займы непроизводительны; 2/3 из них пошли на всевозможные военные приключения, значит, пошли прахом в интересах страны и народа; 1/3 пошла якобы на производительные расходы—на железнодорожное строительство. Но мы знаем, что в руках правительства и железные дороги не только не дают чистого дохода для покрытия платежей по займам, но дают убыток, и, таким образом, ложатся новым налоговым бременем все на те же платящие массы. Оно и понятно: ведь все наши дороги или большинство дорог, стоящих дорого—дороги стратегические. Не далее как в прошлую сессию третья государственная Дума приняла опять-таки новый 300-миллионный расход на Амурскую дорогу, которая, конечно, пока никакого экономического значения не имеет и исключительно преследует цели стратегические. Можно, следовательно, сказать, что вся сумма займов пошла у нас на военные авантюристические похождения. Таким образом, вся система кредита, которым так широко пользуется правительство, необходима для поддержки современной финансовой системы, необходима правительству для поддержания его существования, но для народа она дает только тернии. Народ из 2.500.000.000 руб. бюджета, который собирается с него, путем податных экзекуций и любезным угощением казенной монополькой, народ из этих 2.500.000.000 руб. получает очень и очень жалкие крохи. По вычислению самого министра финансов, на производительные расходы идет только 12% нашего расходного бюджета. Все министры как бывшие, так и настоящие, обычно говорят: да, конечно, нам предстоят расходы и на производительные надобности, но придется подождать: на это денег нет. Так говорил бывший министр финансов Витте в прошлую сессию в Государственном Совете, то же самое говорит и настоящий министр финансов г. Коковцов в объяснительной записке к росписи на 1909 год; на ту же тему смеялся с этой трибуны министр, так называемого, народного просвещения Шварц, когда говорил: вот вы хотели 6.000.000 р... (*Пуришкевич,* с места: как это так: так называемого?) ассигновать на начальные школы по смете министерства народного просвещения. Однако... (голос справа: пошел вон... шум; звонок председателя) — говорил он с сатанинской насмешкой, — вы не нашли 6.000.000 руб. в своем кармане, а через несколько дней та же Государственная Дума

нашла 62.000.000 руб. на экстренные военные надобности. Да, на военные приключения, на администрацию, на полицию, на сыскные и охранные отделения у нас деньги всегда найдутся, но на народную культурную нужду — нет. К чему же приводит такая система широкого использования, я бы сказал, эксплоатации государственного кредита? Конечно, прежде всего к расстройству нашего государственного кредита, к низкому курсу наших бумаг и к невозможности заключить, когда нужно, заем на более или менее выгодных условиях. Достаточно просмотреть наши займы последних лет, 1904 — 1905 г.г., сравнить нарицательную сумму и действительную. Подведя итог, вы увидите, что нарицательная сумма займа — 2.512.000.000 руб., действительная — 2.232.000.000 руб.; значит, мы потеряли 279.000.000 руб. или 11%. Прошлогодний 5% внутренний заем, тоже заключенный при благоприятных условиях рынка, оказывается далеко не так выгоден. В п. 2 Указа говорится, что заем освобожден от всяких налогов. Уже такая привилегия дает потерю казне ежегодно в пол-миллиона рублей. Погашение производится в 45 лет, и казначейство на 45 лет отягчено платежами в 11.200.000 руб. ежегодно, что в конечном итоге потребует около 494.000.000 руб. процентов и погашения по займу, выручка которого, по заявлению самого министра финансов, определилась в 188.000.000 руб. Теперь, в настоящее время, нам предлагают опять произвести внешний заем, примерно на пол-миллиарда; снова, значит, предполагается обременить население непроизводительным расходом в 20 — 25.000.000 руб. Создается заколдованный круг: все новые и новые займы, все новые и новые непроизводительные платежи. При непроизводительности платежей невозможно обойтись обыкновенными доходами и необходимо заключить опять заем — заколдованный круг, из которого выход один, кажется, — банкротство; недаром многие иностранные финансисты пытаются выяснить — сколько примерно нужно лет, десятилетий для того, чтобы мы пришли к финансовому банкротству. Однако, такое тревожное положение наших финансов нисколько не беспокоит г. министра финансов... (смех справа, звонок председателя), который не ищет никакого выхода из этого круга; ему не важно состояние страны, ему важно сохранение своей системы. Но долго ли может быть терпимо такое состояние. С точки зрения интересов народа давно нужно бы положить этому конец, и министр финансов прекрасно знает, насколько расходятся его интересы с интересами страны и народа. Вспомните, как в 1906 году, перед созывом первой Думы, правительство напрягало все старания, чтобы призанять денег за-границей, оно пошло на самые невыгодные и унизительные, я бы сказал, сделки, чтобы заключить заем в апреле месяце, накануне созыва первой Думы, потому что оно боялось встретить в первой Думе действительное народное представительство, которое, конечно, не дало бы благословения на его финансовые эксперименты. (Шум справа; рукоплескания слева). Вспомните, что в первой и во второй Государственных Думах, где оппозиция была многочисленнее и где большинство, состоявшее, между прочим, из партии, которая в настоящее время состоит в оппозиции, но которая тогда, будучи в центре, составляла более последовательную оппозицию правительству, вспомните, что ни в первой, ни во второй Думе

вопроса о займе не было; мало того, ни через первую, ни через вторую Думу министр финансов не провел своей росписи. Но теперь, г.г., мы в третьей Государственной Думе... (*Пуришкевич*, с места: и слава богу), и санкция всем правительственным предположениям и предначертаниям предрешена еще 3 июня 1907 года. (Рукоплескания слева). Здесь думское большинство состоит из господ дворян и представителей торгово-промышленных сфер... (*Гр. Бобринский 2*, с места: и поехал), а народ здесь представлен так же, как, скажем, представлен он на сцене Александринского театра при постановке пьесы «Смерть Иоанна Грозного». (*Пуришкевич*, с места: а у вас как, в Вяземской лавре?) Понятно, что в третью Государственную Думу министр финансов приходит, как в свой департамент... (смех справа; рукоплескания слева), и не удивительно, что на протяжении одного года, на расстоянии меньше чем полгода он уже входит со вторым законодательным представлением о займе, рассчитывая, конечно, на вполне благосклонное отношение со стороны думского большинства; и уверенность его вполне основательна: простота отношений со стороны министерства к Государственной Думе доходит до чрезвычайности. Членам Государственной Думы, даже членам бюджетной комиссии не дана была возможность ознакомиться с законодательным представлением министра финансов; все делалось по доверенности г. докладчика бюджетной комиссии. (Слева рукоплескания и голоса: верно). Мы не можем относиться с таким спокойствием к народным интересам, как делает это большинство, и санкционировать всякие предначертания и финансовые эксперименты г. министра финансов. Мы требуем во имя интересов народа оздоровления всей нашей финансовой практики, требуем разумного отношения к нашему государственному кредиту. Пора оставить обыкновение — очень скверное обыкновение — сводить нашу роспись с неизменным дефицитом, а для этого, конечно, необходимо уничтожить и факторы, создающие этот дефицит, т.-е. (голос справа: забастовки) чрезмерные, непроизводительные расходы, из которых некоторые надо преуменьшить, а некоторые давным давно нужно бы уничтожить. В смысле кредита необходимо удержаться может быть, на порядочное время, от займов, необходимо создать здоровую экономическую политику, поднять материальный, культурный уровень страны, поднять курс наших бумаг, создать, одним словом, благоприятное положение денежного рынка и использовать его, прежде всего, для того, чтобы произвести конверсию наших прежних высокопроцентных долгов. Кредитом нашим заграничным еще воспользуемся, воспользуемся только для обновления освобожденной страны, а современному, крепостнически-хищническому правительству, со стороны действительных представителей народа, никакого кредита оказываемо быть не должно. (Рукоплескания слева). Достаточно республиканская Франция снабжала Россию своими миллиардами для поддержания в ней азиатского деспотизма. (Голос справа: ну, ну, потише; рукоплескания слева; звонок председателя). Народу таких услуг не надо. Поэтому, в ответ на законодательное представление министра финансов, социал-демократическая фракция предлагает ответить... (голос справа: социал-демократическую галиматью) следующей формулой перехода (читает):

«Принимая во внимание: 1) что наши государственные займы до сих пор совершались, преимущественно, для непроизводительных целей, вели лишь к экономическому закабалению страны в руки иностранных банкиров и к истощению податных сил народа, 2) что данный заем предназначается для покрытия расходов дальне-восточной авантюры и дефицита по бюджету, лишенному начал здравой финансовой политики и преследующему лишь интересы полицейско-бюрократического режима, — Государственная Дума отвергает данный законопроект о займе и переходит к очередным делам». (Рукоплескания слева).

К статье «Всероссийская конференция Р.С.-Д.Р.П. 1908 г.».

(Стр. 118).

РЕЗОЛЮЦИИ.

1. Резолюция по отчетам.

1) Конференция констатирует, что Ц. К. партии при современных, неслыханно тяжелых, политических условиях и при создавшихся внутрипартийных отношениях делает все возможное, чтобы провести в жизнь политическую линию, намеченную Лондонским съездом. Конференция предлагает Ц. К. продолжать охранение целости и единства партии и борьбу против дезорганизаторских тенденций внутри ее, ведущих к разрыву этого единства.

2) Констатируя, что в ряде мест замечаются со стороны некоторой части партийной интеллигенции попытки ликвидировать существующую организацию Р.С.-Д.Р.П. и заменить ее бесформенным объединением, в рамках легальности во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценою явного отказа от программы, тактики и традиций партии,— конференция находит необходимым самую решительную идейную и организационную борьбу с ликвидаторскими попытками и призывает всех истинно-партийных работников, без различия фракций и направлений, к самому энергичному сопротивлению этим попыткам.

3) Конференция полагает, что вполне успешная работа Ц. К. возможна только в том случае, если меньшинство его будет, подчиняясь партийной дисциплине, лойяльно работать в рамках одного учреждения и в его исполнительных органах, и констатирует, что отказ от такой работы означает бойкот партии.

2. О современном моменте и задачах партии.

Современное политическое положение характеризуется следующими чертами:

а) Старое крепостническое самодержавие разлагается, делая еще шаг по пути превращения в буржуазную монархию, прикрывающую абсолютизм лжеконституционными формами. Открыто закреплен и признан государственным переворотом 3 июня и учреждением 3 Думы союз царизма с черносотенными помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии. Став по необходимости окончательно на путь капиталистического развития России и стремясь отстоять именно такой путь, который сохранял бы за крепостниками-землевладельцами их власть и их доходы, самодержавие лавирует между этим классом и представителями капитала. Их мелкие раздоры используются для поддержания абсолютизма, который вместе с этими классами ведет бешеную контр-революционную борьбу с обнаружившими свою силу в недавней массовой борьбе социалистическим пролетариатом и демократическим крестьянством.

б) Таким же буржуазным характером отличается аграрная политика современного царизма. Он потерял всякую веру в наивную преданность крестьянской массы монархии. Он ищет союза с богатыми крестьянами, отдавая им деревню на разграбление. Самодержавие делает судорожные усилия, чтобы скорее сломать все общинно-надельное землевладение и укрепить исключительно частную поземельную собственность. Такая политика обостряет во сто крат все противоречия капитализма в деревне и ускоряет разделение деревни на ничтожное меньшинство реакционеров и революционную пролетарскую и полупролетарскую массу.

в) Либеральная буржуазия с партией к.-д. во главе, вступившая на контр-революционный путь, уже при первых крупных выступлениях масс в революции, продолжает идти по этому пути, еще более сближаясь с октябристами, и своей царистско-националистической агитацией фактически служит службу абсолютизму и крепостникам-помещикам.

г) Крестьянские массы, как показывает даже их придавленное и искаженное представительство в 3 Думе, продолжают—несмотря на все преследования демократических элементов деревни—оставаться, при всех своих колебаниях, на стороне революционно-демократического аграрного переворота, который, совершенно уничтожая помещичье землевладение, обеспечил бы тем наиболее быстрое, широкое и свободное развитие производительных сил в капиталистической России. Закон 9-го ноября только ускоряет разделение крестьянских масс на непримиримо-враждебные и сознательно-политические силы.

д) На пролетариат обрушилось и обрушивается всего больше ударов и со стороны самодержавия и со стороны быстро-объединяющегося и наступающего капитала. Несмотря на это, пролетариат сохраняет, по сравнению с другими классами, наибольшую сплоченность и наибольшую верность своей классовой партии, с которой слила его революция. Пролетариат продолжает борьбу за свои классовые интересы и углубляет свое социалистическое классовое сознание, оставаясь единственным классом, способным последовательно руководить новой революционной борьбой.

е) В общем и целом несомненно, что объективные задачи буржуазно-демократической революции в России остаются нерешенными. Продолжающийся экономический кризис, безработица и голодовка показывают, что новейшая политика самодержавия не может обеспечить условий капиталистического развития России. Эта политика неизбежно ведет к углублению политической борьбы различных классов. Основные факторы экономической и политической жизни, вызвавшие революцию 1905 г., продолжают действовать, и новый революционный кризис назревает при таком экономическом и политическом положении неизбежно.

ж) Общее обострение на мировом рынке, объясняющееся, главным образом, изменениями промышленного положения Западной Европы в сторону кризиса, перешедшего в 1908 г. в форму депрессии, и революционными движениями на Востоке, знаменующими собою создание национальных капиталистических государств, усиливает конкуренцию, ведет к учащению международных столкновений, обостряя этим классовое противоречие между буржуазией и пролетариатом и делая общую международную обстановку все более революционной.

Исходя из такого положения вещей, всероссийская конференция Р. С.-Д.Р.П. признает, что основными задачами партии являются в настоящий момент следующие:

1) Разъяснение широким массам народа смысла и значения новейшей политики самодержавия и роли социалистического пролетариата, который, ведя самостоятельную классовую политику, должен руководить демократическим крестьянством в современной политике и в предстоящей революционной борьбе. Целью этой борьбы является попрежнему свержение царизма, завоевание политической власти пролетариатом, опирающимся на революционные слои крестьянства и совершающим буржуазно-демократический переворот путем созыва всенародного Учредительного Собрания и создания демократической республики. [illegible]

2) Всестороннее изучение и широкая популяризация опыта массовой борьбы в 1905—1907 г.г., давшего незаменимые уроки, подтвердившие правильность революционно-социал-демократической тактики.

3) Укрепление Р. С.-Д. Р. П., как она сложилась в революционную эпоху; ведение попрежнему непримиримой борьбы, как с самодержавием и реакционными классами, так и с буржуазным либерализмом; борьба с отступлениями от революционного марксизма и с укорачиванием лозунгов Р. С.-Д. Р. П., обнаруживающимися с особенной силой в настоящее время среди некоторых партийных элементов, поддавшихся влиянию распада.

4) Всестороннее содействие экономической борьбе рабочего класса, согласно резолюциям Лондонского и Штутгартского конгрессов.

5) Использование Думы и думской трибуны для революционной социал-демократической пропаганды и агитации.

6) На очередь дня выдвигается, прежде всего, длительная работа воспитания, организации и сплочения сознательных масс пролетариата. Затем, в подчинении этой задаче, необходимо распространение партийной работы на крестьянство и армию, особенно в форме литературной пропаганды и агитации, причем главное внимание должно быть обращено на социалистическое воспитание пролетарских и полупролетарских элементов в крестьянстве и армии.

3. По поводу отсутствия представителей думской с.-д. фракции.

Конференция выражает крайнее сожаление по поводу того, что думская фракция не прислала своего делегата на общероссийскую конференцию, на которой в порядке дня стоял ряд важных вопросов и специально вопрос о деятельности думской фракции, и предлагает Ц. К-ту выяснить причины неявки делегата.

4. О думской с.-д. фракции.

По поводу деятельности думской с.-д. фракции, являющейся одним из служебных органов, подчиненных партии и ее Центральному Комитету, конференция — в целях поднятия на должную высоту необходимой для партии деятельности фракции и в интересах правильного освещения ее работ всей партией в агитации и пропаганде — констатирует:

что в деятельности фракции за истекший период, на ряду с правильными выступлениями, были уклонения от политической линии нашей партии, каковыми следует признать в особенности:

a) отсутствие в программной декларации, с которой фракция выступила в начале первой думской сессии, определенно выраженного классового и социалистического содержания и урезывание и затушевывание в ней последовательно-демократических требований нашей программы-минимум;

b) отсутствие в общих бюджетных речах и формуле социалистической мотивировки голосования социал-демократии не только против бюджета современного русского государства, но и против всякого бюджета буржуазного государства;

c) голосование за $6^1/_2$ миллионов — вместо воздержания — на нужды первоначального народного образования, в действительности ассигнованные в распоряжение ультра-черносотенного министра Шварца;

d) неоднократное некритическое восхваление I и II Дум в их целом, как Дум «народных» и проч., и отсутствие указаний, что и в них голоса представителей рабочих и крестьян подавлялись голосами представителей небольшого меньшинства состоятельных классов;

e) отсутствие принципиальной мотивировки отказа в разрешении правительству займа в 450 миллионов рублей и отсутствие критики либеральной оппозиции, соглашавшейся голосовать за заем в несколько уменьшенном только размере и т. д.;

что фракция вообще не давала должного освещения буржуазной оппозиции и с к.-д. партией во главе, фактически ставшей на путь империализма и явной поддержки контр-революции;

что фракция неоднократно не исполняла прямых постановлений Ц. К.

Ввиду всего этого, конференция, — констатируя вместе с тем, что вина за уклонения фракции лежит не на ней одной, ибо она работает при особо тяжелых условиях черносотенной Думы, а в некоторой степени также на всех организациях партии и на ее Ц. К., которые далеко не сделали еще всего необходимого и возможного для правильной постановки думской работы партии, — находит, что:

1) в своей дальнейшей деятельности фракция должна служить партии в духе, указанном Лондонским съездом, и в согласии с директивами Ц. К. партии.

2) основной задачей фракции в контр-революционной III Думе является — служить в качестве одного из органов партии делу с.-д. пропаганды, агитации и организации, отнюдь не становясь на путь так называемого положительного законодательства и погони за мелкими мнимыми реформами и, не ограничиваясь выступлениями только по вопросам, выдвигаемым думским большинством, всячески стараться подымать в Думе вопросы, волнующие рабочие массы и нашу партию;

3) в интересах выполнения этих агитационно-пропагандистских задач фракции, необходимо в возможно близком будущем:

a) внести в Думу самостоятельные проекты рабочего законодательства 8-часовой рабочий день, свобода союзов и стачек, страхование рабочих и т. п.);

б) в той или иной форме подымать возможно чаще вопрос о наступлении капитала в области экономической, связывая его с изменившимся соотношением сил в политической борьбе, вопрос о безработице в городах и голодовке в деревнях и т. п.;

в) внести ряд законопроектов, выдвигающих требования нашей программы-минимум, придавая этим законопроектам популярную форму, доступную широким слоям народа;

г) начать энергичную агитацию против контр-революционной внешней политики правительства и поддерживающих его партий, а также против тех империалистических и националистических стремлений, которые усваивают себе кадеты и часть октябристов;

д) фракция должна раскрывать и клеймить с думской трибуны политику правительства и думского большинства в национальном вопросе, постоянно обращать внимание на национальные вопросы внутри государства и энергично поддерживать выставленные партийной программой требования в защиту прав угнетенных народностей;

е) в той или другой форме поднять вопрос о положении армии и дать защиту требований, выдвинутых в дни революционного подъема солдатами и матросами;

ж) выступая на защиту местных, хотя бы мелких и частных нужд населения, фракция должна связывать эти частные нужды с общими требованиями партии и ставить своей задачей — обнаруживать перед народом невозможность сколько-нибудь удовлетворительного разрешения местных нужд при современном режиме и отказываться от поддержки тех из местных требований, которые противоречат общим интересам пролетариата;

з) по вопросу о бюджете конференция полагает, что голосование за бюджет в целом признается принципиально недопустимым. Голосование за отдельные статьи бюджета классового государства, узаконяющие расходы на орудия угнетения масс (войско, полиция, администрация, суды и т. д.), признается также недопустимым.

При голосовании за реформы или за статьи о расходах на культурные потребности, во главу угла следует положить тот принцип нашей программы, по которому с.-д. отвергают те реформы, которые связаны с полицейско-чиновничьей опекой над трудящимися классами.

Поэтому общим правилом должно быть голосование против проводимых в III Думе так называемых реформ и статей расходов на так называемые культурные потребности.

В тех же исключительных случаях, когда имеются серьезные шансы на улучшение положения рабочих и низших служащих, или на действительное удовлетворение культурных потребностей широких масс населения — фракция, смотря по обстоятельствам, воздерживается (со внесением особой мотивировки) или голосует за, обсудив предварительно вопрос с Ц. К. и представителями партийных и профессиональных организаций;

и) фракция должна связаться возможно теснее со всеми местными и национальными партийными организациями, с с.-д. группами, действующими внутри профессиональных союзов и других рабочих организаций, с самими этими союзами и организациями; выступать на рабочих собраниях и вообще расширять, по возможности, свою внедумскую деятельность.

Конференция далее обращает внимание всех местных и национальных партийных организаций и Ц. К. партии на то, что недостаточное их содействие фракции, имевшее место до сих пор, в значительной степени затрудняло ее деятельность, и считает необходимым, чтобы все партийные организации:

а) доставляли во фракцию всяческие сведения о положении рабочих, действиях администрации и объединенного капитала, материалы для запросов и речей, резолюции рабочих собраний и партийных групп, проекты речей, давали систематические деловые указания относительно предстоящих шагов фракции и деловую критику прошлых ее шагов;

б) распространяли в массах речи, запросы, законопроекты и отчеты фракции, дополняя и используя ее выступления в массовой агитации, в листках и проч.

5. Организационный вопрос.

Директивы для комиссии по организационному вопросу.

Принимая во внимание, что представленные проекты резолюций и прения по организационному вопросу с ясностью обнаружили два основных течения в Р.С.-Д.Р.П. по вопросу о коренном направлении современной организационной политики вообще,—

Конференция поручает комиссии положить в основу своих работ принципы того направления, которое признает, что для работы среди масс, остающейся попрежнему основной задачей социал-демократии, центр тяжести должен быть перенесен на создание и укрепление нелегально-партийной организации, и что только под неуклонным воздействием этой организации может быть правильно поставлена вся работа среди масс, все воздействие на думскую фракцию, вся деятельность партии вокруг думской фракции, все использование легальных и полулегальных организаций без всякого принижения классовых задач социал-демократии.

Принятая конференцией после комиссионной работы резолюция.

Принимая во внимание, что:

1) хотя торжество контр-революции в данный момент создает временное равнодушие к партии в среде революционно-настроенных, но в социалистическом отношении малосознательных рабочих, перед партией, тем не менее, попрежнему стоит основная задача дальнейшего развития политическо-экономической агитации и организационной работы в среде возможно более широких рабочих масс;

2) что это торжество, отдалив осуществление демократических лозунгов партии, выбрасывает из партийных рядов все колеблющиеся интеллигентские и мелкобуржуазные элементы, примкнувшие к рабочему движению, главным образом, в надежде на близкое торжество революции;

3) что изменившиеся политические условия все более и более делают невозможной постановку с.-д. деятельности в рамках легальных и полулегальных рабочих организаций;

4) что личный состав руководящих партийных учреждений все больше и больше замещается сознательными элементами пролетариата, углубляющего свое классовое самосознание под влиянием пережитого опыта революционных лет;

5) современные условия работы делают невозможным применение принципа демократического строительства организации в полной широте,—

конференция находит, что:

а) партия должна обратить особое внимание на использование и укрепление существующих и учреждение новых нелегальных, полулегальных и, по возможности, легальных организаций, которые могли бы служить ей опорным пунктом для агитационной, пропагандистской и практически-организационной работы среди масс, как-то: заводские собрания, пропагандистские кружки, нелегальные и легальные профессиональные союзы, клубы, разные просветительные рабочие общества и т. д. Вся эта работа окажется возможной и плодотворной лишь в том случае, если в каждом промышленном предприятии будут существовать чисто партийные, хотя бы и немногочисленные, рабочие комитеты, тесно связанные с массами, и если вся работа в легальных организациях будет вестись под руководством нелегальной партийной организации;

б) для объединения партийной работы на местах необходимо: а) организовать в каждой области областные центры, которые должны оказывать не только техническую поддержку местным организациям, но и помогать последним и в идейном руководстве и восстановлять их в случае провала; б) установить самую тесную связь местных и областных организаций с Центральным Комитетом;

в) для обеспечения правильного и непрерывного функционирования местных организаций допустимо частное применение принципа кооптации, причем кооптированные члены должны быть при первой возможности заменены товарищами, законно выбранными на основании устава. Что же касается содержания организационной работы, то конференция находит, что помимо политической и экономической агитации в связи с современным моментом, на которую указывается в резолюциях о задачах партии и о думской фракции, партия должна обратить особенное внимание на углубление с.-д. миросозерцания среди широких кругов партийных работников, в частности на выработку практических и идейных руководителей с.-д. движения из среды самих рабочих.

6. Об объединении национальных организаций на местах.

1) Конференция предлагает Ц. К. принять меры к проведению объединения местных организаций нашей партии во всех тех областях, где оно до сих пор—вопреки решению Стокгольмского съезда—не произошло;

2) при этом конференция находит, что объединение это должно исходить из принципа единства с.-д. организации во всякой отдельной местности и решительно высказывается против того, чтобы в основу объединения был положен принцип федерализма.

7. Об объединении с социал-демократической партией Литвы.

Конференция Р. С.-Д. Р. П. поручает Ц. К. сделать дальнейшие шаги к приведению в исполнение пожелания Лондонского съезда об объединении С.-Д. П. Л. с Р. С.-Д. Р. П.

8. Об объединении с «левицей» П. П. С.

Конференция, заслушав предложение тов. меньшевиков об объединении с «левицей» П. П. С., переходит без прений к очередным делам.

9. О созыве партийного съезда.

Ввиду того, что, согласно организационному уставу, партийный съезд должен был состояться уже летом истекшего года и что на опрос Ц. К. часть местных организаций отозвалась в вопросе о созыве съезда одобрительно, —

конференция предлагает Ц. К. произвести анкету по местным организациям по вопросу о сроке созыва съезда и о желательном модусе выборов на съезд.

Ввиду изменившихся условий партийной работы, конференция полагает, что окажется необходимым изменение норм представительства на съезд и предлагает Ц. К. при выработке модуса представительства руководствоваться исключительно результатами анкеты, ограничиваясь подсчетом голосов.

При этом результаты анкеты должны быть опубликованы не позже, как через 5 месяцев после утверждения данного решения Ц. К.

10. О работе Центрального Комитета.

1) Конференция одобряет постановления Ц. К., который, в силу создавшегося положения вещей, должен был создать в России орган сокращенного состава, облеченный всеми правами пленарного состава Ц. К.

2) Вновь выдвигающиеся принципиально-тактические вопросы, по мнению конференции, должны, по возможности, рассматриваться в пленуме Ц. К. и только в случаях абсолютной неотложности разрешаться сокращенным составом Ц. К.

3) Конференция предлагает Ц. К., путем более частых объездов членами Ц. К., путем рассылки агентов, от сокращенного состава Ц. К., действующего в России, и путем улучшенной постановки письменных сношений, усилить контроль и связь с местными, областными и национальными организациями.

4) Ввиду значения работы партии за границей и ввиду наличности за границей массы трений и дезорганизаторской оппозиции деятельности Ц. К. — конференция считает полезным и необходимым существование за границей общепартийного представительства в форме заграничного Бюро Ц. К.

11. О Центральном Органе.

Конференция выражает свое сожаление по поводу того, что за все время от Лондонского съезда появился всего один номер Ц. О., и настаивает, чтобы Ц. К. в самом ближайшем времени приступил к изданию Ц. О.

12. О конфликте с частью заграничных групп содействия.

Конференция признает вполне правильным постановления пленарного заседания Ц. К. о постановке работы за границей и предлагает Ц. К., во имя единства партии, приложить все усилия для устранения раскола за границей и для борьбы против дезорганизаторских тенденций за границей.

К «Письму к партийным организациям»
(стр. 223).

РЕЗОЛЮЦИИ ПЛЕНАРНОГО СОБРАНИЯ Ц. К., ОПУБЛИКОВАННЫЕ В № 11 «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА», ЗА 1910 ГОД.

1. Положение дел в партии.

В развитие основных положений резолюций партийной конференции 1908 г., Ц. К. постановляет:

1. Тактика социал-демократов всегда едина в своей принципиальной основе, идет ли речь об эпохе открытой гражданской войны и общественных потрясений или о периоде общественного застоя. Она всегда рассчитана на то, чтобы дать максимум результатов, как в случае быстрой ломки условий сегодняшнего момента, так и в случае сравнительной неподвижности данной политической обстановки.

Для сознательного российского пролетариата, выходящего из состояния придавленности, в которое он был временно повергнут торжеством контр-революции, впервые открывается возможность, организуясь в массовую с.-д. партию, применять сознательно, планомерно и последовательно этот тактический метод международной социал-демократии, выработать тактику, рассчитанную не на данную лишь конкретную обстановку ближайшего момента, а на различные пути, которыми может пойти совершающееся после поражения революции 1905 г. приспособление поколебленного абсолютизма к условиям существования капиталистического общества. Его тактика должна способствовать накоплению его сил и развитию энергии его классовой борьбы, в какую бы форму ни вылился неизбежный крах контр-революционной политики пытающегося приспособиться к потребностям буржуазного развития абсолютизма и какую бы ни принял форму неизбежный общественный кризис. Тактика эта делает пролетариат готовым к новой открытой революционной борьбе и в то же время дает ему возможность использовать для себя все противоречия неустойчивого режима контр-революции.

2. Рабочее движение в России переживает период крупнейшего исторического перелома. С одной стороны—упадок массовой борьбы, крайнее усиление репрессий, объединение капитала и наступление его, развал организаций и бегство интеллигенции из партии, — все это порождает острый кризис с.-д. партии. С другой стороны, несомненно наблюдается повсюду, что пробивает себе дорогу новое поколение с.-д. рабочих, прошедших под руководством социал-демократов политическую школу в событиях революции и контр-революции, стремящихся отстоять задачи революции и методы ее, найти соответствующие новым условиям исторического момента формы борьбы и обновить партийную с.-д. организацию.

3. На основе такого состояния рабочего движения наблюдается повсюду у сознательных представителей его тяга к концентрации партийных с.-д. сил, к укреплению партийного единства.

Широкое контр-революционное течение в либеральных и мелкобуржуазно-демократических слоях народа усиливает в сознательном пролетариате стремление отстоять свою классовую партию, ее революционные цели и методы действия, сплотить всех социал-демократов против укрепившихся и наступающих врагов.

Открытые наступления пролетариата, как на думской трибуне (через с.-д. депутатов 3-й Думы), так и на легальных съездах и во всякого рода легальных учреждениях, ведут к сплочению его сил, усиливают стремление противопоставить себя всем остальным классам, оказать организованное влияние на общественную жизнь и, таким образом, отстоять революционно-социал-демократические цели и классовый характер своего движения.

Все сильнее сознается необходимость объединить разрозненные нелегальные группы социал-демократов в открытых и полуоткрытых учреждениях и партийные рабочие ячейки, использовать все легальные учреждения для возрождения массового движения и превратить все эти учреждения в опорные пункты социал-демократической работы; все сильнее становится стремление положить конец кустарничеству и помочь созданию работоспособного и действительно руководящего работой на местах Центр. К-та.

У передовых рабочих, на ряду с стремлением углубить свое социалистическое мировоззрение и понимание марксизма, крепнет сознание необходимости усилить экономическую борьбу и профессиональное единение, а также развить политическую агитацию в массах.

4. В области идейно-политических задач социал-демократического движения в свою очередь выдвинулись такие, которые властно требуют партийного единства и создают его через все препятствия:

а) Историческая обстановка социал-демократического движения в эпоху буржуазной контр-революции неизбежно порождает, как проявление буржуазного влияния на пролетариат, с одной стороны — отрицание нелегальной социал-демократической партии, принижение ее роли и значения, попытки укоротить программные и тактические задачи и лозунги революционной социал-демократии и т. д.; с другой стороны — отрицание думской работы социал-демократов и использования легальных возможностей, непонимание важности того и другого, неумение приспособить революционно-социал-демократическую тактику к своеобразным историческим условиям современного момента и т. д.

б) Неотъемлемым элементом социал-демократической тактики при этих условиях является преодоление обоих уклонений путем расширения и углубления социал-демократической работы во всех областях классовой борьбы пролетариата и разъяснения опасности этих уклонений.

в) Сознание опасности обоих указанных уклонений и задача их преодоления делает еще более необходимым восстановление организационного единства Р. С.-Д. Р. П., и это обстоятельство, в связи с очерченными выше объективными условиями, усиливает необходимость уничтожения фракционности, уничтожения всех более или менее организованных фракций и превращения их в течения, не нарушающие единства партийного действия.

(В целом принято единогласно).

2. О созыве очередной общепартийной конференции.

В виду того, что областные организации в настоящее время в большинстве областей разрушены и созыв обширных областных конференций до крайности затруднен политическими препятствиями, Ц. К. рекомендует произвести выборы областных делегаций на следующих началах:

а) По совещании с местными организациями, Ц. К. намечает в каждой области соответствующее число важнейших пунктов социал-демократического движения. Общее число делегатов от области распределяется между этими пунктами.

б) Организации менее значительных пунктов социал-демократической работы присоединяются для выбора делегата к ближайшим крупным пунктам.

Примечание 1. Это не исключает областные конференции, если созвать таковые окажется возможным.

Примечание 2. При этом Ц. К. настоятельно приглашает товарищей избирать делегатов на конференцию обязательно из числа партийных работников, действующих на местах.

Ц. К. признает необходимость предварительной разработки вопросов порядка дня на местах и рекомендует перенести обсуждение этих вопросов не только в районные, заводские и т. п. партийные ячейки, но и в среду социал-демократических участников легального движения, готовых восстановить организационную связь с партией. При организации выборов партийные группы в легальном рабочем движении должны быть привлечены к выборам на общих со всеми партийными ячейками основаниях.

Считаясь с тем обстоятельством, что полное установление прочной организационной связи между различными формами социал-демократической деятельности на местах представляет огромные трудности, для преодоления которых неизбежно потребуется долгая и упорная работа, и признавая, что участие в ближайшей же общепартийной конференции возможно большего числа партийных деятелей открытого рабочего движения могло бы сильно двинуть вперед осуществление этой задачи, — Ц. К. признает необходимым дополнительное представительство от социал-демократических групп в легальном движении, готовых установить прочную организационную связь с местными партийными центрами. Предоставляя этим дополнительным делегатам совещательный голос, Ц. К. передает окончательное решение вопроса о совещательных или решающих голосах самой конференции.

Для успешной подготовки ближайшей общерусской конференции и в интересах дальнейшего сплочения социал-демократов, действующих в различных областях рабочего движения, в единую партийную организацию, Ц. К. рекомендует областным и местным партийным центрам взять на себя инициативу созыва совещаний — местных и областных — из работников основных партийных ячеек фабрично-заводских, районных и т. д. комитетов, с одной стороны, и партийных социал-демократических групп, а также отдельных деятелей в рабочем движении — с другой стороны.

Задачей подобных совещаний должно быть обсуждение вопросов порядка дня общепартийной конференции, а также всех вообще вопросов текущей социал-демократической деятельности на местах.

Ц. К. наметил следующий предварительный порядок дня конференции:

1. Экономическая борьба (профессиональные союзы — легальные и нелегальные, пресса смешанной комиссии, институты старост и т. д.).

2. Работа партии в связи с думской деятельностью (в том числе вопросы рабочего законодательства, страхования рабочих и пр.).

3. Организованное участие в общественных съездах и во всех государственных и общественных учреждениях, затрагивающих интересы рабочего класса (городские думы, земства, общества обывателей и избирателей...).

4. Кооперативы.

5. Пропагандистская и организационная деятельность в различных легальных обществах (просветительные общества, клубы, общества трезвости), упрочение существующих и учреждение новых обществ.

6. Вопросы пропаганды и агитации (Ц. О., рабочая газета, листки и прокламации, брошюрная литература, легальная пресса, кружки самообразования, партийная школа).

7. Бюджет партии (постановка партийных организаций в финансовом отношении на пролетарской основе, правильные членские взносы, сборы, оплата нелегальной прессы).

8. Организационные вопросы (политически руководящий центр в России, объединение деятельности на местах, восстановление связи между местными организациями).

(Принято всеми при одном воздержавшемся).

Устав Ц. К.

1. Действующая в России коллегия членов Ц. К. пользуется всеми правами Ц. К.

2. Все члены Ц. К. обязаны исполнять ту или другую часть работы Ц. К.

3. Действующий Ц. К. состоит из членов его и кандидатов, выбранных на Лондонском съезде.

4. .... (конспиративно).

5. В случае выбытия кого-либо из ...... членов коллегии, выбывший замещается выразившим желание работать в России кандидатом Лондонского съезда; в случае отсутствия таковых — одним из кандидатов, заранее намеченных коллегией не из состава кандидатов Лондонского съезда.

6. Новые кандидаты кооптируются большинством русской коллегии при отсутствии хотя бы одного голоса против и считаются исполняющими должность членов Ц. К. впредь до утверждения их общепартийной конференцией.

7. Кандидаты, выбранные Лондонским съездом, замещают выбывающих членов Ц. К. в порядке, установленном уставом.

Вновь кооптированные кандидаты замещают выбывших по течениям, или по принадлежности к национальным организациям.

Порядок замещения выбывших членов Ц. К. устанавливается в деталях русской коллегией.

8. .... (конспиративно).

9. За границей действует назначенное Ц. К-том Заграничное Бюро Ц. К., состоящее из 5-ти членов Ц. К. В состав бюро входят три представителя «национальных» Ц. К.-тов.

Центральные Комитеты национальных организаций имеют право назначать в Заграничное Бюро и не членов Ц. К. Последние не могут участвовать в пленуме Ц. К.

З. Б. Ц. К. заведует имуществом партии, издательскими техническими делами, представляет партию за границей, объединяет заграничные группы содействия партии и служит непосредственным звеном между ними и действующим в России Ц. К.

Большинство членов З. Б. Ц. К. должно жить в одном городе.

10. Пленум из 15 членов Ц. К. созывается: 1) по постановлению русской коллегии (большинством 2/3 гол., но не менее 5-ти); 2) по единогласному постановлению З. Б. Ц. К.; 3) в случае провала более половины русской части Ц. К., если арестованные не могут сейчас же быть заменены наличными кандидатами,

11. В пленум (из 15 членов) привлекаются: 1) члены действующей в России коллегии; 2) члены З. Б. Ц. К., за исключением тех его членов, которые не состоят членами Ц. К.; 3) если те и другие не дают числа 15, то привлекаются к работам пленума и остальные кандидаты в следующем порядке:

а) кандидаты Лондонского съезда, выполняющие какую-либо партийную работу в России;

б) члены Ц. К. и их кандидаты, живущие за границей и занятые на работе, порученной им Ц. К-том.

При замещении кандидатур соблюдается пропорциональность течений. Вопрос о том, кто именно из кандидатов имеет право присутствовать на пленуме, решается имеющимися налицо действительными членами Ц. К. данного течения.

(Принято единогласно).

О Центральном Органе.

Ц. О. рекомендуется: стремясь к тому, чтобы большинство статей было неподписанных (т. е. редакционных), — помещать за подписью авторов такие статьи отдельных товарищей, с которыми редакция соглашается в общем и целом, не соглашаясь с частностями, — чтобы таким образом облегчить участие в Ц. О. представителей различных течений в партии.

Редакция Ц. О. составлена из 2-х большевиков, 2-х меньшевиков и 1 представителя П. С.-Д.

О дискуссионном сборнике.

Создается непериодический дискуссионный сборник.

Его редакция составляется из представителей (по одному) всех существующих в партии течений и по одному от «национальных» организаций.

Для гарантии прав меньшинства 3-м членам редакции обеспечивается право помещать статьи по одному их требованию.

О партийной школе.

Ц. К. постановляет: сделать подготовительные шаги к организации партийной школы за границей.

Ц. К. назначает для этого комитет из 9-ти лиц: 2 большевика, 2 меньшевика, 2 из группы «Вперед», 1 бундовец, 1 польский с.-д., 1 латышский с.-д.

За границей и в России немедленно открывается подписка в пользу школы.

Заграничному Бюро Ц. К. ставится на вид, что оно должно исчерпать все меры к тому, чтобы т.т. Максимов и другие отказались от организации сепаратной школы и вошли в организацию школы при Ц. К-те, в котором им должна быть обеспечена полная возможность полностью применить свои педагогические и лекторские силы.

Копенгагенский Международный Конгресс.

Приняты меры к организации делегации на конгресс и к составлению отчета партии; местным организациям партии предлагается со своей стороны озаботиться посылкой своих представителей на конгресс.

Если общепартийная конференция состоится до конгресса, делегация будет намечена ею.

Представителями партии в международное бюро единогласно выбраны т.т. Г. В. Плеханов и Н. Ленин.

О газете «Правда».

Ц. К. постановляет: оказывать субсидию газете «Правда» и делегировать в редакцию ее своего представителя в качестве третьего редактора.

Всякие изменения в составе редакции «Правда» производятся путем соглашения между редакцией и Ц. К.

Вопрос о превращении «Правды» в орган Ц. К. отложить до ближайшей конференции.

О группе «Вперед».

Ц. К. регистрирует литературную группу «Вперед», как партийную издательскую группу.

Ц. К. предлагает комиссии по организационным вопросам выработать проект мер к тому, чтобы литературно-издательские предприятия группы «Вперед» были включены в общую систему партийной литературной деятельности за границей и существование обособленной группы стало излишним *).

О фракционных центрах.

В виду принятия ряда резолюций, направленных к созданию в партии ф а к т и ч е с к о г о единства и декларации т.т. большевиков, распускающих свой организационный центр и закрывающих «Пролетарий»,— Ц. К. выражает полную уверенность, что редакция Ц. О., проводя резолюции, единогласно принятые Ц. К., будет способствовать сплочению всех литературных сил без различия направлений, и высказывает убеждение, что интересы партии и партийного единства требуют закрытия в ближайшем будущем газеты «Голос Социал-Демократа».

Согласно с этим, Ц. К. обращается к товарищам меньшевикам, членам Ц. К. и Ц. О. с предложением приложить все усилия для достижения этой цели посредством воздействия на своих ближайших единомышленников (в целом принято единогласно).

Вот декларация большевиков:

«В виду того, что Ц. К-том на его последних заседаниях сделан целый ряд шагов к уничтожению фракционных центров и к воссозданию фракционного единства Р. С.-Д. Р. П.;

в виду того, что Ц. К-том е д и н о г л а с н о принята политически важная и партийно-обязывающая резолюция, осуждающая ликвидаторство и отзовизм и признающая борьбу с этими течениями за неотъемлемый

*) Комиссия, выбранная пленумом, не смогла заняться детальной разработкой этих мер. Намеченную здесь задачу, таким образом, остается выполнить самому Ц. К. (Ред. «Соц.-Дем.»).

элемент политической линии партии, а проведение этой линии в жизнь обеспечено составом редакции Ц. О.;

в виду того также, что среди меньшевистской части партии, среди меньшевистских руководителей в частности, ясно намечается стремление покончить со своей фракционной обособленностью, прекратить издание своего фракционного органа, признать единство заграничной кассы З. Б. Ц. К. и способствовать, со своей стороны, проведению этого единства в жизнь;

мы, нижеподписавшиеся, идя целиком навстречу назревшей потребности в организационном единстве партии, заявляем:

1. Мы распускаем свой фракционный центр.

2. Мы прекращаем издание газеты «Пролетарий», оставляя лишь за собою право выпустить в ближайшем будущем последний итоговый номер ее, если фракционный орган меньшевиков будет продолжать выходить.

3. . . . .

4. . . . . (в этих двух пунктах речь идет о немедленной передаче большевиками части своего имущества в Ц. К. и об образовании ими большевистской чисто-литературной группы).

5. Всю остальную, имеющуюся в нашем распоряжении наличность, мы передаем стороннему держателю, предлагая ему, со своей стороны, передать отданную ему на держание сумму в кассу Ц. К. в два годичных срока, буде в течение этого времени окажется, что меньшевистская фракция также принимает все меры, необходимые для действительного уничтожения меньшевистского центра и для утверждения организационного единства партии. Шагами, которые заставили бы нас потребовать от держателя возврата денег, мы считаем: продолжение издания меньшевиками их руководящего фракционного органа, сохранение меньшевистской фракционной кассы, отказ содействовать общепартийным центрам в России и заграницей».

От ред. «Соц.-Дем.». В связи с этим заявлением большевиков, Ц. К. вынес резолюцию, в которой говорится, между прочим, следующее: вносимая большевиками — сверх того, что они немедленно передали в кассу Ц. К., и за вычетом суммы, выданной Ц. К-том большевистской литературной группе взаймы на ведение чисто-издательского дела,—сумма «передается трем товарищам» (о личности этих трех товарищей достигнуто соглашение), которые в определенные сроки определенными долями должны передавать их Ц. К-ту.

Если за это время представители большевистского течения, ссылаясь на мотивы, указанные в их декларации, заявят требование о выдаче им оставшейся к тому времени суммы, то этот вопрос во всем его объеме, т.-е. выдать ли и кому именно (большевистским членам Ц. К. и Ц. О. или Центральному Комитету), — решается окончательно этими держателями, при чем предварительно созывается для этой цели пленум, который принимает по этому вопросу решение; об этом решении и о прениях сообщается держателям.

Если по тем или другим причинам не удастся в течение 3-х месяцев с момента заявления представителями большевистского течения своего тре-

бования устроить пленум, — созывается для этой же цели комиссия из 5-ти членов Ц. К. (1 большевик, 1 меньшевик и по одному от «национальных» организаций).

Об устранении раскола заграницей.

Ц. К. считает ближайшей задачей З. Б. Ц. К. устранение раскола между группами за границей и объединение их с национальным с.-д. группами.

О членских взносах.

Ц. К. считает одной из в высшей степени важных задач постановку партийного бюджета на более прочную основу и рекомендует товарищам сделать все усилия, чтобы добиться в возможно скором будущем правильной постановки членских взносов.

Об отступлениях от партийной дисциплины.

Констатируя, что за время от Лондонского съезда, в связи с делами . . . . в партии имели место факты, противоречащие партийным резолюциям, что некоторые товарищи совершали поступки, нарушающие партийную дисциплину; но имея вместе с тем в виду, что:

1) в намерении указанных товарищей не входило вредить интересам партии;

2) что товарищами, против которых выдвинуты обвинения, руководили лишь неправильно понятые интересы партии;

3) что это неправильное понимание объясняется к тому же по отношению к некоторым членам атмосферой, присущей моменту, непосредственно следовавшему за периодом боевых выступлений масс;

4) что организационные правонарушения и отступления от партийной дисциплины в некоторых из вышеупомянутых дел тесно связаны с существованием фракций и их борьбой внутри партии, —

Ц. А. решительно осуждает подобные отступления от партийных резолюций и нарушения партийной дисциплины и считает необходимым принять все меры к тому, чтобы такие явления впредь в партии не имели места.

К статье «К вопросу о Партийной Конференции»
(стр. 231).

РЕЗОЛЮЦИЯ, ПРИНЯТАЯ БАКИНСКИМ КОМИТЕТОМ 22 Января 1910 года.

(К предстоящей общерусской конференции.)

I. О политической агитации и о фактическом сплочении партии.

Состояние пришибленности и оцепенения, овладевшее одно время движущими силами русской революции, начинает проходить. Провал политики царской власти на Балканах, в Персии и на Дальнем Востоке; смешные потуги правительства успокоить крестьян при помощи закона 9 ноября, обезземеливающего бедных и обогащающего богатых; полная неудовлетворительность «рабочей политики» правительства, лишающей рабочих элементарных свобод и отдающей их в жертву хищникам капитала; растущая задолженность казны и частичная распродажа России заграничным капиталам; полный развал административных аппаратов, выразившийся в воровстве интендантов и железнодорожных воротил, в шантаже сыскных полиций, в мошенничестве охранок и т. д. — все это, делая для масс очевидной неспособность контр-революции справиться с дремлющими силами революции, способствует замечающемуся в последние месяцы среди рабочих оживлению, возбуждает среди них интерес к политической жизни страны, зарождает вопросы: что же делать, куда идти и т. д. Перед партией встает жгучий вопрос о необходимости широкой политической партийной агитации.

Попытки же пользующихся свободой печати либеральствующих контр-революционеров приручить массы путем легальных «съездов» и «обществ» и подорвать среди них влияние социал-демократов — превращают вопрос о необходимости партийно-политической агитации в вопрос жизни и смерти партии.

Между тем, оторванность наших организаций друг от друга и отсутствие практического центра, регулярно действующего в России и на деле объединяющего местные организации в единую партию, исключают возможность осуществления действительно партийной (а не кустарнически-групповой) политической агитации, ставят партию перед невозможностью противопоставить что-либо серьезное систематической травле со стороны «либералов» и роняют тем самым партию в глазах рабочих.

Мы уже не говорим о том, что такое положение вещей, вместо того, чтобы вести к использованию «легальных возможностей», может повлечь за собой самое настоящее использование разрозненных и потому слабых нелегальных организаций «легальными возможностями», конечно, в ущерб интересам социал-демократии.

В виду всего этого, выработку мер для фактического сплочения партии, а стало быть и для осуществления партийно-политической агитации, Бакинский Комитет считает вопросом очередным и неотложным.

Бакинский Комитет полагает, что в ряду необходимых мер главное место должны занять: 1) перемещение практического центра в Россию, 2) организация связанной с местами общерусской руководящей газеты, издающейся в России и редактируемой упомянутым практическим центром, 3) организация в важнейших центрах рабочего движения местных органов (Урал, Донецкий бассейн, Петербург, Москва, Баку и т. п.).

Б. К. твердо убежден, что проведение в жизнь вышеупомянутых мер могло бы сплотить в социал-демократическую партию все действительно партийные элементы без различия фракций, создало бы возможность широкой политической агитации и существенно облегчило бы дело широкого использования «легальных возможностей» в целях расширения и укрепления нашей партии.

Б. К. предлагает поэтому Центральному Комитету Партии немедленно созвать общепартийную конференцию, на обсуждение которой поставить вышеупомянутые вопросы.

II. О представительстве на предстоящей общепартийной конференции.

Бакинский Комитет, рассмотрев организационный план («Очередная задача», № 50 «Пролетария») созыва общепартийной конференции, находит, что к участию должны быть привлечены (помимо установленного представительства) представители от действующих и действительно существующих партийных нелегальных организаций, при чем главное внимание должно быть обращено на крупные центры, где сосредоточены громадные массы пролетариата.

Необходимость такого рода представительства излишне обосновывать (см. специальную резолюцию по вопросу порядка дня конференции).

Признавая необходимость расширенного состава конференции, Бакинский Комитет, тем не менее, решительно высказывается против особого представительства от групп, работающих в легальных «организациях».

Б. К. считает, что отдельное представительство от таких групп ничего существенного не внесет в работы конференции, как в том случае, когда группа входит в партийную местную организацию, подчиняясь ее руководству, так и в том случае, когда группа только считает себя социал-демократической, но руководства местной организации не признает.

В первом случае: представительство партийной организации устраняет необходимость какого бы то ни было иного, особого представительства.

Во втором случае: особое представительство противоречит самому характеру конференции, которая должна быть безусловно партийной.

К статье «Как бороться?»
(стр. 269).

ЗАПРОС С.-Д. И ТРУДОВИКОВ В III ДУМЕ ПО ПОВОДУ ТЕЛЕСНЫХ НАКАЗАНИЙ В ЗЕРЕНТУЙСКОЙ И ВОЛОГОДСКОЙ ТЮРЬМАХ.

28 ноября в газетах появилась следующая телеграмма из Вологды: «Вологда, 27 ноября. В местной каторжной тюрьме заключенные выразили местной тюремной администрации свое недовольство по поводу того, что пища очень плоха. Результатом этого словесного протеста явилось распоряжение тюремного инспектора подвергнуть всех недовольных наказанию розгами. Из 100 человек, подлежащих сечению, тюремным врачом только половина признана способной перенести это наказание. После экзекуции врач вышел в отставку. Кроме розог, заключенные лишены свидания с родственниками на неопределенное время. Большинство каторжан — политические».

В тот же день на имя социал-демократической фракции Государственной Думы получилась следующая телеграмма: «В Зерентуйской тюрьме, вследствие применения телесного наказания к политическим, начались массовые самоубийства. Сазонов уже умер».

Так наше правительство расправляется со своими политическими противниками. Мало того, что оно создало для них такой режим в своих тюрьмах, что оттуда по всей стране несутся стоны истязуемых жертв. За простое словесное заявление недовольства этим режимом политических противников, т.-е. в огромном большинстве случаев людей с сильно развитым сознанием своего человеческого достоинства, подвергают, по распоряжению первого чиновника, расправе, которою, очевидно, имеется в виду мстить политическим противникам, больно ударить по достоинству человека, подвергнуть его глумлению и издевательству. И люди, естественно, не выдерживают этого издевательства и прибегают к самоубийствам. Этим зверским расправам, этому позору должен быть положен конец.

В виду этого, нижеподписавшиеся предлагают Государственной Думе обратиться к министрам юстиции и внутренних дел с следующим запросом: 1) известны ли им вышеприведенные случаи зверских расправ и издевательства над личностью осужденных; и 2) если известны, то что намерены они предпринять, чтобы положить конец таким фактам, позорящим не только Россию, но и самое имя человека? Настоящий запрос просим признать спешным.

ЗАЕМНОЕ ПИСЬМО ДЕЛЕГАТОВ ЛОНДОНСКОГО СЪЕЗДА.

Russian Social Democratic Labour Party
London Congress May 1907

Brotherhood Church
Southgate Road N.
London 30 May 1907

We the undersigned delegates to the Congress, for and on behalf of the Russian Social Democratic Labour Party, hereby promise to Mr Joseph Fels on or before the first of January 1908 the sum of seventeen hundred pounds sterling being the amount of a loan generously granted without interest

Leo Deutsch (from Kieff)
Jan [illegible] aus Riga [illegible]
Max Goldfarb von Berditschew
[illegible] (Бунд)
[illegible] (Deputy Duma)
[illegible], Homel
[illegible] (Wolin, Bund)
G. Plekhanoff (Tiflis) del.
Михаил Огнев (Конотоп Черниговск. губ.)
[illegible] (от 1-го [illegible] района [illegible])
Павел Тверяков (Тверь)
[illegible]
Nikodim, Koslow
Grünberg, Riga — Sozialdemokratie Lettlands
[illegible] П.П.С.
[illegible] (Саратов)
В Русаков (Донецкий союз)
В. Голубов (Глухов Черниговской губ.)
Антрацитов ([illegible])
Владимиров-Натанович из Бунда
[illegible] (Клинцовская орг. Черниговского Союза)
[illegible] (Ярославская орг.)
Борис [illegible] ([illegible])
Abramowitz (Bund, Mohilew)

Theodor Dan. F. Riga.

Angelica Balabanoff Ledebour

Павел Кинешма Костр. губ.

Лапи Костром. Укр. Б.

М. Винницкий (Виленский район Бунда)

Андреев (Симбирск)

Delegate von Kasan Andreas Wronsky
Делегат от Владимира Борис Наумов, [illegible] Окружной
Одессы Нижний-Новгород Арсений [illegible] окруж. орган.
Th. Daba Centralcomité Baltic delegat
Красный из Иваново-Вознесенска К. Залевский [illegible]
[illegible] Latwijas Soc. Demokratija [illegible] орг.
[illegible] Lodz S.D.K.P. i L.
Роберт Ц. С. Д. [illegible] (Lettland)
Niebucki
[illegible] Смоленск [illegible]
Фроминой, Бекова [illegible]
Делегат Уральск. [illegible]
Delegat from Ufim Nazar Rodolin
Делегат от Москвы Сергей, Nicolas (Ural)
Виктор Южный из Ае[illegible], М. Майер (Варшава, Бунд)
Владимиров из Москвы, Борис из [illegible]. Окр.
Трофимов (Бунд), Bonacz. Michalewicz, [illegible], Леви [illegible]
Abramsohn — Bund, Алексей Пермь. [illegible], Кауфман.
Бердичев. Бунд. Донин Киевский район Бунда [illegible]
Вячеслав из Середы [illegible]. Григорий из Вози
Урал Екатеринб. Окружная Орган. Игнат
Челябинск Михаил [illegible] Областн. Ком. Центральная [illegible]
[illegible] Афанасий. [illegible] из Ив.-Воз. [illegible]
Владимира район Максимович Мошковский Николай
[illegible] Марат Ив.-Вознесенск. [illegible] Александр
Мария из Калуги. Губ. [illegible]
Багров (Курск) Недан (Абхазия) — Богдан (из Моск. Окр. Орган).
[illegible] Бердичев орг. [illegible]
Delegatus de Sibiria Alexander [illegible]
Пётр (Златоуст) Серебряный Рябинев Кутузов Ярославль
Федор Казань Iacob [illegible]. N. Lenine (Oural).

Волосов. (Батумская организація).
Борис Борисов (с. Корниловка)
Берлин (Млиновскій)
Антонов (Харьков)
[illegible] ([illegible])
Борисов (Сморгонь, Бунд)
[illegible] (Wargily) [illegible]
[illegible]
Гаврилов, рижскій район. Бунд
[illegible] (Bund Brest-Litowsk)
Lebedman Latwijas Sozialdemokratijs Rigas Organ.
[illegible] Latwijas Sozialdemokratijas Leepajas Org.
[illegible] Latwijas Sozialdemokratij. Rigas organizazijas (Letland)
Член II-ой Г. Д. [illegible] (Бурятской орг.)
Владимир Немировский, делегат Смілки, Подольской губ.
Член III Г. Д. [illegible] Петр Сергеев делегат Питер-га. С. Михеев делегат от Кіева
Роман, Делегат Московской организаціи военн. союза
Семенов [illegible] района „Бунд", Мартынов, от екатеринославской организаціи
Борис Вольфсонов, Кіев Алексей Сибиряк. (Пермь) Котиков петербург Иван Москва Том, Виктор из Вильны (Бунд)
Петр Тифлисский ([illegible])
Черевранин Мажва
[illegible] ([illegible]) Deputy Duma
Alma [illegible] [illegible] Зелама из Ревеля
[illegible] ([illegible]) Дмитров (Донецкий Бассейн)
Леринъ. (город Полтава)
Платонов от северо-кавказского союза
Дмитриев (Петербургской орган.)
Степанов (Полтавский губ. союз)
[illegible]
Степан Горковский [illegible], [illegible] (Гурія)
Александзе (Гурія), Герман (Гурія)
Алексей Максимович Леонид. Алексеев
[illegible]
Спиридонов Кутаис Карапетов Чика
Яковлев (Бунд)
Григорьев Тифлисский [illegible] ([illegible])
[illegible] [illegible] Чахара Шубладзе (Гурія)
Егоров (Харьков)

Лядов	Екатеринбурга
[illegible] —	Рига
Наумов	Новороссийск
[illegible]	Рига
Ларионов —	Ростов-Ярославский
Дзилна —	Минск
Моревский	Варшава
Янковский	Лодзь
[illegible]	Москва
Вернерат	Лифляндия (Werner Livonia)
Stanislaw	Moscow
Гаупзем	Livonia.
Putnin	Kurlandia
Meesin	Riga
Фриц	Курляндия
Ландышев	Москва
Kazimierski	Łódź
Бункевич	Лифляндия
Dobrzański	Żyrardów
Wilim	Riga
Mołecki	Łódź
Ратничанко	Łódź
Kirsa	Riga
Николай	Люблинъ
Дукка	Łódź
Mechanik	Warszawa
Vrech	Łódź
[illegible]	Екатеринбург
Kowalski	Вормаво
Ontowne	Łódź
Bzubkowski	Edarsk [illegible]
Damer	Włocławek
Turzek	Łódź
Шахиндер	Пабяница
Берзок (Бериньк)	
Kozulewicz (Karwell)	Riga
[illegible]	Москва
Виллам	Ярославль
Макеев.	Петербург

УКАЗАТЕЛИ.

I.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А) Рабочее движение в России.

---

[1]) Прим. ред.

Предметный указатель на «большевизм» и «большевиков» дан здесь лишь в качестве отдельных примеров тематичности. Приводятся лишь те случаи, когда в тексте буквально упоминаются слова «большевизм» и «большевики». Само собою разумеется, что том, посвященный специально истории большевизма, каждою своею страницею так или иначе касается двух вышеприведенных понятий, и полным предметным указателем по данному вопросу является настоящий том во всем своем охвате.

Б. Рабочее движение заграницей.

II.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

III.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ *)

1906 г. Рекрутский набор и наши задачи. Передовая статья из газеты «Пролетарий», орг. Москов., С.-Петербургского и Московского Окружного Комитетов Р.С.-Д.Р.П. № 4, 19 сентября, Москва. Стр. 50.

Рекрутский набор и революция. Статья из № 2 газеты «Вперед», орг. Московского, С.-Петербургского, Московского Окружного, Керчинского и Курского комитетов Р. С.-Д. Р. П. 23 сентября. Москва. Стр. 54.

Суд петербургского пролетариата над царским правительством «Пролетарий» № 5 30 сентября Москва.

1907 г. Выборы по рабочей курии в Петербурге. «Пролетарий», № 12, 25 января газеты Москва. Стр. 58.

Профессиональные союзы и социал-демократическая партия. «Пролетарий», № 17, 20 октября Москва.

Суд над представителями рабочего класса. «Вперед» № 17, октябрь. Москва. Стр. 65.

Резолюция о профессиональных союзах. Там же

Ко всем рабочим и работницам, ко всем союзам, беспартийным заводским комитетам, всем рабочим организациям и группам, ко всем приказчикам и ремесленникам Петербурга и Петербургской губернии. Воззвание Петербургской конференции Р.С. Д.Р.П., написанное тов. Зиновьевым. «Пролетарий» № 20, 19 ноября. Стр. 68.

Краткий очерк истории первой русской революции (1905 г.). Отчет, писанный Штуттгардскому социалистическому конгрессу тов. Зиновьевым по поручению Ц. К. партии. Стр. 19.

Что делать социал-демократам в профессиональных союзах? «Вперед». Ноябрь, № 18. Москва.

Организационные вопросы на Лондонском съезде партии. Сборник «Итоги Лондонского съезда Р.С.-Д.Р.П.». Париж.

1908 г. 9 Января 1905 г. — 9 Января 1908 г. «Вперед», № 20, 10 Января, Москва. Стр. 80.

Товарищи рабочие! Письмо осужденных П. Измайлова, Ир. Церетели, В. Ломтатидзе, И. Кириенко, И. Миронова, В. Баташева, А. Белановского, Е. Петрова, И. Петрова,

---

*) В первый том вошли только те статьи, у которых имеются ссылки на страницы I тома, помеченные жирным шрифтом.

Н. Капиашвили, В. Анисимова, Г. Махарадзе, И. Начиха, Ив. Марева, К. Канделаки, А. Вагжанова, Ив. Юдина, М. Фомичева, А. Виноградова, Г. Белоусова, М. Вочковского, И. Голованова, П. Аникина, Г. Федорова, Вахрушева, К. Рубана, В. Серова, И. Лопаткина, Чащина, и Джапаридзе, по поводу забастовки 22 ноября 1907 г. Проект письма составлен тов. Зиновьевым. № 1 «Социал-Демократа», центр. орг. Росс. Соц. Дем. Раб. партии, февраль, Женева. Стр. 104.

О профессиональных союзах. Письмо Профессиональной Комиссии Ц. К. партии, написанное тов. Зиновьевым и выпущенное от имени Ц. К. нашей партии. № 1 «Социал - Демократа», февраль, 1908 г., Женева.

К организационным вопросам. № 1 «Социал-Демократа», февраль, Женева. Перепечатана в № 26 «Пролетария», 1 апреля — 19 марта. Женева. Стр. 81.

Письмо из Петербурга. «Пролетарий» № 22, 4 марта, — 19 февраля. Женева. Стр. 77.

Еще одно предостережение. «Пролетарий» № 34 (7 сент.— 25 августа) Женева. Стр. 85.

Немецкие меньшевики. «Пролетарий», № 35, 24 — 11 сент. Женева.

Очередные вопросы. «Пролетарий», № 36, 16 — 3 октября. Женева.

Злоключение наших нейтралистов. «Пролетарий», № 36. Женева.

К новой думской сессии. «Пролетарий», № 37 29 — 16 октября. Женева.

Национал - либерализм на русской почве. «Пролетарий» № 38, 14 — 1 ноября. Женева.

Итоги студенческого движения. Там же.

Полицейская выходка. Там-же. Стр. 101.

Привет депутатам. Там же. Товарищеское приветствие, составленное т. Зиновьевым.

Кто с кем? «Пролетарий», № 40, 1 — 14 дек. Женева. Стр. 105.

Из нашей профессиональной печати. Там-же.

1909 г. Повторенная ошибка. «Пролетарий», № 41, 8 — 21 января. Париж. Стр. 112.

Наша думская фракция. «Социал-Демократа» № 2, 28—10 февраля, Париж. Стр. 162.

Всероссийская конференция Р. С.- Д. Р. П. «Пролетарий», №№ 42 и 43, 12 — 25 февр. и 21 февр. — 6 марта. Париж. Стр. 118

Бюджет и оппозиция. «Социаль-Демократ», № 4, 21 — 3 апреля. Париж, Стр. 177.

К первому мая.. «Пролетарий», № 44, 8 — 21 апреля Париж.

Итоги съезда фабрично-заводских врачей. «Социаль-Демократ», № 5, 23 — 6 мая Париж.

Похмелье легалистов. «Пролетарий», № 45, 13—26 мая Париж. Стр. 172.

Путь к власти. «Социал-Демократ», № 6, 4—17 июня. Париж.

К итогам думской сессии. «Социал-Демократ». № 7—8 8—21 августа. Париж.

По поводу двух писем о с.-д. на съезде фабрично-заводских врачей. «Пролетарий», № 46, 11—24 июля. Париж.

Письмо в редакцию. За подписью «члена протокольной комисси Г.». «Социал-Демократ», № 7—8, 8—21 августа. Париж. Стр. 186.

1909 г. Уроки классовой борьбы. (Всеобщая забастовка в Швеции). «Пролетарий», № 47—48, 5—18 сентября. Париж.

К выборам в Петербурге. Там-же.

Петербургские выборы. «Пролетарий», № 49, 3-16 октября. Париж.

Некролог т. Петренко-Ткаченко. Там же стр. 7-я, второй столбец.

Что делать? (Уроки исключительного закона). «Социал-Демократ, № 9, 31-13 ноября. Париж. Стр. 189.

Вопросы теории и практики профессионального движения в черной Думе. «Пролетарий», № 50, 28-11 декабря). Париж.

С партией или против нее? Там-же. Стр. 209.

1910 г. 9 января 1905 г.—9 января 1910 г. «Социал-Демократ», № 10, 24-6 января. Париж.

Похмелье после «пьяного» съезда. «Социал-Демократ», № 11 (26-13 февраля. Париж. Стр. 317.

Письмо к партийным организациям. Об очередной партийной конференции, за подписью «Центральный Комитет Р. С.-Д. Р. П.». «Социал-Демократ», № 11 26-13 февраля. Париж. Стр. 223.

К вопросу о партийной конференции. «Социал-Демократ», № 12, 23-5 апреля. Париж. Стр 231.

К первому мая. «Социал-Демократ», № 13, 26-19 мая. Париж.

Профессиональное движение и наши задачи. Там же.

Кого Юпитер захочет погубить. «Социал-Демократ». № 14, 22-5 июля. Париж.

Закон против отдыха торговых служащих. «Социал-Демократ», № 14, 22-5 июля. Париж.

Эмиссары буржуазного общества в лагере социалистов. О баденских ревизионистах. «Социал-Демократ», № 15—16, 12-30 сентября. Париж.

Фракция тов. Троцкого и партийное положение. Там же. Стр. 239.

Социалдемократия и кооперативы. По поводу международного социалистического конгресса в Копенгагене и

международного конгресса кооперативов в Гамбурге. Фельетон за подписью «Г. Зиновьев» «Социал-Демократ», № 17, 25 - 8 октября Париж.

Летние стачки и задачи рабочих. «Рабочая газета», № 1 31 Окт. — 12 Ноября, орган центр. комитета Р. С.-Д. Р. П. Париж. Стр. 257.

Царский бюджет на 1911 год. Там же. Стр. 264.

Тюремный рай. Там же. Стр. 267.

Признаки промышленного подъема и задачи пролетариата. «Социал-Демократ», № 18 16 - 21 ноября Париж.

К вопросу об участии рабочих в ремесленном съезде. Там же.

53. Кто с кем? Там же. Стр. 255.

Как бороться? «Рабочая газета» № 2, 18 - 31 декабря. Париж. Стр. 269.

К выборам в IV Государственную Думу. Там же. Стр. 274.

Героическая забастовка. Там же. Стр. 278.

Рабочий вопрос в III Государственной Думе. «Мысль» № 1, Декабрь, Москва. Стр. 278.

Рабочий и ремесленный съезд. Там же. Стр. 288.

СОДЕРЖАНИЕ.

5р.

